

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН

Э. П. ПИВОВАРОВА

СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Москва
ИД «ФОРУМ»
2011

УДК 338(510)
ББК 69.5(5Кит)
П32

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

*Ответственный редактор
академик РАН М.Л. Титаренко*

*Рецензенты:
д.э.н. В.И. Шабалин;
к.э.н. З.А. Муромцева;
к.э.н. Л.А. Волкова*

Пивоварова Э.П.
П32 Социализм с китайской спецификой / Э.П. Пивоварова. — М. :
ИД «ФОРУМ», 2011. — 352 с.

ISBN 978-5-8199-0482-4

За последние 30 лет в ходе рыночных преобразований в КНР произошел достаточно решительный отход от традиционных норм социализма в сторону допущения на благо развития производительных сил и улучшения на этой основе жизни людей не только единоличных, но и частных хозяйств, распределения не только по труду, но и по капиталу, формирования регулируемой на макроуровне рыночной экономики. Фактически за годы реформ Китай создал конвергентную по своей сути «смешанную экономику», которую и называют «социализмом с китайской спецификой», ибо ни в классический, ни в «нэповский» социализм эта экономика не вписывается, но в ней присутствует в качестве необходимой составляющей идея «социального контроля над производством».

During the reform years in China has been done rather bold deviation from traditional socialistic norms towards allowing for the sake of development of productive forces and improvement on this basis the life of people not only individual but also private enterprises, the distribution on only according to labor but also according to capital, formation of the market economy on the macro-level. In fact during the reform years China has created «mixed economy» which is called «socialism with Chinese specifics» because this economy can not be put down as neither classical or «new economic policy socialism» but it has got as a necessary part an idea of «social control» over production.

**УДК 338(510)
ББК 69.5(5Кит)**

ISBN 978-5-8199-0482-4

© Пивоварова Э.П., 2011
© ИД «ФОРУМ», 2011
© ИДВ РАН, 2011

Предисловие

Новое фундаментальное исследование докт. экон. наук, главного научного сотрудника Института Дальнего Востока РАН проф. Э.П. Пивоваровой — это сконцентрированный итог более чем 30-летних научных поисков и глубоких размышлений об опыте и уроках социально-экономического развития Китая после завершения печально знаменитой «Великой пролетарской культурной революции» и начала подлинно грандиозного многопланового подъема Китая в ходе реализации политики экономических реформ и открытости, начиная с конца 1979 г.

По какому пути направила развитие страны правящая Компартия Китая после драматического переосмысления предыдущего периода подстегивания исторического процесса левацкими экстремистскими лозунгами и массовыми кампаниями? Вместо маоистских лозунгов «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастливой жизни» и о построении коммунизма в течение нескольких лет под лозунгами «трех красных знамен» были сформулированы предельно осторожные выводы о том, что Китай находится еще на самой начальной стадии строительства нового общества справедливости, что он еще долго будет оставаться развивающейся страной со смешанным экономическим укладом, что построение социализма — это дело 10, а может, и большего количества поколений.

Феноменальные достижения КНР в течение последних 30 лет осуществления экономических реформ, превращение его по совокупному ВВП во вторую мировую державу после США и выход на лидирующие позиции по объемам внешней торговли, золотовалютным запасам, по объемам производства более 30 основных видов совре-

менной индустриальной, научно-технической продукции — все это поставило Китай в центр внимания всего мира.

Куда идет Китай? Не выдвигает ли Китай после распада СССР новую, более продуманную, реалистическую и привлекательную для всего мира альтернативную модель развития?

В труде Э.П. Пивоваровой дается строгий научный анализ сложных и противоречивых поисков китайских теоретиков и руководителей страны путей развития Китая перед лицом огромных и опасных вызовов и необычайно благоприятных шансов для геополитического подъема страны, которые открываются благодаря умелому использованию ряда важных сравнительных преимуществ в условиях глобализации.

Труд Э.П. Пивоваровой раскрывает значение смелого поиска китайскими лидерами оптимального пути подъема страны на основе кардинального переосмысления собственного и мирового опыта социализма, решительного и мужественного отказа от устаревших, искусственно созданных шаблонов и схем досрочного или ускоренного строительства социализма и горы идеологических схем, оторванных от реальной жизни, о характере развитой капиталистической экономики, возможностей использования рыночных механизмов для стимулирования и развития страны и усиления трудовой мотивации и активности населения. Опираясь на многочисленные первоисточники и обобщая более чем 30-летний опыт политики реформ и открытости, автор дает глубокий, методологически продуманный анализ сложных и противоречивых тенденций развития Китая, формирования экономической и политической системы страны, соответствующей, с одной стороны, социально-экономическому, культурно-технологическому уровню развития страны, а с другой — национальной, культурной специфике страны и менталитету ее народа.

Особую ценность в исследовании проф. Э.П. Пивоваровой имеет глубокий анализ целой цепи взаимосвязанных принципиальных проблем: выдвигание концепции строительства социализма с китайской спецификой как стратегической цели на длительный период, определение этапов этого строительства и соответствующих политических устойчивых планов действия по их реализации, а также выработка новой концепции развития и пересмотр идеологических, социальных и организационных основ КПК с учетом изменившихся условий, поиск гармоничного баланса экономических и социальных интересов и соответствующее этому балансу реформирование отношений собственности, заимствование накопленного в этом отношении опыта развитых стран, определение рамок макрорегулирую-

щей роли государства и свободной стихии рынка, определение стратегии и пределов открытости китайской экономики и общества и возможностей выхода Китая вовне в целях максимального использования благоприятных шансов глобализации для развития Китая.

Словом, перед нами крайне поучительный и глубокий труд, который позволяет многое понять в опыте социального развития Китая и жизненности идей поиска путей строительства общества социальной справедливости.

Академик РАН М.Л. Титаренко

Введение

Последние два десятилетия XX в. для экономической науки КНР явились годами переосмысления всего багажа знаний о закономерностях общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества.

Как подчеркивалось в Китае на рубеже XXI в., после образования в 1949 г. КНР прошла путь «сочетания марксизма-ленинизма с реальной действительностью Китая», на котором произошли «два исторических скачка», ставшие «двумя важными теоретическими достижениями». Первое достижение касается теоретических принципов и итогов опыта китайской революции и строительства, связываемых с именем Мао Цзэдуна; второе — «теория строительства социализма с китайской спецификой», главным создателем которой считается Дэн Сяопин. Все это вместе взятое названо «плодами практического опыта и коллективной мудрости партии и народа» [354, 22.09.1997].

Принципиальные различия между тем социализмом, который предсказывался основоположниками марксизма-ленинизма, и реальной жизнью привели ученых КНР к выводу о том, что цель социализма, заключающаяся в самореализации трудящихся и общественной справедливости, является идеалом, к которому стремятся из поколения в поколение, но процесс перехода социализма от утопии к науке еще очень далек от завершения. Пытаясь продвинуться на этом пути, китайские ученые-экономисты, опираясь на практический опыт не только предшествующего развития, но и получаемый в ходе реформы экономической системы, по-новому поставили целый ряд положений политической экономии социализма. На их основе они вначале обрисовали контуры того пути, который должна пройти КНР для достижения цивилизованности, а к рубежу XXI в. подошли с вполне

сформировавшейся теорией «строительства социализма с китайской спецификой».

В первое десятилетие XXI в. в КНР шла активная работа по улучшению всех качественных параметров социально-экономической деятельности в стране для того, чтобы, как отмечалось на XVII съезде КПК в 2007 г., «глубоко уяснить себе те новые проблемы и новые противоречия, которые могут вставать на пути нашего развития и с полным напряжением сил открывать более широкие горизонты для развития социализма с китайской спецификой» [354, 25.10.2007].

Анализу того теоретического и практического поиска, который велся в КНР на протяжении последних трех десятилетий, его результатов и уроков посвящена настоящая книга. В основу ее легли те научные разработки, которые были опубликованы автором в 1992 г. в монографии «Строительство социализма со спецификой Китая. Поиск пути», написанной по итогам первого десятилетия реформы, в изданной к 50-летию образования КНР (1999 г.) монографии «Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска», а также последующие исследования автором новых, качественных корректировок концепции «социализма с китайской спецификой», концепции, вызывающей большой интерес ученых-обществоведов как в нашей стране, так и за рубежом.

На вопрос о том, является ли наука о развитии общества, в частности, политическая экономия, практической наукой, мыслители различных времен и направлений дают неоднозначные ответы. «В конечном счете, — писал в 1919 г. один из крупнейших ученых-экономистов XX в. Н.И. Бухарин, — всякая теория имеет практические корни. Но если это верно по отношению к любой науке, это “верно в квадрате” по отношению к общественным наукам» [99, с. 1]. «Идеи экономистов и политических мыслителей... — возражает по сути этой точке зрения в 1936 г. Джон Мейнард Кейнс, — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, ...извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад» [104, с. 518].

В значительно большей степени, чем его предшественники, соприкоснувшись с опытом развития двух общественных систем

в нынешнем столетии, великий шведский экономист Гуннар К. Мюрдаль писал в 1968 г.: «Если экономической науке и удавалось когда-нибудь по собственной инициативе проложить путь к новым перспективам, то это случалось очень редко... Все основные перемены в экономической теории... являлись реакциями на изменение политических условий и возможностей» [144, т. I, с. 9].

Касаясь в начале 1980-х годов проблемы поиска путей преобразования социалистической экономики в целях повышения ее эффективности, выдающийся венгерский экономист Я. Корнай рассуждал следующим образом: «В полной мере заслуживают уважения экономисты, концентрирующие свои усилия на разработке оперативных предложений, практических программ действия, планируемых к немедленной реализации. Их работа нужна, а политика реформ требует их участия. Они могут способствовать тому, чтобы проводимые изменения были более продуманы, а международный опыт использовался полнее... Вероятно, и труд теоретика, работающего в области фундаментальных исследований, имеет сиюминутную практическую пользу: результаты его анализа могут удержать легкомысленных деятелей от эффектных, но практически бесполезных или просто вредных шагов, могут остудить и развеять чрезмерные ожидания, порождающие сначала иллюзии, а затем разочарование. Помимо этой неблагодарной, но полезной “отрезвляющей” функции фундаментальные исследования и теоретический анализ *рано или поздно, через многие тернии и с большим опозданием* могут оказать помощь в переосмыслении существующей ситуации (курсив наш. — Э.П.) и в конечном счете практически способствовать развитию общества» [111, с. 24].

Обобщая в 1988 г. итоги первого десятилетия хозяйственной реформы, вице-президент Академии общественных наук Китая Лю Гогунан, признавая, что в КНР дореформенного периода дух «опоры на практику» потускнел при возросшем значении «опоры только на книгу», подчеркнул, что в результате этого экономические работы стали всего-навсего орудием толкования текущей политики. В этом, по его мнению, заключалась одна из важнейших причин неподвижности теоретических экономических исследований в стране до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), идеологические установки которого «раскрепощать сознание, извлекать истину из фактов» «сыграли роль восточного ветра для китайских ученых-экономистов», в результате чего «экономическая наука постепенно стала избавляться от пут догматизма, вновь повернулась к реальной действительности

и, погрузившись в нее, поставила новые проблемы, нащупанные в практике реформы и политике открытости» [109, с. 32].

Аналогичные заключения делаются в КНР и в 1997 г., на исходе второго десятилетия хозяйственной реформы. Подчеркнув «исключительно важное значение направляющей роли теории», XV съезд КПК констатировал, что научной может быть только та теория, которая «неизменно и строго опирается на объективные факты», а поскольку «реальная жизнь находится в непрерывном изменении, мощь и глубина которого за последние сто лет достигла непостижимых для предшественников масштабов», марксизм, принятый КПК в качестве направляющей теории, «также должен непрерывно развиваться, не может оставаться в застывшем состоянии» [354, 22.09.1997].

Знаменательно, что, характеризуя успехи КНР за 30 лет реформ на XVII Всекитайском съезде КПК (октябрь 2007 г.), генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао подчеркнул, что «марксизм демонстрирует свою могучую жизненность, творческую силу и заразительность только тогда, когда соединяется с конкретными реалиями отдельно взятой страны, развивается в ногу со временем и живет одной судьбой с народом» [354, 25.10.2007].

Признанные во всем мире успехи хозяйственной реформы в КНР являются лучшим свидетельством плодотворности китайского выбора, заключающегося в том, чтобы при определении стратегии социально-экономического развития исходить «не из субъективных пожеланий, не из тех или иных иностранных моделей, не из догматических интерпретаций отдельных положений марксистских трудов», а руководствоваться принципом «практика — критерий истины» [354, 22.09.1997]. В этом смысле китайский опыт опровергает приведенное выше мнение Дж.М. Кейнса и предлагает новый ракурс видения роли теории и практики, чем у Я. Корнаи, а именно — сделанные на основе практики «прорывы» в экономической теории социализма позволили КНР в переосмыслении социализма значительно сократить период поисков и «родовых болей», занявших в некоторых восточноевропейских странах несколько десятков лет [375, 1988, № 11, с. 11—12].

Анализируя в монографии «Теория и практика экономического строительства в КНР» 30-летний путь дореформенного китайского социализма, автор следующим образом определяла в 1979 г. исходные позиции и возможное направление преобразований в ходе реформы: «Из-за длительного использования волюнтаристских методов в экономической политике в сегодняшнем Китае сохраняется значительный разрыв между формальным

и реальным обобществлением производства. Преодоление этого разрыва, судя по тенденциям в современной экономической политике, может пойти одновременно по двум противоположным направлениям: а) за счет подъема производительных сил страны; б) за счет снижения уровня обобществления производства путем оживления частного предпринимательства и элементов госкапитализма в различных формах». Считая, что «оба эти направления могут способствовать значительному улучшению экономической ситуации в КНР», автор высказала предположение, что возможным вариантом модели развития Китая станет «смешанная экономика» [110, с. 260, 263].

По мнению автора, главными особенностями китайской реформы, которые способствовали значительному социально-экономическому прогрессу в стране, явились следующие.

Во-первых, КНР не тратила много сил на разрушение и критику прошлого, а сосредоточила их на созидании нового.

Во-вторых, китайская реформа сразу повернулась лицом к нуждам населения. Задачи обеспечения его продовольствием и товарами широкого потребления стали главными в деятельности вновь создаваемых хозяйственных структур. Это обеспечило общенародную поддержку реформы уже на первых ее этапах.

В-третьих, руководство страны не стало осуществлять реформу по каким-либо чужим рецептам, а, изучив существующий свой и зарубежный опыт, пришло к выводу о необходимости исходить из особенностей своей страны и решительно встало на путь «строительства социализма с китайской спецификой». Последний требовал серьезного учета такого основополагающего исходного фактора, как громадность населения при крайней ограниченности ресурсов страны.

В-четвертых, в КНР не было обвальноей либерализации, а главным методом стало поэтапное, апробированное экспериментом продвижение к рынку, переход от малого к большому, от частного к общему, постепенное, но решительное расширение масштабов реформы и углубление ее. Этот метод получил здесь образное название «переходить реку, нащупывая камни».

В-пятых, создание субъектов рынка осуществлялось в КНР не путем разрушения существующих государственных структур, а, главным образом, путем заполнения имеющихся брешей, т. е. с первых шагов реформа работала на уменьшение дефицитности экономики страны. Для этих целей не только мобилизовывались внутренние резервы, но и активно привлекались зарубежные капиталы.

В-шестых, стимулируя хозяйственную инициативу на микроуровне, китайское руководство не выпускало из поля зрения макроконтроль и в периоды опасного нарастания несбалансированности экономики принимало дополнительные меры по его усилению.

В-седьмых, практика уже первых лет реформы показала, что самый естественный путь к рынку — это развитие многообразных по формам собственности типов хозяйств (коллективных, единоличных, частных, совместных китайско-иностранных). Оно не только обеспечивало быстрый рост субъектов рынка, но и, меняя структуру народного хозяйства по формам собственности, корректировало структуру инвестиций и производства в направлении приближения ее к реальным потребностям народа.

Именно эти особенности реформы, на наш взгляд, позволили китайскому руководству в 2010 г. с полным основанием следующим образом оценить пройденный путь: «Оглядываясь сегодня на пройденный путь, мы видим, что блестящие достижения нашей великой Отчизны несказанно подняли уверенность и гордость нашего народа, необычайно укрепили центростремительные и цементирующие силы китайской нации, в огромной мере повысили международное положение и влияние нашей страны. Все это несомненно воодушевит нас на смелое продвижение вперед по пути строительства социализма с китайской спецификой» [354, 16.03.2010].

Неоценимую помощь в написании исследований по «социализму с китайской спецификой» автору оказали крупнейшие ученые-экономисты КНР Дун Фужэн, Юй Гуаньюань, Лю Гогун, Ли Инин, Цзян Ивэй, Су Шаочжи, Цзян Сюэмо, Чжао Жэньвэй, Чжоу Шулянь, Ло Юаньчжэн, Чжан Чжоюань, Линь Ифу, личные встречи и беседы с которыми способствовали более глубокому пониманию анализируемых проблем. Особую признательность автор выражает Экономическому институту Пекинского университета, руководители и ученые которого (Чжан Южэн, Чэнь Дэхуа, Чжан Дэсю, Чжан Канцин, Чжи Сяохэ, Гун Мэнцзян, Цзюй Гоюй, Лю Вэй, Хань Ши, Ван Юэшэн и др.) были не только консультантами, но и организаторами моей исследовательской работы в КНР.

Большую помощь в понимании социальных последствий рыночных преобразований в КНР оказали автору ученые Института социологии АОН Китая (Лу Сюэи, Ли Пэйлинь, Чэнь Гуанцзинь, Ли Чуньлин, Ван Чуньгуан и другие), помощь в подборе

первоисточников по исследуемым вопросам — мой китайский коллега Юй Дачжан.

Автор выражает глубокую благодарность за поддержку инициатору издания моих исследований по «социализму с китайской спецификой» директору Института Дальнего Востока, академику РАН М.Л. Титаренко.

Благодарю всех коллег, которые способствовали поиску ответов на поставленные в монографии вопросы.

Особая признательность за помощь при подготовке книги к печати — В.Ф. Корбашову.

Глава 1

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

1.1. Экономическая политика

«Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны, идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая — таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения длительного исторического опыта» [69, с. 3—4]. В этих словах Дэн Сяопина, сказанных во вступительной речи на XII Всекитайском съезде КПК в сентябре 1982 г., содержится и ретроспективный взгляд на уже проделанный КНР путь социалистического строительства, и осмысление принципиально иной экономической политики, проводимой в стране с конца 1970-х годов, и установка на перспективу.

По свидетельству «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятого на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в июне 1981 г., «всестороннее и серьезное выправление левацких ошибок» прошлого началось со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), определившего курс на более медленное, но более сбалансированное развитие и резко осудившего прежнюю практику «ускоренного строительства социализма». Поставив перед собой задачу выработки «модели» «китайского пути строительства социализма», в КНР, обращаясь к своему прошлому опыту, стали не только фиксировать все те моменты, когда происходило подчеркивание необходимости учета китайской специфики, но и фактически выбирать из прошлого все то, что созвучно тенденциям начавшейся с конца 1970-х годов политики экономической демократизации, закладывая это в стратегию социально-экономического развития страны на конец XX — первую половину XXI столетия.

В рамках того «длительного исторического опыта», о котором говорил Дэн Сяопин в начале 1980-х годов, XII съезд КПК назван «наиболее важным форумом со времени VII Всекитайского съезда партии» [104, с. 2]. То обстоятельство, что в 1980-е годы «перекинут мост» из времен VII съезда (1945 г.), когда в качестве программы КПК была выдвинута платформа «новой демократии», продиктовано, на наш взгляд, как объективными, так и субъективными моментами. Обращение к программе «новой демократии» объективно связано с возрождением многоукладности в КНР, мобилизацией всех классов и социальных групп китайского общества (а также китайцев, проживающих за рубежом) на осуществление модернизации народного хозяйства страны, в чем теория и практика прошлого дает хотя и не безусловный (ввиду иных конкретно-исторических условий сегодняшнего Китая), но, тем не менее, весьма необходимый опыт. Не менее значим и субъективный двигатель обращения к программе VII съезда КПК — акцент на национальные особенности Китая, его специфику, требующие «особого пути» развития в бурлящем реформами мире.

Путь социально-экономического развития послереволюционного Китая был очерчен в общих параметрах в виде платформы «новой демократии» еще на рубеже 1930—1940-х годов.

В определении направления социально-экономического развития Китая был сделан акцент на специфические условия как политической, так и хозяйственной практики страны, длительное время находившейся в путах колониального и феодального гнета. Идея величия китайской нации, самой многочисленной в мире и обладающей древнейшей культурой, так же, как и идеи чрезвычайной экономической, политической и культурной отсталости китайского общества и главного виновника этой отсталости — иностранных поработителей, были отправными при формировании программы социально-экономической перспективы Китая.

Выдвижение на VII съезде КПК в 1945 г. не только «программы-минимум», в которую включалось уничтожение «чужеземного национального гнета и феодального гнета» при сохранении и развитии частнокапиталистического хозяйства, но и «программы-максимум», предусматривающей «дальнейшую борьбу за социалистическое и коммунистическое общество» [115, т. 3, с. 39], в немалой степени было продиктовано обстановкой победы Советского Союза во Второй мировой войне. Сам выбор социалистической перспективы (первоначально — очень далекой), под-

твержденный в «Общей программе Народного политического консультативного совета Китая» в 1949 г., связывался с возможностью получения помощи от быстро набравшего индустриальную мощь первого социалистического государства.

Сущность платформы «новой демократии» была сформулирована как диктуемая специфическими условиями Китая необходимость длительного сосуществования различных классов китайского общества для мобилизации всех активных факторов на достижение экономического прогресса в стране. Указывая на «утопичность попыток построения социализма “на развалинах” полуфеодального и полуколониального общества без использования многоукладных хозяйственных структур¹, «без развития национальной, научной, массовой культуры, ...без раскрепощения и развития личности у сотен миллионов людей» и т. п., Мао Цзэдун в Политическом отчете ЦК КПК VII съезду КПК подчеркивал продолжительный характер периода “борьбы за демократизацию” и “развития капитализма”, предостерегая одновременно и от “болезни чрезмерной поспешности”, и от “болезни медлительности” в предстоящей работе, указывая на недопустимость стремления “одним махом перескочить в социалистическое общество”» [115, т. 3, с. 298, 318, 345, 299].

Осуществление социально-экономических преобразований общедемократического характера, восстановление разрушенного длительными войнами народного хозяйства, упорядочение финансово-экономической деятельности были необходимыми условиями создания экономических, социальных и политических предпосылок для перехода к социалистическим преобразованиям. Но тот «длительный срок», который первоначально отводился на решение этих задач, ограничился на практике тремя годами восстановительного периода (1949—1952 гг.).

Судя по материалам, опубликованным в КНР к третьей годовщине образования республики, успешное решение задач по восстановлению и упорядочению народного хозяйства не рассматривалось китайским руководством как завершение выполнения за-

¹ «...в условиях Китая при новодемократическом государственном строе, наряду с государственным хозяйством, единоличным хозяйством трудящихся и кооперативным хозяйством, совершенно необходимо в интересах дальнейшего развития общества предоставить возможность и для развития частнокапиталистического хозяйства в пределах, не позволяющих частному капиталу держать в своих руках жизнь народа» [115, с. 299].

дач новодемократического этапа революции. О социалистических преобразованиях по-прежнему говорилось как о перспективе¹, по-прежнему речь шла о необходимости «охранять имущество предпринимателей» и «содействовать расширению производства» на основе учета «выгод как для труда, так и для капитала» [141, с. 240], а последующий этап рассматривался как переход к «хозяйственному строительству большого масштаба» [141, с. 153], к «индустриализации страны», причем характер последней не определялся как социалистический, а последовательность дальнейших шагов обозначалась именно по схеме накопления технико-экономических сил, после чего только и возможно будет идти к социализму: «Превратим Китай в индустриальную страну, коллективизируем наше сельское хозяйство на базе высокоразвитой промышленности и будем неуклонно идти вперед, к социализму»².

Но уже в июне 1953 г. на заседании Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун резко возражал против формулировок «от новой демократии идти к социализму», «прочно охранять частную собственность», «прочно установить новодемократический общественный порядок», заявляя, что победа демократической революции уже состоялась, характер революции изменился, но «есть такие», которые «топчутся на одном месте» и «вместо социалистических преобразований продолжают заниматься своей “новой демократией”»³. Здесь же Мао Цзэдун оглашает требования генеральной линии партии в переходный период, состоящие в том, чтобы в течение 10—15 лет или в немногим более продолжительный промежуток времени «завершить в основном индустриали-

¹ «Таким образом, — подводил итоги успехам экономического строительства КНР за три года крупный китайский экономист Сюэ Муцяо, — мы имеем условия для осуществления планового экономического строительства, которое по истечении известного периода времени даст нам возможность встать на путь строительства социализма» [141, с. 248].

² Говоря об этой последовательности, Бо Ибо специально предварительно подчеркнул необходимость продвижения в технических, но не социальных проблемах текущего момента: «Вообще говоря, мы еще не овладели техникой строительства, но мы твердо уверены, что, следуя указаниям товарища Мао Цзэдуна, мы безусловно преодолеем все наши трудности в деле хозяйственного строительства...» [141, с. 153].

³ Как было обнародовано в 1977 г., данная критика была адресована Лю Шаоци и другим «правым оппортунистам», сохранявшим в то время приверженность программе «новой демократии» [115, т. 5, с. 105].

зацию и социалистическое преобразование сельского хозяйства, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговли» [115, т. 5, с. 105—106].

Констатация в КНР завершения задач новодемократической революции в 1953 г., так же, как и впоследствии задач по социалистическому преобразованию собственности в 1957 г., в немалой степени была опосредована такими событиями на международной арене, как смерть и критика культа личности Сталина, в котором Мао Цзэдун до этого видел главное препятствие своим гегемонистским устремлениям. Относящиеся к середине 1953 г. первые выступления Мао Цзэдуна по поводу генеральной линии партии в переходный период свидетельствуют о поспешном пересмотре концепции «новой демократии» и решении ускорить движение к социализму с тем, чтобы попытаться продемонстрировать миру образец более быстрого и более результативного решения задач по социалистическому строительству, завоевав на этом авторитет «лидера» в социалистическом мире, а также в международном коммунистическом движении.

О внезапности пересмотра программы «новой демократии» и неподготовленности к осуществлению конкретных шагов по социалистическим преобразованиям в стране свидетельствовало и то, что обозначавший эти шаги 1-й пятилетний план, началом осуществления которого был назван 1953 г., был принят лишь в июле 1953 г. на 2-й сессии ВСНП 1-го созыва. Сама же разработка и обоснование основных мероприятий и задач 1-й пятилетки стали возможны благодаря напряженной работе советских консультантов-специалистов.

Темпы преобразований и строительства в 1-й пятилетке (1953—1957 гг.) были определены с учетом как внутренних ресурсов Китая, так и тех, которые смогут быть привлечены в китайскую экономику из социалистического мира. При этом подчеркивалась «исключительная трудность и сложность задач» социалистических преобразований в стране с «очень отсталым народным хозяйством», преобладанием «мелкокрестьянской экономики», «довольно значительным удельным весом капиталистической промышленности и торговли». Основное содержание 1-й пятилетки было определено как создание первичной базы для социалистической индустриализации, а также для социалистического преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговли, т. е. должны были быть сделаны первые, подготовительные шаги в «закладке фундамента» социализма. Таким образом, даже имея в виду тот

субъективизм, который имел место уже в 1953 г. при скоропалительной смене программы «новой демократии» генеральной линией «перехода к социализму», можно с полным основанием сказать, что первоначально этот переход планировался как достаточно длительный, постепенный путь преобразования несоциалистических укладов общества, идущий параллельно с накоплением технико-экономических сил страны.

Говоря о степени учета в 1-м пятилетнем плане специфики Китая и о тех просчетах, которые имели место в этом вопросе, также, как и соизмеряя долю ответственности за эти просчеты, падающую на советских консультантов по разработке перспективных программ КНР, следует помнить не только о чрезвычайной сложности выработки научно обоснованных планов в крупномасштабной, многоукладной и слабо учтенной экономике, не только о существовании в то время единственного, далеко не безошибочного и чаще всего формировавшегося в чрезвычайных условиях (экономической блокады, враждебного окружения, боязни реставрации капиталистических порядков, войны) опыта социалистического хозяйствования СССР, но и о том, что шаги экономического прогресса страны, которая могла «производить столы и стулья, пиалы и чайники, а также выращивать зерно, молоть муку и делать бумагу», но была «не в состоянии изготовить ни одной автомашины, ни одного самолета, ни одного танка и трактора» [120, т. 5, с. 170], во многом определялись тем, в чем ей по объективным причинам страны-донора могла быть оказана помощь. Помощь эта была огромная, бескорыстная, передавали то, что сами имели, и то, что сами знали, но для того, чтобы эффективно использовать это в специфических условиях Китая, нужны были и значительные дополнительные усилия, и знания тех, кто брал эту помощь. Необходимо было осторожное, неторопливое изучение и вписывание в хозяйственный организм отсталой аграрной страны получаемых элементов индустриального мира, а не та явная поспешность, которая стала проявляться в деятельности китайского руководства, пошедшего на эскалацию субъективных моментов в экономической политике в своих попытках обогнать время.

Первоначальные планы социалистического преобразования собственности на средства производства в ходе реализации 1-го пятилетнего плана были существенно изменены. Процесс кооперирования деревни, кустарного производства, преобразования капиталистической промышленности и торговли, рассчитанный на три пятилетки и осуществлявшийся путем постепенного дви-

жения от низших форм к высшим, стал резко форсироваться и был завершен за несколько месяцев 1955—1956 гг. Не подготовленное экономически, такого рода обобществление носило формальный характер и потенциально содержало в себе угрозу последующих хозяйственных срывов. Одновременно оно усугубило те структурные перекосы в народном хозяйстве, которые и обозначились уже в 1-й пятилетке: не адекватные их роли в специфических условиях Китая развитие сельского хозяйства, легкой промышленности, мелкого производства. Дело в том, что, планируя сосредоточение средств на фактическом создании тяжелой индустрии КНР, 1-я пятилетка в качестве важнейшего резерва легкой промышленности с полным основанием предполагала использовать частнокапиталистическую и кустарную промышленность, обладавшую для этого необходимыми потенциалами и богатым опытом прошлого. Но форсированное преобразование частного и кустарного секторов по существу ликвидировало тот резерв, который мог бы обеспечить большую сбалансированность в экономике и за счет взятых под контроль государства капиталистических предприятий легкой промышленности, и за счет мелкого производителя, традиционно игравшего большую роль в удовлетворении потребностей сельского хозяйства и населения.

Состоявшийся в 1956 г. VIII съезд КПК осудил попытки «слепого забега вперед» и отказа от метода постепенного продвижения к социализму, продиктованные лишь желанием побыстрее добиться успехов [75, с. 127]. Однако это осуждение касалось главным образом методов решения задач в материально-производственной сфере (а именно — необоснованного форсирования темпов строительства в 1956 г.), но не затрагивало вопроса ускоренных социалистических преобразований собственности. Отмечалось лишь, что социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли «одержали решающую победу», в результате которой в Китае «установился социалистический строй» [75, с. 471, 472].

Обращает на себя внимание выступление на VIII съезде КПК заместителя председателя ЦК КПК Чэнь Юня, пожалуй, единственного (если судить по выступлениям) из руководителей, не оказавшегося охваченным эйфорией «досрочного завершения социалистических преобразований собственности» и обратившего внимание как раз на негативные моменты последнего. Характерно, что Чэнь Юнь отстаивал на VIII съезде некоторые из тех

принципов, которые были заложены в программу «новой демократии» на VII съезде КПК, указывая на необходимость длительного сохранения в китайских условиях индивидуального хозяйства и лавирования между отдельными классами и слоями китайского общества. Явно не случайным является уже сам факт того, что из всех выступавших в прениях на съезде только Чэнь Юнь вместо формулировки «полностью согласен» употребил краткое «согласен» со вступительной речью Мао Цзэдуна и основными докладами, сделанными на съезде от имени ЦК КПК, где в радужном свете сообщалось о «полной, решающей победе в социалистических преобразованиях». Подтвердив, что в результате досрочно осуществленных преобразований «социалистическая экономика стала единственно важной формой экономики», Чэнь Юнь, тем не менее, подчеркнул: «Однако такое быстрое превращение большого по масштабам прежнего несоциалистического сектора экономики в социалистический, конечно, поставит перед нами новые проблемы и новые задачи» [75, с. 300]. При этом был назван целый ряд «принципиальных вопросов», возникших в связи с быстрым проведением социалистических преобразований сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли: применение централизованных закупок и сбыта без какой-либо дифференциации мешает повышению качества промышленных товаров, сокращает их ассортимент, приводит к несоответствию местному спросу; чрезмерное слепое объединение кустарных и капиталистических предприятий не только отрицательно сказывается на качестве и ассортименте продукции, но и «создало много неудобств» как для самого населения, так и для производителей; целый ряд отрицательных явлений в процессе кооперирования сельского хозяйства приводит к снижению производства столь важной для страны продукции подсобных промыслов; монополизация государственной торговлей закупок продукции сельского хозяйства и его подсобных промыслов и «отсутствие какой-либо другой конкурирующей заготовительной единицы» вызывает сокращение производства того и другого; и т. п. [75, с. 300—305].

И хотя Чэнь Юнь называл эти «ошибки, возникшие из-за недостатка опыта в процессе социалистических преобразований», «временными и частичными» [75, с. 305], как показала последующая практика, все это оказалось удивительно постоянным и всеохватывающим. И тут, по всей видимости, дело не только в том, что в последующей практике названные ошибки не исправлялись, а усугублялись, а в том, что уже ко времени постановки во-

проса Чэнь Юнем на съезде процесс обобществления зашел слишком далеко, не только оторвался от реальной почвы, но и в новых стратегических замыслах китайского руководства мыслится идущим по нарастающей. В этом смысле выступление Чэнь Юня на VIII съезде КПК было гласом вопиющего в пустыне. Тем не менее уже в 1956 г. Чэнь Юнь обозначил те требующие специфического разрешения вопросы — децентрализация некоторых видов производства и хозяйственной деятельности, целесообразность сохранения во многих случаях мелкого производства, переход от совместной к раздельной ответственности членов кооперативов, поощрение индивидуальной инициативы, активизация рынка, более гибкая политика цен и др. [75, с. 305—317], — которые стали возрождаться в КНР с конца 1970-х годов, в принципиально изменившихся исторических условиях.

Именно с практикой поощрения частной инициативы и расширения хозяйственной самостоятельности и связано обращение КНР после начала реформы к «вкладу» VIII съезда КПК «в поиск путей строительства социализма со спецификой Китая». Но в первую очередь документы VIII съезда КПК свидетельствуют о том, что ускорение темпов социалистических преобразований (и вызванные им трудности), имевшее место в 1950-е годы, связано было как раз с нарушением первоначальных планов, в которых элемент учета специфики страны ранее присутствовал.

В «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» начало «поиска пути социалистического строительства, отвечающего конкретной обстановке» Китая, связывается с относящейся к 1956 г. работой Мао Цзэдуна «О десяти важнейших взаимоотношениях». Главным, что переносится в эту речь Мао Цзэдуна на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК из прежнего экономического багажа «новой демократии», является призыв «приложить усилия для полной мобилизации всех прямых и косвенных положительных факторов внутри и вне страны», но с тем, чтобы направить их потенции теперь уже не на победу новодемократической революции, а на создание «могучего социалистического государства» [115, т. 5, с. 339, 340, 367].

В этой речи Мао Цзэдун, высказывая критические замечания в адрес Советского Союза фактически в каждом из затронутых им вопросов хозяйственной практики (ущемление интересов сельского хозяйства и легкой промышленности, излишняя централизация и подавление инициативы масс, зажим демократии и негибкая политика в отношении промежуточных слоев в партии и государстве и т. д.), требует более внимательного отношения к

этим вопросам и одновременно говорит об уже существующей «лучшей» постановке дела в КНР, не оглядываясь при этом ни на исключительные условия первого социалистического государства, ни на ту огромную помощь и поддержку социалистического мира, которые как раз и могли бы позволить Китаю проводить более гибкую и гуманную политику. Закономерному желанию «не делать окольных путей», избежав недостатков и ошибок СССР в хозяйственном строительстве [115, т. 5, с. 340], придавался привкус превосходства существующего и возможного в дальнейшем при следовании Китая «особым путем». Но поскольку в основу того «особого пути» закладывалась не столько «специфика» отсталой аграрной страны, сколько желание быстрее вырваться вперед, все те рекомендации, которые декларировались в данной работе Мао, не могли найти реализации в практической деятельности. Когда во главу угла ставится проблема ускорения темпов развития, как раз и начинают осуществляться те меры, которые меньше всего учитывают специфику страны. Специфика требует осторожного движения к новому с максимальным использованием полезного старого, стремление же вырваться вперед, напротив, требует крайних мер. В итоге действительная поступь социалистических начал в отсталой экономике заменяется декретированным «построением социализма». Такое «строительство» не могло не сопровождаться использованием исключительно административных рычагов в хозяйственной политике (неважно, при централизованном или децентрализованном управлении) и почти неизбежно рождало в свое оправдание концепцию обострения классово-борьбы при социализме.

Признавая наличие в то время в партии «маленького тайфуна» недовольства быстрым ходом кооперирования и преобразования частной собственности, Мао Цзэдун характеризует его как «правый оппортунизм», представители которого «мечтают о восстановлении капитализма» [115, т. 5, с. 481, 496]. Ситуация с критикой сторонников сохранения в китайской экономике различных хозяйственных укладов на протяжении длительного времени повторяется, как и в 1953 г. при замене программы «новой демократии» курсом на социалистические преобразования. И, судя по всему, под «обстрелом» оказываются те же лица из высшего эшелона руководства КПК: в публикациях КНР 1980-х годов сообщалось, что Чэнь Юнь еще в 1956 г. предлагал проводить социалистические преобразования не так радикально, а Лю Шаоци подчеркивал необходимость «сохранения некоторых хвостов капитализма» [302, с. 70, 79]. По этому поводу в 80-е годы приво-

дятся весьма интересные высказывания Лю Шаоци, как, например, следующее, относящееся к 1957 г.: «Что лучше: автомобиль или рикша? Несомненно, автомобиль. Однако в Пекине имеется еще множество маленьких переулков, в которые не может проехать автомобиль, но может проехать рикша. Уровень экономического развития нашей страны невысок, социалистическая экономика не всегда может удовлетворять требованиям масс, поэтому необходимо дополнить ее свободным рынком, частным хозяйством» [352, 23.05.1980].

Обращение в реформируемом Китае к аналогичным страницам из прошлого стало регулярным, и именно с игнорированием такого рода рекомендаций связывается тот колоссальный ущерб, который был нанесен экономике длительным периодом «ускоренного строительства социализма». Такой подход становится в КНР нормой после выдвижения в 1958 г. новой генеральной линии КПК — «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу “больше, быстрее, лучше, экономнее”», завершившей, по существу, процесс подавления импульсов трудовой активности основных производительных слоев китайского населения. Однако опыт этого периода, воплотившийся в политике «большого скачка» и «народных коммун», в современном Китае рассматривается как исключительно негативный и по характеру социальных, и по темпам материально-технических преобразований. Тем не менее к опыту этого периода фактически обращаются сегодня в КНР через одну из главных его идей, а именно — идею использования всех подручных материально-вещественных факторов производства и упрощенных методов хозяйствования для достижения роста производительных сил общества. При этом берется именно сама идея, а не мера и форма воплощения ее в те годы.

Дело в том, что одновременно со ставкой на субъективную активность трудящихся курс «трех красных знамен», явившийся конкретным воплощением генеральной линии «строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше, экономнее», вздымал те пласты китайской экономики, на которые многие столетия опиралась подавляющая часть китайской нации, — мелкое производство. И хотя в основе этого обращения лежали объективные потребности, экономический прогресс, достигаемый в стране с помощью крупного современного производства, составлял лишь отдельные «вкрапления» на гигантском массиве отсталого хозяйства — мера поощрения специфических и неизбежных для Китая

форм и тенденций хозяйствования превысила границы не только экономической целесообразности, но и просто здравого смысла.

В том, что специфика Китая требовала широкого и длительного использования мелкого производства, упрощенной техники, обладающих невысоким уровнем подготовки кадров, уравнительных тенденций в распределении, так же, как в известной степени вынуждала соединять в едином производстве и даже работнике различные виды деятельности, Мао Цзэдун был прав. Но эта оправданность прекращалась там, где в погоне за «семи-мильными шагами» строительства кончалась вынужденность объективными обстоятельствами и начинался волюнтаризм.

Идея широкого использования в целях подъема производительных сил традиционных методов хозяйствования в годы «большого скачка» и народных коммун «не работала» потому, что предпринималась попытка соединения ее с «обобществленным», т. е. искусственно лишенным многолетних связей с традиционным производством, тружеником, вознаграждение и трудовой вклад которого фактически никак не были связаны. В начавшем рыночные реформы Китае расчет на то, что идея широкого использования традиционных методов производства «будет работать», стал связываться с тем, что теперь субъектом деятельности должен выступать высвобожденный из формального обобществления труженик, оплата труда которого будет поставлена если и не в прямую, то в близко опосредованную связь с его результатами.

1.2. Экономическая наука

Наряду с обращением к официальным страницам прошлого, не менее актуальным в КНР с конца 1970-х годов стал критический анализ того теоретического багажа, который был накоплен за годы дореформенного социалистического строительства экономической наукой страны, определение прежнего и потенциально возможного вклада китайских ученых в формирование модели «социализма со спецификой Китая».

Можно сказать, что в целом путь экономических исследований в КНР был столь же извилист, как и сама экономическая политика страны. И в этом — не только китайская специфика, но, очевидно, и общая судьба общественных наук, находящихся, как правило, под сильным политико-идеологическим прессом.

В первые годы после провозглашения КНР внимание китайских ученых-экономистов было сосредоточено на изучении состояния экономики страны, вышедшей из недр полуколониального и полуфеодального общества, решении целого ряда практических и теоретических вопросов, связанных с восстановлением разрушенного длительными войнами народного хозяйства и определением путей его дальнейшего развития. В этот период проводятся большие экономико-статистические исследования по оценке того наследия, которое получила молодая республика, выходят работы, характеризующие положение в народном хозяйстве в целом, в его отдельных отраслях, освещающие основные проблемы восстановительного периода и первых социально-экономических преобразований.

С переходом страны от общедемократических к социалистическим преобразованиям и провозглашением линии КПК в переходный период к социализму (1953 г.) китайские экономисты сосредоточивают внимание на изучении проблем индустриализации страны, основных форм и методов преобразований мелкокрестьянского хозяйства, кустарного производства, капиталистической промышленности и торговли. Особое внимание в начальный период преобразований обращалось на чрезвычайную экономическую и культурную отсталость огромной крестьянской страны, на сложность построения социалистического общества на такой базе, на необходимость использования разнообразных специфических переходных форм организации труда и производства для поступательного развития экономики, учета особенностей кустарного производства и национальной буржуазии при переводе их на рельсы социалистического строительства.

Процесс ускорения социалистических преобразований в 1955—1956 гг. сопровождался активизацией публикаций по вопросам социалистического переустройства общества и развертыванием дискуссий по различным вопросам политической экономики и экономической политики. В работах, освещавших процесс социалистических преобразований в области сельского хозяйства, кустарной промышленности, а также капиталистической промышленности и торговли, теперь делался акцент на появлении благоприятной ситуации в стране, которая была использована для осуществления с большим сокращением первоначальных сроков сплошного кооперирования крестьянства и кустарей, а также создания смешанных государственно-частных предприятий как высшей формы госкапитализма в стране. Одновремен-

но обосновывалась необходимость ускорения шагов индустриализации.

Уже в первой половине 1950-х годов под влиянием проходивших в СССР политэкономических дискуссий, особенно после публикации работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в периодической печати КНР развернулась дискуссия об основном экономическом законе социализма. Начало дискуссии было положено публикацией в журнале «Синь цзяньшэ» в 1953 г. статьи Ван Сюэвэня «Несколько экономических законов новой демократии Китая», основная идея которой заключалась в том, что в каждом экономическом укладе, существующем в переходный период в КНР (государственном, кооперативном, единоличном, госкапиталистическом и капиталистическом), действует свой основной экономический закон [360, 1953, № 10]. Первые возражения по поводу этой точки зрения высказал в журнале «Сюэси» в 1954 г. Су Син публикацией статьи «Вопрос о роли основного экономического закона социализма в переходный период в нашей стране» [362, 1954, № 4]. Дискуссия привлекла внимание теоретиков и хозяйственных работников страны и продолжалась более трех лет. Она положила начало и серии обсуждений, связанных с действием закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закона распределения по труду, вопросов товарного производства и закона стоимости.

Наиболее широкий размах получило в тот период обсуждение вопросов товарного производства и действия закона стоимости при социализме. С целой серией статей по этим вопросам выступили Сюэ Муцяо и Сунь Ефан, опубликовал специальные работы Ло Гэнмо, вышел в свет сборник избранных статей экономистов страны по вопросам товара, стоимости и цены в условиях социализма.

Именно в ходе этих дискуссий стали обозначаться две различные тенденции в трактовке экономических явлений и практики хозяйственного строительства в стране. Одна из них, живо откликаясь на идущее по нарастающей подстегивание социально-экономических преобразований в КНР, поддерживала эскалацию роли субъективного фактора в социалистическом строительстве. Другая пыталась обратить внимание на необходимость считаться с объективными экономическими законами, на обусловленность социалистических преобразований состоянием материально-технической базы, на учет специфических условий отсталой в экономическом и культурном отношении огромной кре-

стьянской страны. Однако после принятия в 1958 г. новой генеральной линии КПК — «напрягать все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше, экономнее» — и провозглашения курсов «большого скачка» и «народных коммун» условий для проявления реалистической, опирающейся на фактическое положение вещей тенденции практически не осталось.

Непременным атрибутом публикаций этого времени становится поддержка, а значит, и теоретическое обоснование тех волюнтаристских (и это было признано, но два десятилетия спустя) экспериментов, которые проводились в китайской экономике. Надо было обосновать чрезмерное ускорение темпов и появившуюся лихорадку в экономике, обосновать произвольные перемены рабочей силы и финансовых средств из одной отрасли в другую и возникающие в связи с этим новые диспропорции. Надо было обосновать «преимущества» примитивного мелкого производства. Надо было обосновать стремительное «обобществление» и уравнильное распределение. И такие обоснования появляются. Значительное место на страницах китайской печати в это время отводится «теории волнообразного развития», которая скачкообразное развитие, требующее последующего урегулирования, возводит в закономерность социалистического воспроизводства. Много внимания уделяется доказательству возможности ускорения темпов индустриализации и преимуществу осуществления технической революции с помощью «мелкого традиционного» производства. «Коммунизация» деревни обосновывается как приведение в соответствие производительных сил и производственных отношений, бесплатное (уравнильное) обеспечение в «народных коммунах» рассматривается как зачаток коммунистического распределения и т. д. Публикации китайских экономистов по этим вопросам не сходили со страниц журналов и газет вплоть до 1961 г. (когда стал очевидным спад производства и провал курса «трех красных знамен»).

В самом конце 1950-х годов публикуются также и те работы китайских экономистов, которые готовились еще до начала «большого скачка», содержали в себе системный анализ тех или иных вопросов политической экономии, проблем переходного периода в КНР, трудностей и противоречий социально-экономического развития страны, основных направлений переустройства хозяйственного механизма. Как правило, конъюнктурная правка в духе «большого скачка» затрагивала эти работы в незначительной мере, оставляя место серьезному научному анализу.

В эти трудные для экономической науки годы многие китайские экономисты отошли от злободневной тематики, посвятив свой труд исследованию фундаментальных работ основоположников научного социализма. Некоторые пытались писать между строк, и тогда за радужной формой можно было увидеть совсем иное содержание. Другие пытались так или иначе заострить внимание на тех узловых вопросах воспроизводства, игнорирование которых в проводимой экономической политике безусловно было обернуться крахом.

В этом смысле весьма примечательны, например, те акценты, которые делал в вышедшей в 1959 г. (т. е. в разгар «большого скачка») работе «Отношения производства и потребления в период первого пятилетнего плана в нашей стране» Ню Чжунхуан (литературный псевдоним ставшего в 1980-х годах президентом Академии общественных наук Китая Ма Хуна): «Люди знают, что если, не увеличивая всеми способами производство, увеличивать накопление и осуществлять социалистическое строительство, в таком случае социалистическое производство также не сможет расширяться, а жизнь народа дальше улучшаться, т. е. не будет крепкой материальной базы. Люди также знают, если темпы строительства превысят возможности накопления средств, иначе говоря, превысят меру, которую можно гарантировать материально, в таком случае улучшение жизни народа также подвергнется неблагоприятному влиянию, поэтому правильное разрешение отношений между социалистическим строительством и улучшением жизни народа является коренным вопросом в период социалистического строительства в нашей стране» [223, с. 9].

Наиболее широкими в период «большого скачка» были дискуссии среди китайских экономистов по вопросам о темпах и пропорциях развития народного хозяйства и о характере собственности в сельских народных коммунах, стимулировавшие обсуждение в целом действия закона планомерного, пропорционального развития и закона стоимости.

В обстановке общего спада в производстве в начале 1960-х годов центр тяжести в дискуссиях перемещается на обсуждение проблем простого и расширенного воспроизводства, вопросов комплексного балансирования народного хозяйства, внутренних связей пропорций между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью, а также пропорций между накоплением и потреблением. Новое дыхание получает дискуссия по вопросам товарного производства и закона стоимости, через их призму рассматриваются проблемы хозяйственного расчета и распреде-

ления по труду. Наиболее широко обсуждаются проблемы места и роли сельского хозяйства в развитии экономики, что обусловлено наступившим продовольственным кризисом, явившимся следствием игнорирования нужд сельскохозяйственного производства в годы «большого скачка» и «народных коммун». При этом нередко делается перехлест теперь уже в сторону игнорирования интересов индустриального развития, и выдвинутое в эти годы положение «сельское хозяйство — основа экономики» зачастую получает одностороннее толкование.

В то же время, не по форме, но по сути подвергая критике политику «большого скачка» и «народных коммун», некоторые экономисты в первой половине 1960-х годов заостряют внимание на недопустимости резкого форсирования темпов экономического развития в условиях, когда сельское хозяйство базируется на ручном труде, недопустимости отрыва политики пропорционального развития сельского хозяйства, легкой и тяжелой промышленности от регулирования соответствующих пропорций между накоплением и потреблением. Одновременно делаются попытки, основываясь на аграрной специфике страны, дать научные критерии для отыскания оптимальных пропорций развития отраслей, показать, что успех политики может быть обеспечен только на основе комплексного балансирования народного хозяйства.

Наиболее глубокие теоретические разработки продолжают в исследовании вопросов товарного производства и закона стоимости, хотя они чаще не находят места в открытых публикациях. Здесь особая роль принадлежит крупнейшему экономисту КНР Сунь Ефану. Еще в 1950-е годы, в период начала ускорения, а затем форсирования социалистических преобразований, Сунь Ефан выступил с творческой идеей активизации роли товарно-денежных отношений в социалистическом обществе и использования прибыли в качестве главного показателя работы предприятий.

Опубликованная им в 1956 г. статья «Поставить план и статистику на основу закона стоимости» сразу же подверглась критике [375, 1956, № 6; 377, 1957, № 7]. Высказанная им в этой работе мысль о том, что «подсчет количества общественно необходимого труда в качестве сущности стоимости, его роль в регулировании и распределении сохраняются и в будущем коммунистическом обществе», была повторена и развита им в 1959 г., не найдя поддержки у одних экономистов и получив ее у других. В 1963 г. в докладе «Показатель прибыли в системе управления социалистической плановой экономикой» (доклад имел закрытый характер и в то

время не публиковался) Сунь Ефан подчеркивал необходимость «поднять место показателя прибыли в системе управления плановой экономикой» и «восстановить репутацию показателя прибыли при социализме» [227, с. 266], за что подвергся ожесточенным нападкам, особенно во время развернувшейся в 60-е годы «культурной революции», был именован «ревизионистом», который «под видом использования экономических методов управления хозяйством протаскивает тезис “прибыль — командная сила”» [365, 1970, № 2]. Острой критике подверглись и основные положения по вопросу о цене производства, высказанные Сунь Ефаном на совещании по проблемам социалистического воспроизводства, которые также в то время не публиковались в печати.

Для периода 1960-х годов в целом характерно резкое сокращение выпуска монографической литературы по вопросам экономической науки. Однако многочисленные статьи по вопросам экономики продолжают публиковаться в центральной прессе и специальных журналах. Среди них растет число посвященных конкретным проблемам — статистике, бухгалтерскому учету, организации контроля и учета на предприятиях и т. д., что связано с попытками наладить порядок на производстве, разрушенный в предшествующие годы. Привлекает внимание в эти годы появление на страницах печати попыток теоретического обоснования необходимости для КНР придерживаться курса «опоры на собственные силы», что также было явно продиктовано проводимой в то время политикой свертывания внешнеэкономических связей в трудных условиях урегулирования экономики после провала «большого скачка».

Однако с началом в 1966 г. «культурной революции» научные статьи по вопросам экономики, по существу, прекращают печататься. Со страниц печати исчезают имена всех известных китайских экономистов. Многие из них подвергаются резким нападкам, лишаются своих служебных постов, а часто и возможности заниматься научной работой. Прекращают издаваться многие экономические журналы. Публикуемые статьи носят чисто пропагандистский характер, и острие их критики направлено на тех, кто защищает экономические методы в хозяйственной деятельности и проповедует необходимость улучшения жизни народа. Порою такие выступления доходят до абсурда, и не случайно сегодня в КНР период «культурной революции» (1966—1976 гг.) назван просто «потерянным десятилетием».

Глава 2

НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАРТ

Новый путь, основные контуры которого стали обрисовываться с конца 1970-х — начала 1980-х годов, по существу предлагаемых им методов отрицал тот путь строительства в КНР, который формировался в 1950-е годы, а затем в течение более чем двух десятилетий лихорадил экономику страны.

Неизбежными слагаемыми того пути, который осуществлялся в КНР с начала «ускоренного» построения социализма и коммунизма, были: декретированное обобществление, производство ради производства, нагнетание обстановки «классовой борьбы». Новый путь стал вбирать в себя из опыта прошлого как раз все то, что тогда подавлялось, сделав главный упор на использование в целях подъема производительных сил страны «различных форм хозяйственной деятельности».

В известной степени ситуация в КНР с конца 1970-х — начала 1980-х годов стала подобна «новому экономическому старту», который обычно начинается после периода чрезвычайных событий и потрясений. Послереволюционный экономический старт КНР связан был с ликвидацией разрухи и проведением целого комплекса преобразований сначала общедемократического и только затем социалистического характера. Но уже на первом отрезке дистанции был осуществлен даже не переход, а перескок с платформы «новой демократии» на платформу «ускоренных социалистических преобразований», а затем на платформу «быстрой коммунизации» китайского общества. Последующие откаты и зигзаги были связаны или с кризисной экономической ситуацией, или с острой политической борьбой, или с тактикой на международной арене, а потому, как правило, носили временный характер.

Новый «экономический старт» тем и сходен с послереволюционным, что фактически заново стали формироваться основ-

ные слагаемые стратегии социально-экономического развития Китая, пересматриваться темпы преобразований и взята на вооружение первоначальная общая схема — постепенная поступь социально-экономического прогресса при использовании самых различных форм хозяйственной деятельности — т. е. схема, которая отвергает предшествующий ей длительный путь «ускоренного строительства социализма». Не проводя прямых аналогий, можно сказать, что различие этих двух схем можно сравнить с развитием политики военного коммунизма и нэпа в России, но проводимых Китаем в гораздо более благоприятной и международной, и внутренней обстановке.

Подчеркнув, что «путь революции и строительства, отвечающий специфике той или иной страны, должен отыскиваться, прокладываться и определяться самим народом данной страны», официальные документы КПК зафиксировали утверждение на новом этапе в КНР «марксистской идеологической линии реалистического подхода к делу», что связывается с решительным отказом от «догматизма» и «восстановлением подлинного облика идей Мао Цзэдуна» [354, 01.07.1981; 02, 08.09.1982].

Называя идеи Мао Цзэдуна «продуктом соединения всеобщих положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции» и одновременно «квинтэссенцией коллективной мудрости КПК» [354, 01.07.1981; 26.12.1983], в КНР стали выбирать из идейного наследия Мао Цзэдуна те моменты, которые были созвучны тенденциям новой экономической политики КНР.

Поскольку уже с первых шагов новая экономическая политика ориентировалась на использование различных форм хозяйственной деятельности в многоукладной экономике, сочетание централизованного планирования и рыночного регулирования, выборочную модернизацию производства при повышенном внимании к специфике аграрной страны, использование финансовой и технико-экономической помощи внешнего (в первую очередь развитого капиталистического) мира, в опыте прошлого стали подчеркиваться действительно присутствующие в идеях Мао Цзэдуна и признанные «правильными» установки на: очень постепенное преобразование частной собственности на средства производства; «длительное сосуществование и взаимный контроль» в отношениях между КПК и демократическими партиями; курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» в области науки и техники; принцип единого планирования с учетом интересов всех слоев городского и сельского населения, с учетом

государственных, коллективных и личных интересов; «особое» внимание к сельскому хозяйству и легкой промышленности, определяющее «специфический путь» индустриализации Китая; комплекс курсов «идти на двух ногах»; принцип участия кадровых работников в производительном труде, а рабочих в управлении, и отмены нерациональных правил и порядков; сочетание «опоры на собственные силы» с творческим заимствованием чужого опыта; наконец, принцип «идейно-политическая работа — жизненная артерия экономической и всей другой работы».

Все эти «правильные установки» объединялись взятой на вооружение «стратегической идеей» Мао Цзэдуна о «приведении в движение всех положительных факторов и превращении отрицательных факторов в положительные, с тем чтобы сплотить народы страны во имя строительства могучего социалистического государства» [354, 01.07.1981; 365, 1983, № 24].

Характерно, что среди этих установок присутствуют как те, которые лишь декларировались в предшествующей практике «ускоренного строительства социализма» (главным образом, связанные с демократизацией экономической и общественной жизни), так и те, которые принимали уродливые формы в прежних попытках соединения традиционных методов хозяйствования с субъективной активностью сознательного (т. е. убежденного в том, что надеяться на материальные стимулы — большой грех) «социалистического» труженика, предпринимаемых в погоне за «семимильными шагами» строительства.

В качестве «коренных принципов» идей Мао Цзэдуна, закладываемых в «модель» «социализма со спецификой Китая», были названы: 1) реалистический подход к делу; 2) линия масс; 3) независимость и самостоятельность. Не формальное, а фактическое обращение к этим принципам в экономической деятельности, очевидно, связано с определенной в 1980-е годы ориентацией на:

- соответствующую реальным возможностям Китая лишь медленную поступь экономического прогресса в стране;
- неизбежное использование в специфических условиях отсталой аграрной страны сниженных по сравнению с мировыми критериями, упрощенных форм и методов модернизации подавляющей части экономики (что в прежней практике характеризовалось как проведение «линии масс» в хозяйственном строительстве);
- выработку «собственного пути» социалистического строительства (именно в этом ключе стала трактоваться «независимость, самостоятельность, опора на собственные силы»).

Таким образом, обращаясь к своему прошлому опыту в процессе поиска пути «строительства социализма с китайской спецификой», в КНР в первую очередь «перелистывают страницы» официальных документов и материалов, акцентируя внимание на тех элементах национальной специфики, которые в них подчеркивались, или же просто на тех способах хозяйственной деятельности, которые должны были использоваться, но не нашли реализации на практике, став тем более актуальными с началом реформы экономической системы в стране.

Именно поэтому в центре внимания оказываются и VII съезд КПК с его программой «новой демократии», предполагавшей длительное сосуществование различных хозяйственных укладов и мобилизацию всех активных факторов на достижение экономического прогресса в стране; и фиксирующая внимание на специфике Китая работа Мао Цзэдуна «О десяти важнейших взаимоотношениях», и оставленные в свое время без внимания положения речи Чэнь Юня на VIII съезде КПК об отрицательных последствиях ускоренного обобществления; и соответствующие «правильные установки» Мао Цзэдуна; и целый ряд «творческих разработок» других руководящих деятелей КПК: Лю Шаоци — о введении некоторых средств производства в товарооборот, Чжоу Эньлая — о ключевой роли науки и техники в модернизации страны, Дэн Сяопина — об упорядочении промышленных предприятий, улучшении условий управления ими, введении института собраний представителей рабочих и служащих, Чжу Дэ — о необходимости обращать внимание на развитие кустарной промышленности и многоотраслевого сельского хозяйства, Дэн Цзыхуэя — об установлении системы ответственности в сельскохозяйственном производстве и т. д. [354, 01.07.1981; 02, 08.09.1982].

Характерно, что если с именем Мао Цзэдуна связывается в КНР выработка «целостной системы правильных теоретических положений и политических установок», позволяющих «сочетать всеобщую истину марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции», то с именем Дэн Сяопина — «восстановление правильного и целостного понимания идей Мао», а также творческое развитие этих идей, нашедшее воплощение в выдвижении тезиса «строить социализм со спецификой Китая». Давая по этому поводу комментарий в статье, посвященной памяти Мао Цзэдуна, бывший в то время генеральным секретарем ЦК КПК Ху Яобан заключал: «Можно ли дать готовый ответ, что такое “социализм с китайской спецификой”? Нет. Мы можем

только, руководствуясь правильной теорией, постепенно в ходе практики обогащать свои знания» [354.12.1983].

Поиск способов выведения народного хозяйства из кризисного положения, в котором оно оказалось в результате субъективистского экспериментирования на протяжении двух предшествующих десятилетий, со второй половины 1970-х годов закономерно выдвинул экономическую науку на роль безусловного лидера среди других общественных наук. На первом плане оказалась работа по восстановлению и развитию инфраструктуры науки: возобновлению деятельности, открытию ряда новых научно-исследовательских учреждений, возобновлению изданий научной периодики, аннулированной в 1960-е годы, и выпуску экономических журналов, организации творческих союзов и подготовки кадров.

Тематика научных исследований сразу определилась крутым поворотом в экономической политике от прежних левацких экспериментов к учету действия объективных экономических законов, поиску средств повышения эффективности экономики для решения выдвинутой в качестве программы экономического развития до конца нынешнего столетия задачи по модернизации народного хозяйства страны и проведением в связи с этим реформы экономической системы. Именно поэтому наиболее крупные исследования посвящаются вопросам экономической теории, и в первую очередь характеру действия экономических законов, вопросам стратегии социально-экономического развития КНР и модернизации «китайского типа», строительству «социализма со спецификой Китая» и реформе экономической системы.

Изучение этих вопросов закономерно сопровождается углубленным исследованием работ основоположников марксизма-ленинизма. Уже в 1981 г. было организовано первое всекитайское научное обсуждение «Капитала» К. Маркса и создано общество по его изучению, изданы комментарии к «Капиталу», «Теориям прибавочной стоимости» и «Биографии Ф. Энгельса». В 1986 г. завершилась продолжавшаяся 30 лет работа по выпуску в свет сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на китайском языке в 50 томах. Много внимания стало уделяться работам В.И. Ленина, написанным по поводу новой экономической политики.

Сообразуясь с характером новой экономической политики в КНР и принятыми на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1981 г. «Решениями по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», предлагающими взвешенно относиться к экономическому наследию Мао Цзэдуна, отличая его

ошибки от его вклада, китайские ученые обращаются к изучению положений ряда работ Мао Цзэдуна о реалистическом подходе к делу, о необходимости, руководствуясь специфическими условиями отсталости Китая, длительное время использовать индивидуальное и частное производство (идеи, высказанные им в работе «О новой демократии» и «Политическом отчете ЦК КПК VII съезду КПК» в 1945 г.) и т. д. Большое количество исследований китайских экономистов связывается с изучением опубликованных в 1980-х годах избранных произведений Дэн Сяопина и Чэнь Юня и посвящается проблемам строительства социализма со спецификой Китая.

Особое внимание уделяется качеству подготовки экономистов-исследователей. В программах учебных курсов экономических факультетов вузов делаются акценты на тех «белых пятнах» или просто слабо разработанных вопросах экономической науки, на которые, как показала практика строительства социализма в условиях экономической и культурной отсталости, в первую очередь как раз и следовало бы обратить внимание. Как правило, в программах по политэкономии социализма выделяются вопросы:

- создание социалистического строя и его развитие в ходе реформы экономической системы;
- структура социалистической собственности, включающей многообразные типы хозяйств;
- цели социалистического производства;
- развитие планового товарного хозяйства на основе общественной собственности;
- функционирование предприятий всенародной собственности;
- реформа экономической системы деревни и рационализации структуры сельскохозяйственного производства;
- социалистическое обращение; социалистическое распределение; социалистическое потребление;
- структура социалистического производства и воспроизводства;
- внешнеэкономические связи при социализме с анализом возможных способов привлечения иностранного капитала и опыта.

При изучении истории развития социалистических экономических теорий чаще всего главные этапы определяются следующим образом: представления социалистов-утопистов; учение К. Маркса и Ф. Энгельса; взгляды В.И. Ленина и И.В. Сталина; обсуждение основных политэкономических вопросов в послеок-

тябрьской России, в 1920—1930-е годы в СССР, а также советская практика; взгляды Мао Цзэдуна и китайская практика; теоретические дискуссии по вопросам политэкономии в практике строительства социализма со спецификой Китая. Особое внимание обращается на изучение экономической истории СССР в 1919—1953 гг. При этом исследуются особенности хозяйственного развития России и экономическая программа Октябрьской революции, социалистические преобразования в начальный период (земельная реформа, национализация, вопрос о мирном выкупе у буржуазии в целях социалистического строительства), основное содержание и особенности политики военного коммунизма, исторические условия выдвижения и осуществления НЭПа, основные задачи, важнейшее содержание и практическая эволюция НЭПа, борьба взглядов по вопросам социалистического строительства в СССР (особенно много внимания уделяется изучению работ Н.И. Бухарина), система управления, обстановка в народном хозяйстве и жизнь народа во времена и после И.В. Сталина. Детально изучается опыт выработки стратегии социально-экономического развития Советского Союза в 1960—1970-е годы, особое внимание обращается на идеи СОФЭ и комплексной программы НТП, большой интерес проявляется к проблемам хозяйственной перестройки в СССР.

При исследовании социально-экономического развития социалистических стран Восточной Европы особое внимание обращается на процессы социалистических преобразований частной собственности в городе и деревне. Проводится сравнительный анализ различных «моделей экономических систем» европейских социалистических стран и определяются тенденции их изменения. Переводятся на китайский язык отличающиеся реформаторскими идеями работы Э. Карделя, М. Корача, В. Бруса, О. Ланге, О. Шика, особым вниманием пользуются идеи «Дефицитной экономики» Я. Корнай. Создаются общества по изучению экономики отдельных социалистических стран. Издаются специальные работы по изучению теоретических основ социализма на разных континентах. В частности, основные разделы изданной в 1985 г. работы «Социализм в современном мире» посвящены «теории социалистического общества в СССР», «системе самоуправляющегося социализма в Югославии», «еврокоммунизму», «современному социализму-демократизму» и «социализму в третьем мире».

Возродился интерес к истории западных экономических учений. В начале 1980-х годов вновь изданы переводы трудов А. Смита, Д. Рикардо, У. Петти и др., на китайский язык переве-

денежные «Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса и «Экономика» П. Самуэльсона, особое внимание китайские экономисты проявили к концепции преодоления экономической отсталости английского теоретика У.А. Льюиса и взглядам немецкого буржуазного экономиста Ф. Листа. Все больше переводятся труды представителей современной западной экономической мысли. Издаются специальные работы по изучению зарубежных экономических идейных течений. Созданы общества по изучению мировой и западной европейской экономики. Публикуется большое число статей, освещающих опыт экономического развития капиталистических стран, особое внимание уделено изучению организации трестов, методов управления крупными, а также мелкими предприятиями, основным течением западной теории управления, а также опыту Японии.

В целях изучения зарубежного опыта управления китайские ученые-экономисты выезжают в капиталистические и социалистические страны и принимают у себя зарубежных коллег. Регулярным стало проведение международных симпозиумов, объединенных совещаний экономистов страны, научных конференций по узловым проблемам экономического и социального развития. По мере углубления реформы эти процессы заметно активизируются.

Большой размах получило исследование вопросов политэкономии и издание соответствующих учебников и учебных пособий. Вышедшее в 1986 г. «Собрание теоретических систем политической экономии социализма» вообрало в себя, как сказано в предисловии к нему, «теоретическую квинтэссенцию» примерно 20 уже изданных и предназначенных к изданию учебников и специальных работ по политической экономии социализма. Характерно, что роль политической экономии как «науки, определяющей все содержание политики партии», была подчеркнута уже в 1978 г. в программной речи бывшего в то время президентом АОН Китая Ху Цяому «Действуя в соответствии с экономическими законами, ускорить осуществление “четырёх модернизаций”». Тогда же была поставлена задача «резкого увеличения рядов исследователей-экономистов», «распространения экономической науки и всемерного повышения ее уровня» [354, 06.10.1978].

Огромным стимулятором экономических исследований на новом этапе стало проведение в рамках провозглашенного руководством КНР (подобно тому, как это было в 1950-х годах) курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» дискуссий по основным вопросам политической экономии социа-

лизма и экономической политики. Причем, если для второй половины 1970-х годов, т. е. в начальный период оживления экономической науки, характерно преобладание критики скомпрометировавших себя в предшествующей практике левацких методов и идей при незначительности самостоятельного научного поиска, то после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), призвавшего «раскрепостить сознание» и покончить с «книгопочтением» и «косностью мысли», проводившиеся в стране дискуссии приобрели творческий характер, расширился диапазон обсуждающихся вопросов.

Росту масштабов дискуссий и углублению проблематики экономических исследований способствовала публикация большого количества конкретных материалов, характеризующих состояние экономики КНР, что позволило перейти от абстрактных исследований к конкретному анализу. Важным подспорьем в теоретическом анализе являлись и те хозяйственные эксперименты, которые проводились в ходе реформы.

Главными темами, по которым проводятся экономические дискуссии в 1980-е годы, становятся проблемы соответствия производственных отношений характеру производительных сил, действия основного экономического закона социализма, соотношения развития сельского хозяйства, легкой и тяжелой промышленности, форм собственности на средства производства, использования рыночного механизма в плановом хозяйстве, материального стимулирования и распределения по труду. По мере углубления реформы экономической системы в стране, особенно после принятия соответствующего постановления на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.), все более активно стали обсуждаться проблемы эффективности производства и хозяйственного механизма, роли научно-технического прогресса и внешнего фактора в модернизации народного хозяйства, реформы цен, борьбы с инфляцией и действия закона стоимости, косвенного экономического регулирования, сочетания макроконтроля с активностью на микроуровне, места и роли различных по формам собственности типов хозяйств в социалистической экономике, целевой модели хозяйственной реформы КНР, сбалансированного развития и достижения равновесия между спросом и предложением.

В этом поиске в области экономической теории социализма, который начался в КНР с конца 1970-х годов, особое место отводится крупнейшему ученому-экономисту страны Сунь Ефану (ум. в 1983 г.), идеи которого в числе немногих предвосхитили

шаги хозяйственной реформы. Экономическая теория Сунь Ефана сформировалась и получила развитие в длительной борьбе с традиционными ошибками, господствовавшими в политэкономии социализма.

По мнению Сунь Ефана, для традиционной экономической теории социализма характерны два «корня зла» — идеализм и метафизика. Первый питает волюнтаризм, вследствие которого явления экономической жизни и экономические проблемы объясняются не с помощью объективных экономических законов, а причинами, существующими в политике и идеологии, считается, что можно действовать, не сообразуясь с требованиями экономических законов, а исходя из собственной субъективной воли. Из второго произрастают дематериализация, натурализм, вследствие которых социалистическая экономика, имеющая в основе высокую степень обобществления производства, рассматривается как натуральное хозяйство подобно обществу первобытного коммунизма, где отсутствуют категории абстрактного труда, стоимости, цены, денег, из чего вытекает отрицание противоречий и единства между абстрактным и конкретным трудом, индивидуальным и общественным трудом, стоимостью и потребительной стоимостью, затратами и эффективностью, человеком и предметом и т. д., а следовательно, и отрицание роли закона стоимости, игнорирование хозяйственного расчета, пренебрежение экономической эффективностью, отсутствие подсчета прибылей и убытков [227, с. 57, 60].

Именно в волюнтаризме и натурализме, присущих традиционной экономической теории социализма, видел Сунь Ефан источник «левых» ошибок в хозяйственной работе, на преодоление этих ошибок направлены были его исследования, в которых задолго до реформы он отстаивал антизатратные принципы функционирования социалистической экономики, материальный характер производственных отношений, необходимость активизации роли товарно-денежных отношений в социалистическом обществе и использования прибыли в качестве главного показателя деятельности предприятий, предоставления последним хозяйственной самостоятельности, ориентирования в экономической деятельности на цену производства и т. п. Близость некоторых идей Сунь Ефана к теории и методологии системы оптимального функционирования социалистической экономики, очевидно, и объясняет тот интерес в КНР к теории СОФЭ, в которой советские учение развили идеи необходимости сопоставле-

ния затрат с конечными результатами производства, учета спроса и предложения при формировании цен и т. п.

Интенсивный теоретический поиск, которым отмечен период после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, пленума, заложившего в основу хозяйственной реформы принцип «практика — критерий истины», выявил целую группу вопросов, связанных с попытками соотнести существующие в рамках классического марксистско-ленинского наследия представления о социализме с социально-экономической реальностью Китая. Выводы, которые на этой основе сделаны китайскими экономистами, названы ими «вызовами» и «прорывами» в экономической теории социализма. Не претендуя на безусловность и окончательность, эти «вызовы» и «прорывы» выдвинули на первый план сущность и особенности китайской реформы, заставляющие по-новому посмотреть на многие моменты экономической теории социализма, они же постепенно сформировали и модель «социализма со спецификой Китая».

Основные контуры концепции социализма с китайской спецификой вырисовывались на протяжении всех лет хозяйственной реформы через столкновение самых различных мнений, изучение своего и международного опыта, но, главное, — через экспериментальное апробирование всех наиболее существенных нововведений с последующим обобщением как положительных, так и отрицательных результатов.

В этом смысле экономическая наука КНР на этапе реформы прошла классический путь от описательной, эмпирической стадии сбора фактического материала и сопоставления его с существующими гипотезами к формулированию выводов и экономических принципов, которые необходимо учитывать в политике государства для решения социально-экономических проблем огромной, многонаселенной, но все еще бедной и отсталой страны.

Отметив, что со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в КНР в ходе нового осмысления социализма был развит ряд научных теоретических положений в области философии, политэкономии и научного социализма, XIII съезд КПК (1987 г.) назвал среди них: положение о необходимости раскрепостить сознание, придерживаться реалистического подхода к делу, рассматривать практику единственным критерием проверки истины; положение о необходимости строить социализм с учетом национальных особенностей и идти своим путем; положение о том, что построение социализма в условиях экономической и культурной отсталости предполагает весьма длительную началь-

ную стадию; положение о развитии производительных сил и осуществлении модернизации как коренной задачи социалистического общества; положение о социалистической экономике как плановой товарной экономике; положение о том, что расширение внешних связей есть необходимое условие осуществления дела социалистической модернизации и т. д.

Данные положения, как указывалось на съезде, «представляют собой контуры теории строительства социализма с китайской спецификой», дают первичный ответ на вопросы об этапах, задачах, движущих силах, условиях строительства социализма в Китае и определяют «научно обоснованный путь движения вперед» [72, с. 76—77]. То есть уже на исходе первого десятилетия реформы были обозначены основные слагаемые «социализма с китайской спецификой».

Эти слагаемые как раз и стали для автора данной работы отправным моментом при определении объектов проводимых исследований для ответа на вопрос «Что такое “социализм с китайской спецификой?”»

Глава 3

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА «ПРАКТИКА — КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ»

Признавая, что научное, соответствующее объективной действительности понимание социализма может быть достигнуто только посредством постоянного перехода от практики к теоретическим обобщениям и обратного движения (посредством многократного повторения подобного двустороннего процесса), китайские ученые относят к особенностям и новшествам современного поиска превалирование эмпирического анализа. С этим и связывается один из «прорывов» в экономической теории социализма.

Действительно, хозяйственная реформа и необычайное оживление экономической деятельности в стране сначала вызвали потребность точного описания ситуации, а затем конкретного анализа того, что не имело места в предшествующей практике. Сама реальность обусловила необходимость изучения в данной связи своего и зарубежного (капиталистического и социалистического) опыта. Очень важным оказалось сопоставление результатов новой и прежней экономической политики, на основании чего и делались выводы. Все это было связано с обращением к фактам, данным опыта, т. е. к эмпирическому знанию. Новшеством и «прорывом» это называлось и было потому, что в течение длительного времени в политической экономии социализма анализу хозяйственного опыта почти не уделялось внимания, а шли в основном схоластические споры о том, является ли процесс исследования движением от абстрактного к конкретному или же он еще включает в себя и формирование исходных понятий, т. е. идет по схеме «конкретное — абстрактное — конкретное».

В лучшем случае фактический материал использовался как иллюстрация, по нему не осуществлялся анализ и не делались заключения, которые единственные могли поколебать заранее принимаемые постулаты или хотя бы заставить задуматься над их правомерностью в существующих конкретных условиях.

Как стало подчеркиваться в КНР, только реформа сделала возможным изменение самого метода исследования, а именно: вместо прежней приверженности дедуктивному методу, когда на основе ранее установленных принципов и посылок, с использованием некоторых «сущностных определений» делались умозаключения относительно функционирования социалистической экономики, переход к индуктивному методу, основанному на реальности, количественном анализе и эксперименте.

Дело в том, что ни теоретические построения, ни постановления или решения верховной власти не прокладывали путь хозяйственной реформе в КНР. Драматичность ситуации середины 1970-х годов, когда после смерти Мао Цзэдуна и прихода к власти нового руководства была перед всем народом признана кризисность положения в экономике, заставила действовать «снизу», решительно и почти без оглядки идти на эксперимент, который очень быстро становился повсеместной практикой. Семейный подряд, разрешенный вначале для отдаленных и бедных районов страны как возможный способ для крестьян прокормить себя, дав эффект на практике, быстро распространился по всей стране и фактически превратился в первые шаги хозяйственной реформы. Впечатляющий успех преобразований в сельском хозяйстве стимулировал решительность шагов реформы в городе, где также практика обгоняла принятие каких-либо государственных решений. Получение положительных экономических (оживление и рост производства) и социальных (увеличение занятости и доходов трудящихся) результатов главным образом благодаря широкому использованию различных форм хозяйственной деятельности, ранее не вписываемых в традиционные представления о социализме, служило основанием для последующего их официального признания, законодательного, а также концептуального оформления.

Если раньше в центре внимания ученых-экономистов КНР стоял вопрос, какой должна быть социалистическая экономика, ответ на который логически выводился из ранее устоявшихся посылок, то с началом реформы, не перестав интересоваться этой нормативной стороной вопроса, они в первую очередь сосредоточили внимание на выяснении того, «что есть экономика социа-

лизма», а это потребовало описания и объяснения объективно существующих фактов и их внутренних связей с учетом реальной действительности.

Нормативный, т. е. исходящий из заранее данных представлений, метод в экономической науке часто изображал социалистическую экономику как внутреннюю гармонию, заложенные в социалистическом строе преимущества считал уже реализованными. Правилom же экспериментального метода является критическая позиция, нацеленность на выявление противоречий и изъянов для отыскания средств лечения болезни, что придает экономическим исследованиям еще бóльшую объективность [109, с. 38]. В этом видится и суть высказывания К. Маркса: «Только в том случае, если вместо противоречащих друг другу догм рассматривать противоречащие друг другу факты и действительные противоречия, являющиеся скрытой подоплекой этих догм, только в этом случае политическую экономию можно превратить в положительную науку» [10, с. 145].

Для политэкономов КНР, взявших в качестве руководства к действию после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва принцип «практика — единственный критерий проверки истины», начало движения экономической науки о социализме в направлении «положительной науки», о которой говорил К. Маркс, связывается с уже упоминавшимся именем Сунь Ефана. Будучи крупнейшим теоретиком, Сунь Ефан, как правило, исследовал проблемы, существующие в реальной жизни, а потому его экономические суждения, долго предаваемые в стране анафеме, во многих случаях стали реализовываться в практике реформы. В качестве конкретных предложений по реформе экономической системы выступили его идеи о повышении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, постепенном сокращении и уничтожении «ножниц цен» между промышленностью и сельским хозяйством, о повышении нормы амортизации, исходя из изнашиваемости основных фондов, и оставлении части амортизационных отчислений на самом предприятии для модернизации его, о необходимости в модернизации опираться главным образом на реконструкцию имеющихся предприятий, о расширении хозяйственных прав предприятий в целях ликвидации его положения как придатка административных органов и т. д.

Практически все эти предложения Сунь Ефана строились с учетом особенностей экономической ситуации Китая, но, как правило, ограничители, которые выдвигались при попытках реализации этих идей, также объяснялись специфическими усло-

виями страны — критическим состоянием государственных финансов. Признавая, что с момента выдвигания той или иной теоретической идеи до превращения ее в применимый на практике метод, а затем и использования его в реальной жизни существует довольно длинное расстояние, которое пройти не просто и по объективным, и по многим субъективным причинам, последователи Сунь Ефана видят «драгоценность» его теорий в том, что они рождались из практики и направлялись своим создателем на изменение существующей действительности. Более того, конкретные шаги реформы показали, что многие идеи Сунь Ефана, которого нередко воспринимали как «чистого теоретика», потому и стали успешно реализовываться, что выросли на почве китайской практики. Эти идеи его служили импульсом для отыскания, например, способов обновления оборудования, повышения закупочных цен, усиления самостоятельности предприятий и т. д.

В реформируемом Китае стало постоянно подчеркиваться, что научностью обладает только такая экономическая теория, которая исходит из практики, подвергается проверке экспериментом, к тому же вслед за развитием практики развивается дальше. Именно такой путь проделала экономическая теория Сунь Ефана: начала формироваться в 1950-е годы, получила развитие в 1960-е годы, подвергалась неоднократным атакам за «ревизию» привычных, официально принятых представлений о социализме и, наконец, получила практическую реализацию и признание постфактум в ходе реформы экономической системы КНР.

Хотя, безусловно, не все идеи Сунь Ефана принимались его современниками и даже последователями, а некоторые из них нашли дальнейшее развитие и стали более радикальными в процессе осуществления хозяйственной реформы, роль этого крупнейшего ученого-экономиста страны как «пионера» творческого подхода к теоретической системе политэкономии социализма в КНР — признанный факт. К сожалению, Сунь Ефан не успел завершить свои исследования и создать относительно целостную теоретическую систему политической экономии социализма. Однако оставшийся в черновиках главный труд его жизни «Теория социалистической экономии» послужил побудительным мотивом для многих политэкономов страны высказать свои представления о теоретической системе социализма, логике, исходном моменте, «красной нити» исследования ее. Это стало тем более важным в современном обществе, что многие новые, рожденные реформой подходы к трактовке традиционных представлений о социализме

получали методологическое руководство, столь необходимое для всякого поиска.

Изданное в 1986 г. «Собрание теоретических систем политэкономии социализма», по существу, брало на себя роль методологического справочного издания по политэкономии социализма, своеобразного «методологического компаса» в том действительно широком разбросе идей, который характеризовался в КНР как новый период «расцвета ста цветов и соперничания ста школ». И хотя издание «Собрания» относится к периоду, когда большинство новых представлений о социализме уже были оформлены даже в официальных документах КНР, систематизированное изложение самых различных подходов и точек зрения помогало разобраться и в уже совершенном, и в предстоящем поиске, т. е. позволяло начинать анализ как бы с «нулевой отметки».

Большинство политэкономов так или иначе обращались в своих исследованиях к идеям Сунь Ефана, поскольку «Собрание» отразило сущность его теоретической системы. Рассматривая в качестве предмета политической экономии производственные отношения, изучение которых должно идти в тесной связи с производительными силами и надстройкой, Сунь Ефан подчеркивал, что при изменении производственных отношений нельзя апеллировать к понятиям «морали», что политэкономия социализма для того изучает производственные отношения, чтобы найти законы их движения, чтобы выяснить, при каком уровне развития производительных сил определенные производственные отношения создают широкие возможности для дальнейшего развития производительных сил и каким образом определенное развитие производительных сил обгоняет уже сложившиеся производственные отношения.

Исследование политэкономией социализма противоречий между производственными отношениями и производительными силами, а также между надстройкой и базисом должно, по мнению Сунь Ефана, рассматриваться с точки зрения экономии, а именно достижения с наименьшими затратами наибольшей экономической эффективности, эта идея должна стать «красной нитью» политэкономии социализма. Указывая на необходимость использования при изучении общества метод абстракции К. Маркса, Сунь Ефан предлагал в качестве исходного пункта анализа на место «товара» переместить «продукт», но в изложении результатов исследования социалистической экономики придерживаться последовательности — процесс производства, процесс обраще-

ния — процесс общественного производства, взятый в целом [317, с. 89—102].

В оценке теоретической системы политэкономии социализма Сунь Ефана, данной У Цзинлянем, указывается, что теоретические выводы Сунь Ефана, построенные на критическом анализе функционирования экономики при «сталинской системе», вступают в противоречие с традиционной теорией социализма, которую он воспринял в молодости и которая отражает старую модель. По мнению У Цзинляня, это привело к тому, что Сунь Ефан, с одной стороны, выступал против теории «натурального хозяйства», с другой — против теории «товарного хозяйства» и рыночного регулирования. Подчеркнув, что Сунь Ефан «восстановил место стоимости в политической экономии социализма», но все же не успел завершить свой труд до конца, У Цзинлянь предложил, используя наследие Сунь Ефана, продолжать работу по творческому развитию политической экономии социализма [317, с. 255—266].

Излагая свои взгляды по поводу теоретической системы политической экономии социализма, советник Комиссии КПК Юй Гуаньюань подчеркивал, что создание системы политэкономии социализма — научная проблема, связанная с открытием закономерностей движения, изменения, развития социалистических производственных отношений, имеющая определенную объективную логику, находящую отражение в методе и структуре исследования. В отличие от Сунь Ефана, Юй Гуаньюань считает, что «красной нитью» политической экономии социализма должно быть «противоречие и единство между производительными силами и производственными отношениями», а отношения между затратами труда и экономической эффективностью — предмет технико-экономического изучения, а не политэкономии.

Неудовлетворенность логическими структурами прежних учебников политэкономии (китайские учебники в основном копировали советский учебник 1954 г., отличаясь от него лишь в деталях) послужила Юй Гуаньюаню побудительным мотивом для собственного поиска, в котором он подчеркнул, что в качестве предмета политической экономии следует изучать отношения между людьми в производстве, центром которых должны быть отношения их интересов, имущественные отношения (т. е. отношения собственности). Вынесение на первый план интересов трудящихся, по мнению Юй Гуаньюаня, выражает нацеленность социалистического производства и тесно увязывается с системой политической эконо-

мии социализма, которая, по его убеждению, также требует дальнейшего изучения и творческого развития [317, с. 3—11].

Изложение системы политэкономии социализма Ли Инином, в то время деканом факультета управления экономикой Экономического института Пекинского университета, максимально приближено к новым явлениям, рожденным реформой экономической системы КНР. По мнению Ли Инина, центральным моментом политической экономии социализма должен стать анализ функционирования социалистической экономики, предпосылкой которого является, в свою очередь, анализ конкретной экономической системы. Применительно к Китаю необходимо исходить из создаваемой в ходе реформы экономической системы с китайской спецификой, предполагающей, во-первых, сознательное использование закона стоимости и планомерное развитие товарного хозяйства на базе социалистической общественной собственности; во-вторых, отделение права собственности предприятий общенародной собственности от права хозяйствования и превращение их в относительно самостоятельных товаропроизводителей; в-третьих, замену непосредственно управленческих функций правительственных органов на общее руководство стратегией экономического и социального развития.

Исследование функционирования экономики социализма Ли Инин предлагал подразделять на три уровня экономической деятельности: народного хозяйства, предприятия, отдельного человека. Анализ функционирования народного хозяйства при этом целесообразно начать с образования и движения национального дохода, соединив стоимостный анализ с натурально-вещественным. Затем на основе принципа «затраты—выпуск» провести анализ отраслевой и технической структуры, создав теоретическую модель структуры социалистической экономики, соответствующую определенному уровню производительных сил. При этом предлагается вариантность исследований, допускающая вначале экономику закрытого, затем — открытого типа, а также отсутствие или появление количественных или структурных неравновесий в народном хозяйстве. Эти же допущения должны сохраняться при анализе экономической деятельности на последующих двух уровнях — предприятие (определение себестоимости, объема продукции, цен, прибыли, а также отношений между ними) и отдельного человека (рассмотрение его и как потребителя, и как инвестора). По мнению Ли Инина, новые явления экономической действительности Китая требуют включения в предмет исследования политэкономии социализма многих новых во-

просов, без чего немислимо творческое развитие марксистской политической экономии [317, с. 40—58].

Профессор Экономического института Нанькайского университета (г.Тяньцзинь) Гу Шутан предлагал создавать сравнительно рациональную систему политэкономии социализма, исходя из практики. Подчеркивая, что создание структуры политической экономии социализма не может быть простым обобщением и описанием практического опыта, Гу Шутан говорит о двух сторонах связи теории с практикой: с одной стороны, теория исходит из практики, испытывается практикой и развивается в ходе нее; с другой стороны, теория направляет практику, способствует развитию ее. Поскольку условия для создания научной системы политэкономии социализма еще не созрели, а необходимость в ней безотлагательна, Гу Шутан предлагал, исходя из имеющегося уровня исследований, создать приемлемую структуру учебника в качестве «переходного варианта». При этом в качестве объекта исследования может рассматриваться начальный этап социализма, «путеводной нити» — материальные интересы, а изложение идей идти в последовательности производство — обращение — воспроизводство. По мнению Гу Шутана, изучение политэкономией одних производственных отношений недостаточно, необходимо особое внимание обращать на экономическую эффективность, на которую обращал внимание Сунь Ефан как на «красную нить» политической экономии. Одновременно политэкономия социализма должна быть усилена и дополнена идеями планового товарного хозяйства, «открытия внешнему миру», оживления на микроуровне при усилении макрорегулирования со стороны государства [317, с. 122—132].

Профессор экономического факультета Пекинского университета Чжан Южэн отметил, что, думая над вопросами теоретической системы, необходимо исходить из реальных условий социализма в КНР, анализировать существующие в стране особенности соединения трудящихся со средствами производства, раскрывая тем самым суть производственных отношений. Начинать исследование он предложил с общественной собственности, в качестве «путеводной нити» рассматривать возможность реализации основного экономического закона социализма, за основу брать социалистическую экономику, но при этом не принимать многие переходные формы за сущностные, т. е. нельзя некоторые необходимые меры в реальной экономической жизни Китая рассматривать как общие принципы строительства социалистической экономики [317, с. 133—137].

Профессор экономического факультета Фуданьского университета (г. Шанхай) Цзян Сюэмо, исходя из предпосылки, что объектом изучения политической экономии социализма являются производственные отношения, счел необходимым подчеркнуть в то же время, что раскрытие законов функционирования социалистической экономики невозможно без изучения законов развития производительных сил, а потому политэкономия должна анализировать и «модель экономического роста», но не в производственно-техническом, а в общественно-экономическом аспекте. Без такого анализа, по мнению Цзян Сюэмо, трудно достичь ясности в вопросе о том, есть ли соответствие в развитии производительных сил и производственных отношений. В качестве исходного момента исследования он предложил рассматривать социалистическую собственность, в качестве исходной категории — объединенный труд, в качестве «главной нити» — $v + m$, в качестве самостоятельных разделов исследований выделять социалистическую собственность, процесс производства, процесс обращения и общий процесс функционирования социалистической экономики [317, с. 156—165].

Профессор экономического факультета Уханьского университета Цзэн Цисянь, указывая на основополагающее значение для социалистической экономики идеи Сунь Ефана о наибольшем эффекте при наименьших затратах, в качестве «основной нити», или «оси», политэкономии социализма предложил брать во взаимосвязи три момента: удовлетворение общественных потребностей, экономию, а также плановое распределение рабочего времени. В качестве «основной нити» теоретического анализа, по его мнению, надо брать социалистическое товарное производство, поскольку оно объективно проникает в производство, обмен, распределение и потребление, выступая, по сути, в роли постоянного «посредника» [317, с. 183—196].

Профессор факультета экономических исследований Хэйлунцзянского университета Сюн Инью отметил, что политэкономия социализма должна идти по пути «прорывов» в прежних представлениях и «создания экономической науки нового мира», центр тяжести которой должен находиться в сфере производительных сил, а следовательно, последние должны быть и исходным пунктом, и «основной линией» исследований. При этом необходимо последовательно придерживаться точки зрения, что социалистическая экономика может развиваться только в товарной форме. Указывая, что недопустимо копировать никакие прежние модели учебников политэкономии, Сюн Инью не соглашается с

теми, кто предлагает в соответствии с системой «Капитала» К. Маркса, приняв товар в качестве исходного пункта анализа, изучать политэкономия в последовательности производство — обращение — процесс производства, взятый в целом. В своей схеме он в качестве исходного пункта анализа берет предприятие как «клеточку производительных сил социалистического общества». При этом его позиция такова: не выступать против других подходов, дать возможность «соперничанию ста школ», не создавать «единую теоретическую модель», избегая книгопочтения, взвешенно относиться как к марксистско-ленинской, так и западной экономической науке [317, с. 207—213].

Ряд китайских экономистов высказали сомнения в готовности к созданию теоретической системы политэкономии социализма, говоря о необходимости уяснения предварительно целого круга вопросов с учетом как истории развития политэкономии, так и практики хозяйственной реформы и связанного с ней теоретического поиска, не получившего пока своего завершения.

В опубликованном в «Собрании» письме в то время профессора Института марксизма-ленинизма-маоцзэдуньидей АОН Китая Су Шаочжи по этому поводу говорится о том, что предпринимавшиеся на разных этапах современной китайской истории попытки преодолеть такой недостаток экономической теории социализма, как «обслуживание политики» и «разъяснение речей руководителей», пока еще не увенчались окончательным успехом. При этом он отмечал, что основная трудность в формировании политической экономии социализма как науки заключается не в том, что для этого прилагается недостаточно усилий, а в том, что «еще не созрел и не оформился социалистический способ производства». Поэтому, по мнению Су Шаочжи, необходимо заниматься не обсуждением и созданием системы политэкономии социализма, а сделать упор на конкретном анализе практики социализма в различных странах и тех преобразованиях, которые осуществляются в них на современном этапе.

Обосновывая свою позицию, Су Шаочжи подчеркнул, что если К. Маркс в «Капитале» анализировал «классическую модель» капиталистического общества, то нынешняя история не знает «классической модели социалистического способа производства», что изучение социализма в рамках одной страны необходимо, но недостаточно, и на основании одной модели создавать теоретическую систему политэкономии социализма было бы, по меньшей мере, наивно; что политическая экономия не должна ограничиваться изучением экономических отношений,

но и изучать политические отношения, которые нередко являются основным препятствием социалистическому экономическому развитию (здесь он солидаризируется с польским экономистом В. Брусом); что на этапе преобразований надо больше внимания уделять анализу противоречий социализма, не позволяющих ему проявить свои преимущества (обращается внимание на работу венгерского экономиста Я. Корнаи «Экономика дефицита»); что для создания системы политэкономии социализма в теоретических кругах надо решительно преодолевать замкнутость и не бояться «заимствования теории» (здесь Су Шаочжи ссылается на пример «трех источников и трех составных частей марксизма») [317, с. 221—227].

В то время как Су Шаочжи делает в «Собрании» акцент на необходимости обращения к международному опыту, профессор Дун Фужэн, в то время директор Института экономики АОН Китая, обращает внимание на то, что при создании системы политэкономии социализма необходимо, руководствуясь основными положениями классиков марксизма-ленинизма, исходить из практики социализма, а поскольку последняя находится в постоянном развитии, изложение политэкономии социализма должно быть «гибким», чтобы избежать такого положения, когда созданная на основе «незрелого понимания» система политэкономии социализма или просто теория будут сковывать деятельность по развитию экономики. При этом, как подчеркивает Дун Фужэн, независимо от того, с какой категории начинать исследование, важно не остановиться на абстракции, необходимо, чтобы анализ был конкретным [317, с. 228—229].

Как видим, при всем разнообразии нюансов в подходе к созданию теоретической системы политэкономии социализма в условиях рыночных реформ, ученые КНР едины в требовании того, чтобы теоретические выводы делались на основе анализа конкретной действительности. Можно сказать, что в КНР сделана (и небезуспешно) попытка обратить идеи марксизма к реальностям конкретной страны, чтобы добиться той «жизненной ясности», о нехватке которой в идеях социализма говорил крупнейший практик-экономист России С.Ю. Витте, характеризуя К. Маркса как «единственного серьезного теоретического обоснователя экономического социализма» [102, с. 506].

Признавая, что в КНР дореформенного периода дух «опоры на практику» потускнел при возросшем значении «опоры только на книгу», вице-президент Академии общественных наук Китая Лю Гогуан подчеркивал, что в итоге экономические работы были

наводнены выдержками из классиков марксизма-ленинизма и в большинстве своем являлись комментариями к ним, орудием толкования текущей политики. В этом, по его мнению, была одна из важнейших причин неподвижности теоретических экономических исследований в стране до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, идеологические установки которого «раскрепощать сознание, извлекать истину из фактов» «сыграли роль восточного ветра для китайских ученых-экономистов», в результате чего «экономическая наука постепенно стала избавляться от пут догматизма, вновь повернулась к реальной действительности и, погрузившись в нее, поставила новые проблемы, нащупанные в практике реформы и политики открытости» [109, с. 32].

Новые подходы к познанию социализма определили в качестве одного из «прорывов» в современной экономической теории КНР «творческое отношение к марксистско-ленинскому наследию».

Предостерегая от догматического восприятия марксизма, в КНР в первые же годы реформы обращают внимание на те страницы у самих классиков марксизма-ленинизма, где речь идет о том, что марксизм «исходит не из принципов, а из фактов», имея своей предпосылкой «не ту или иную философию, а весь ход предшествующей истории, в особенности, его современные фактические результаты» [12, с. 281]. Тогда же приводятся и слова В.И. Ленина, сказанные им в 1899 г. в статье «Наша программа»: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если не хотят отстать от жизни» [20, с. 184].

В начале же реформ в КНР не оставили без внимания высказывание Мао Цзэдуна в докладе на 6-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва в октябре 1938 г. о том, что КПК «нужно научиться применять марксистско-ленинскую теорию к конкретным условиям Китая. Если коммунисты... будут трактовать марксизм в отрыве от особенностей Китая, то это будет абстрактный, выхолощенный марксизм» [115. т. 2, с. 265—266]. К этим мыслям Мао Цзэдун неоднократно обращается и в последующий период, и именно на них как «исходный, коренной пункт» его идей указывает Дэн Сяопин в ходе рыночных реформ.

Обращаясь к высказываниям теоретиков и политиков прошлого по поводу необходимости творческого преломления идей социализма в соответствии с реальной действительностью, в

КНР пореформенного периода, тем не менее, не могут не осознавать, что эти рекомендации в большинстве своем, к сожалению, не нашли воплощения в реальной жизни. В итоге представления о социализме оставались довольно шаблонными, застывшими, а методы строительства нового общества перекочевывали из одной страны в другую без какого бы то ни было учета существующих там реальных условий. В итоге предложенные более чем столетие назад контуры нового общества за многие десятилетия практики социалистического строительства не наполнились живым содержанием.

Делая вывод, что у основоположников марксизма-ленинизма, за исключением самых общих положений, нет сколько-нибудь целостной концепции социалистического строительства, китайские ученые обращаются к высказываниям В.И. Ленина на VII съезде РКП(б) в 1918 г. «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем... нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится» [34, с. 65].

Показывая, что первоначальные общие представления В.И. Ленина о социализме не превзошли картину, нарисованную К. Марксом в «Критике Готской программы», китайские ученые обращают внимание на то, что последующие поправки В.И. Ленина, выразившиеся в новой экономической политике, касались лишь вопроса перехода к социализму, а не коренного изменения представлений о социализме. И хотя само выдвигание НЭПа порою характеризуется как «первый шаг реформы в социалистическом обществе», последующая практика СССР связывается со сталинизмом¹, его приверженностью принципам военного коммунизма, а не новой экономической политики [387, 21.04.1986].

Ссылаясь на то, что спустя некоторое время после победы Октябрьской революции В.И. Ленин указывал на завершение периода дискуссий по программе социализма на основе книг и необходимость рассуждать о социализме только на основе опыта, китайские ученые подчеркивают требование дальнейшего познания социализма, творческого развития его в процессе практики. «В этом процессе развития, — отмечалось на XIII съезде КПК (1987 г.), — неизбежно приходится отказываться от отдельных положений наших предшественников, несущих в себе ввиду ис-

¹ Следует отметить, что в КНР взгляды И.В. Сталина рассматриваются в рамках классического наследия марксизма-ленинизма.

торической ограниченности утопические элементы, отречься от догматического понимания марксизма и ошибочных взглядов, приписываемых марксизму, и в соответствии с новой практикой давать новое развитие теории научного социализма» [72, с. 76].

В то же время критика догматизма в теории в начальный период реформы носила явно невзвешенный характер. Тезисы о недопустимости «канонизации марксизма-ленинизма», «копирования» теории и практики социалистического строительства и т. п. легко перекочевывали из официальных документов в материалы научных дискуссий и наоборот, нередко исключительно с негативной стороны рассматривался опыт СССР, все беды китайской практики связывались с внешним влиянием, марксизм-ленинизм преподносился как сплошной свод догм. При этом зачастую полностью игнорировалось то, чего не должен допускать действительно научный поиск: что опыт первого социалистического государства чаще всего формировался в чрезвычайных условиях (экономической блокады, враждебного окружения, боязни реставрации капиталистических порядков, войн); что главные просчеты в китайской экономической политике были связаны с нарушением первоначальных планов демократических и социалистических преобразований, разработанных при участии Коминтерна, а затем Советского Союза и других социалистических стран; что необходимость творческого подхода к теории научного социализма была достаточно разработана у самих основоположников марксизма-ленинизма. Характерно в этой связи относящееся ко времени «взрыва» в КНР критики догматизма марксистско-ленинской экономической теории высказывание Сунь Ефана: «Искривления в нашей теоретической работе и практике финансово-экономической деятельности произошли не потому, что мы копировали какие-то догмы “Капитала”, а потому, что нарушали многие основные принципы, давно и четко выдвинутые в “Капитале”» [375, с. 16].

Констатируя наличие в КНР двух крайностей в отношении к марксизму-ленинизму — решительное отрицание его или же, напротив, догматическая приверженность ему, — китайские ученые определяют свой новый подход следующим образом. Нельзя под видом защиты всего наследия марксизма-ленинизма и отстаивания его чистоты придерживаться закостенелых позиций в теории социалистического строительства. Необходимо проанализировать: что в наследии основоположников марксизма-ленинизма действительно сохраняет жизненную силу сегодня, что изменилось в силу новых условий времени и места, что не получило от-

ражения по объективным условиям прежнего времени, но выдвигается практикой сегодняшнего дня, какие выводы не подтвердились или пошли вразрез с действительностью, а какие были правильны, но получили неверное толкование последующими поколениями ученых [355, 20.01.1986].

Такого рода анализ привел их к следующим выводам:

- основные принципы и методология марксизма, являясь научным обобщением всеобщих законов развития общества и мышления, представляют собой объективную истину. Они много раз подтверждали свою правильность на практике и должны остаться истинными все время;
- отдельные суждения, выводы и обоснования, сделанные в отношении некоторых вопросов, потеряли свою ценность в силу изменения конкретных условий, а потому их не следует применять. Но руководящая идеология, мировоззрение и метод анализа, которые имели место при решении этих вопросов, по-прежнему сохраняют свое значение;
- в силу неизбежной исторической ограниченности и социальных условий некоторые марксистские идеи относительно будущего общества нуждаются в пересмотре в процессе практики, но общую тенденцию и направление общественного развития, определенную К. Марксом и Ф. Энгельсом, следует признать правильной [389, 1986, № 48, с. 26].

В связи со сказанным о критике в КНР крайностей в отношении к марксизму-ленинизму интересно привести высказывание по поводу такого рода крайностей одного из авторов книги о глобализации профессора социологии Манчестерского университета Теодора Шанина. Говоря о своих дискуссиях в России, он пишет, что раньше во время своих посещений России он слышал, что Маркс во всем прав, а Чаянов как мелкобуржуазный идеолог во всем не прав. А теперь в России он слышит, что Маркс во всем не прав, а Чаянов во всем прав. «Я хочу сказать вам, русские коллеги, — пишет Т. Шанин, — что мы не отдали на заклатие великого русского ученого Чаянова и донесли его работы, его доброе имя до вас, когда пришло время. Мы не собираемся отдавать на растерзание великого ученого Карла Маркса» [123, с. 528].

Это, на наш взгляд, слова настоящего ученого, и слушавшие его 20 западных ученых, среди которых половина была довольно яркими антимарксистами, вскочили на ноги и, как пишет Т. Шанин, «аплодировали этой защите Маркса» [123, с. 528].

В КНР марксизм, наряду со многими другими экономическими учениями, все годы реформы продолжают углубленно изу-

чать в ведущих вузах страны, и не потому, что этого требует идеология, а для того, чтобы быть грамотными, ибо без знания, к примеру, теории воспроизводства, наиболее глубоко и полно разработанной именно К. Марксом, не может быть грамотного экономиста.

В соответствии с новой практикой должны, по мнению китайских ученых, развиваться и идеи Мао Цзэдуна. А потому подчеркивается, что они также имеют ограниченный опыт, что «нельзя требовать, чтобы Мао написал для нас всеобъемлющую энциклопедию социалистического строительства», что с началом реформы в КНР «была открыта новая страница истории» и «творцами новой истории можем быть лишь мы сами» [354, 22.12.1978].

Уже за первое десятилетие реформы китайские ученые-экономисты, по оценке вице-президента АОН Китая Лю Гогуана, значительно продвинулись в понимании социализма и марксистско-ленинского наследия, переосмыслили предшествующие теоретические представления, заново подвергли их опытной проверке и привели в соответствие с потребностями модернизации и социалистического строительства в КНР. Как итог этого: отказ от представления о социализме как обществе, экономика которого носит нетоварный характер, от взглядов «чем крупнее масштабы, чем выше уровень обобществления, чем “чище” собственность, чем “слитнее” право собственности и право хозяйствования, тем лучше», от мнений о несовместимости, взаимоисключаемости планового и рыночного регулирования, от отрицания правомерности существования нетрудовых доходов при социализме и т. д. При этом в качестве непоколебимых принципов социализма отстаивались ведущая роль общественной собственности и распределения по труду, а также необходимость планового руководства социалистическим товарным хозяйством.

Одним из основных уроков из опыта теоретических исследований в КНР по вопросам экономической реформы стало, по мнению Лю Гогуана, то, что «отстоять марксизм можно только путем его дальнейшего развития», если же «цепляться за устаревшие и рутинные представления, бояться поколебать суждения, уже не соответствующие духу эпохи, не осмеливаться ставить новые задачи, адекватные требованиям времени, тогда теоретико-экономические воззрения так и будут пребывать в состоянии окостенения» [109, с. 31].

В ходе постепенного углубления реформы в КНР неуклонное следование принципу «практика — критерий истины» позволяло преодолевать очередные идеологические барьеры на пути ры-

ночных преобразований. Главным выводом после инспекционной поездки Дэн Сяопина по южным провинциям Китая в начале 1992 г. был следующий: «Практика показывает, там, где полностью выявляется роль рынка, экономика обладает могучей жизненной силой и процесс развития идет довольно хорошо. Поэтому, чтобы наша экономика могла оптимизировать свою структуру, повысить эффективность, ускорить темпы развития и включиться в международную конкуренцию, нужно и впредь усиливать роль рыночного механизма» [354, 21.10.1992].

На пленарном заседании Политбюро ЦК КПК в марте 1992 г. были одобрены сделанные в связи с этим Дэн Сяопином высказывания о том, что «не стоит сковывать себя идеологическими и практически абстрактными спорами о том, какое имя все это носит — социализм или капитализм», а в целях ускорения экономического развития «серьезнее раскрепощать сознание, форсировать проведение реформы, расширения внешних отношений». Как подчеркивалось на состоявшемся в октябре 1992 г. XIV съезде КПК, важность этих высказываний Дэн Сяопина заключалась в том, что «в них содержится блестящий анализ текущей международной и внутренней обстановки, научно обобщены основная практическая деятельность и основной опыт партии за период после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, дан ясный ответ на многие вопросы гносеологического порядка, затемнявшие и сковывающие мышление в последние годы» [354, 21.10.1992].

Говоря о важнейших достижениях в области экономической теории со времени проведения в КНР реформы и открытой политики на 20-летнем юбилее АОН Китая в 1997 г., директор Института экономики Чжан Чжоюань назвал три главных «детища» этого периода: создание теории «социалистической рыночной экономики», выдвижение теории «начальной стадии социализма» и активное обращение к методу исследования, основанному на выводах из практики. Были названы имена сделавших реальный вклад в эти открытия крупнейших ученых страны Сунь Ефана, Ма Хуна, Юй Гуаньюаня, Лю Гогуана, Сунь Шанцина, Лю Минфу, Цзян Ивэя, отмечены молодые исследователи, уже с начала 1980-х годов определившие рыночнизацию как направление китайской реформы, подчеркнута роль публикаций фундаментальных трудов по истории народного хозяйства, экономической мысли, развитию капитализма в Китае, а также регулярных статистических исследований и специальных, содержащих конкретный экономический анализ работ. В качестве перспективы перед

учеными-экономистами страны была поставлена задача с учетом тенденций современной эпохи и того, что КНР, вступая в XXI в., находится на этапе экономического подъема и радикальной структурной перестройки, руководствуясь марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина, исследовать важнейшие вопросы реальной жизни, продолжать вести научный поиск и делать собственный вклад в дело социалистической модернизации и процветание экономической науки Китая [375, 1997, № 6, с. 10—11].

На XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.), по сути подводившем итоги формирования теории «строительства социализма с китайской спецификой», рекомендации Дэн Сяопина 1992 г. были названы «еще одним манифестом о раскрепощении сознания и реалистическом подходе», в котором были «продвинуты на новый этап реформа, открытость и модернизация» [354, 22.09.1997].

В формулировании выводов на основе принципа «практика — критерий истины» видится и международное значение теории строительства социализма с китайской спецификой, ибо в ней на основе конкретного анализа сделаны «новые научные выводы по вопросу особенностей нынешней эпохи и глобальной международной обстановки, по вопросу о прогрессе или регрессе в других социалистических странах, о плюсах и минусах в практике развивающихся стран, стремящихся к прогрессу, а также о тенденциях развития развитых стран и существующих у них противоречиях» [354, 22.09.1997].

О необходимости «твердо придерживаться идейной линии на раскрепощение сознания и реалистический подход к делу» было заявлено и на 1-й сессии ВСНП 9-го созыва в марте 1998 г.: «Стараться брать все лучшее, что есть у человеческой цивилизации, и в то же время не копировать, не повторять слепо чужой опыт. Разрывать оковы устарелых идей, уважать творческий почин народа, на основе смелого экспериментирования создавать новое, активно нащупывать в практической работе пути движения вперед, но одновременно считаться с объективными законами, учитывать особенности времени и обстановки, всемерно стремиться к реальным результатам» [370, 21.03.1998].

«Продолжением и развитием марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина» была названа выдвинутая Цзян Цзэмином в 2001 г. концепция «тройного представительства», согласно которой КПК должна постоянно представлять: 1) требования развития передовых производительных сил; 2) прогрессивное направление передовой китайской культуры;

3) коренные интересы самых широких слоев китайского народа. Она существенно расширяла идейно-теоретическую основу КПК, и уже на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) было официально заявлено о возможности приема в партию лиц из числа частных предпринимателей, так как последние, «наряду с другими трудящимися, также являются строителями социализма с китайской спецификой».

Идеи «тройного представительства», в которых, как подчеркивалось на XVI съезде, «с марксистской теоретической смелостью обобщался новый практический опыт» стали характеризоваться в Китае XXI в. как «теоретическая инновация», полученная благодаря учету происходящих в мире перемен, поступательного хода китайской реформы, открытости и модернизации, являющаяся «прологом социального развития и преобразования» [354, 18.11.2002].

Идеи «непоколебимой веры в марксизм» как условия успешности практической деятельности в стране «и открытия новых горизонтов в китаизации марксизма», высказанные на XVII съезде КПК (октябрь 2007 г.), пожалуй, несли в себе больше всего новаторских элементов по сравнению с трактовками отношения в КНР к марксистскому наследию в предшествующие годы рыночных преобразований.

О необходимости «переноса центра тяжести» в партийно-государственной работе на экономическое строительство было сказано еще в 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва, а затем неоднократно повторялось в различных документах и исследованиях. В практической деятельности за годы реформы в КНР также отказались от мышления категориями классового антагонизма и очень постепенно, но открыто и легально допустили в рамках социалистического государства формирование регулируемой на макроуровне рыночной экономики, плюральной структуры собственности и распределения, отведя на их существование, по сути, не ограниченный во времени срок.

И только на XVII съезде КПК, т. е. впервые на высшем форуме страны, Ху Цзиньтао говорит не просто о «переносе центра тяжести» работы с классовой борьбой на экономическое строительство, но и подчеркивает, что ЦК второго поколения, ядром которого был Дэн Сяопин, «в корне отверг ошибочную теорию и практику, ставящие классовую борьбу во главу угла», определил основную линию для начальной стадии социализма, призвав идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой [354, 25.10.2010].

Обращаясь к мнению одного из крупнейших мыслителей России С.Ю. Витте о том, что «социализм силен отрицанием, но ужасно слаб созиданием» [102, с. 506], можно сказать, что успех «социализма с китайской спецификой» в значительной мере вырастает как раз из того, что здесь были ослаблены его функции отрицания и заметно окрепли его созидательные силы.

Глава 4

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПУТИ, УЧИТЫВАЮЩЕГО НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЯ

Положение о необходимости строить социализм с учетом национальных особенностей страны и идти своим путем было названо на XIII съезде КПК (1987 г.) в числе относящихся к новому осмыслению социализма в практике хозяйственной реформы в КНР. Подчеркнув, что «китайская революция по своей сути шла по пути Октябрьской революции», официальная печать КНР уже в первые годы реформы отмечала недопустимость «упрощенного копирования опыта России» и необходимость в дальнейшем поиске максимально учитывать национальные особенности страны.

Предшествующее реформе обращение к опыту первого социалистического государства и поиск на этом пути характеризовались во взвешенных оценках печати как «противоречивые» и «извилистые», поскольку, с одной стороны, нужно было время для того, чтобы разобраться в степени пригодности советского опыта путем проверки его китайской практикой, с другой стороны, в условиях блокады страны вначале просто не было возможности широко знакомиться с зарубежной практикой, из различных регионов мира набираться знаний. Отсюда — метод проб и ошибок, зигзаги на пути социалистического строительства.

В новых, принципиально изменившихся в этом отношении условиях вывод следовал тот, что, усиливая исследовательскую работу в области теории научного социализма, нельзя сомневаться в необходимости следовать по социалистическому пути, но в вопросах о конкретных формах социализма нужен творческий подход, который возможен только на основе серьезного обобщения 30-летнего опыта социалистического строительства в КНР, скрупулезного изучения опыта других социалистических стран, а

также тщательного исследования опыта всех передовых государств в области развития науки и техники [354, 05.05.1979].

С решительным намерением активно изучать опыт капиталистических стран КНР подошла уже к 3-му пленуму 11-го созыва (1978 г.). Одним из главных, если не самым главным тезисом программной статьи тогдашнего президента АОН Китая Ху Цяому, опубликованной в «Жэньминь жибао» 6 октября 1978 г., был тезис о необходимости «соединять преимущества социалистического строя с передовой наукой и техникой и опытом управления развитых капиталистических стран». Подчеркивание этого тезиса с соответствующими ссылками на К. Маркса (о плановом управлении внутри отдельных фабрик на стадии раннего капитализма, перерастающем в современное и, главное, высокоэффективное плановое управление крупными компаниями) и В.И. Ленина (о необходимости использования капиталистического опыта в социалистическом хозяйствовании) делало его установочным для конкретного воплощения в жизнь. Как самый убедительный довод в пользу активного использования капиталистических методов хозяйствования служило высказывание И.В. Сталина (несущее в контексте его выступления на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. совсем иную смысловую нагрузку, чем у Ху Цяому) о том, что просчеты в капиталистическом хозяйстве обнаруживаются локальными кризисами, в то время как просчеты в социалистическом хозяйстве «бьют по всему народному хозяйству».

Становилось понятным, что КНР вплотную занялась поиском той модели управления, которая в случае просчета (а что просчеты будут, как теоретики, так и практики вряд ли сомневались) позволила бы избежать общехозяйственного кризиса и оказалась бы более эффективной, чем уже испробованная «советская модель». Было ясно, что в этом вопросе КНР не станет ограничиваться опытом какой-либо одной страны, но особое внимание привлекал опыт Японии, в короткий срок добившейся серьезного экономического прогресса.

Обращению к опыту капиталистических стран в известной степени предшествовала своеобразная «инвентаризация» опыта социалистических стран, анализ (правда, в большинстве своем довольно поверхностный) тех элементов хозяйствования, которые могли бы быть использованы в китайской практике. Именно поэтому на страницах печати рассказывалось об опыте расширения самостоятельности предприятий и создании агропромышленных комплексов в Югославии, существовавшей там политике ценообразования, разделения доходов, управления внешней тор-

говлей, привлечения иностранного капитала, подготовки и подбора кадров, разделения партийной и административной власти и т. д. В опыте Румынии обращалось внимание на политику предпочтительного развития сельскохозяйственного производства, подсобных промыслов и животноводства, использование системы контрактов и рыночную торговлю, создание совместных предприятий, политико-идеологическое воспитание в процессе реформы. В опыте КНДР внимание привлекала политика в области здравоохранения и образования, а также развития транспорта и сельскохозяйственного производства. В опыте Венгрии интерес вызывала политика развития многосекторного хозяйства (включая частную экономику), создание сравнительно рациональной экономической структуры путем перераспределения капиталовложений в пользу сельского хозяйства и легкой промышленности, сочетание планового и рыночного регулирования и т. д.

В целом в опыте различных социалистических стран накануне и в начале реформы главным образом изучалась практика создания агропромышленных комплексов, рационализации методов управления, использования индивидуального предпринимательства.

Та критика советского опыта планирования и управления, которая особенно активно велась в КНР на рубеже 1980-х годов, несомненно, в значительной степени несла политическую нагрузку. Как показывал анализ материалов проходивших в то время всекитайских форумов, хозяйственники КНР пристально изучали советскую экономическую практику 1950-х годов, примерно на уровне промышленного развития которых КНР стартовала в реформу, практику разработки и осуществления пятилетнего (1951—1955 гг.) и семилетнего (1958—1964 гг.) планов развития народного хозяйства СССР, в особенности — принципы разработки стратегии научно-технического прогресса до 2000 г. (КП НТП). Как свидетельствовали факты, многое шло по линии восстановления практики планирования и управления в 1-й пятилетке (1953—1957 гг.), когда в КНР активно использовался советский опыт.

Характерно, что большинство первоочередных мероприятий, предлагавшихся на самом начальном этапе реформы, целиком и полностью вписывалось в рамки тех принципов хозяйствования, которые могли бы уже давно использоваться в КНР при последовательном осуществлении практики планирования и управления в 1-й пятилетке: налаживание всестороннего учета и контроля, развитие производства по принципу специализации и коопери-

рования, переход от чистого администрирования к использованию экономических методов управления и т. д. Однако конкретные методы осуществления этих мероприятий оставались на стадии поиска, подлежали апробированию в эксперименте.

Даже поверхностное изучение опыта хозяйственных реформ в социалистических странах показало китайским ученым и практикам главное направление преобразований в социалистическом мире — использование экономических рычагов, оживление товарно-денежных отношений. Отсюда пристальное внимание к опыту имеющих в этих вопросах богатую практику капиталистических стран. Это подчеркивал позднее вице-президент АОН Китая Лю Гогуан: «Поскольку в некоторых странах Восточной Европы реформа началась раньше, чем у нас, а возникшие в связи с ней проблемы аналогичны нашим, мы на первых порах больше осваивали работы теоретиков экономической реформы из стран Восточной Европы, знакомились с их идеями относительно реформы. Затем, когда мы осознали, что реформа идет по линии создания товарного хозяйства, наши взоры постепенно все больше стали обращаться к экономической науке Запада, где давно существует товарное хозяйство, и мы начали черпать западный опыт управления развитым товарным хозяйством, знакомиться с соответствующими взглядами» [360, с. 36—37].

Практически закономерно, что начавшееся буквально «взахлеб» обращение ко «всему положительному международному опыту» не сразу несло в себе заряд творческого подхода и учета конкретно-исторических особенностей страны, не сразу в нем присутствовало понимание необходимости не поэлементного заимствования из опыта различных стран, добившихся тех или иных успехов в социально-экономическом развитии, а комплексного преобразования экономической системы страны, с тем чтобы она могла в целом эффективно функционировать в специфических условиях Китая. О том, что вначале новые подходы к экономическому развитию КНР определялись способом «от противного», на контрастах с не оправдавшими себя на практике методами прошлого, а не путем осторожной корректировки и анализа прежнего опыта, свидетельствовала быстро обозначившаяся тенденция некритического восприятия и попыток насаждения в принципиально отличные китайские условия элементов западного опыта, что создавало многие дополнительные трудности. Следствием этого явилось то, что в опыте прошлого были излишне раскритикованы даже те неизбежные для специфических условий Китая тенденции хозяйственной практики (прева-

лирование мелкого производства, упрощенчество в науке и технике, уравнильность в распределении материальных благ и т. п.), которые вытекали из объективных условий страны, а потому не только были, но и длительное время останутся теми особенностями, без учета которых любая экономическая политика будет терпеть неудачи.

Нарисовав достаточно привлекательную картину массивной поступи в КНР научно-технического прогресса в виде программы «четырёх модернизаций», вытеснения интенсивными факторами роста экстенсивных, а экономическими методами — административных и т. п., китайские руководители, ученые и практики очень быстро убедились в невозможности длительного применения в специфических условиях Китая многих рекламированных ими самими элементов опыта стран, находящихся на принципиально ином уровне экономического и социального развития, а потому стали более терпимо относиться к некоторым элементам своей прежней практики: не отрицать огульно роль централизованного управления, административных рычагов, моральных стимулов, мелкого производства, тяжелой промышленности, уравнильных тенденций в распределении и т. д.

Вывод, сделанный ко времени XII съезда КПК (1982 г.), был достаточно однозначный: «При осуществлении дела модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая. Как в революции, так и в строительстве нужно со всей серьезностью изучать и заимствовать опыт других стран. Однако на одном лишь копировании зарубежного опыта и слепом подражании иностранным образцам далеко не уедешь... Дела Китая должны вестись в соответствии с его реальной обстановкой, вестись силами самого китайского народа. Независимость, самостоятельность и опора на собственные силы были и будут исходной позицией в нашей деятельности» [69, с. 3—4].

Таким образом, на XII съезде КПК давнишний тезис о «независимости, самостоятельности, опоре на собственные силы» получил новое звучание — как необходимость во всех вопросах социалистического строительства исходить из национальных особенностей Китая. Одновременно этим был дан толчок к более серьезному изучению этих национальных особенностей, к обозначению того, что может и должно определить собственный специфический путь КНР к социализму.

По вопросу о том, в чем видятся особенности Китая, определяющие специфический путь модернизации страны, Дэн Сяопин высказался еще в 1979 г. на совещании по теоретической работе в

партии. К этим особенностям он отнес две главные: слабость экономической базы страны и многочисленность населения при ограниченности земельного фонда.

Рассуждения Дэн Сяопина по поводу первой особенности заключались в следующем: господство империализма, феодализма и бюрократического капитала превратили Китай в бедное, отсталое государство, и хотя после образования КНР экономика успешно развивалась, была создана сравнительно целостная промышленная система, выращены технические кадры, а среднегодовые темпы прироста промышленности и сельского хозяйства были довольно высоки, в целом экономическая база страны по-прежнему слаба и КНР является одним из очень бедных государств мира, научно-технический потенциал страны недостаточен, от передовых в научно-техническом отношении стран мира Китай отстает на 20—30 лет.

По поводу второй особенности заявлялось, что многочисленность населения, с одной стороны, является благоприятным фактором, с другой — неблагоприятным, поскольку при неразвитости производства становятся довольно серьезными проблемы питания, образования, занятости и даже серьезная работа по планированию рождаемости не снимает их; что имеющиеся богатые ресурсы еще недостаточно выявлены и мало освоены, а потому не являются реальными средствами производства, земельные площади велики, а обрабатываемой земли мало, и при большом крестьянском населении эту ситуацию нелегко изменить [181, с. 149—150].

Эти высказывания Дэн Сяопина послужили оправданными моментами при обсуждении учеными страны элементов специфичности китайского пути к социализму, активно начавшегося после выдвижения соответствующей концепции на XII съезде в 1982 г.

Обосновывая влияние различных ситуаций на специфику пути модернизации народного хозяйства, в то время президент АОН Китая Ма Хун давал довольно яркие иллюстрации на этот счет из международного опыта. Взяв страны мира, входящие в первую десятку по объему производства в среднем на душу населения в 1980 г., он подчеркнул, что первые среди них — государства, которые нельзя назвать современными державами, однако, благодаря небольшому населению, имеющие высокие показатели душевого производства отдельных видов продукции (нефть, сталь), показатели, которых странам с большой численностью населения очень трудно достичь. Влияние размеров обрабатываемых земель на производительность сельскохозяйственного труда

Ма Хун показал на примере сравнения Японии и США: в Японии площадь обрабатываемых земель составляет 2,6 % американской и крупная современная техника не годится для их обработки, поэтому производительность труда в сельском хозяйстве Японии существенно ниже. А более крупные лесные массивы СССР по сравнению с лесными массивами Великобритании сделали СССР экспортером древесины и целлюлозы, Великобритания же осталась их импортером. Специфику модернизации в условиях нехватки природных ресурсов Ма Хун проиллюстрировал тем, что Япония примерно половину зерна, большую часть угля и почти целиком нефть и металлические руды ввозит, значительно отставая по душевому производству этой продукции от таких крупных обладателей этих ресурсов, как СССР и США, а Франция, используя на 95 % свои гидроресурсы и испытывая нехватку нефти и угля, вынуждена активно развивать ядерную энергетику и вышла по ней на главные позиции в мире [218, с. 9—11].

Понятие «особенности страны» стало рассматриваться многосторонне, включая политический и экономический строй, состояние производительных сил, структуру занятости, научно-технический и культурный уровень, географическое положение, природные условия, ресурсы, а также историческую эволюцию, истоки культуры, национальные традиции, международные сношения и т. д.

Кратко характеризуя особенности общественного строя страны, китайские ученые, как правило, говорили о том, что КНР — социалистическое государство, которое уже создало экономический строй, основанный на общественной собственности на средства производства, а также политический строй демократической диктатуры народа, основанный на союзе рабочих и крестьян под руководством рабочего класса. Этот строй за несколько десятилетий уже обнаружил свою жизненную силу, однако он все еще далеко не совершенен из-за того, что социализм в КНР находится пока еще на своем начальном этапе.

Исторические особенности страны характеризуются тем, что в насчитывающем более четырех тысячелетий древнем государстве, имеющем богатое культурное наследие и национальные традиции, в современную эпоху из-за господства феодализма и агрессии империализма экономика развивалась медленно, культура отставала, серьезные формы принял абсолютизм, не хватало демократии.

Специфика географических условий Китая характеризуется «обширностью пространства» с умеренным климатом, богатст-

вом природных ресурсов, но при этом со слабой защищенностью от стихии и неразработанностью недр.

Выделяя среди всех особенностей главные — те, что должны играть определяющую роль в специфичности пути Китая к социализму, китайские ученые в первую очередь обращаются именно к тем двум, которые назвал Дэн Сяопин: слабость экономической базы и многочисленность населения, лишь давая им собственные интерпретации или же показывая новые стороны этих проблем.

Безусловно, что фактор более чем миллиардного населения является важнейшим определителем китайской специфики. Являясь богатым источником трудовых ресурсов, такое население выступает, с другой стороны, и как колоссальный потребитель. Проблемы обеспечения занятости и соответствующего жизненного уровня его приобретают необычайную остроту. Накануне реформы, в 1976 г. национальный доход на душу населения КНР составлял всего 134 долл. (в США — 7086 долл.), к 1982 г. этот показатель увеличился до 219 долл., т. е. по-прежнему находился на крайне низком уровне в мире [218, с. 16].

Сознавая чрезвычайную актуальность повышения жизненного уровня народа, китайские ученые в то же время подчеркивают невозможность из-за специфичности ситуации осуществить это быстро и повсеместно, а определяют для этого очень долгий временной срок. Только для обеспечения полной занятости требуются огромные финансовые и материально-технические ресурсы, острую нехватку которых КНР ощущает практически постоянно. С началом реформы была поставлена задача добиться, чтобы за счет ограничения рождаемости к концу XX столетия население страны не превысило 1200 млн человек. Но даже если бы это удалось (на деле уже в 1997 г. население страны превысило 1236 млн человек), только прирост населения КНР к 2000 г. (более 200 млн человек) заставлял ученых задуматься о проблематичности улучшения его жизненного уровня даже при накоплении дополнительных финансовых и материальных богатств за этот срок [218, с. 17—18].

В качестве реальной задачи, учитывающей многонаселенность как важнейшую специфику страны, в КНР была выдвинута лишь задача достижения к началу XXI в. только уровня «скромного достатка». Поскольку после удовлетворения основных жизненных потребностей населения на осуществление накоплений и ведение экономического строительства денежных средств может оставаться совсем немного, китайские ученые делают вывод не

только о долговременности проблемы финансовой напряженности в стране, но и о необходимости активно привлекать средства извне.

С этой же особенностью страны — огромная численность населения при ограниченности финансовых и материально-технических фондов — связывается и специфический путь дополнительных возможностей занятости населения. Исходя из того, что техническая оснащенность труда на промышленных предприятиях государственной собственности на первом этапе реформы составляла примерно 10 тыс. юаней на каждого работника и это, учитывая возможности государственного бюджета, позволяло ежегодно предоставлять рабочие места только 3,8 млн человек (при поддержании технической оснащенности на том же уровне), китайские экономисты, руководствуясь тем, что даже при поддержании демографической политики «одна семья — один ребенок» население ежегодно будет существенно расти и потребности в рабочих местах будут намного превышать возможности государственного сектора, делают заключение о целесообразности открытия новых каналов занятости — коллективного, единоличного секторов, а также значительного развития «третьей индустрии» [282, с. 14].

Подавляющая часть населения КНР — крестьяне. Накануне реформы (1976 г.) их удельный вес составил 83,3 % (в США соответствующий показатель — 2,6 %). В то же время показатели обеспеченности крестьян землей крайне низки. Из общей земельной площади страны, составляющей примерно 14 млрд му (1 му = 1/15 га), пригодной для использования в земледелии, животноводстве, лесном хозяйстве остается только 50,9 %. По данным на 1978 г., в среднем на душу населения в КНР приходилось 14 му земли, что составляло всего 28 % от среднемирового уровня в 49,5 му, в том числе обрабатываемой — 1,5 му, или 27 % от среднемирового уровня в 5,5 му (в США — 12,89 му, СССР — 13,35, Франции — 5,3, ФРГ — 1,96, Англии — 1,87 му), лесных массивов — 1,8 му, или 12 % от среднемирового уровня в 15,5 му, лугов — 4,7 му, или 41 % от среднемирового уровня в 11,4 му [218, с. 18; 290, с. 57–58; 282, с. 15]. Такое скудное обеспечение земель, безусловно, должно учитываться при определении системы обработки почв, форм организации, методов управления и пути модернизации сельского хозяйства Китая.

Нехватка земли сказывается и на производительности крестьянского труда, а значит, и на товарности сельского хозяйства. Производительность труда в сельском хозяйстве на протяжении

всех послереволюционных лет росла очень медленно, а с 1958 г. по 1980 г., т. е. в течение 22 лет, вообще не имела никакого роста. Показатель производства зерна на одного сельскохозяйственного труженика составил в КНР к началу реформы примерно 1 тыс. кг, что значительно ниже как экономически развитых, так и развивающихся стран. Один работающий крестьянин КНР в 1979 г. мог обеспечить продовольствием только 3,2 человека (в США соответствующий показатель — 102,1). Из произведенного продовольствия китайский крестьянин 60—68 % потреблял сам, 11—20 % поступало в семенной и коллективный фонды, примерно 20 % составляли государственные закупки, а потому с учетом возврата в деревню части зерна показатель товарности сельского хозяйства оставался на уровне 15—15,6 %. Деревня ежегодно была в состоянии выделять городскому населению, на развитие промышленности и всей экономики примерно 50 млн т чистого товарного зерна [290, с. 57; 218, с. 17; 282, с. 14—15]. Конечно, это являлось существенным ограничителем хозяйственного развития страны и одним из объективных показателей ее специфики.

Таким же объективным ограничителем является и слабая освоенность богатых природных ресурсов. Китай богат минералами, гидроресурсами, занимает передовые позиции в мире по запасам металлических руд, 3-е место в мире по угольным ресурсам, 1-е место по водным, имеет большие запасы нефти. Однако из-за трудности разработки, нехватки денежных средств и отсталости технической базы эти ресурсы слабо освоены. Это сразу ориентировало на то, что в модернизацию китайского типа должен быть заложен принцип самого экономного и эффективного использования их.

Анализ следующей главной особенности КНР — слабости экономической базы — китайские экономисты начинают обычно с картины уровня производительных сил страны на мировом фоне. Хотя за годы социалистического строительства в Китае была создана сравнительно целостная промышленная и экономическая системы, что рассматривалось как благоприятное условие для последующего развития, а по абсолютным показателям производства многих видов промышленной и сельскохозяйственной продукции он занимал еще перед началом реформ первые места в мире (в 1978 г. — 1-е место в мире по производству тканей, 2-е — по зерновым, чаю, ряду масличных культур, 3-е — по хлопку, бобовым, мясу, углю, химическим удобрениям, 5-е — по стали, 7-е — по электроэнергии, 8-е место — по нефти и т. д.),

экономический уровень страны, исчисляемый показателями производства на душу населения, производительностью труда, технической оснащенностью, квалификацией работников и т. п., оставался крайне низким.

Показатели душевого производства КНР в 1978 г. составляли: по стали — 34 кг против среднемирового уровня в 165 кг (СССР — 580 кг, Япония — 889 кг, США — 568 кг), углю — 662 кг против среднемирового уровня в 820 кг (СССР — 2771 кг, США — 2738 кг), нефти — 112 кг против среднемирового уровня в 707 кг (СССР — 2191 кг, США — 1962 кг), электроэнергии — 275 тыс. кВт · ч против среднемирового уровня в 1806 тыс. кВт · ч (СССР — 4601 тыс. кВт · ч, США — 10 452 тыс. кВт · ч, Япония — 4909 тыс. кВт · ч [там же, с. 470, 472]), зерновым — 276 кг против среднемирового уровня 373 кг (СССР — 878 кг, США — 1243 кг), хлопку — 2 кг против среднемирового уровня в 3 кг (СССР — 10 кг, США — 11 кг), мясу (включая свинину, говядину, баранину) — 9 кг против среднемирового уровня в 25 кг (СССР — 51 кг, США — 77 кг) [290, с. 58].

Производительность труда в китайской металлургии, исчисленная по среднегодовому производству на каждого рабочего и служащего в этой отрасли, достигла в 1977 г. 10,5 т (США — 274 т, СССР — 113 т, Япония — 330 т), в угольной промышленности средняя дневная выработка на каждого работающего в шахте — 0,87 т (США — 7,7 т, СССР — 2,9 т, Япония — 3,0 т). Размеры основных фондов в среднем на одного работающего в сельском хозяйстве составили в КНР в 1978 г. всего 334,6 юаня (в США в 1977 г. 822,3 тыс. юаней, Японии — 7,15 тыс. юаней). В 1978 г. в КНР на каждого сельского труженика производилось зерновых 1081 кг (США — 83 261 кг, Япония — 2449 кг), хлопка — 7,5 кг (США — 599 кг), растительного масла — 18,5 кг (США — 891 кг, Япония — 9 кг), сахара — 8,5 кг (США — 1332 кг, Япония — 84 кг), мяса — 29,5 кг (США — 6383 кг, Япония — 349 кг), молока — 3,5 кг (США — 14 038 кг, Япония — 827 кг), яиц — 7 кг (США — 1005 кг, Япония — 266 кг), фруктов — 24 кг (США — 14 977 кг, Япония — 743 кг), продукции водных промыслов — 16 кг (США — 89 кг, Япония — 1458 кг) [250, с. 58]. Урожайность зерновых (с учетом повторного сева) составила в КНР в 1978 г., т. е. до внедрения семейного подряда, 168,5 кг на каждый му (в США — 232,5 кг, Японии — 371,5 кг) [290, с. 58].

К специфическим особенностям производительных сил Китая была отнесена и существенная разница в уровне их развития как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикальные различия

(или ярусность) состоят в том, что наряду с крупными современными предприятиями с автоматизированным производством, сложной техникой мировых стандартов, выпускающими высококачественную продукцию государственного значения, существуют полуавтоматизированные или механизированные крупные, средние и мелкие предприятия, выпускающие продукцию, значительно уступающую по своим качественным параметрам первым. И, наконец, имеется очень много мелких предприятий, использующих полумеханизированный и ручной труд.

Горизонтальные различия выражены в неравномерности экономического развития отдельных районов страны: сравнительно высокий уровень развития восточных приморских районов и низкий — западных. Например, в 1982 г. производство валового продукта промышленности и сельского хозяйства на душу населения в среднем по стране составило 812 юаней, при этом в Шанхае — 5719 юаней, пров. Гуйчжоу — 354 юаня; в промышленности на государственных предприятиях на каждые 100 юаней основных фондов (по первоначальной стоимости) в среднем по стране была реально произведена продукция стоимостью 94,5 юаня, при этом в Шанхае — 242,7 юаня, в пров. Цинхай — 37,5 юаня; полученные налоги на прибыль, отнесенные на каждые 100 юаней основных фондов, при средних по стране в 22 юаня, в Шанхае составили 77,1 юаня, пров. Цинхай — 4,7 юаня. Удельный вес механической обработки земли в сельском хозяйстве в среднем по стране составил 35,6 %, при этом в Шанхае — 90,8 %, Тяньцзине — 82,7 %, а в пров. Юньнань и Гуйчжоу — соответственно 5,4 и 0,5 %. Показатель розничного товарооборота на душу населения в среднем по стране равнялся примерно 253 юаня, в Шанхае — 824 юаня, пров. Гуйчжоу — 134 юаня [218, с. 19—20].

Такая же неравномерность была отмечена и внутри регионов. Даже в наиболее развитых районах страны удельный вес ручного труда довольно высок. Например, в одной из развитых провинций страны, Ляонин, наряду с оснащенными современным оборудованием предприятиями имеется большое количество мелких предприятий, технический уровень оборудования которых чрезвычайно низок, а подавляющая часть сельского населения в основном использует ручной труд. В самом развитом районе страны, г. Шанхае, развитие производительных сил также отличается крайней неравномерностью: наряду с автоматизированными и высокомеханизированными предприятиями есть предприятия среднего технического уровня, большое число предприятий со

старым технически отсталым оборудованием, в том числе и опирающихся на ручной труд [218, с. 16].

Подобные различия существуют и между отраслями, и внутри них. Они присутствуют во всем: сосуществуют автоматизация, механизация, полумеханизация, ручной труд; сосуществуют такие современные транспортные средства, как самолеты, тепловозы, теплоходы, автомобили, и такие традиционные, как повозки с волами и лошадьми, тачки, носильщики с коромыслами; сосуществуют товарное и полунатуральное производство.

Отмечалось также, что хотя в новом Китае был выращен многомиллионный отряд специалистов с высшим и средним образованием, составивший кадровый костяк в различных отраслях народного хозяйства, в целом по стране научно-технических специалистов явно недостаточно. Накануне реформы доля технических специалистов в промышленных отраслях составляла 2,8 % (в развитых государствах — обычно более 30 %), среди которых очень многие не получили высшего образования. Доля рабочих, обладающих 1—3 техническим разрядом, составляла 70 %, 4—5 разрядом — 23 %, 7—8 разрядом — только 2 %. Сельское хозяйство обеспечено техническими специалистами еще хуже. В целом по стране удельный вес специалистов с высшим образованием составлял лишь 0,6 %, на каждые 10 тыс. человек насчитывалось 11,6 студента высших учебных заведений (в США этот показатель составлял 507 человек) [282, с. 14]. Отсюда делался вывод о настоятельной необходимости для повышения образовательного уровня населения, отведения в государственной политике особой роли интеллигенции.

Проанализировав многоярусность и неравномерность развития производительных сил страны, китайские ученые сделали вывод о необходимости при выборе пути дальнейшего развития страны, при условии сохранения ведущих позиций за общественной собственностью и государственным управлением, развивать многообразные экономические формы и методы хозяйствования, решать вопросы конкретно в каждом случае, не допуская шаблона, или, как они это называли, стремления «резать все одним ножом» [282, с. 13].

На XIII съезде КПК в 1987 г. вновь подчеркивалось: «Строительство социализма в такой огромной и отсталой восточной стране, как Китай, — новая проблема в истории развития марксизма. Мы оказались не перед тем, что предполагали основоположники марксизма — построение социализма на основе высоко развитого капитализма, — и не совсем перед тем, перед чем

оказались другие социалистические страны. Механически следовать книге нельзя, копировать чужой опыт тоже нельзя. Необходимо исходить из конкретных условий нашей страны, сочетать основные положения марксизма с китайской действительностью, в процессе практической работы прокладывать путь построения социализма с китайской спецификой» [72, с. 12].

Среди всех рассматриваемых в КНР объективных специфических факторов, учет которых должен был лечь в основу социализма китайского типа, по нашему мнению, колоссальное по численности население страны является единственным, действительно отличающим Китай от других стран фактором: ведь и об общей экономической отсталости, и об ограниченности освоенных ресурсов, и даже о преобладании сельского населения или феодальных традициях могла говорить в социалистическом мире не только КНР. Но более чем миллиардное население, этот единственный специфический фактор, влияет на все. Здесь количество переходит в качество, которое определяет и характер экономического прогресса, и социально-экономическую структуру общества, и его материальные и духовные ценности, и способы разрешения политических кризисов, и даже степень возможного отхода от сформировавшихся ранее идеалов.

Глава 5

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ КАК ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ПРОГРЕССА НА НОВОМ ПУТИ

5.1. Новый подход к соотношению «производительные силы — производственные отношения»

Одним из «прорывов» в экономической теории социализма в ходе реформы хозяйственной системы КНР объявлен отказ от абстрактного толкования социализма, или отрыв характеристики производственных отношений от уровня развития производительных сил. Выводом, сделанным в КНР на основе не только собственного, но и общего опыта социалистического строительства, явился тот, что социализм за время своего существования не обнаружил явных преимуществ перед капитализмом в сфере развития производительных сил. Задавшись на рубеже 1970—1980-х годов вопросом о том, почему социализм существует так много лет, а страна по-прежнему не избавилась от бедности и отсталости, китайские ученые приходят к заключению, что всеобщий закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил неверно трактовался в теории и искажался в практике социалистического строительства.

В КНР, как и в целом в политэкономии социализма, широкое распространение получила точка зрения о возможности и даже целесообразности для производственных отношений при строительстве социализма на слаборазвитой экономической базе «опережать» развитие производительных сил, что связано с недоучетом материального характера производственных отношений.

Будучи общественной формой движения производительных сил, более высокие производственные отношения могут сформир-

роваться лишь на основе значительно выросших производительных сил, так как последние служат базой, позволяющей изменить характер непосредственно трудовых отношений, отношений разделения труда и организации производства. Как нельзя распределить то, что не произведено, так нельзя и изменить характер непосредственно трудовых отношений на социалистический, если нет в наличии материально-вещественных элементов для соответствующей социально-экономической организации производства. Именно поэтому не может быть «социалистических производственных отношений» при «отсталых производительных силах».

Распространение длительное время в научных кругах мнения о возможности для производственных отношений «опережать» развитие производительных сил, играя при этом «прогрессивную» роль (якобы способствуя более быстрому преодолению отсталости), на практике воплощалось в подстегивание преобразований в сфере производственных отношений (фактически в отдельных их составляющих), причем чем более отсталой была экономика, тем энергичнее старались форсировать процесс социальных преобразований. В результате те формы социальной и экономической организации производства, которые насаждались, не соответствовали уровню производительных сил, а потому сковывали их жизненные силы, превращались в тормоз развития.

Именно такой подход имел место в практике социалистических преобразований в КНР уже в 1950-е годы, когда за несколько месяцев 1955—1956 гг. было осуществлено сплошное кооперирование деревни, кустарной промышленности, а также поотраслевое преобразование капиталистической промышленности и торговли, на основании чего делались выводы, что в КНР «уже сложились новые производственные отношения», «создан социалистический общественный строй», а главным противоречием в стране, как отмечалось на VIII съезде КПК в 1956 г., стало противоречие «между передовым, социалистическим строем и отсталыми общественными производительными силами» [75, с. 23, 56, 471, 472].

Характерно, что при выдвижении на первый план задачи по развитию производительных сил страны в конце 1970-х годов в КНР обращаются именно к периоду VIII съезда КПК, когда, как отмечается, был поставлен вопрос о необходимости после проведения социалистических преобразований в области собственности сосредоточиться на развитии производительных сил, с тем чтобы ликвидировать названное противоречие и быстрее превратить страну «из отсталой аграрной в передовую индустриальную»

[75, с. 472]. Но по многим субъективным причинам последующего периода эта задача не была выполнена (из-за навязанной стране политики «большого скачка», «народных коммун», а затем «культурной революции»).

Действительно, на VIII съезде КПК со всей серьезностью был поставлен вопрос о необходимости концентрации сил на экономическом строительстве. Были определены и основные направления его: преимущественное развитие тяжелой промышленности; тесно увязанное с сырьевыми и финансовыми возможностями страны, а также потребностями рынка, активное развитие легкой промышленности; увеличение сельскохозяйственного производства, которое ввиду отсутствия промышленности, способной обеспечить техническое вооружение данной отрасли, должно достигаться главным образом за счет «максимального использования преимуществ» осуществленного кооперирования и коллективного труда; рациональная организация сил для развития торговли и транспорта; достижение не только количественных, но и качественных результатов; техническая реконструкция народного хозяйства, укрепление связей в процессе специализации и кооперирования хозяйств; рациональное размещение производства путем продвижения промышленных баз во внутренние районы; дополнение концентрированного хозяйства рассредоточенным; разумное сочетание строительства с улучшением жизни народа, т. е. накопления и потребления. При этом подчеркивалось, что если недоучет возможность достижения высоких темпов развития производства за счет «освобождения производительных сил» страны, то это будет «консервативной ошибкой», а недоучет объективных ограничителей в области экономики, финансов и технических возможностей и установление слишком высоких темпов — «авантюристической ошибкой» [75, с. 472—478].

Однако расчет на возможности последующего быстрого развития экономики КНР «благодаря освобождению производительных сил» в результате досрочно проведенного в стране обобществления производства, по нашему мнению, сразу был неверен, еще до того, как ситуация была усугублена авантюризмом политики «большого скачка» и «народных коммун», ибо это скоропалительное обобществление, по существу, не освободило, а, скорее, сковало производительные силы страны, не пробудило, а притушило трудовые импульсы.

Как свидетельствовала практика социалистического строительства, недоучет подготовленности материальных и культурных условий для осуществления преобразований в области собствен-

ности вел к формальному обобществлению, которое, по сути, превращалось в существенный тормоз развитию производительных сил. Например, выполнение такой грандиозной задачи, как кооперирование сельского хозяйства, тем более в стране отсталой, крестьянской, связано с коренной реформой экономики деревни и образа жизни крестьянства. Переход крестьян от единоличного, мелкого производства на путь социалистического развития неизбежно сопряжен с длительной и трудной работой и мог быть осуществлен лишь постепенно, через промежуточные формы организации труда. Чтобы осуществить кооперирование крестьянских хозяйств (если это диктуется стремлением ликвидировать их неэффективность из-за их раздробленности и слабости), необходимо было не только развивать народное хозяйство в целом, с тем чтобы оно было в состоянии оказать сельскому хозяйству техническую и финансовую помощь, не только заметно повысить культурный уровень крестьян, но и дать крестьянам возможность на собственном опыте убедиться в преимуществах нового типа хозяйства.

Все это требует довольно долгого времени. В тех же случаях, когда принцип постепенного, в меру создания реальных условий, перехода от низших к более высоким формам общественного хозяйства нарушается, когда делается попытка в короткий срок без каких-либо серьезных изменений в характере производительных сил внести радикальные изменения в жизненный уклад крестьянства, неизбежно возникает стагнация производства. Таковым и был опыт аграрных преобразований в КНР, отрицательные уроки которого послужили основой для осуществления тех изменений, которые стали происходить в китайской деревне в ходе реформы экономической системы страны, а память о которых долго оставалась основной причиной нежелания возникших в ходе реформы семейных хозяйств идти на повторное производственное кооперирование.

Исторический опыт подтвердил необходимость экономически обоснованного подхода к таким видам деятельности, как кустарное, мелкое, индивидуальное производство, домашние, подсобные, традиционные промыслы. Формальное обобществление этих видов хозяйств на основе волевых актов, по существу, подавляет производственную активность непосредственных участников трудового процесса, нанося прямой урон развитию производительных сил. А это особенно ощутимо в тех странах, где и без того испытывается острая нехватка финансовых и материально-технических ресурсов.

Напротив, использование потенциалов, которые заложены в этих типах хозяйств, оборачивается существенным вкладом в решение задачи по мобилизации имеющихся ресурсов и подъему экономики. Стимулирование развития таких видов хозяйственной деятельности тем более важно, что по характеру создаваемой продукции они обращены к первоочередным жизненным потребностям трудящихся, помогают восполнить многочисленные, особенно на первых порах, пробелы общественных форм хозяйства и смягчить в целом имеющийся в экономике дефицит, укрепив тем самым социальную базу преобразований. Ускоренные же преобразования собственности в КНР в 1955—1956 гг. с дальнейшей эскалацией этого процесса привели фактически к ликвидации кустарного производства, небольших коллективных и индивидуальных предприятий, породив целый ряд дополнительных проблем в обеспечении населения: решение проблемы его занятости, поддержание и развитие в нем навыков мастерства, улучшение сферы обслуживания и обеспечение товарами широкого потребления и т. д.

Неоднократные попытки в последующий период вернуться к проблеме места и роли производительных сил в социалистическом преобразовании общества, как правило, не простирались до доказательства материальной сущности производственных отношений с вытекающей отсюда необходимостью первоочередности развития производительных сил, а ограничивались поиском баланса в соотношении производственных и революционных задач. Формула «ухватившись за классовую борьбу как решающее звено, вести революцию, стимулировать производство» с попеременным успехом просуществовала вплоть до выдвижения программы «четырех модернизаций» на 1-й сессии ВСНП 4-го созыва в январе 1975 г. Более того, именно после этого выдвижения попыткам отдать приоритет развитию производительных сил был дан самый решительный бой.

В развернувшейся в 1976 г. кампании критики «правоуклонского поветрия пересмотра правильных выводов» указывалось на то, что в последние годы под руководством Дэн Сяопина была разработана, но не успела быть опубликованной «Общая программа» работы всей партии и всей страны, в которой «ничего не говорится о классовой борьбе и социалистической революции в экономической области, а развитие народного хозяйства направляется в руло ревизионистской теории производительных сил» [354, 05.04.1976]. В вину Дэн Сяопину вменялось то, что «заключенную в Уставе КПК конечную цель партии — осуществление

коммунизма — он хотел заменить “четырьмя модернизациями”, а задачи партии на весь исторический период социализма хотел целиком свести к производству и строительству» [363, № 4, 1976], что, «размахивая ласкающим взор большим флагом — курсом на развитие народного хозяйства и на претворение в жизнь модернизации четырех отраслей», он «фактически преследовал цель возродить капитализм и ревизионизм» [354, 17.02.1976].

В приверженности «ревизионистской теории производительных сил» в этот период обвиняется каждый из лидеров КПК, кто в тот или иной период истории КНР отстаивает необходимость неспешных преобразований собственности ради недопущения разрушения производительных сил страны. В связи с этим крайними становятся и сами идеи длительного сохранения и активного использования в интересах развития производительных сил многоукладной хозяйственной структуры, как это в свое время предусматривалось программой новой демократии, а затем отстаивалось в ряде выступлений таких деятелей страны, как Лю Шаоци или Чэнь Юнь.

Только после смерти Мао Цзэдуна и прихода к власти в октябре 1976 г. нового руководства сторонники отдачи приоритета развитию производительных сил берут верх. Отвергнув категорично как «абсурдную» установку «если хорошо ведется революция, производство автоматически растет», новое руководство с самого начала своей деятельности стало проводить мысль о том, что «революция не может подменить производство», что последнее имеет свои «специфические противоречия», которые требуют огромной и кропотливой работы для своего разрешения [352, 06.12.1976].

Выявляя, анализируя и обрисовывая специфику модернизации народного хозяйства страны, ученые КНР продолжали обсуждать проблему места и роли развития производительных сил в политике социалистического государства, содержания самого понятия «производительные силы», соотношения производительных сил и производственных отношений. И если при этом обсуждение самой категории производительных сил, ее существа и состава шло в русле обычных политэкономических дискуссий, то новые трактовки соотношения производительных сил и производственных отношений пытаются исправить прежде бытовавшие здесь субъективистские ошибки, а постановка вопроса о роли производительных сил в развитии социалистического общества становится элементом концепции строительства социализма с китайской спецификой.

Стало подчеркиваться, что в прежней практике изменения в производственных отношениях шли в отрыве от уровня и характера производительных сил, декларировалось торжество социалистических и даже коммунистических принципов, и такого рода «переходы в условиях бедности» приводили в итоге только к разрушению производительных сил. «Прорыв» в теории вопроса о соотношении производительных сил и производственных отношений в Китае периода реформ состоит в осознании того, что способствовать развитию производительных сил могут только такие производственные отношения, которые соответствуют их характеру, что производственные отношения не могут и не должны «опережать» развитие производительных сил, что сочетание «передовые производственные отношения» и «отсталые производительные силы» — попросту абсурдно, ибо без успешного развития производительных сил реализация преимуществ общественных форм собственности, распределения по труду — невозможны.

Это новое теоретическое познание, как стало подчеркиваться в КНР, позволило «исправить заблуждения и предрассудки в отношении марксизма», решительно осудить долго господствовавшее в стране «левое» идейное течение, делавшее ставку на «классовую борьбу» и критиковавшее «так называемую теорию производительных сил», а самое главное — в практике строительства нового общества сконцентрироваться на решении экономических проблем [370, 14.07.1987; 290, с. 29].

Постановка вопроса о решающей роли развития производительных сил в построении социализма параллельно с переносом центра тяжести на экономическую работу и провозглашением программы «четырёх модернизаций» по мере углубления реформы, достижения экономического прогресса и использования в качестве дополнительных стимулов развития все новых факторов (в том числе и тех, которые традиционно на протяжении длительного времени рассматривались исключительно как элементы капиталистической экономики) все чаще сопровождалась ссылками и на классическое наследие марксизма-ленинизма, и на высказывания Мао Цзэдуна, и на объективную потребность избавления от бедности.

Делая акцент на развитии производительных сил как центральной задаче нынешней экономической политики КПК, как критерии ее оценки, в КНР обращаются к работам Мао Цзэдуна, относящимся еще к периоду «новой демократии», где он подчеркивал, что «вопрос о том, какую роль играет политика и

практика той или иной политической партии Китая в жизни китайского народа, является эта роль положительной или отрицательной, велика она или мала, определяется в конечном счете тем, способствует ли политика и практика этой партии развитию производительных сил китайского народа и в какой мере, сковывают ли они производительные силы или же дают им простор» [115, т. 3, с. 324].

В центре внимания находится относящееся к 1984 г. высказывание Дэн Сяопина: «Что такое социализм? Что такое марксизм? Насчет этого у нас раньше было не совсем ясное представление. Марксизм придает наибольшее значение развитию производительных сил. Что означает коммунизм, о котором мы говорим? Он означает осуществление принципа “от каждого — по способности, каждому — по потребностям”. А для этого требуется, чтобы общественные производительные силы развивались высокими темпами, чтобы было изобилие материальных общественных благ. Поэтому самая коренная задача в период социализма — развитие производительных сил. Преимущества социалистического строя выражаются как раз в том, что производительные силы при нем развиваются более быстрыми, более высокими, чем при капитализме, темпами. Если говорить о наших недостатках в годы после образования КНР, то они сводятся к некоторой недооценке важности развития производительных сил. Социализм призван покончить с бедностью. Бедность — не социализм и тем более не коммунизм. Преимущества социализма именно в том и состоят, что он постепенно развивает производительные силы, постепенно улучшает материальную и культурную жизнь народа» [103, с. 60—61].

Развивая идеи о решающей роли производительных сил в становлении социализма, ученые КНР напоминают о том, что еще в «Манифесте коммунистической партии» речь шла о такой важнейшей задаче пролетариата после установления им своего политического господства и экспроприации капитала, как «возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» [308, с. 42]. Обращаются они в этой связи и к высказываниям В.И. Ленина о том, что «главнейшим и самым коренным интересом пролетариата после завоевания им госвласти является увеличение количества продуктов, повышение в громадных размерах производительных сил общества» [57, с. 345]. Тем самым в центр внимания ставятся из классического наследия марксизма-ленинизма не разрушительные идеи классовой борьбы, а созидательные идеи развития производства в интересах трудящихся.

В то же время и на новом этапе, когда жизнь уже внесла свои поправки в то, что стало не прогнозируемым будущим, а настоящим социализма и капитализма, когда в ряде случаев капитализм добился оптимально высокой производительности труда, выход за пределы которой, очевидно, мог бы быть и просто бессмысленной самоцелью, некоторые ученые КНР нередко называют задачей развития производительных сил при социализме достижение более высокой, чем при капитализме, производительности труда. Такие мнения базируются, на наш взгляд, на некритическом восприятии высказываний на этот счет В.И. Ленина и реального опыта социализма, явно проигравшего свое долгое соревнование с капитализмом в сфере развития производства.

Ленинский лозунг достижения более высокой, чем при капитализме, производительности труда имел лишь мобилизующее значение для стран, вступивших на путь социалистического строительства в условиях экономической отсталости, и не должен пониматься в буквальном смысле слова. Когда В.И. Ленин дает качественную характеристику социализму как экономическому строю, он говорит о двух моментах: первое — о достижении высокой производительности труда и соответствующей его организации; второе — о повсеместном учете и контроле за производством и распределением в интересах всего общества, т. е. в интересах трудящихся. Оба эти момента тесно увязаны тем, что второе невозможно без первого. Но сущностное отличие социализма от капитализма в научной теории измерялось не уровнем производительности труда, а тем, что создаваемый на основе высокой производительности труда (хотя и не обязательно более высокий, чем при капитализме, если исходить из того, что последний мог достичь здесь оптимума) продукт все в большей степени должен идти на удовлетворение материальных, а соответственно и духовных потребностей трудящихся. То есть главное — не в массе, а в характере распределения произведенного продукта, в подчинении производства интересам трудящихся. Для КНР при выдвижении с началом реформы на первый план задачи по развитию производительных сил и сохранении при этом социалистической ориентации развития не менее важным стало отыскание способов для того, чтобы это развитие не пошло, как это было долгие годы, по схеме «производство ради производства», а отдало приоритет в своей структуре интересам человека.

Подтвердив намерение решать выдвинутую в 1976 г. задачу модернизации народного хозяйства к концу 20-го столетия, но-

вое руководство конкретизировало основные этапы ее выполнения:

- к 1980 г. — создание самостоятельной, сравнительно целостной системы промышленности и осуществление «в основном» механизации сельского хозяйства;
- к 1985 г. — завершение технической перестройки народного хозяйства на основе выполнения основных положений 10-летнего плана развития народного хозяйства;
- к 2000 г. — выход в число передовых стран мира по уровню развития народного хозяйства путем осуществления модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники.

Все промежуточные этапы подчинялись задаче осуществления «четырех модернизаций» к концу XX в. Выступая на Всекитайском совещании по вопросам развития науки в марте 1978 г., Дэн Сяопин с удовлетворением отметил, что Китай наконец расстался с вредоносной идеей о том, что «день осуществления 4-х модернизаций станет днем реставрации капитализма» и подчеркнул, что «осуществление к концу 20-го столетия модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники и превращение Китая в могучее, современное социалистическое государство — великая историческая задача китайского народа», что «без осуществления модернизации, без повышения научного и технического уровня, без развития общественных производительных сил и наращивания мощи страны, без улучшения материальной и культурной жизни народа социалистический политический и экономический строй не может быть прочным и безопасность страны не может быть надежно гарантирована» [163, с. 82—83]. Страна была ориентирована на то, чтобы уже в XX в. «достичь и превзойти передовой мировой уровень, за 22 года пройти путь, который другие прошли за 40—50 лет» [345, 22.03.1978].

Однако трудности, с которыми столкнулись в КНР при наведении порядка в экономике, очень быстро превзошли первоначальные ожидания, и уже к 1979 г. стала ясной необходимость проведения политики урегулирования народного хозяйства и корректировки планов экономического развития на ближайшую и далекую перспективу. Вслед за принятием политики на «урегулирование, преобразование, упорядочение и повышение уровня экономики» для ликвидации серьезных диспропорций в народном хозяйстве, не только обнажившихся, но и обострившихся на новом этапе развития, появились предостережения (высказал их

сам Дэн Сяопин на рабочем совещании ЦК КПК 16—25 декабря 1980 г.) против «слишком поспешной модернизации» [368, 24, 29, 31.01.1981; 354, 01.01.1981].

В скором времени в публикациях центральной печати по поводу модернизации народного хозяйства КНР к концу XX в. говорилось уже не как о «выходе в ряды самых передовых стран мира», а как о «достижении уровня среднеразвитых стран» [354, 13.04.1981]. На состоявшемся в апреле—мае 1981 г. собеседовании по вопросам социально-экономической стратегии страны были высказаны мнения о возможности только «начальной модернизации» к 2000 г., «модернизации в основном» — к 2020—2030 гг. и «полной модернизации» — за еще более длительный промежуток времени [354, 26.06.1981]. Дальнейшая корректировка программы модернизации пошла по линии конкретизации ее основных направлений.

На состоявшейся в декабре 1981 г. 4-й сессии ВСНП 5-го созыва в качестве мобилизующего ориентира, способного обеспечить китайскому народу достойную жизнь, была названа возможность достижения за 20 лет, т. е. к концу столетия, учетверения совокупного объема производства продукции промышленности и сельского хозяйства, после которого КНР «возьмет старт с нового исходного пункта и довольно быстро вступит в ряды экономически развитых стран» [354, 14.12.1981].

Одновременно здесь были названы «десять курсовых установок», которые, по сути, дают представление о том, как мыслился «китайский путь модернизации» на официальном уровне:

- ускорить развитие сельского хозяйства при опоре на науку и соответствующую политику;
- отвести заметное место развитию промышленности, выпускающей предметы потребления, поднять обслуживающую роль тяжелой промышленности;
- повысить коэффициент использования энергоресурсов, содействовать строительству электроэнергетики и транспорта;
- шаг за шагом осуществлять техническую реконструкцию на ключевых объектах, добиваться максимальной отдачи от существующих предприятий;
- провести всестороннее упорядочение и необходимую реорганизацию предприятий по группам;
- увеличить капитальные вложения, постигая методы аккумуляции и экономного использования денежных средств;
- рационально и активно привлекать внешний фактор, проводя политику «открытых дверей»;

- активно и постоянно проводить реформу экономической системы, полнее реализовывать инициативу;
- повышать научный и культурный уровень трудящихся, сосредоточить силы на разработке ключевых научных проектов;
- наладить одновременно производство, строительство и жизнь народа, исходя из принципа «все для народа».

Дальнейшая конкретизация программы модернизации произошла на XII съезде КПК в 1982 г., где были определены «стратегические цели, стратегические ударные участки и стратегические шаги» развития КНР до конца XX в. В качестве цели экономического строительства было подтверждено увеличение (при условии непрерывного роста экономической эффективности и всемерного напряжения усилий) годового производства промышленной и сельскохозяйственной продукции страны в 4 раза.

Подчеркивалось, что с достижением этой цели Китай вступит в первые ряды стран мира по объему национального дохода и валовому производству главных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, все народное хозяйство в целом сделает в ходе модернизации огромный шаг вперед, в 2 раза, а то и больше поднимутся доходы городского и сельского населения, материальная и культурная жизнь китайского народа достигнет среднего уровня и, хотя объем национального дохода на душу населения будет все еще оставаться на относительно низком уровне, экономическая и оборонная мощь страны значительно возрастут по сравнению с исходным уровнем [69, с. 20].

В качестве стратегических ударных участков в деле развития экономики были названы сельское хозяйство, энергетика и транспорт, просвещение и наука. При этом подчеркивалось, что если поднимется сельское хозяйство, являющееся основой народного хозяйства Китая, то «все остальное не составит большого труда». Пока же в сельском хозяйстве существуют такие серьезные проблемы, как низкие производительность труда и товарность, слабая защищенность от стихийных бедствий, растущее (по мере увеличения численности населения) противоречие между огромным населением и небольшим фондом пахотной земли.

Поэтому в аграрной политике, наряду с решительным сдерживанием роста населения, охраной всех сельскохозяйственных ресурсов и сохранением экологического баланса, рекомендовалось: ориентироваться на усиление капитального строительства в сельском хозяйстве, улучшение условий сельскохозяйственного

производства, применение в земледелии достижений науки в целях получения большого количества зерна и технических культур с недостаточной площади пахотных земель, а также всестороннее развитие лесного хозяйства, животноводства, рыбоводства, подсобного хозяйства и промыслов для удовлетворения потребностей развивающейся промышленности и растущих запросов населения.

Для ликвидации все возрастающей напряженности в обеспечении народного хозяйства энергией и транспортными услугами, являющейся одним из важнейших сдерживающих факторов развития экономики, съезд предложил форсировать разработку энергетических ресурсов, максимально экономить энергию и в то же время принимать действенные меры для усиления строительства в области транспорта и связи.

Что касается науки и техники, то она была названа «ключом к осуществлению четырех модернизаций». А потому ориентация была взята на техническую реконструкцию в крупных масштабах, внедрение достижений техники, дающих удовлетворительный экономический эффект, активное применение новой техники, оборудования, технологий, материалов, усиление научно-исследовательской работы в области прикладных и фундаментальных наук, а также объединение их сил для «штурма ключевых проблем», усиление научных исследований в области экономической науки и науки об управлении для активного использования их результатов в целях повышения уровня планирования и управления народным хозяйством, проведение целого ряда мер для повышения научно-культурного уровня всей нации [69, с. 21—23].

Были определены и два стратегических шага, которые необходимо сделать для достижения целей модернизации: в первом десятилетии главным образом заложить фундамент, накопить силы и подготовить соответствующие условия; во втором — вступить в период экономического подъема. При этом половина первого десятилетия, т. е. 6-я пятилетка (1981—1985 гг.) отводилась на урегулирование народного хозяйства: упорядочение, реорганизацию и объединение существующих предприятий, техническую реконструкцию тех предприятий, которые в ней срочно нуждаются, закрепление и совершенствование первых результатов преобразований в системе управления и т. п. Вторая половина этого десятилетия, т. е. 7-я пятилетка (1986—1990 гг.) отводилась на широкую техническую реконструкцию предприятий, постепенное развертывание реформы системы хозяйственного

управления и завершение рационализации организационной структуры предприятий и экономики в целом.

Одним из главных вопросов, вставших на пути реализации программы модернизации народного хозяйства, оставался вопрос финансового и материально-технического обеспечения, а потому ставилась задача коренного улучшения финансово-экономического положения страны путем повышения экономической эффективности, сбалансирования доходов и расходов госбюджета, выявления кредитных ресурсов, поддержания в основном стабильных цен.

Особое внимание в программе уделялось строительству «самых важных и самых срочных объектов», поскольку без «поднятия на должную высоту» таких основных отраслей, как топливно-энергетическая промышленность и транспорт, в народном хозяйстве страны невозможно будет достичь сбалансированного снабжения, производства и сбыта. В то же время предлагалось, учитывая необычайное богатство страны трудовыми ресурсами, обратить серьезнейшее внимание на расширение в специфических условиях Китая вложений живого труда: использовать многочисленную рабочую силу на селе для эффективного капитального строительства в сельском хозяйстве с учетом местных условий, придавать огромное значение вложениям живого труда в горном, транспортном и другом строительстве [69, с. 26—28].

Однако проблема концентрации средств для важнейших объектов строительства явно обострилась в связи с начавшейся с конца 1970-х годов политикой повышения инициативы местных органов и расширения хозяйственной самостоятельности предприятий. Результатом последней стало заметное снижение доходов государственного бюджета, создание ситуации, когда «производство растет, растет уровень жизни, а государственный бюджет беднеет». Благодаря расширению самостоятельности предприятий прирост денежных средств, находящихся в их распоряжении, составил за период 1978—1982 гг. 42 млрд юаней, а доходная часть государственного бюджета сократилась за этот же период на 1,42 млрд юаней [370, 16.04.1983].

Значительно возросшие собственные средства мест и предприятий стали использоваться для строительства многочисленных объектов, имеющих лишь местное значение. В то же время в результате сокращения финансовых доходов государства не хватало средств для строительства срочно необходимых узловых объектов [69, с. 27]. Преодоление этой тенденции затруднялось

дальнейшим расширением самостоятельности предприятий и местных органов в ходе реформы экономической системы КНР.

Необходимость одновременного решения целого комплекса накопившихся до реформы как экономических, так и социальных проблем непосильным бременем ложилась на страну. Это уже показала практика предшествовавших XII съезду лет. Например, для того чтобы выделить в 1979—1981 гг. дополнительно 30 млрд юаней в фонд заработной платы и премирования рабочих и служащих (так же, как и покрыть суммы, выделенные на повышение закупочных цен) [354, 14.12.1982], необходимо было (учитывая недостаточную эффективность производства и необходимость сокращения дефицитности госбюджета) «поджать» какую-то статью бюджетных расходов. Ею оказались ассигнования на капитальное строительство.

Но сокращение капитальных вложений в народное хозяйство не могло стать долговременной политикой, так как выведение из перманентного кризиса сельского хозяйства и топливно-энергетических отраслей требовало принципиального увеличения капитальных затрат, уже давно актуальных из-за своей объективно не скорой отдачи. Несомненно, что техническая реконструкция предприятий — более экономный, но все равно требующий больших капитальных затрат способ развития и совершенствования производства, тем более что в ней нуждалась значительная часть китайских предприятий.

Как показали документы состоявшейся в конце 1982 г. 5-й сессии ВСНП 5-го созыва, масштабы и степень нерентабельности существующих предприятий Китая были весьма значительны¹ [354, 26.06.1979, 30.04, 20.12.1982, 29.04.1983], предлагаемые для ликвидации этой убыточности сроки — чрезвычайно коротки, средства — осуществимы больше в теории, чем на практике, а наиболее очевидные последствия — появление огромной армии нетрудоустроенных после предполагаемого «закрытия, консервации, слияния или переключения на производство другой продукции» нерентабельных предприятий — настолько серьезны, что в решение дилеммы «потребление—производство» они могли внести целую массу новых проблем.

¹ Несмотря на проводимое уже не один год упорядочение предприятий, 30 % их несли убытки, общая сумма которых в 1982 г. составила 4,2 млрд юаней, в то время как в 1979 г., по официальным же данным, убыточных предприятий было около 25 % [354, 26.06.1979; 30.04., 20.12.1982; 29.04.1983].

Чрезвычайно серьезным обстоятельством стало то, что в предшествующие XII съезду годы рост заработной платы и доходов трудящихся существенно обгонял рост производительности труда, т. е. оборачивался проеданием национального дохода и подрубал основы расширенного воспроизводства. Так, выработка на каждого занятого в сельском хозяйстве выросла за период 1978—1981 гг. на 12,7 %, а доходы повысились на 67,2 %. При росте денежной заработной платы рабочих и служащих за период 1979—1981 гг. на 44 % производительность труда возросла лишь на 6,6 % [354, 30.04.1983].

Осознание наличия «подводных камней» в проводимой политике выразилось в указании на XII съезде КПК на недопустимость в дальнейшем увеличивать доходы различным категориям трудящихся без соответствующего материального наполнения, которое может быть обеспечено лишь при опережающем росте производительности труда. Поставленный на съезде достаточно ясно и категорично данный вопрос одновременно обнажил и важнейшие источники роста доходов, и невозможность пользоваться ими впредь: «Повышение уровня жизни городского и сельского населения может происходить только на основе всемерного развития производства, он не может повышаться за счет сокращения крайне необходимых вложений государства в строительство, так как это наносит ущерб коренным и перспективным интересам народа; рост доходов крестьянства больше не должен происходить главным образом за счет повышения цен на сельскохозяйственную продукцию¹ [354, 14.12.1982] за счет снижения заданий по госпоставкам и госзакупкам и расширения сферы применения условленных цен; рост средних доходов рабочих и служащих может идти лишь медленнее, чем рост производительности труда [69, с. 29]. То есть сбалансирование интересов производства и потребления оставалось одной из наиболее острых и трудно регулируемых проблем ближайшего и далекого будущего.

Позиция китайских ученых по поводу основных параметров «четырёх модернизаций» и ее особенностей в специфических условиях Китая формировались под влиянием проводимой с конца

¹ Как сообщалось на 1-й сессии ВСНП 6-го созыва, в 1982 г. по сравнению с 1978 г. доходы крестьянства от одного только повышения закупочных цен на продукцию сельского хозяйства и подсобных промыслов составили 26 млрд юаней [354, 24.06.1983]. В целом же государство в 1979—1981 гг. выделило на повышение закупочных цен 44,2 млрд юаней [354, 14.12.1982].

1970-х годов экономической политики, на основе не только многолетней прошлой, но и новой практики, вносившей корректировки и в масштабы, и в темпы, и в методы преобразований. Безусловно, что в той или иной степени они находили отражение в планах и решениях, принимаемых на государственном уровне, которые также претерпевали определенную эволюцию по мере углубления реформы.

При характеристике количественных ориентиров, выдвинутых на перспективу, китайские ученые, как правило, разъясняли общие показатели, детализируя их по отраслям или сферам деятельности, выделяя те или иные этапы развития, показывая благоприятные условия или трудности, которые стоят на пути реализации этих планов. Уровень, которого Китай должен был достичь к 2000 г., характеризовался при этом как выход в первые ряды стран мира по абсолютным показателям производства важнейших видов продукции промышленности и сельского хозяйства, а также как достижение передового технического уровня развитых стран 1970-х — начала 1980-х годов.

Оценивая возможности увеличения совокупного продукта промышленности и сельского хозяйства к концу века в 4 раза, экономисты КНР делали акцент на существенном повышении эффективности производства как необходимом условии достижения этого. При этом подчеркивалось, что в специфических условиях страны, когда население велико, а экономическая база слаба, значение повышения эффективности производства возрастает многократно. Определенные надежды на повышение ее связывались с результатами осуществления политики «урегулирования, преобразования, упорядочения и повышения», неоднократно продлеваемой после ее объявления в 1979 г.

Относительно более далекой перспективы прогнозы строились в расчете на то, что после осуществления урегулирования будет достигнута рационализация производственной, отраслевой, организационной структуры, что в результате проведения реформы предприятия в условиях самохозяйствования и демократического управления смогут значительно повысить свою активность и созидательность, что будет постепенно осуществляться техническая реконструкция предприятий. Наконец, сам факт постановления экономической эффективности на первое место в проводимой политике означал, по мнению китайских ученых, что КНР действительно вступила на новый путь экономического строительства [218, с. 39].

Специфические условия Китая, по мнению ученых, и требуют, и позволяют развивать экономику высокими темпами. Среднегодовой темп прироста совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства до 2000 г. в 7,2 % рассматривался как реальный и научно обоснованный, причем в сельском хозяйстве он предполагается 5—6 %, а в промышленности — 6—7 % в первом десятилетии и 8—9 % во втором. Высказывавшиеся в ходе обсуждения планов мнения о том, что в первое десятилетие необходимы более высокие темпы развития, считались мало соотносящимися с ресурсными возможностями страны, с необходимостью сосредоточить силы на ключевых объектах для создания более надежной базы для последующего развития. Более того, подчеркивалось, что и на будущее необходимо остерегаться идеологии «ускорения», что и на более прочной экономической базе необходимо будет тщательно регулировать соотношение между темпами и эффективностью.

Оценивая в целом реальность намеченных темпов развития экономики КНР до конца века, китайские ученые ссылались на то, что, судя по международному опыту, и развитые, и развивающиеся страны достигали удвоения производства примерно за 20 лет. Что касается опыта самой КНР, то за 30-летний период до начала реформы, несмотря на неоднократные поражения в сфере экономики, среднегодовые темпы прироста были даже выше планируемых на новом этапе. Так, за период с 1953 г. (начало 1-го пятилетнего плана) по 1980 г., т. е. за 27 лет, среднегодовой прирост совокупного продукта промышленности и сельского хозяйства составил 8,2 %, а ведь этот период был насыщен такими разрушительными для экономики событиями, как «большой скачок» и «культурная революция», когда под влиянием «левой» идеологии пренебрегали экономической эффективностью, улучшением жизни народа, пропорциональностью в народном хозяйстве и т. д. [218, с. 40; 308, 1986, с. 58—59]. Новые же условия значительно благоприятнее, чем прежде.

Оптимизму в оценках возможности достижения обозначенных на конец XX столетия ориентиров способствовало и то обстоятельство, что выполнение 6-го пятилетнего плана (1981—1985 гг.) шло опережающими темпами; такими же оказались и его итоговые цифры, на волне подъема началась и 7-я пятилетка (1986—1990 гг.). И лишь исподволь, постепенно стала вызревать тревога по поводу этого перманентного опережения.

Характеризуя способность выхода КНР к 2000 г. в первые ряды стран мира по валовому национальному продукту, ученые

КНР заостряли внимание на показателях национального дохода, наиболее концентрированно выражающих экономическую мощь страны. Это делалось для того, чтобы показать те возможности, которые сможет иметь страна для расширения производства и улучшения жизни народа. Подсчитанный по международной методике (с добавлением к национальному доходу амортизационного фонда и доходов непроектируемой сферы) валовой национальный продукт КНР оценивался в 1980 г. примерно в 283,3 млрд долл. (США — 2582,5 млрд долл., СССР — 1212 млрд долл., Япония — 1152,9 млрд долл.), что соответствовало 8-му месту в мире. Учетверение этого показателя к концу века давало цифру в 1140 млрд долл., что делало возможным передвижение Китая на 5-е место, т. е. выведение его в первые ряды среди других стран мира. Однако из-за многочисленного населения страны душевой показатель валового национального продукта КНР, как подчеркивали ученые, крайне низок: по нему страна занимала примерно 151-е место в мире, а при выполнении намеченных планов могла, по их расчетам, передвинуться к 2000 г. на 75-е место [218, с. 43, 308, с. 54—55]. Безусловно, что это довольно скромные показатели, но за ними будет стоять быстро набирающее экономическую мощь государство.

Анализируя задачи достижения к концу века передового технического уровня развитых стран 1970-х — начала 1980-х годов, китайские специалисты отталкивались от того, что уровень развития науки и техники — важнейший показатель модернизации. Использование передовой техники на рубеже нового столетия для КНР, по мнению китайских экспертов, означает: во-первых, достижение передового уровня развитых стран указанного периода в отраслях химической, машиностроительной, электротехнической, угольной, стройматериалов и металлургической промышленности; во-вторых, достижение в некоторых сферах, например в электронной, радиотехнической, фармацевтической, текстильной и нефтяной отраслях промышленности, приблизительного уровня развитых стран 1990-х годов и даже начала XXI в. (техническая база и ресурсы позволяют это). Однако отмечалось, что на освоение даже передовой техники развитых стран, если она не подходит к китайским условиям, не следует тратить усилий; напротив, некоторую технику развитых стран 1950—1960-х годов и даже более раннего периода, которая необходима в китайских условиях, надо развивать достаточно быстро (это касается железных дорог и телефонной связи); наконец, в некоторых областях, где внешний мир не может обеспечить подходящей техникой, исходя

из конкретных потребностей страны, необходимо создавать свою, имеющую китайскую специфику новую технику.

Признавая, что в целом Китай чрезвычайно отстал в техническом отношении, ученые в то же время обращали внимание на то, что в некоторых сферах он уже приблизился к передовому мировому уровню или достиг его. Это касается некоторых областей земледелия, животноводства, медицины, текстильного производства, обороны, космоса и т. д. Что же касается такого наиболее типичного показателя технико-экономической отсталости, как низкий коэффициент полезного использования материальных ресурсов и источников энергии, то задача КНР состоит в том, чтобы довести его с примерно 30 % в начальные годы реформы до 40 % к концу века. Подчеркивалась необходимость принципиально повысить и такой показатель степени модернизации страны, как удельный вес электротехнической продукции в экспорте страны и соответственно удельный вес экспортируемой электротехнической продукции в ее общем производстве (в КНР в 1981 г. первый показатель составлял 5 %, второй — 1,5 %), ибо по международным стандартам страна, у которой доля электротехнической продукции в экспорте не достигает 25—30 %, не может считаться «прошедшей модернизацию» [218, с. 43—46].

Специфика технико-экономической модернизации КНР виделась в том, что и после выполнения намеченных к началу 21-го столетия задач в техническом оснащении страны будет сохраняться плюральная структура — передовая, среднего уровня и традиционная ручная техника. Изменится только качество каждого из этих видов техники относительно к прежнему времени, уровень автоматизации, полуавтоматизации, механизации и полумеханизации может значительно повыситься.

О дальнейших перспективах модернизации не говорилось конкретно, а лишь в самых общих чертах. Так называемая более высокая степень модернизации связывалась с приближением или достижением КНР к 30—50-м годам XXI в. уровня экономически развитых государств в важнейших областях научно-технической и социально-экономической жизни страны: к 2000 г. — достижение уровня «скромного достатка», к 2021 г. (т. е. к столетию КПК) — достижение уровня среднеразвитых стран; к 2049 г. (т. е. к столетию образования КНР) — превращение КНР в обладающее высококачественной материальной и духовной культурой мощное социалистическое государство [308, с. 49].

В таком определении перспективы развития страны присутствовало больше идеологии и романтики, чем экономического

расчета и научного обоснования. Его мобилизующий настрой очевиден, и его можно сравнить с таким же мобилизующим настроением, который присутствует в статье Мао Цзэдуна, написанной им в 1956 г. по случаю 90-летия со дня рождения Сунь Ятсена: «Все вещи и явления находятся в постоянном развитии. Со времени революции 1911 года, т. е. Синьхайской революции, прошло всего лишь 45 лет, а облик Китая совершенно изменился. Пройдет еще 45 лет и наступит 2001 год, начнется XXI век, и тогда облик Китая еще больше преобразится. Китай превратится в могучую социалистическую индустриальную державу, какой он и должен стать. Обладая территорией в 9600 тысяч квадратных километров и населением в 600 миллионов человек, Китай должен вносить сравнительно большой вклад в дело человечества» [115, т. 5, с. 396—397]. Но такие мобилизующие ориентиры были и остаются традиционно важными для страны, главной производительной силой которой является сегодня уже более чем миллиардное население.

В значительной степени специфичность китайской модернизации должна отражаться в структурной политике. Колоссальное население, подавляющую часть которого составляют крестьяне, при слабой экономической базе страны изначально ставит на 1-е место проблему обеспечения его работой, питанием и товарами первой необходимости. При всей разности нюансов общий подход китайских ученых к структурным особенностям модернизации сходится в том, что в таких специфических условиях предпочтение должно отдаваться сельскому хозяйству и легкой промышленности, трудоинтенсивным и энергосберегающим видам производства, широкому привлечению промежуточной техники, которая не противостоит решению проблемы занятости, технической реконструкции перед новым строительством, более полному использованию имеющейся производственной базы, а не ее расширению, поиску резервов и максимальной экономии материальных ресурсов, разработке научных направлений, связанных с контролем над ростом населения, охраной окружающей среды, улучшением условий труда и здравоохранения. В качестве основных пропорций, которые должны быть объектом регулирования развития производительных сил в соответствии с особенностями страны, рассматриваются и общехозяйственные, и межотраслевые, и внутриотраслевые.

Признав в качестве главной задачи структурной политики установление соответствия между производством и потреблением, ученые КНР, основываясь на опыте прошлого страны, подчерки-

вали недопустимость превышения нормы накопления, считая наиболее рациональным уровень в 25 %, выход за пределы которого будет означать изъятие не только прибавочного, но и необходимого продукта. Однако последующая практика показала всю сложность решения этого главного вопроса: после некоторого снижения нормы накопления в начале 1980-х годов (до 28,5 % в 1981 г. и 29 % в 1982 г. против 36,5 % в 1978 г.) она опять стала расти, достигнув 35,2 % уже в 1985 г., лишь незначительно сократившись в последующие годы, но достигнув, а затем и превысив 40%-ную планку в 1990-е и 2000-е годы.

Сложность правильного решения вопроса о соотношении между промышленностью и сельским хозяйством, так же, как и между сельским хозяйством, тяжелой и легкой промышленностью, по мнению китайских ученых, связана в том числе и с бытовавшим в прежней практике представлением о том, что «чем выше удельный вес промышленности, тем лучше». Результатом такого подхода было стремление увеличить долю промышленности, а внутри нее — долю производства средств производства, в результате чего не только наносился урон сельскому хозяйству, но и не могла полноценно развиваться сама промышленность. Более того, на протяжении длительного времени, как отмечают китайские авторы, в КНР утверждалось, что преимущественное развитие тяжелой промышленности является всеобщим экономическим законом, который необходимо применять в любых условиях, считалось, что преимущественное развитие тяжелой промышленности — это путь социалистической индустриализации, в то время как преимущественное развитие легкой промышленности — путь капиталистической индустриализации.

С началом реформы такой подход отвергается в принципе, показывается, что преимущественное развитие тяжелой промышленности определяется конкретными условиями, а не характером общественного строя. Мотивация строится следующим образом: например, начало индустриализации с развития легкой промышленности в таких странах, как Англия, Франция, США, определялось состоянием производительных сил, а не капиталистическими производственными отношениями; до определенного периода все капиталистические страны развивали преимущественно тяжелую промышленность; преимущественный рост производства средств производства вовсе не означает, что в любой промежуток времени темпы роста средств производства должны быть выше темпов роста предметов потребления, — в частности, при самом динамичном и успешном развитии экономи-

ки в США в период 1954—1972 гг. темпы роста II подразделения (130,1 %) превышали темпы роста всей промышленности (110,2 %), в ФРГ за 1955—1972 гг. ежегодный прирост во II подразделении составил 6,5 % против 6,3 % по всей промышленности, в Японии с 1951 г. по 1955 г. ежегодный прирост в I подразделении составил 14,5 %, во II — 18,6 %; наконец, длительный период преимущественного развития тяжелой промышленности в КНР принес стране немало трудностей, а преимущественное развитие легкой промышленности с 1979 г. быстро оживило эконо­мику [290, с. 47].

Действительно, в числе главных задач выдвинутой на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва в 1979 г. политики на урегулирование народного хозяйства страны были задачи достижения соответствия производства продукции сельского хозяйства росту населения и развитию промышленности, а также приближения темпов роста легкой промышленности к темпам роста тяжелой промышленности или некоторое превышение первых [354, 26.04.1979]. Определенная перегруппировка капитальных вложений в пользу легкой промышленности и опережающие темпы роста ее продукции в 1979—1981 гг. (ежегодно соответственно к предыдущему году — 109,6 %, 118,4 %, 114,1 % против 107,7 %, 101,4 %, 95,3 % — в тяжелой промышленности) приводили к поспешным выводам о возможности закрепить эту тенденцию на достаточно длительное время.

В работах китайских ученых, опубликованных в этот период, речь пошла о «переходном периоде известного равенства тяжелой и легкой промышленности» и необходимости в течение 1980-х годов развивать легкую промышленность быстрее тяжелой [133, с. 88, 93]. При этом совершенно справедливо подчеркивалось, что в такой стране, как Китай, развитие тяжелой промышленности возможно главным образом за счет средств, изымаемых из сельского хозяйства, где из-за низкого уровня развития производительных сил и небольших размеров прибавочного продукта ресурсы накопления очень невелики, а потому всякого рода изъятия ущемляют интересы крестьян, что, в свою очередь, отрицательно сказывается и на развитии сельскохозяйственного производства, и на развитии легкой промышленности, а следовательно, и на положении трудящихся в целом. Поэтому предлагалось на новом этапе, когда уже есть определенная база тяжелой промышленности, «сосредоточить все силы и внимание на сельском хозяйстве и легкой промышленности», а тяжелую промышленность «в максимальной степени сориентировать на их обслу-

живание», т. е. развивать народное хозяйство «по цепочке: от сельского хозяйства к легкой и затем к тяжелой промышленности» [133, с. 88, 91].

Однако объективные условия Китая — чрезвычайная технико-экономическая отсталость не только сельского хозяйства, но и всех отраслей при огромных масштабах страны, делающие невозможным осуществление технической реконструкции за счет импорта — не могли позволить КНР сделать преимущественное развитие легкой промышленности достаточно длительной тенденцией развития экономики, способной обеспечить общий прогресс. Даже активная перегруппировка ресурсов внутри производства средств производства в пользу сельского хозяйства и легкой промышленности, что наиболее отвечает аграрной специфике страны, в условиях Китая довольно болезненна. Осуществленная же больше на основе не возможностей, а потребностей, т. е. с явным нажимом на субъективный фактор и не до конца продуманная перегруппировка сил в пользу производства предметов потребления и форсирования развития легкой промышленности, затормозили выход из тупика базисных отраслей.

Опережающий прирост в легкой промышленности на фоне стагнации и даже спада в важнейших отраслях тяжелой промышленности в период 1979—1981 гг. сменился объективно вынужденной ломкой плана в 1982 г.: вместо запланированного прироста по легкой промышленности 7 % и тяжелой — 1 %, фактический прирост составил соответственно 5,7 % и 9,9 % [354, 06.05.1982; 30.04.1983]. В I квартале 1983 г. необходимость срочной ликвидации образовавшегося «перекоса» в пользу легкой промышленности усилилась: прирост производства в легкой промышленности по сравнению с тем же периодом 1982 г. составил лишь 2,5 %, в то время как в тяжелой — 11,7 %, причем наиболее существенный прирост произошел в отраслях, производящих средства производства для производства средств производства (например, в станкостроении — более 20 %), в результате годовой прирост в 1983 г. составил в тяжелой промышленности 12,4 %, в легкой — 8,7 % [370, 12.04.1983; 352, 27.01.1984]. Таким образом, закономерности воспроизводственного процесса в огромной по масштабам и экономически отсталой стране заставили провести сбалансирование в порядке, обратном недавно провозглашенному.

С учетом этого нового опыта китайские экономисты уже несколько по-иному стали расставлять акценты в анализе соотношения между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промыш-

ленностью в специфических условиях Китая. Рассматривая сельское хозяйство как основу народного хозяйства, они подчеркивают, что провозглашение его на XII съезде КПК в качестве одного из «стратегических участков» требует проведения тщательной работы по организационно-хозяйственному укреплению, техническому перевооружению, капитальному строительству, усилению научных исследований и использованию их результатов, поддержке его различными отраслями.

Что касается легкой промышленности, то стала подчеркиваться необходимость отвести ей особо важное место, учитывая, что она обеспечивает потребности огромного населения в товарах народного потребления, занятость, финансовые поступления государству, в том числе в валюте, развитие рынка, обладает большими резервами и способствует формированию рациональной структуры экономики. Исходя из этого, по мере возможностей необходимо предоставлять льготы легкой промышленности в таких областях, как источники энергии, транспорт, сырье, кредиты, импортная техника, капитальные вложения.

В то же время подчеркивается, что отказ от прежнего одностороннего упора на развитие тяжелой промышленности вовсе не должен отрицать признание важности этой отрасли для развития всего народного хозяйства. В последующий период тяжелая промышленность должна еще лучше обслуживать сельское хозяйство и легкую промышленность, обеспечивать техническую реконструкцию всего народного хозяйства, обеспечивать собственную модернизацию. Но поскольку на современном этапе в развитии самой тяжелой промышленности существует еще очень много ограничений, в первую очередь таких, как слабость энергетики и транспорта, нельзя требовать ее слишком быстрого развития.

Что касается длительной перспективы, то, по мнению ведущих ученых страны, в конкретных условиях Китая должно происходить все же преимущественное развитие тяжелой промышленности, хотя не во всякий период и не при любых условиях. Поскольку до конца столетия предстоит осуществлять техническую реконструкцию имеющихся предприятий, улучшать условия производства и технический облик сельского хозяйства, ускорить развитие легкой промышленности и жилищное строительство, развитие тяжелой промышленности должно опережать развитие легкой.

Специфика развития самой тяжелой промышленности видится в том, чтобы увеличивать капитальные вложения в сырьевые отрасли, транспорт и в отрасли, обслуживающие легкую промыш-

ленность (например, поставляющие сырье для легкой промышленности) и сельское хозяйство (например, производство удобрений, некрупной сельскохозяйственной техники). Для того чтобы при небольшом объеме вложений получить более быструю и более эффективную отдачу, большую часть средств рекомендуется вкладывать в расширение, обновление и реконструкцию старых предприятий, а не в новое строительство (реконструкция предприятия по сравнению с новым строительством позволяет получить экономию в средствах примерно на $\frac{1}{3}$, в оборудовании — на 40 %, а также выигрыш во времени) [133, с. 98—99].

С учетом наличия в стране избыточной рабочей силы не рекомендуется сразу переходить к автоматизации, целесообразнее ставить на первый план улучшение качества изделий, снижение разного рода затрат, расширение ассортимента продукции, экономию топлива, охрану окружающей среды, повышение технико-экономических показателей, с тем чтобы выпускаемая продукция отвечала современным требованиям и становилась конкурентоспособной на мировом рынке. Осуществление механизации сельского хозяйства также должно быть приспособлено к условиям страны, а потому здесь с учетом наличия в деревне большого количества рабочей силы предлагается делать ставку не на всеохватывающую механизацию, а на повышение урожайности с помощью достижений агрономической науки [133, с. 22].

Специфика решения вопроса с увеличением занятости видится ученым КНР в том, чтобы в большей степени развивать отрасли, концентрирующие трудовые ресурсы, и в меньшей — отрасли, концентрирующие капитал (технику), а также в том, чтобы в течение определенного времени в дальнейшем проводить линию на одновременное использование малого количества передовой техники, большого количества рядовой техники и ручного труда. Чтобы добиться увеличения занятости, не рекомендуется значительно повышать техническую вооруженность труда или ликвидировать ручной труд в сельском хозяйстве и других отраслях. Считается, что темпы перехода трудовых ресурсов из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли должны быть достаточно умеренными, так же как и темпы перехода трудовых ресурсов в сферу обслуживания, а темпы перемещения населения из деревни в город должны быть ниже темпов перемещения тружеников из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли [133, с. 358—359].

По мере выяснения необходимости специфичного решения многих вопросов социально-экономического развития КНР в ус-

ловиях реформы китайские ученые постепенно переносят внимание на самые злободневные проблемы страны, и, что отрадно, наиболее обоснованные рекомендации их находят отражение в экономической политике государства. Если в 7-й пятилетке ставится своевременный акцент на необходимости «обеспечения основного баланса между социальным спросом и предложением», то в 8-м пятилетнем плане (1991—1995 гг.) речь идет о повышении уровня технической оснащенности предприятий и «модернизационном строительстве», причем самым значительным достижением 8-й пятилетки стало досрочное — на пять лет раньше — выполнение задачи учета верения ВВП к 2000 г. При разработке 9-й пятилетки (1996—2000 гг.) и перспектив экономического и социального развития до 2010 г. особое внимание обращается на необходимость «расширения по всем направлениям» и «модернизационного строительства», и «среднезажиточного уровня» (*сяо-кан*), а также ставится задача удвоения ВВП страны к 2010 г. по сравнению с 2000 г. В 10-й пятилетке (2001—2005 гг.) акценты ставятся на увеличении возможностей трудоустройства и повышении качества жизни народа и на актуальности улучшения экологической ситуации в стране. Наконец, в 11-м пятилетнем плане (2006—2010 гг.) особое внимание направляется на проблемы в сельском хозяйстве (*сань нун*), необходимость ресурсоэкономного развития, охраняющего окружающую среду, и повышение возможностей КНР к самостоятельным инновациям.

На XV съезде КПК в 1997 г. подчеркивалось, что за последние 20 лет в КНР «с помощью реформы и открытости созданы благоприятные системные условия для осуществления модернизации страны», а потому есть реальная возможность к 2010 г. удвоить валовой национальный продукт по сравнению с 2000 г., а к середине XXI в. «в основном завершить модернизацию, построить богатое и могущественное, демократическое и цивилизованное социалистическое государство» [354, 22.09.1997].

Подчеркивая на XVI съезде КПК в 2002 г. необходимость «идти по пути индустриализации нового типа» с ее высокой наукоемкостью и техноемкостью, экономической эффективностью, низкими ресурсозатратами, незначительным загрязнением окружающей среды и возможностями полного выявления преимуществ страны в людских ресурсах, Цзян Цзэминь разъяснял, что только таким путем можно будет ускорить решение «труднейшей исторической задачи» модернизации Китая и достичь учетверения ВВП страны к 2020 г. по сравнению с 2000 г. Акцент при этом ставился на «выявление важной роли науки и техники как

первейшей производительной силы» и «улучшение качества трудающих».

Подтвердив на XVII съезде КПК в 2007 г. приверженность «пути индустриализации нового типа», Ху Цзиньтао отметил, что «на основе оптимизации структуры, повышения эффективности, снижения затрат и охраны окружающей среды» КНР сможет увеличить к 2020 г. среднедушевой валовой внутренний продукт вчетверо против 2000 г., «более основательно усовершенствовать систему социалистической рыночной экономики», «заметно повысить возможности самостоятельного новаторства», «намного нарастить долю научно-технического прогресса в росте экономики и выйти в число государств инновационного типа» [354, 25.10.2007].

Практическим отражением желания реализации этих устремлений китайского руководства является то, что даже в условиях мирового финансового кризиса расходы из центрального и местных бюджетов страны в 2009 г. выросли: на образование — на 23,6 %, на науку и технику — на 30 %, на охрану окружающей среды — на 10,7 %, а в проектах бюджетов на 2010 г. прирост по этим статьям расходов запланирован соответственно на 9 %, 8 и 22,7 % [354, 17.03. 2010].

Такие шаги на государственном уровне позволяют увидеть путь к реальному осуществлению «стратегии подъема страны силами науки и образования, наращивания государственной мощи посредством кадров», названной на сессии ВСНП в 2010 г. «краеугольным камнем могущества страны и национального возрождения» и «ядром совокупной мощи государства» [354, 17.03.2010].

5.2. Поддержание баланса экономических и социальных интересов

Признав главной целью социалистического производства и строительства непрерывное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа, XII съезд КПК выдвинул основной принцип всей хозяйственной работы на перспективу: «Во-первых, накормить народ, во-вторых, строить». Но эту, казалось бы, простую и очевидную истину чрезвычайно сложно стало воплотить на практике, так как очень трудно в условиях неразвитой экономики накормить народ, не осуществляя прежде всего строительства.

Принятие грандиозной экономической программы по модернизации народного хозяйства, требующей мобилизации финансовых и материально-технических ресурсов страны на нужды производственного характера, при скорее потенциальном, чем реальном увеличении производства чистого продукта для общества не позволяло КНР создавать материальное обеспечение для увеличения доходов трудящихся иначе, как преимущественно за счет предоставления им возможности заниматься предпринимательской деятельностью.

За счет семейного подряда начали спасаться от голода крестьяне наиболее бедных и отсталых районов, после чего он широко распространился во всех сельских регионах страны. Набирал силы и город, где активное развитие единоличного и коллективного предпринимательства, заполняя имеющуюся брешь в хозяйственных структурах, быстро улучшило положение дел в области общественного питания, розничной торговли, транспортных, строительных и прочих услуг. В итоге этот путь стал для государства наименее дорогим по затратам, но наиболее ценным по отдаче фактором, обеспечившим поддержку широкими слоями населения реформ и стабильность в обществе.

В КНР еще в дореформенный период внимательно изучался опыт организации социальной защиты трудящихся, в том числе в развитых государствах (особое внимание вызывал опыт Великобритании, Швеции, Норвегии, Финляндии). При этом признавалось, что в этих капиталистических странах жизнь народа оказалась намного лучше защищена, чем за 30 лет дореформенного социалистического строительства в КНР. Однако в конечном счете на новом этапе развития руководство страны избрало собственные способы решения социальных проблем, отвечающие особенностям Китая.

Подводя итоги новой экономической политики за минувшие после смерти Мао Цзэдуна шесть лет, XII съезд КПК (1982 г.) отмечал, что, хотя за эти годы, особенно после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.), жизнь народа заметно улучшилась, в целом жизненный уровень китайского народа «пока еще низок»: в части сельских районов — в низкоурожайных и пострадавших от стихийных бедствий — крестьяне все еще живут в большой бедности, и нужно активно помогать им в развитии производства и увеличении доходов; городское население все еще заботит немало вопросов, связанных с заработной платой, трудоустройством, жилой площадью, коммунальными услугами и т. д., которые требуют своего разрешения. Одновременно на съезде говорилось

о том, что государство уже решило принять действенные меры для того, чтобы поочередно улучшить условия жизни и работы интеллигенции среднего возраста, играющей роль костяка в производстве, строительстве и на всех участках работы. Важно отметить, что идея поочередности улучшения условий существования различных слоев населения так же, как и достижения социально-экономического благополучия одного за другим регионов страны, стала одним из наиболее результативных аргументов «за» проведение многих мероприятий хозяйственной реформы, нарушавших прежний, привычный для китайского населения, баланс всеобщей бедности и отсталости.

Продиктованная интересами многочисленной и бедной нации стратегия постепенного преодоления социально-экономической отсталости страны четко была обрисована на XIII съезде КПК в октябре 1987 г., т. е. уже с учетом полученного опыта рыночных преобразований и достигнутых темпов экономического роста. Как указывалось на съезде, после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва осуществление хозяйственного строительства было разбито в основном на три шага. Первый шаг предполагал увеличение валового национального продукта в два раза против 1980 г. и на этой основе разрешение вопроса обеспечения народа питанием и одеждой (отмечалось, что эта задача ко времени съезда была уже в основном выполнена). Второй шаг был предназначен для увеличения валового национального продукта к концу XX в. еще в 2 раза для обеспечения народу среднезажиточного уровня жизни (о досрочном выполнении, в основном, этой задачи было объявлено в 1995 г.). Третий шаг предусматривал увеличение среднедушевого валового национального продукта к середине следующего столетия до размеров такового в среднеразвитых странах, обеспечение народу более зажиточной жизни и осуществление в основном модернизации [72, с. 18—19].

Сосредоточение сил на осуществлении второго стратегического шага рассматривалось в КНР в конце 80-х годов как главная задача экономической политики. С выполнением ее связывалось достижение более заметного сдвига в жизни народных масс, причем в показатели улучшения жизни китайского населения включались такие конкретные задачи, как введение всеобщего неполного среднего образования в городах, поселках и абсолютном большинстве деревень, в основном всеобщего полного среднего образования и равнозначного ему профессионально-технического обучения — в крупных городах. Такие подвижки в сторону качества жизни свидетельствовали о действительном решении

самой острой проблемы первых реформационных лет — «обеспечения народа питанием и одеждой».

Однако решение этой первоочередной социальной задачи не повлияло на понимание властями невероятной трудности «в такой многонаселенной и отсталой стране, как Китай, обеспечения в достатке одеждой и продовольствием всего населения, обеспечения ему мирной и спокойной трудовой жизни» [72, с. 19—20]. Учитывая опыт первых лет реформы, потребовавший проведения в 1979—1981 гг. политики урегулирования быстро обозначившегося дисбаланса между спросом и предложением, китайское руководство на XIII съезде КПК делает специальные разъяснения: непрерывное превышение роста потребления над ростом производства, легко возникающее в начале реформы, влияет на стабильность экономики, истощает резервы экономического развития, создает серьезные трудности для перестройки и в конечном счете приводит к понижению реального жизненного уровня народа.

В последующей политике предлагается «делать все для того, чтобы совокупный общественный спрос и предложение оставались в основном сбалансированными» [72, с. 24]. Ключ к этому видится в сдерживании общих размеров вложений в основные фонды страны, увязывании их с реальными возможностями, а также «в рациональном регулировании пределов роста бытового потребления». Что касается последнего, то для предотвращения его чрезмерного роста, для обеспечения увеличения фонда общественного потребления в пределах, не превышающих увеличение национального дохода, идущего на нужды распределения, а среднего заработка и премий рабочих и служащих — в пределах, не превышающих рост производительности труда, предложено было создать на предприятиях механизм самоконтроля, чтобы дополнить им «целый комплекс эффективных регулирующих распоряжений и мер», вводимых на макроуровне. Особое внимание обращалось на необходимость решительного пресечения таких, становящихся все более масштабными по мере углубления реформы явлений, как растрата государственных средств и погоня за роскошью в государственных учреждениях, производственных, непроизводственных и общественных организациях.

Понимая, что углубление реформы потребует более серьезно регулирования соотношения различных интересов, а потому «препятствий на этом пути не может не быть», китайское руководство во всей дальнейшей работе стало все более активно использовать уже апробированный, но официально сформулиро-

ванный лишь на XIII съезде КПК метод: «Во всей практической работе нужно уметь видеть требования времени, сознательно и своевременно устранять дисбаланс, появляющийся в хозяйственной жизни, и путем постоянного небольшого урегулирования избегать вынужденного крупного урегулирования, проводящегося при появлении серьезных диспропорций» [72, с. 24, 74].

Такое урегулирование, направленное на сдерживание темпов инфляции, сокращение как потребительского, так и производственного спроса, было проведено в 1988—1991 гг. Поскольку, если судить по его масштабам и длительности, оно все же несколько запоздало, в последующей практике мини-урегулирования стали проводиться чаще, при первых признаках перегрева в экономике, выражаясь в тех или иных мерах по усилению макроконтроля.

Состоявшийся осенью 1992 г. XIV съезд КПК, обобщая практический опыт за прошедшие годы реформы и намечая стратегический план на следующий период, обнародовал решение руководства страны об ускорении темпов реформы, расширения связей с внешним миром и экономического развития. Как подчеркивалось на съезде, такое ускорение «имеет своей целью удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа» [354, 21.10.1992].

В качестве главных ориентиров повышения качества жизни населения на новый период были названы улучшение качества одежды и питания, жилищных и транспортных условий, дальнейшее развитие здравоохранения, культуры, спорта. При этом подчеркивалась необходимость «не допускать никаких послаблений в деятельности по регулированию деторождения» (т. е. строгого соблюдения установки «одна семья — один ребенок»), а также продолжать «развивать традиции упорства и самоотверженности, трудолюбия и бережливости». Тем самым еще раз прозвучало напоминание о том, что достижение уровня среднезажиточной жизни в стране, население которой составляет одну пятую часть населения всего земного шара, — дело чрезвычайно трудное, тем более что осуществление модернизации требует все больших объемов капитальных средств, а рост среднедушевых доходов на протяжении всех лет реформы обеспечивается с учетом ежегодного существенного прироста населения страны.

Как отражение ситуации, характеризующейся крайней ограниченностью средств для решения всех стоящих перед страной задач, на съезде вновь была сформулирована установка на очередность в достижении благополучия: «Всем одновременно прийти к зажиточной жизни невозможно. Надо позволять и поощрять

часть районов и часть людей становится зажиточными раньше других и подталкивать таким образом все больше и больше районов и людей к постепенному созданию всеобщей зажиточности» [354, 21.10.1992]. Принцип поощрения отдельных районов и отдельных групп населения на достижение первыми зажиточности при условии честного труда и законной деятельности, на оказание ими помощи всем остальным путем вовлечения их в новые формы хозяйствования, передачи опыта организации производства и управления, прямой финансовой или материально-технической поддержки и т. п. был назван в первую очередь при характеристике способов создания системы рационального распределения личных доходов и общественного обеспечения в программном постановлении ЦК КПК (ноябрь 1993 г.) «О некоторых вопросах строительства системы социалистической рыночной экономики». Наиболее эффективным этот метод оказался в проведении с первых лет реформы политики «открытия внешнему миру» (от вначале узкой, затем все расширяющейся полосы более благополучного восточного побережья к отсталым внутренним и западным регионам страны), что и способствовало его повсеместному пропагандированию.

В этом же постановлении предлагалось всем государственным предприятиям таким же способом (от уже достигших хороших результатов к тем, кто только ищет пути достижения этого) отработать механизм постепенного роста зарплаты, учитывая как результаты собственной деятельности, так и установленный государством минимальный уровень зарплаты. Здесь же ставился вопрос о создании в целях облегчения финансового бремени государства многоканальной системы социального обеспечения и постепенной коммерциализации системы страхования.

На состоявшемся в сентябре 1995 г. 5-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва было объявлено о досрочном выполнении стратегической задачи — учетверения валового национального продукта страны к 2000 г. по сравнению с 1980 г. и достижения (в основном) уровня «скромного достатка» жизни населения. Это позволило выдвинуть очередную задачу на перспективу — новое удвоение ВВП к 2010 г. и внесение дополнительных качественных элементов в понятие «скромного достатка» за счет увеличения среднедушевого производства ВВП к 2000 г. в 4 раза по сравнению с 1980 г. при увеличении населения за этот период на 300 млн человек.

Конкретизация задач на перспективу нашла отражение во 2-м пятилетнем плане экономического и социального развития

(1996—2000 г.): обеспечение среднегодового роста душевых доходов городского населения, идущих на удовлетворение жизненных потребностей, примерно на 5 % (за вычетом фактора повышения цен), а чистых доходов крестьян в расчете на человека — примерно на 4 %.

К числу важнейших направлений по улучшению жизни трудящихся были отнесены: активное расширение каналов трудоустройства в городе и деревне, разрешение жилищной проблемы, улучшение условий быта, расширение социального сервиса, более интенсивная помощь со стороны центра и мест нуждающимся при тщательном контроле за использованием выделяемых на это средств, постепенное введение гарантирования прожиточного минимума для городского населения. На решение проблемы увеличивающегося разрыва в сфере общественного распределения направляются меры по индивидуальному налогообложению в целях регулирования излишне завышенных доходов.

На годы 9-й пятилетки была поставлена задача ускорить перестройку системы социального обеспечения престарелых и нетрудоустроенных, системы медицинского страхования, а также совершенствование многоступенчатой системы социальных гарантий, включающую социальную помощь, общественные пособия, приоритетное трудоустройство, индивидуальные накопления и т. д. В новой системе предложено: расходы по социальному обеспечению и медицинскому страхованию рабочих и служащих городских и поселковых предприятий, а также пенсионеров распределять между государством, учреждениями и индивидуальными лицами посредством сочетания единых социальных фондов с личными банковскими счетами; постепенно увеличивать в социальном обеспечении вспомогательную роль коммерческого страхования; вводить комбинированную систему пособий по безработице в сочетании с обеспечением возможности повторного трудоустройства.

Особая роль в осуществлении среднесрочных и долгосрочных планов модернизации народного хозяйства была отведена повышению образовательного уровня населения. К 2000 г. планировалось по всей стране в основном перейти на всеобщее 9-летнее обязательное обучение и ликвидировать неграмотность среди молодежи и лиц зрелого возраста. Был поставлен акцент на повышении качества и эффективности высшего образования и стимулирование постепенного создания новой системы образования, в которой стержнем станут государственные учебные заведения при участии учебных заведений, создаваемых усилиями общест-

венности. В целом образование нацеливалось на подготовку большого числа квалифицированных и в то же время хорошо разбирающихся в требованиях рыночных условий хозяйствования кадров.

Развитие образования, науки и культуры тесно увязывалось с укреплением позиций духовной культуры. Правительствам всех уровней было предписано включать вопросы совершенствования духовного развития в общие программы социального развития, увеличивать инвестиции в эту сферу, «не приносить интересы духовного развития в угоду кратковременному экономическому росту» [354, 21.03.1996]. Подчеркивалось, что совершенствование экономической политики в сфере культуры предполагает усиление контроля за рынком произведений искусства, сооружение библиотек, дворцов культуры, архивохранилищ, музеев, домов научно-технического творчества, усиление охраны культурных ценностей страны, пропаганды научных и общеобразовательных знаний.

По мере углубления реформы судьбы модернизации стали тесно связываться с решением такой долговременной и трудной задачи, как формирование работоспособного и неподкупного управленческого аппарата. Для достижения положительных результатов в этом предлагается активизировать усилия по строгому расследованию всех случаев, связанных с нарушением законов и дисциплины, особенно наиболее крупных и серьезных преступлений, и суровому наказанию без какого бы то ни было попустительства или снисхождения, независимо от занимаемых должностей тех, кто, нарушая законы, использует служебное положение в корыстных целях, погряз в воровстве, коррупции и взяточничестве.

Для поддержания благоприятного климата и нормальной обстановки в обществе, обеспечения народу мирной и спокойной жизни правительствам всех уровней предписано принимать действенные меры и вести беспощадную борьбу с насилием, наркоманией и наркобизнесом, безжалостно искоренять преступные мафиозные группировки, шайки социально опасных хулиганов и прочую уголовную преступность. Очищение социальной среды предполагает и борьбу с порнографией, проституцией, выпуском нелегальной литературы.

В целях направления энергии всего народа в единое русло ликвидации социально-экономической отсталости страны были предусмотрены меры для укрепления межнациональной сплоченности, для чего предлагалось продолжать усиливать поддерж-

ку и помощь национальным районам финансовыми средствами, техникой, кадрами, в сфере образования и т. п.

Призыв к воспитанию у населения «рационального образа потребления», состоявшийся в сентябре 1997 г. XV съезд КПК указал на необходимость наряду с улучшением материальной жизни обогащать духовную жизнь, украшать среду обитания, повышать качество жизни. При этом в первую очередь предлагалось улучшать жилищные и санитарные условия, условия передвижения и связи, расширять потребление в сфере услуг, постепенно увеличить строительство объектов общественного пользования и общественного вспомоществования, повышать уровень образования и медицинского обслуживания [354, 22.09.1997].

Во второй половине 1990-х годов при относительно стабильных ценах на товары широкого потребления все резче стал обозначаться дисбаланс между потребительским спросом и предложением, часто не вполне верно называемый «снижением покупательной способности китайского населения». На деле это противоречие было рождено реакцией населения на многие социальные нововведения хозяйственной реформы, связанные с постепенной заменой прежних бесплатных государственных услуг указанной системой долевого участия (государство — предприятие — гражданин) в получении жилья, образования, медицинской помощи, в страховании, пенсионном обеспечении и т. п. Именно поэтому люди стали предпочитать не тратить, а накапливать средства на возможные предстоящие нужды, в результате чего намного выросли сберегательные вклады городского и сельского населения: остаточная сумма личных банковских сбережений выросла за 20 лет реформы более чем в 250 раз, в том числе только за 1990-е годы — более чем в 7 раз [89, 1998. С. 78].

Пытаясь повлиять на сложившуюся ситуацию, правительство КНР приняло целый ряд мер, направленных на увеличение трат населения: выпуск госзаймов, неоднократное снижение банковского процента по вкладам, введение налога на банковский процент, повышение заработной платы рабочим рентабельных предприятий и т. п. Меры эти привели к определенному оживлению рынка за счет роста потребительских расходов граждан. Тем не менее у населения увеличивается страх перед возможными масштабами уже вполне обозначившихся направлений реформы социального обеспечения, связанных с перемещением части нагрузки на самих граждан, и люди предпочитают сохранять и по возможности увеличивать свои накопления и депозиты в банках даже под невысокий банковский процент.

В то же время государство не снимает с себя заботу о развитии сферы социального обеспечения: на конец 1997 г. 87,7 млн рабочих и служащих и 70,35 млн сельских жителей были охвачены основным пенсионным страхованием по старости, а свыше 24,5 млн человек — единым пенсионным обеспечением из общественных фондов; 13 млн рабочих и служащих пользовались единой системой оплаты лечения на случай заболевания, а более 1,03 млн пенсионеров — единой системой медицинского обслуживания; в 330 городах страны введена система гарантированного прожиточного минимума и в течение 1997 г. 19,2 млн человек получили на этом основании материальную помощь; 3,8 млн человек получили в течение года пособие по безработице, различное социальное вспомоществование от государства оказывалось более 55 млн чел./раз [370, 21.03.1998].

Согласно официальным данным, за период 1978—1997 гг. в КНР среднедушевой чистый доход жителей деревни увеличился почти в 4,4 раза, городов — более чем в 3 раза, индекс роста розничных цен колебался в пределах от 0,7 до 8,8 %, достигнув пика в 1988—1989 гг., 1993—1995 гг. (соответственно 18,5; 17,8; 13,2; 21,7; 14,8 %) и снизившись в 1997 г. до 0,8 %. В то же время при достаточно стабильном росте доходов трудящихся около 60 млн сельского и 10—20 млн городского населения продолжали испытывать трудности с питанием и одеждой.

Хотя и умеренный, но постоянный рост цен на потребительские товары в условиях «скромного достатка» являлся серьезным буфером улучшения социального благополучия населения: нижняя граница «скромного достатка» постепенно повышалась, так же как и нижняя граница бедности, что делало все более сложной задачу выведения из бедности десятков миллионов китайского населения. По оценкам, досрочное выполнение («в основном») задачи достижения «скромного достатка» жизни касалось в начале XXI в. примерно 70 % китайского населения. Однако общая динамика, в частности, например, то, что стало бедствовать в 2—3 раза меньше крестьян, чем в начале реформы, безусловно, положительна, и именно она определяла общее настроение людей.

В выступлении Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК в ноябре 2002 г. социальные проблемы страны фактически были вынесены в название его доклада — «Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой».

Качественная подвижка в постановке вопросов состояла здесь в том, что достижение средней зажиточности «в основном» предлагалось распространить на все китайское общество, тем более что последнее по мере углубления реформы становилось все более сложным по своему социальному составу. Именно поэтому подчеркивалось, что «в ходе построения социализма с китайской спецификой коренные интересы всего китайского народа едины, и отношения различных конкретных интересов, а также внутренние противоречия можно регулировать именно на этой базе» [354, 18.11.2002]. Основной акцент предложено было делать на том, чтобы представлять коренные интересы самых широких слоев народа и тем самым «побуждать весь народ уверенно идти вперед к всеобщему достатку».

Передавая Вэнь Цзябао эстафету правления на 1-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2003 г., премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи отметил заметное улучшение жизни населения Китая с 1997 по 2002 г.: фактический среднегодовой прирост среднедушевых доходов городских семей составил 8,6 %, сельских — 3,8 %; остаточная сумма сбережений городского и сельского населения увеличилась почти в 2 раза; число бедных в деревне сократилось на 21,4 млн человек; заметно повысился потребительский уровень, городской и сельский рынок находился в состоянии процветания, реальный среднегодовой прирост розничных продаж потребительских товаров составил 10,5 %; жилая строительная площадь на душу городского населения возросла с 17,8 почти до 22 кв. м, а на душу сельского — с 22,5 до 26,5 кв. м; непрерывно улучшались условия здравоохранения и медицинского обслуживания, и средняя продолжительность жизни достигла 71,8 года, т. е. приблизилась к уровню среднеразвитых стран мира [354, 20.03.2003].

Внося свои предложения относительно работы правительства нового созыва, Чжу Жунцзи подчеркнул важность продолжать ширить внутренний спрос, стимулировать развитие сельского хозяйства и экономики села, а также масштабное освоение западных регионов страны, серьезнее ширить занятость и социальное обеспечение, осуществлять стратегию подъема страны силами науки и образования, усиливать формирование социалистической демократии и правопорядка, духовной культуры социализма.

Практически все эти рекомендации Чжу Жунцзи, авторитетного специалиста по макрорегулированию и устранению разного рода перекосов в социально-экономическом развитии КНР в

предшествующие годы реформы, нашли отражение и в Постановлении 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.), а затем в докладах новых руководителей правительства на ежегодных проводимых сессиях ВСНП в период 2004—2010 гг.

Характерно, что в документах последних сессий все больший акцент ставится на необходимость не только сбалансированного, но и «гармоничного» развития экономической и социальной сфер, неперемennого следования в своей деятельности принципу «человек превыше всего».

Комплексно стратегия и тактика социального развития Китая в начале 21-го столетия была выражена на XVI съезде КПК в 2002 г. тезисом «беря за ориентир всеобщую зажиточность, увеличивать удельный вес категории людей со средними доходами и повышать уровень доходов людей низкооплачиваемой категории» [354, 18.11.2002].

Практическая реализация этих установок стала подтверждаться следующими показателями: если в 2002 г. дотации на обеспечение прожиточного минимума городского населения составляли 4,6 млрд юаней, то в 2003 г. они поднялись до 9,2 млрд юаней, т. е. увеличились в 2 раза, благодаря чему прожиточный минимум был обеспечен 22,35 млн человек городского населения страны. Более чем на 13 % выросли дотации из центрального бюджета на выплату средств пенсионерам и сокращенному персоналу, увеличились дотации центральным и западным регионам и городам центрального подчинения по освоению целины.

В целях стимулирования ускоренного развития социальной сферы центральные финансовые органы в 2003 г. отпустили на нужды образования, здравоохранения, науки и техники, культуры, физкультуры и спорта 85,5 млрд юаней, что на 12,4 % превышало показатель предыдущего года, а их госзаймовое инвестирование в пользу развития социальной сферы составило 16,3 млрд юаней, увеличившись почти в 3 раза. В целом в госзаймовом инвестировании был сделан крен в сторону села, социального обеспечения, освоения западных регионов, поддержки северо-восточной и других старых промышленных баз, т. е. в те сферы, которые ранее были объявлены отстающими на дороге общего прогресса [354, 19.03.2004].

Заслуживает внимания тот факт, что Вэнь Цзябао в докладе на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва в 2004 г. говорил не только о необходимости «уделять больше внимания той части городского и сельского населения, которой живется особенно тяжело, на деле помогать крайне нуждающимся семьям в реальных затруд-

нениях с лечением болезней, школьным обучением детей, жильем, зимним отоплением и т. д.», но и о важности «повышения потребительских возможностей населения среднего и малого достатка», что будет способствовать продолжительному и относительно быстрому росту народного хозяйства [354, 19.03.2004].

Подчеркивая важность активной политики трудоустройства, Вэнь Цзябао рекомендовал «с особой тщательностью проводить политику финансово-кредитной поддержки, частичного либо полного освобождения от налогов», указав тем самым на один из достаточно действенных способов — возможности самостоятельного создания рабочих мест для постепенного сокращения безработицы и обеспечения занятости населения страны. В это же время уже велся эксперимент по реформированию налогов и денежных сборов на селе. На поддержку этой реформы из центрального бюджета было выделено 30,5 млрд юаней, бюджеты провинций, городов и уездов, имеющих на то условия, также выделили на это средства. Сфера эксперимента расширилась с 20 провинций до масштаба всей страны, уменьшение средней нагрузки на крестьян превысило 30 %. Уже на 4-й сессии ВСНП в 2006 г. сообщалось, что в результате успешного продвижения эксперимента с комплексной реформой на селе был отменен налог на скотоводство, количество единиц провинциального уровня, где полностью ликвидирован сельхозналог, увеличилось до 28, и все это принесло выгоду 800 млн крестьян. В скором времени сельхозналог был полностью отменен [354, 19.03.2004; 07.03.2006].

Таким образом, в стратегии социально-экономического развития КНР, обрисованной в общих параметрах до середины XXI века, постепенно расширялся круг социальных задач, на решении которых надо было сосредоточиться в тот или иной период. Восхождение шло от первоочередного разрешения самых острых, не терпящих отлагательства проблем (предотвратить голод, накормить и одеть народ по самым скромным меркам) к задачам улучшения качества жизни (накормить досыта, улучшить жилищные и транспортные условия, разнообразить услуги, повысить уровень образования и медицинского обслуживания, активизировать работу по укреплению духовной культуры, осуществляя бескомпромиссную борьбу с участвовавшими в ходе рыночных преобразований фактами нравственного разложения в обществе и государственном аппарате и т. д.).

Не вполне верно, на наш взгляд, нынешняя трактовка некоторыми исследователями выдвинутого на заре экономических реформ Дэн Сяопином лозунга «пусть сначала обогатится часть

людей, часть районов с тем, чтобы повести весь народ к всеобщему изобилию». Часто его *противопоставляют* ныне объявленному курсу на достижение средней зажиточности всем народом, не принимая во внимание тот факт, что тогда, когда Дэн Сяопин выдвигал лозунг «поочередного обогащения», в стране, длительное время перед реформой переживавшей экономический и политический кризисы, фактически не было иных способов получения «первоначального капитала» для хоть какого-то улучшения жизни людей, кроме как обращение к народу самому активно искать способы своего выживания (так начинался и подворный подряд в деревне).

Именно по причине крайней отсталости страны китайское руководство на протяжении всех лет реформы предлагает поэтапные, «выборочные», а не «всеобщие» методы решения тяжелых социальных проблем. В первую очередь, внимание политиков и хозяйственников обращается на самые слабые звенья в том или ином дисбалансе и предлагаются меры по их укреплению, причем мотив социальной защиты трудящихся заметно усиливается, особенно в отношении наиболее бедных слоев населения.

Задачи строительства среднезажиточного общества для всего населения страны требовали устранения все резче обозначающейся по мере углубления реформы тенденции к увеличению различий между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством, отдельными регионами, сосредоточения внимания на создании более совершенной системы социального обеспечения, достижения более полной занятости, повсеместного приумножения семейного имущества и, как подчеркивают в последнее время ученые и руководители страны, «отлаживания отношений распределения доходов» в стране.

Улучшение отношений распределения и совершенствование системы социального обеспечения на современном этапе видится китайскому руководству на пути:

- урегулирования и нормирования отношений распределения между государством, предприятием и отдельными лицами;
- введения принципа участия в распределении, согласно их заслугам, таких компонентов производства, как труд, капитал, технологии и управление;
- усовершенствования системы многообразного по формам распределения с доминантой распределения по труду;
- твердого следования принципу приоритета эффективности с одновременным соблюдением справедливости;

- осуществления борьбы с уравниловкой одновременно с предотвращением весьма большой разницы в доходах.

Претворение в жизнь этих принципов связывается с проведением следующих конкретных мер: при начальном распределении — исходить из эффективности, развертывать роль рынка и поощрять часть людей богатеть раньше других за счет честного труда и законного предпринимательства. А при перераспределении — делать упор на справедливость, усиливать регулирующие функции правительства в распределении доходов и устранять слишком большую разницу в них, нормировать порядок распределения, разумно регулировать чрезмерно высокие доходы небольших по числу монопольных отраслей и изымать незаконные доходы.

Как и следовало ожидать, тема социального строительства в стране в соответствии со взятым в последние годы в качестве руководства к действию принципом «человек превыше всего» стала одной из самых главных на XVII съезде КПК (октябрь 2007 г.). Именно этой идеей пронизан каждый из 12 разделов доклада Председателя КНР Ху Цзиньтао. Ей отведены и специальный раздел доклада «Ускоренно стимулировать социальное строительство с акцентом на улучшение жизни народа», где по существу получили развитие идеи, поднятые еще Цзян Цзэминем на XVI съезде КПК.

Признавая, что «народ в целом зажил среднезажиточной жизнью», Ху Цзиньтао, тем не менее, подчеркнул: «Но в то же время тенденция увеличения разрыва в доходах все еще в корне не остановлена, бедного и низкооплачиваемого населения в городе и на селе пока еще немало, растут трудности с единым учетом интересов различных сторон» [354, 25.10.2007]. То есть китайское руководство реально оценивает тот комплекс проблем, который встает на пути дальнейшего прогресса.

Поскольку поддержание баланса экономических и социальных интересов на протяжении всех лет рыночных преобразований являлось главным условием сохранения социально-политической стабильности в стране, дальнейшее развитие требует от китайского руководства огромных усилий для выработки мер по урегулированию нарастающих социальных противоречий и недопущению «социального взрыва» в стране.

Можно сказать, что и после трех десятилетий рыночных реформ главной социальной проблемой для КНР остается трудоустройство, так как именно с ним в первую очередь связана возможность улучшения жизни китайского народа и постепенная

ликвидация бедности. Именно поэтому в расходной части центрального бюджета на 2009 г. специально оговаривалось выделение субсидий на трудоустройство в размере более 42 млрд юаней, что почти на 67 % больше предыдущего года, а также стимулирование правительственных инвестиций на крупные строительные объекты для обеспечения крестьян работой в городах [354, 16.03.2009]. Одновременно правительства различных уровней прилагают много усилий для профессиональной переподготовки потерявших работу людей и рабочих из крестьянской среды, поощряют предприятия к организации обучения без отрыва от производства и т. п.

Такой подход, учитывающий специфику страны, позволяет Китаю хотя и понемногу, но решать наиболее трудные проблемы общества, сокращая в определенных пределах количество бедных и обездоленных.

Характерно, что именно в 2008—2009 гг. в экспериментальном порядке вводится система основного медицинского страхования неработающего населения, несколько повышается уровень среднедушевой месячной дотации для малообеспеченных городских и сельских жителей, продолжает повышаться уровень базового пенсионного пособия по старости тем, кто покинул предприятия, предоставляются дотации на социальное страхование и занятие общественно полезным трудом тем слоям населения, которым трудно найти работу, и т. п.

Подводя итоги по развитию социальной сферы в стране за последние пять лет, премьер Госсовета Вэнь Цзябао в докладе на 3-й сессии ВСНП 11-го созыва в марте 2010 г. констатировал, что благодаря повышению внимания к системе социального обеспечения в КНР «повсеместно на уровне провинций была введена система единого социального страхования по старости» для персонала предприятий городов и поселков, включая крестьянских рабочих, а также развернулось экспериментирование с введением новой системы сельского соцстрахования по старости. Этим, по сути, «был сделан исторический шаг по созданию в КНР системы социального обеспечения» [354, 16.03.2010].

Фактически, и после трех десятилетий рыночных преобразований, но при все еще не преодоленной экономической отсталости страны, в КНР остается необходимость выбора того звена, которое поможет постепенно вытаскивать всю цепь тяжелых социально-экономических проблем. Сегодня усилия страны предлагаются направить на помощь самым обездоленным. Но в то же время уже накоплены определенные средства и создана та мате-

риальная база, которая позволяет делать шаги в сторону достижения «всеобщей зажиточности», исправления перекосов и дисбалансов, возникших уже в период реформ, и ставить вопрос о «гармонизации» интересов всех слоев общества.

На состоявшемся в октябре 2006 г. 6-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва было принято «Решение по некоторым важным вопросам построения социалистического гармоничного общества», содержание которого сводилось к объявлению социальной гармонии «сутью социализма с китайской спецификой», а также выделению справедливости и нравственности в качестве важнейших признаков «гармоничного социалистического общества» [354, 12.10.2006].

Выдвижение идеи «социальной гармонии» было инициировано решениями многих официальных форумов страны последних лет, но, по сути, можно сказать, что так или иначе поиск в этом направлении шел практически на протяжении всех лет существования КНР.

Задача избавления страны от бедности и отсталости фигурировала в качестве главной цели социально-экономической стратегии всех четырех поколений китайского руководства (при Мао Цзэдуне, Дэн Сяопине, Цзян Цзэмине, Ху Цзиньтао). Менялись только средства, с помощью которых Китай пытались сделать могущественным и богатым государством.

Еще в принятой в сентябре 1949 г. «Общей программе» Народного политического консультативного совета Китая отмечалось, что «основным принципом экономического строительства Китайской Народной Республики является развитие производства и создание процветающей экономики *на основе политики учета как общественных, так и личных интересов, выгод, как труда, так и капитала, взаимопомощи между городом и деревней и развития товарооборота как между различными районами внутри страны, так и с внешним миром*» (курсив наш. — Э.П.) [79, с. 12—13].

То есть, если внимательно вчитаемся в эти положения программы «новой демократии» Мао Цзэдуна, то поймем, что они удивительным образом совпадают с обозначенными сегодня в КНР главными проблемами, требующими сбалансирования и гармонизации, — это рост разрыва в доходах различных слоев общества, дисбаланс в развитии города и села, а также различных регионов страны. Здесь абсолютно можно согласиться с мнением известного китайского ученого-обществоведа Ху Аньгана о том, что в современном Китае «не вышли за пределы “Общей программы” 1949 года» и «новые идеи Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао —

это возвращение к китайскому пути “золотой середины”, единства природы и человека» [см. 333, 30.09.2004].

На протяжении практически всех последующих лет после образования КНР самой трудноразрешимой в стране оставалась проблема улучшения жизни народа из-за отсутствия или крайней ограниченности необходимых для этого материальных ресурсов.

Даже в периоды осуществления самых взвешенных и научно обоснованных программ социально-экономического развития (например, в 1-ю пятилетку, а также в начальный период рыночных реформ) необходимость создания вначале материальной базы для улучшения жизни народа не позволяла китайскому руководству действовать по им же предложенному принципу «во-первых, накормить народ, во-вторых, строить».

Дело в том, что противоречие, вытекающее из необходимости обеспечить всю сумму потребностей общества, с одной стороны, и решать непосредственно задачу подъема благосостояния трудящихся — с другой, с особой остротой проявляются в странах экономически отсталых, где требуются предварительные, иногда колоссальные усилия по подъему производства. Это объективное противоречие было научно обосновано еще в 1-м пятилетнем плане развития народного хозяйства КНР (1953—1957 гг.), где сказано, что удовлетворение потребностей народа зависит от уровня производительных сил, от наличия в стране материальных ресурсов, а повышение жизненного уровня народа должно базироваться на развитии производства и росте производительности труда; что в целях *создания материальной базы для улучшения жизни народа* надо развертывать строительство всех необходимых отраслей экономики; что нельзя использовать «плоды», полученные от развития производства и повышения производительности труда, только для улучшения жизни, а надо использовать определенную часть этих «плодов» для накопления средств, *необходимых для удовлетворения нужд государственного строительства, а значит, и для улучшения жизни людей не только в текущий момент, но и в будущем* [96, с. 216—217].

К идее зависимости материального благосостояния трудящихся от уровня развития производительных сил в КНР стали возвращаться лишь с началом рыночных реформ, по мере ликвидации разрушительных последствий волюнтаристской политики «большого скачка», «народных коммун», «культурной революции».

«Коренная цель развития экономики, — подчеркнул Цзян Цзэминь на XVI съезде КПК, — повышение уровня и качества

жизни всего народа. Нам предстоит по мере развития экономики непрерывно увеличивать доходы городского и сельского населения, ширить сферы потребления, оптимизировать его структуру и тем самым удовлетворять многообразные материальные и культурные потребности людей» [354, 18.11.2002]. Здесь же Цзян Цзэминь говорит о необходимости «гармонизации отношений распределения», поскольку «это касается кровных интересов широких слоев народа и выявления их активности». Для этого в предложенной ранее схеме распределения доходов городского и сельского населения с учетом как эффективности работы, так и справедливости, все больше делается *упор на справедливость и усиление для этого регулирующих функций государства*.

Практически на всех официальных форумах страны после XVI съезда КПК обсуждаются вопросы нарастающих социальных противоречий между городом и деревней, различными регионами страны и слоями населения и все больший акцент ставится на необходимость не только сбалансированного, но и «гармоничного» развития экономической и социальной сфер, неременного следования в любой деятельности принципу «человек превыше всего». В первую очередь внимание политиков и хозяйственников обращается на самые слабые звенья в том или ином дисбалансе социально-экономической действительности и предлагаются меры по их укреплению, причем мотив социальной защиты трудящихся заметно усиливается, особенно в отношении наиболее бедных слоев населения.

То есть путь к экономическому прогрессу в ходе рыночных преобразований в КНР сопровождается «социальным контролем над производством», или учетом интересов трудового народа. В сегодняшнем Китае это и нашло отражение в принятой как руководство к действию на государственном уровне формулировке «человек превыше всего» (*и жэнь вэй бэнь*).

Глава 6

РЕФОРМА ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

6.1. Развитие многоукладной структуры собственности

В числе слагаемых «социализма с китайской спецификой» состоящая из различных по формам собственности типов хозяйств экономическая структура является, пожалуй, первым и главным слагаемым. И это не только дань теоретическим заключениям, но и отправная точка практической реальности Китая, которая заставляет исследование любого экономического вопроса (будь то эффективность производства, управление, способы вознаграждения и т. п.) проводить самостоятельно в рамках каждого из неодинаково функционирующих секторов народного хозяйства, предприятия которых еще до принятия каких бы то ни было решений или постановлений властей стали возникать по всей стране с конца 1970-х годов.

В этот же период развернулись широкие дискуссии по поводу необходимости и целесообразности развития в КНР разнообразных по формам собственности типов хозяйств. В первую очередь, различия во мнениях ученых касались признания самого факта необходимости развития многоукладности. По мнению одних, этот процесс объективно обусловлен, во-первых, начальным периодом становления социализма, во-вторых, необходимостью соответствия производственных отношений характеру производительных сил, в-третьих, недостаточной развитостью общественных форм хозяйств. По мнению других, развитие многоукладности явилось вынужденной мерой, приспособлением к сложившимся обстоятельствам, во-первых, из-за общей отсталости и нехватки средств, во-вторых, из-за необходимости проведения политики урегулирования наряду с осуществлением хозяйственной реформы. Иногда аргументом в пользу вынужденности раз-

вития в КНР многоукладности выступал чисто идеологический мотив — дескать, сам факт признания неизбежности использования частного капитала для развития производительных сил свидетельствует не в пользу преимуществ социалистического строя.

Сам вопрос о допустимости употребления применительно к китайской действительности термина «многоукладность» или «многообразные формы хозяйств» вначале встречался китайскими учеными по-разному. Одни из них, причем, вероятно, большинство из тех, кто чувствовал для себя необходимость увязать концы с концами политэкономической азбуки (в хорошем смысле этого слова), решительно отвергали термин «многоукладность», мотивируя свою позицию тем, что многоукладность характерна для переходного периода к социализму, который в КНР уже завершен; нынешние же несоциалистические формы хозяйствования являются лишь дополнением к социалистической экономике, тесно связаны с ней, а потому отличны по своему существу от тех, которые имели место в начале 1950-х годов.

Другие ученые, как правило, те, кто признание реалий китайской действительности считал более важным, чем нестыковку некоторых теоретических позиций, вполне свободно употребляли применительно к экономике Китая термин «многоукладность», лишь подчеркивая отличия новой многоукладности от многоукладности в первые годы после образования КНР прочностью позиций социалистической экономики и крайней незначительностью развития других форм хозяйства. Правда, при этом нередко отсутствовали данные о численности, темпах развития, действительном удельном весе несоциалистических форм хозяйства, что несколько дезориентировало этих ученых в некоторых своих теоретических построениях и выводах, особенно на будущее. Но сам факт признания развития в КНР многоукладности теоретически обосновывался ими тем, что КНР находится на начальном этапе социализма, который (социализм), в свою очередь, является начальным этапом коммунизма, т. е. «в начале начал» строительства нового общества, а потому существование на этом этапе социалистических и несоциалистических форм собственности, а значит, многоукладности — вполне закономерно. Непризнание несоциалистических форм хозяйства Китая в качестве укладов оценивалось в таком случае как отрыв от действительности, при этом подчеркивалось, что в качестве укладов объективно существуют не только легальные несоциалистические формы хозяйства, но и нелегальные, и хотя это можно не признавать в теории, главное свидетельство их существования на

практике то, что властям нередко приходится вести с ними упорную борьбу.

Мнение о том, какие хозяйственные уклады появились в экономике КНР, также были различны, но с теми или иными вариациями уже в начале 1980-х годов реально фиксировались следующие типы хозяйств:

- общенародная (государственная) собственность;
- коллективная собственность;
- единоличная собственность;
- госкапиталистическая собственность:
 - а) предприятия, основанные на государственном и иностранном капитале;
 - б) предприятия, основанные на государственном и капитале бывших национально-буржуазных элементов;
 - в) предприятия, основанные на государственном и капитале новых частных хозяйств, хозяйства которых выросли из недавних единоличных до параметров капиталистических;
- объединенные (смешанные) хозяйства, дающие самое большое число разновидностей в зависимости от того, представители каких форм собственности в них участвуют. Среди них различались предприятия, в которых объединены:
 - а) общенародная и коллективная собственность;
 - б) общенародная и частная (единоличная) собственность;
 - в) коллективная и частная (единоличная) собственность;
 - г) различные коллективные собственники.(Поскольку варианты объединений могут быть самыми разнообразными, форма объединенных хозяйств являлась одной из самых богатых по ассортименту и самых динамичных.);
- инвестиционные компании, или акционерные предприятия:
 - а) основателем акционерной компании выступает государство;
 - б) концентрируется капитал частных.(Акционерная форма также принимала весьма многообразные виды, а потому началось обсуждение ее сущности и допустимости широкого использования в социалистической экономике.);
- частнокапиталистическая экономика:
 - а) предприятия иностранного капитала;
 - б) предприятия, основанные на капитале *хуацяо*, главным образом из Гонконга и Макао;

в) китайские предприятия, вырастающие из единоличных хозяйств и по своим параметрам явно требующие отнесения их к категории частнокапиталистических.

Несомненно, что такая схема была довольно условной. В ходе реформы многое менялось с необычайно быстротой, существовало много переходных форм, и, как отмечалось, порой даже ГСУ КНР было не в состоянии в точности сказать, какие типы хозяйств по формам собственности существуют в стране и сколько их. Не случайно китайская статистика долгое время сообщала данные в основном по трем секторам экономики — общенародному, коллективному, единоличному, а также по предприятиям, основанным на китайском и иностранном капитале. Фигурировавший в статистических материалах показатель «другие секторы хозяйства» в силу необычайной пестроты форм хозяйственной деятельности нелегко поддавался расшифровке.

Более того, даже те данные, которые давались по коллективной и единоличной экономике, не вполне отражали реальную картину (кроме верного отображения общей тенденции), так как четких научных критериев определения хозяйств как коллективных, единоличных, частных или каких-либо иных не было выработано. Нередко в силу того, что хозяйственная практика обгоняла государственные установки, имеющиеся критерии менялись, и поэтому зачастую единоличные и даже частные предприятия числились как коллективная экономика, многие типы хозяйств учитывались произвольно, без соответствующей градации, некоторые не учитывались вовсе.

Необычайный динамизм развития новых типов хозяйств, обусловленный не только процессом стихийных новообразований, но и санкционированным государством поиском наиболее эффективных вариантов организации производства, имел своим следствием существенную эволюцию структуры экономики КНР по формам собственности за годы реформы.

Подчеркнув, что основу социалистической экономической системы КНР составляет социалистическая собственность на средства производства, принятая в декабре 1982 г. на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва Конституция КНР определила положение и роль различных секторов народного хозяйства: государственного, основанного на общенародной собственности, кооперативного, базирующегося на коллективной собственности трудящихся масс, индивидуального хозяйства городских и сельских труженников, а также смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале. Исходя из действительности, характе-

ризовавшейся быстрым перерастанием единоличных хозяйств в частные, состоявшийся в октябре 1987 г. XIII съезд КПК поставил задачу в кратчайшие сроки разработать политику и законы о частном хозяйстве. В соответствии с этой задачей на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва (апрель 1988 г.) было принято дополнение к статье 11 Конституции КНР, а в июне 1988 г. Госсовет опубликовал Временные положения о частных предприятиях КНР. Помимо закрепленных Конституцией секторов экономики, в КНР продолжали широко развиваться также формы хозяйственной деятельности, основанные на объединении усилий и средств различных собственников.

Среди поправок и дополнений, внесенных в Конституцию КНР на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2004 г., важное место получили тезисы о «закреплении принципа неприкосновенности законной частной собственности гражданина» и о «создании и совершенствовании системы социального обеспечения, соответствующей уровню экономического развития Китая».

Государственный сектор, которому Конституцией КНР предписана руководящая роль в народном хозяйстве, значительно уменьшил свои позиции в общих статистических показателях, сохранив, тем не менее, решающую роль в ключевых отраслях экономики. Так, удельный вес предприятий государственной собственности в показателях валовой продукции промышленности страны сократился с 77,6 % в 1978 г. до 26,5 % в 1997 г., в численности рабочих и служащих страны соответственно с 78,4 % до примерно 73,4 %, причем наиболее существенно сократилось количество государственных служащих в сфере розничной торговли, общепита, услуг, где успешно стал функционировать индивидуальный сектор. Темпы прироста валовой продукции промышленности на государственных предприятиях все годы реформы были ниже, чем в целом по стране (из-за бурного развития в эти годы других секторов), но в основном достаточно стабильны (колебались в интервале от 6 до 12 %) [85, с. 375; 89, 1998, с. 10].

Если в 1980 г. в валовой продукции промышленности страны на долю государственного сектора приходилось 76 %, коллективного — 23,5, единоличного — 0,15, других типов хозяйств — 0,5 %, то в 1988 г. эти показатели равнялись соответственно 56,8; 36,1; 4,4 и 2,7 %, а в 1998 г. — 28,5; 38,3; 18,9 и 19,9 % [89, 1998, с. 9; 1999, с. 9]. В последующие годы существенных изменений в структуре экономики Китая по формам собственности не произошло.

Главной проблемой функционирования государственного сектора была названа низкая эффективность его предприятий. Причина неудовлетворительной работы государственных предприятий виделась в укоренении системы «отцовской опеки» между государством и предприятием, или нежестких отношений с государственным бюджетом, преодолеть которые невозможно до тех пор, пока будет сохраняться такой идеологический барьер, как признание недопустимости банкротства предприятий при социализме.

Оживлению жизнедеятельности государственных предприятий способствовали все основные мероприятия хозяйственной реформы, связанные с отходом от чрезмерно централизованной системы планирования и управления, заменой методов прямого административного давления методами косвенного экономического регулирования, выведением на передний план из небытия материальных стимулов и т. д.

Безусловно, первые шаги по расширению самостоятельности предприятий дали возможность последним хоть в какой-то мере почувствовать себя хозяевами, ибо на протяжении всех предшествующих лет существовала практика полного изъятия прибыли с последующим финансированием сверху всех аспектов их деятельности. Получив возможность оставлять часть прибыли и формировать с ее помощью свои фонды, предприятие стало обретать собственные интересы, у трудового коллектива появилась хоть какая-то материальная заинтересованность в результатах деятельности. Одновременно стала возникать проблема «неравенства», оборачивающаяся главным образом «наказанием передовых» в результате перераспределения средств (от тех, кто лучше работал, — отстающим).

В целях создания «среды равной конкуренции», постановки всех предприятий в равные условия хозяйствования стала осуществляться замена отчисления прибыли налогом, причем, как и в первом случае, были неоднократны корректировки, поиски оптимальных соотношений между налогом и отчислениями прибыли, введение регулирующего налога, полная замена отчислений от прибыли налогами и т. д. Безуспешность попыток создания «среды равной конкуренции» направила поиски на внедрение на предприятиях различных форм подряда или «системы подрядной ответственности». Однако и здесь главная проблема состояла в том, как превратить предприятие действительно в самостоятельно хозяйствующий субъект, отвечающий как за прибыли, так и за убытки, т. е. в действующего на основе самооку-

паемости товаропроизводителя, как того требовала провозглашенная в 1984 г. в качестве целевой модели реформы «плановая товарная экономика».

Опыт реформы показал, что преобразования хозяйственного механизма (децентрализация управления, расширение финансовой и хозяйственной самостоятельности предприятий, сужение сферы планового руководства и распределения и т. д.) дают не всегда ожидаемые, зачастую кратковременные результаты, после несомненных успехов начинается пробуксовка, а в целом создается проблема увязки инициативы на микроуровне и макрорегулирования. Звенья цепи хозяйственных мероприятий выстраивались по схеме следующей причинно-следственной зависимости: предоставление большей самостоятельности предприятиям — улучшение результатов их хозяйственной деятельности — снижение поступлений в государственный бюджет из-за большего внимания к собственным нуждам — использование центром дополнительных мер контроля за деятельностью предприятий — снижение их производственной активности (т. е. каждый раз они не могли стыковаться для получения общехозяйственного эффекта из-за слабой заинтересованности низовых хозяйственных звеньев в результате своей деятельности).

Дело в том, что во всех этих мерах по повышению жизнедеятельности государственных предприятий ставка делалась на разделение права собственности и права хозяйствования, предполагающее подлинную передачу последнего предприятиям. Не меняя характера собственности, такое отделение требует охраны законных прав предприятий, недопущения вмешательства в их хозяйственную деятельность. Это предполагает определение прав, обязанностей и интересов собственника (государства) и хозяйственника (предприятия) юридическими средствами в договорной форме.

Однако практика показывала, что предоставление хозяйственной самостоятельности предприятиям при неразвитости рыночной системы так или иначе толкает их вновь стать на «ижидивение» государства, что установление всякого рода регулирующих налогов сводит собственные финансовые возможности предприятий к минимуму, что договорные отношения между предприятиями в условиях дефицитной экономики оборачиваются фактически отсутствием у них права самостоятельного выбора партнера, что нежесткие отношения с государственным бюджетом позволяют не разоряться предприятию даже в случае убыточной работы. В результате при заинтересованности предприятий в по-

лучении большей прибыли сохраняется известное безразличие к убытку, лежащему, как правило, на собственника имущества — государство. Получается, что достижение самоокупаемости предприятия невозможно до тех пор, пока оно не будет брать на себя предпринимательский риск, т. е. выступать не только как хозяйствующий субъект, но и как субъект собственности.

К этому выводу китайских ученых и хозяйственников подталкивал анализ результатов хозяйственной реформы на селе. Быстрый успех последней в значительной мере объяснялся тем, что в сельском хозяйстве преобразования в сфере собственности произошли не только на основе отделения права собственности от права хозяйствования (крестьяне получили в подряд или аренду землю), но и благодаря изменениям в самом праве собственности (не только мелкие, но и крупные орудия производства путем покупки или раздела перешли в собственность крестьян). Крестьянин, по сути, стал сособственником средств производства и принял на себя существенную долю ответственности не только за прибавочный продукт, но и за сохранность собственного имущества. А это дало ему дополнительные стимулы к добросовестному труду. В то же время наиболее болезненными оставались проблемы бережного использования и сохранности земли, капитальных вложений в нее, т. е. именно там, где крестьянин не стал собственником. Но тем не менее крестьянское хозяйство, в котором хозяйствующий субъект хотя и частично, но уже выступал субъектом собственности, обрело внутренние побудительные импульсы к активной работе. В целях поддержания и дальнейшего инициирования этих импульсов принимались меры по продлению срока аренды на землю, дававшие крестьянину почувствовать себя если и не полностью, то все же в большей мере, чем прежде, хозяином на земле.

Та же самая логика, построенная с учетом опыта сельской реформы, подводила некоторых китайских ученых и хозяйственников к выводам о том, что для действительного повышения эффективности государственных предприятий необходимо от разделения права собственности и права хозяйствования идти дальше — к разделению самого права собственности, к превращению государственных предприятий в сособственников средств производства, получающих тем самым соответствующие права и на использование имущества, и на получение прибыли (или ответственности за убытки), и на распоряжение ею. Только такое преобразование могло затронуть глубинную экономическую причину недостаточной жизнеспособности предприятий государст-

венной собственности — абсолютную монополию государства и абстрактное равенство прав трудящихся в отношении собственности.

В реальной жизни социализма собственник и хозяйственник, по сути, всегда были разделены. Об этом надо помнить как об исходном данном в последующем анализе при оценке шагов по разгосударствлению собственности. Поскольку собственность без хозяйствования не получает экономической реализации, она становится бессмысленной с позиций удовлетворения интересов. Когда собственник и инвестор не хозяйствуют непосредственно, то их заинтересованность в эффективном использовании имущества и денежных средств не обязательно реализуется на практике. Хозяйствующий субъект, не будучи собственником и инвестором, не берет на себя риск за имущество и вложенные деньги, а потому его интерес не связан напрямую с эффективностью предприятия, т. е. для реализации эффективности государственных предприятий требуется, чтобы хозяйствующий субъект являлся также собственником и инвестором.

Предпринятая в КНР попытка повышения эффективности предприятий общественных форм собственности на основе «разделения двух прав» — собственности и хозяйствования — по своему содержанию явилась передачей действительных хозяйственных прав тому, кто никогда не только не был собственником, но и чьи хозяйственные права фактически никак не гарантировались. В случае же реализации в той или иной форме разделения самого права собственности на государственных предприятиях возможно действительное достижение многоуровневого и многосубъектного отношения, способного обеспечить единство процессов присвоения, использования и распоряжения средствами и конечными результатами производственной деятельности. Прямая связь эффективности с интересом достигается в таком случае тем, что при четком разграничении прав (а значит, и функций) на каждом уровне (государство — предприятие — рабочие и служащие), субъект собственности и хозяйствования (присвоения, использования, распоряжения) здесь един, а не разделен. Такое вторжение в отношения собственности, которое затрагивает не только ее структуру, но и сущность общественных форм собственности, безусловно, нуждалось в последующем глубоком анализе, а также проверке в дальнейшем активном практическом поиске.

Вторжение в сферу отношений государственной собственности, безусловно, явилось наиболее болезненным вопросом, и не только по причине объективных трудностей, связанных со слож-

ностью учета и использования накопившихся за долгие годы огосударствления огромных фондов, но и из-за нелегко преодолимых идеологических барьеров, строящихся на вдолбленных в головы представлениях о том, что государственное — это общенародное, а потому неприкосновенное (даже для самого народа).

Отождествление государственной собственности с общенародной базировалось на положении «государство — это мы», которое остается идиллическим и абстрактным при отсутствии конкретных субъектов собственности, ибо «мы» в вышеприведенной формуле, если всерьез стремиться к ее реализации, требует именно многосубъектного отношения. Если же исходить не из формулы, а из того, что государство — это аппарат, власть, то отождествление понятий «государственная» и «общенародная» тем более недопустимо, не говоря уже о том случае, когда эта власть неадекватно отражает интересы народа. В качестве одного из реальных способов разделения права собственности для осуществления прямой заинтересованности трудящихся государственных предприятий в результате хозяйственной деятельности в КНР стала рассматриваться акционерная форма. Поиск в этой сфере в силу чрезвычайной важности для социализма преобразований не только структуры, но и самой общественной, особенно государственной, собственности, заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Блок коллективной собственности представлен многообразными хозяйственными формами, сложившимися как до, так и в ходе реформы. В 1997 г. на долю коллективного сектора приходилось 40,5 % валовой продукции промышленности страны против 22,4 % в 1978 г. Изменились позиции коллективного сектора в сфере занятости: в 1997 г. на коллективных предприятиях работало 19,2 % рабочих и служащих страны против 21,8 % в 1978 г., и 26,9 % в 1985 г. Темпы годового прироста валовой продукции промышленности в коллективном секторе в 2—3 раза превышали аналогичные показатели государственного сектора и колебались в интервале от 9,5 до 35,0 % [85, с. 375, 397, 449; 89, 1998, с. 9, 87, 99].

Основные задачи реанимации и нового развития коллективного сектора в ходе хозяйственной реформы КНР состояли не только в подъеме производительных сил и обеспечении занятости населения, но и в достижении того, чтобы коллективный сектор, в отличие от недавнего прошлого, когда он ничем по сути не отличался от государственного, стал действительно основны-

ваться на коллективных началах, а именно — по принципу добровольности и самохозяйствования. Сущность самохозяйствования коллективных предприятий состоит в самостоятельном изыскании средств при организации их с последующей полной ответственностью за прибыли и убытки, поэтому в условиях крайней ограниченности финансовых и материально-технических ресурсов возможности как создания, так и функционирования подобных хозяйств достаточно скромны, когда пайщиками коллективных предприятий выступают рядовые труженики. Не случайно в КНР довольно острой стала проблема использования нелегальных каналов обеспечения функционирования коллективных предприятий.

Все большее распространение получила такая форма «создания» коллективных предприятий, как передача государством мелких предприятий в аренду на срок от одного до пяти лет. Это происходило путем оценки основного и оборотного капитала предприятия, в том числе путем продажи акций на назначенную сумму рабочим и служащим этого предприятия, другим организациям и частным лицам (т. е. в данном случае становилось трудным разграничение предприятий коллективных и фактически индивидуальных). В первую очередь в аренду передавались мелкие предприятия торговли и сферы обслуживания, получающие невысокую прибыль, или убыточные. Так, к началу 1985 г. в аренду коллективам и частным лицам было передано свыше 11 тыс. небольших государственных предприятий, которые в результате очень быстро повысили эффективность своей деятельности.

Наиболее жизнеспособными оказались те коллективные предприятия, пайщиками (а по сути главными учредителями) которых становились бывшие национально-буржуазные элементы Китая, поскольку их финансовые возможности могли быть довольно значительными, а также у них сохранился опыт хозяйственного управления. Уже к 1980 г. было создано свыше 1 тыс. таких коллективных предприятий, на которых получили работу более 26 тыс. человек. В 1982—1983 гг. представителями торгово-промышленных кругов было создано еще несколько тысяч коллективных предприятий, где были трудоустроены десятки тысяч молодых людей, в том числе «ожидающих работу». В последующие годы именно такие коллективные предприятия пережили довольно сложную эволюцию, главным образом в направлении создания акционерных хозяйств.

Уже на первых этапах активного создания разнообразных коллективных предприятий в городе появилась неудовлетворен-

ность тем, что во многих случаях не удается достичь их действительно коллективного статуса, что они никак не могут превратиться в самохозяйствующие единицы, а имеют на деле много «свекровей» (т. е. ими командуют). Поэтому задача виделась в том, чтобы продолжать идти в направлении расширения самостоятельности коллективных предприятий, используя при этом (по возможности) принцип компенсации за средства производства, разделения административных и хозяйственных функций и т. п. Определенные шаги в этом направлении были сделаны, однако количество организованных в городах на добровольных началах действительно коллективных предприятий, где средства производства на паевых началах принадлежат их работникам, в целом невелико. Такие предприятия получили наименование «народных предприятий». Наряду с ними в качестве коллективных в городах действуют: предприятия, организованные и управляемые органами промышленно-торговой администрации городского, районного и уездного уровня (так называемые крупные коллективы); предприятия, руководимые квартальными управлениями, уличными комитетами, компаниями трудовых услуг различного уровня (так называемые мелкие коллективы); предприятия, созданные при различных государственных органах и организациях; предприятия, совместно руководимые квартальными управлениями или уличными комитетами и государственными предприятиями или органами торговли; производственные кооперативы при «крупных коллективах», созданные при содействии промышленных компаний, предприятий по трудоустройству молодежи, ожидающей работу; предприятия, созданные на средства объединений кооперативов и т. д. Однако большинство из них, за исключением созданных на собственные средства и управляемых самими работниками «народных предприятий», в основном выступают в качестве своеобразных придатков государственных органов, которыми они созданы.

Значительно большее по масштабам развитие коллективный сектор получил в деревне. К коллективным предприятиям деревни стали относиться многие волостные и поселковые предприятия, возникшие в ходе реформы и взявшие на себя миссию поглощения избыточной рабочей силы на селе и обеспечения крестьян необходимыми промышленными товарами и разного рода услугами. Таковыми в первую очередь стали коллективные предприятия, находящиеся в ведении отдельных или нескольких волостей, совместные государственно-волостные предприятия; предприятия, где субъектом собственности по аналогичной же

схеме выступала деревня; основанные на паевых началах совместные предприятия крестьян (кооперативы), которые по мере углубления реформы все решительнее превращались в кооперативно-акционерные.

На долю волостных и поселковых предприятий в 1990-е годы приходилось примерно 30 % ВВП, финансовых доходов государства, валютных поступлений от экспорта, доходов крестьян. Основной сферой деятельности этих предприятий являлось производство сельскохозяйственных орудий, химических удобрений, строительных материалов, энергоносителей, деталей и узлов для обрабатывающей промышленности и т. п.

Наиболее существенными оказались изменения в характере прежней коллективной собственности в сельском хозяйстве Китая. Децентрализация организационно-хозяйственной деятельности коммун и бригад, активно развернувшаяся с конца 1970-х годов, выразилась в широком распространении в сельском хозяйстве КНР различных форм «производственной ответственности», прямо увязывающих размер доходов крестьян с объемом произведенной ими продукции. Этот процесс сопровождался быстрым мельчанием хозрасчетных единиц: от бригад — к звеньям, от звеньев — к группам крестьянских дворов, от групп дворов — к отдельным семьям. Сохраняя в коллективной собственности землю и крупные средства производства, многие производственные бригады в основном продали или сдали в аренду некрупную сельскохозяйственную технику, закрепив за определенную плату и на срок землю за отдельными крестьянскими семьями. Затем последовало дальнейшее обособление хозяйственной деятельности дворов.

Специальными документами по сельскому хозяйству был санкционирован наем крестьянскими семьями помощников, поденных или сезонных рабочих (официально было разрешено иметь одного-двух помощников и до пяти учеников), а также единичная покупка крестьянами не только мелкой техники, но и тракторов и автомобилей (в 1986 г. в личном владении крестьян было уже 66,2 % средних и крупных и 92 % мелких тракторов, более 60 % общего числа грузовиков, используемых в деревне) [358, 06.10.1987]. До 15, 30, 50 и более лет (в зависимости от условий) был продлен срок закрепления за крестьянскими семьями земли (вначале он составлял один — три года). С 1985 г. санкционирована замена заданий по централизованным заготовкам и закупкам сельскохозяйственной продукции контрактными и прямыми рыночными закупками. Об огромной популярности семейного под-

ряда среди крестьян свидетельствовало его быстрое распространение по всей стране (вначале он был разрешен лишь для наиболее бедных и отдаленных районов). Если в 1982 г. 78,7 % производственных бригад страны использовали подрядно-хозяйственную деятельность отдельных крестьянских дворов, то к середине 1983 г. эта цифра возросла до 93 %, а уже к концу 1983 г. — до 97,9 %, при этом на полном подряде работало 94,2 % крестьянских дворов (в 1984 г. — 99,96 %) [348, 09.02.1984; 86, 1997, с. 25].

Таким образом, в сельском хозяйстве страны очень быстро произошла индивидуализация производственной деятельности. За производственной бригадой остались некоторые функции руководства подрядными дворами: заключение с ними хозяйственных договоров (контрактов), доведение заданий по сдаче налогов, продаже сельскохозяйственной продукции, отчислениям в общественные фонды.

Широкое распространение различных форм хозяйственного подряда на селе пробудило трудовую активность крестьянства, улучшило проблему обеспечения деревни и города основными и второстепенными сельскохозяйственными продуктами, и, поставив уровень доходов в зависимость от конечных результатов труда, повысило общую экономическую активность сельского населения: уже за период 1979—1984 гг. сбор зерновых вырос в 1,3 раза (к 1998 г. — более чем в 1,6 раза), среднедушевые доходы крестьян — более чем в 2 раза (к 1998 г. — в 4,4 раза) [89, 1998, с. 75].

В то же время в условиях раздробленного на семьи и дворы мелкокрестьянского хозяйства очень быстро обозначился целый ряд проблем.

Во-первых, проблема модернизации сельского хозяйства. Выступая на совещании по идейно-политической работе в деревне в ноябре 1982 г., член ЦК КПК Вань Ли подчеркивал, что «активность крестьян крайне важна, но даже если она будет еще выше, но не будет модернизированной крупной промышленности, транспорта, передовой современной науки и техники, культуры, образования, то по-прежнему не будет возможности построить модернизированное сельское хозяйство» [354, 23.12.1982].

Во-вторых, проблема повышения производительности труда, а на ее основе — товарности сельского хозяйства. Возможность повышения производительности крестьянского труда становилась в КНР тем более насущной, чем ближе были к исчерпанию резервы интенсификации труда, питающие семейный подряд в условиях крайней отсталости технической базы сельского хозяй-

ства и ограниченного использования достижений агротехники. Проблема эта усугублялась тем, что, как показала практика, после перехода крестьян на семейный подряд наряду с сокращением централизованных государственных капитальных вложений в сельское хозяйство и обслуживающие его отрасли промышленности, произошло сокращение вложений средств и труда самих крестьян в ирригационное строительство, другие виды землеустроительных работ, основные фонды.

В-третьих, требующей внимания становилась проблема поддержания рационального хозяйствования и соответствующей структуры производства. Это связано с оттоком крестьян в более прибыльные сферы деятельности, в первую очередь переориентация их с производства зерна на выращивание технических культур, на другие виды работ. И если при этом динамичное развитие волостных и поселковых предприятий, представивших в процессе реформ крупный блок сельской коллективной экономики, играла благоприятную роль в развитии производительных сил деревни и страны в целом, то тенденции ослабления усилий по развитию зернового хозяйства и возделыванию земель не могли не вызывать тревоги.

Наконец, это связанная с ростом имущественной дифференциации социальная напряженность в деревне, нередко выливавшаяся в прямые столкновения между крестьянами. Последнее обстоятельство требовало от властей принятия мер как по охране разбогатевших крестьян, так и по оказанию помощи бедным семьям и целым районам. Такая проблема достаточно острой стала уже к концу 1980-х годов, когда при росте среднедушевого дохода крестьянской семьи со 133,6 юаня в 1978 г. до 544,9 юаней в 1988 г. и значительном сокращении доли семей с доходом до 100 юаней (с 33,3 % до 0,5 %) существенно выросла доля тех, чьи доходы превышали уровень 500 юаней (с 1,6 % в 1980 г. до 47 % в 1988 г.). Если учесть, что общий рост цен существенно приподнял планку прожиточного минимума, то те семьи, чей душевой доход не превышал 200 юаней (а таких было 8,3 % в 1987 г. и 5,3 % в 1988 г., т. е. 50—70 млн человек) [85, с. 465], явно испытывали значительные трудности. В то же время среди тех, чьи доходы превышали 500 юаней, была своя градация, в пределах которой доходы исчислялись десятками тысяч юаней. Например, уже в 1984 г. китайская печать широко пропагандировала опыт крестьянских дворов с годовыми доходами свыше 10 тыс. юаней, указав, правда, что число таких дворов является «каплей в море». Но именно эти вкрапления обогатившихся в массе бедных в по-

давляющем большинстве своем крестьян и рождали социальную напряженность в деревне.

По мере углубления реформы количество обогатившихся крестьян росло, бедствующих сокращалось (в 1998 г. последних было в 2—3 раза меньше, чем в начале реформы), разница в доходах сельского населения, по официальной статистике, составляла в 1990-е годы примерно 1 : 6, однако в реальной жизни она могла быть более существенной. А потому проблема социальной напряженности из-за имущественного расслоения сохраняется на протяжении всех лет реформы.

Серьезное недовольство крестьян стал вызывать и растущий произвол местных властей, выражающийся в нарушении условий контрактов, в частности, покушении на права пользования землей, в которую уже вложены средства и труд, под предлогом приоритета коллективных интересов над личными. Для решения этих проблем правительством был разработан ряд специальных мер по защите как интересов крестьян, так и интересов коллективных хозяйств.

В целом индивидуализация производственной деятельности в сельском хозяйстве вызвала большие затруднения у ученых страны, пытающихся рассматривать ее в рамках коллективной экономики. Несмотря на то что значительная часть средств производства была продана крестьянам в собственность, а земля на достаточно длительный срок передана им в пользование, в КНР, ссылаясь именно на разделение права собственности и права пользования, говорили о подворном (семейном) хозяйствовании крестьян только как о коллективной экономике. При этом в качестве бесспорных элементов коллективного хозяйствования в деревне назывались необходимые совместные действия крестьян по ирригации, другим землеустроительным работам, сооружению линий электропередач, дорог, проведению различных крупномасштабных работ в сельском хозяйстве, требующих создания коллективных фондов, которые, как отмечалось, в некоторых производственных бригадах и районах страны все еще играли заметную роль.

Как аргумент в пользу занесения семейных хозяйств в коллективную экономику приводились иногда примеры из аналогичной практики других бывших социалистических стран. Однако, надо сказать, особой уверенности в правильности рассмотрения семейного хозяйства как коллективного китайские ученые не испытывали. В ряде же случаев прямо говорилось о том, что неверно, ссылаясь на разделение права собственности и права пользова-

ния, не видеть уже произошедших изменений в формах собственности, так как крестьяне фактически частные средства производства (ибо постепенно увеличивался удельный вес средств производства, купленных крестьянами) используют на только юридически коллективной земле. Поэтому вопрос предлагалось рассматривать с двух точек зрения — сегодняшнего дня и перспективы, а вернее, видеть происходящие процессы в деревне в их развитии. С одной стороны, объективно ограниченные возможности мелкокрестьянских хозяйств требовали создания объединений, главным образом в обслуживании производственных процессов — кредитные, транспортные, снабженческо-сбытовые кооперативы. В то время как тенденция к объединению производственной деятельности в крестьянах слаба, примерно 80 % крестьянских дворов уже к середине 1980-х годов являлись пайщиками кредитных кооперативов, а 90 % — снабженческо-сбытовых. С другой стороны, происходила концентрация земли в руках все меньшего числа семейств, что обусловлено как отходом высвобождающихся крестьян от сельскохозяйственных работ, так и невысокой продуктивностью труда на мелких участках земли. Это определяло тенденцию к образованию частных фермерских хозяйств, создаваемых на семейной основе, которые уже, по мнению ученых, не следовало называть коллективными хозяйствами.

На этом новом витке теоретических исследований, подталкиваемых практикой реальных преобразований, осуществлением шагов в направлении удлинения сроков на аренду (или подряд) земельных участков, продажи в собственность не только мелких орудий, но и крупной сельскохозяйственной техники, т. е. не только отделения права собственности от права хозяйствования, но и разделения самого права собственности, китайские ученые делают заключение о том, что в КНР произошло отрицание традиционной коллективной собственности, а новую форму следует рассматривать как совместную собственность коллектива и отдельных индивидуумов. В этой новой форме собственности земля принадлежит коллективу, а семена, удобрения и сельскохозяйственные орудия — отдельным лицам.

Традиционной коллективной собственности, по мнению китайских ученых, с самого начала было присуще противоречие между коллективом и личностью. В частности, в китайской деревне коллективная собственность никогда не существовала изолированно: всюду, где имелась коллективная собственность, непременно был и ее «партнер» — личная собственность. А это в реальности является предвестником того, что единая коллектив-

ная собственность не сможет полностью вместить в себя созданные ею производительные силы. Поэтому многосубъектность должна стать неизбежным путем преобразования не только государственной, но и традиционной коллективной собственности. Рассматривать преобразование коллективной собственности в деревне как отступление назад — неверно, поскольку в некотором смысле оно воплотило «отрицание отрицания» процесса развития собственности: единая коллективная собственность отрицает единую личную собственность, а совместная собственность коллектива и личности, в свою очередь, отрицает единую коллективную собственность. Другими словами, происходит воссоздание личной собственности, о которой говорил К. Маркс [375, 1986, № 9, с. 32—37].

На основе нового опыта китайские ученые делают вывод о том, что «семья ведет хозяйство лучше, чем коллектив», что люди, в большом количестве собранные вместе, как правило, не заинтересованы в труде на земле, а потому, анализируя те формы, в которых возможны объединения китайских крестьян, перешедших на семейный подряд, ученые КНР не спешат говорить о производственном кооперировании, а рассматривают как наиболее перспективную снабженческо-сбытовую кооперацию, т. е. именно ту форму соединения частного интереса и подчинения его общему интересу, о которой говорил В.И. Ленин в работе «О кооперации».

Кредитная и снабженческо-сбытовая кооперация при одновременном перерастании специализированных дворов в фермерские хозяйства, высвобождение значительного числа крестьян из сельскохозяйственного производства в другие отрасли рассматривается учеными КНР как естественный и надежный путь успешного развития сельского хозяйства страны. Искусственное подстегивание крестьян на путь производственного кооперирования считается недопустимым и нецелесообразным, так как быстрое и успешное развитие сельского хозяйства КНР в годы реформы подтверждает большую заинтересованность крестьян именно в семейной форме организации производства. При недооценке же роли заинтересованности, а значит, и активности крестьян, как свидетельствует опыт социализма, хозяйственные результаты положительными не бывают.

Комментируя определившуюся в КНР тенденцию к образованию частных фермерских хозяйств, китайские ученые много внимания уделяют изучению фермерских хозяйств в США, подчеркивая при этом, что последние, как правило, организованы на се-

мейной основе и не имеют много наемных работников. Именно на необходимость укрепления и совершенствования подрядной системы ответственности, при которой главным является семейное ведение хозяйства, а оплата труда зависит от его конечных результатов, указал XIII съезд КПК, подчеркнув, что только там, где есть на то условия, следует на основе добровольности и взаимной выгоды поощрять и развивать различные по форме и разумные по масштабам кооперирование и объединение [72, с. 27—28].

Такого рода ориентир на «совершенствование системы ответственности, основанной на семейном подряде», и «постепенное наращивание экономической мощи коллективного сектора» был подтвержден на XIV съезде КПК (1992 г.), определившем курс на ускорение развития и углубление реформы, а также на 1-й сессии ВСНП 9-го созыва в 1998 г., где было заявлено и о необходимости «практически реализовать установку на продление сроков земельных подрядов еще на 30 лет». Последнее обстоятельство рассматривалось как «гарантия развития экономики и сохранения стабильности на селе» [354, 21.10.1992; 22.03.1998].

В годы реформы индивидуальное предпринимательство в городской и сельской местности росло быстрыми темпами, значительно превышавшими соответствующие показатели предприятий государственной и коллективной форм собственности. К концу 1997 г. в стране было зарегистрировано около 30 млн индивидуальных и частных хозяйств, количество занятых на которых приблизилось к 70 млн человек. Особенно существенные позиции индивидуальный сектор занял в сфере обслуживания населения, в первую очередь, в розничной торговле и общепите. В целом в валовой промышленной продукции страны доля индивидуальных предприятий увеличилась с 0,02 % в 1980 г. до 1,85 % в 1985 г., 4,34 в 1988 г., 12,9 в 1995 г. и примерно 16 % в 1997 г. [85, с. 375, 397, 403; 89, 1998, с. 100].

Аргументами, выдвигавшимися в КНР в пользу возрождения и развития индивидуального сектора, являлись не только возможности увеличения занятости, лучшего обслуживания населения и экономии государственных средств, но и сохранение навыков мастерства у населения, а также стимулирование (через конкуренцию) хозяйственной деятельности государственного и коллективного секторов. Наряду с активным развитием в сфере торговли, услуг, кустарном производстве, индивидуальный сектор все шире стал использоваться в непромышленной сфере (медицине, образовании, культуре).

В официальных документах КНР стало подчеркиваться, что индивидуальный сектор функционирует под руководством государственного сектора и является необходимым дополнением к нему. Учитывая основу, на которой должен функционировать индивидуальный предприниматель (собственные средства и личная инициатива), успех его деятельности зависит главным образом от имеющихся личных связей, предприимчивости, наличных средств. Когда последние отсутствуют, есть возможность прибегнуть к кредиту. Как и в случае с семейным подрядом, официально разрешен наем в индивидуальное хозяйство одного-двух помощников и до пяти учеников.

Определяя различия в развитии индивидуального сектора на этапе реформ и в начале 1950-х годов, китайские ученые подчеркивали, во-первых, ведущие позиции в народном хозяйстве общенародного сектора и подчиненные — индивидуального по сравнению с равноправным сосуществованием различных укладов в тот период. Во-вторых, указывалось, что прежде у индивидуального сектора были две перспективы: поляризация (превращение одних в эксплуататоров, других — в наемных рабочих) или же кооперирование; теперь же одна: он должен в конечном итоге, пройдя различные формы объединений, пойти по пути добровольного кооперирования. Этим объяснялась и разница в проводимой по отношению к нему политике: в 50-е годы это было преобразование (фактическое вытеснение) индивидуального сектора, теперь же — поддержание его развития.

Однако реальная эволюция в ходе углубления реформы складывалась несколько иным образом. Принятое на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) постановление о реформе хозяйственной системы указывало, что «общенародный сектор экономики не должен ставить условием своего укрепления и дальнейшего развития ограничение и оттеснение других форм хозяйства и способов хозяйствования» [354, 21.10.1984], а главная идея этого программного документа партии и правительства о необходимости развития в КНР планового хозяйства предполагала равное утверждение права на существование каждого из секторов в условиях рыночной конкуренции. Естественная эволюция индивидуальных хозяйств в частные по мере их успешного функционирования при отсутствии официальных запретов и ограничений стала предметом новых острых дискуссий.

Вначале индивидуальным формам хозяйственной деятельности (в городе и деревне) ставились социальные ограничения в виде недопущения или регламентации найма работников, запре-

та приобретения в собственность крупных средств производства или получения слишком высоких доходов и т. п. Однако на практике, в основе которой был заложен принцип достижения всеми возможными средствами развития производительных сил страны и увеличения ее национального богатства, все эти критерии нарушались. Динамично развивавшиеся индивидуальные (единоличные) хозяйства нередко перерастали в частные (десятки, сотни, до тысячи наемных работников, крупные размеры авансированных капиталов, соответствующие доходы владельцев и т. п.), но из-за официально существовавших социальных «табу» их, явно не отвечавших критериям индивидуальных хозяйств, зачисляли в «коллективные», в результате чего официальная статистика не отражала реального положения дел.

Среди ученых вопрос о перерастании единоличных хозяйств в частные вначале также замалчивался, но уже к середине 1980-х годов стали появляться признания, что за последние 3—4 года часть единоличных хозяйств города и деревни превратилась в частнокапиталистические предприятия по своей сути. В связи с этим стал дискутироваться вопрос о критериях, по которым предприятие следует считать капиталистическим.

Очевидно сам факт разграничения индивидуальных (основанных на собственном труде) и частных (использующих наемный труд) хозяйств в социалистической экономике обязательно должен был иметь место, ибо, как показала практика реформ в бывших социалистических странах, нередко при одном упоминании о всякой необщественной собственности начинаются разговоры об ужасах частнокапиталистической эксплуатации. При этом под обстрелом критики оказывалась и частная трудовая собственность (единоличная или индивидуальная), где человек может эксплуатировать только самого себя. Не бралось в расчет и то обстоятельство, что гораздо худший вид эксплуатации могут испытывать на себе те, кто нанимается на государственные предприятия, но не может реализовать свою деятельность получением конечных продуктов, необходимых для жизни. Нередко само понятие «наем» идентифицируется с эксплуатацией, хотя второе далеко не обязательно следует из первого, и не случайно в практике хозяйственной реформы китайский народ, привыкший за долгие годы к идеологическим стереотипам, с удивлением стал замечать стремление работников попасть именно на частные или государственно-капиталистические предприятия (и не для чего иного, как для того, чтобы лучше жить, имея безусловной предпосылкой этого лучший заработок).

Но весьма показательны то, что в КНР градацию предприятий на единоличные и частные с самого начала пытались осуществить по уже существующим стереотипам. Поэтому во время дискуссий китайские ученые мотивировали официально разрешенный единоличным предприятиям предел для найма (7 работников) тем, что этот показатель на единицу ниже того показателя (8 работников), при котором, по К. Марксу, предприятие заносится в разряд капиталистических. С этим подошли они и к моменту официального признания допустимости в социалистической экономике частных хозяйств в 1987 г.

Обсуждая вопрос об отношении ко все шире распространяющемуся в КНР процессу перерастания единоличных хозяйств в частные, китайские ученые делали выводы, опираясь на практические потребности страны. В запрещении или ликвидации таких хозяйств виделся прямой ущерб развитию производительных сил, ибо эквивалентной замены им не находилось, а поэтому акцент ставился на разработку более активной налоговой политики. Одновременно было предложено пересмотреть определенные К. Марксом критерии занесения предприятий в разряд капиталистических с учетом времени и конкретных условий современной действительности, внести теоретическую ясность в классификацию хозяйств и одновременно навести порядок в статистических данных по секторам экономики.

Большое значение для ответа на целый ряд животрепещущих вопросов, связанных с развитием частных хозяйств в социалистической экономике, имел эмпирический анализ. Группа ученых из Института экономики АОН Китая под руководством в то время его директора Дун Фужэна провела летом 1986 г. специальное исследование вопроса о развитии семейной промышленности в известном бурным ростом единоличных хозяйств округе Вэньчжоу (восточный район пров. Чжэцзян), который привлекал внимание всей страны тем, что семейное хозяйство стало в нем абсолютно преобладающей формой, обеспечивающей от 60 до 80 % валовой продукции промышленности и сельского хозяйства. Проблема возникла в связи с тем, что, поскольку условием допущения развития единоличных хозяйств в КНР было сохранение ведущего места за общественной собственностью, встал вопрос о том, в какой мере «вэньчжоуская модель» укладывалась в официальную политику, если учитывать при этом, что и в Вэньчжоу, и в ряде соседних районов предприятия общественной собственности, не выдерживая конкуренции с единоличными хозяйствами, начали распадаться на частные или, лишь сохранив вывеску государст-

венного предприятия, занялись обслуживанием семейной промышленности.

Эволюция предприятий семейной промышленности, как свидетельствовал анализ данных по Вэньчжоу, шла в основном по трем направлениям: 1) расширение масштабов, увеличение количества наемных работников и превращение в «крупное семейное предприятие, использующее наемный труд»; 2) создание различных хозяйственных форм на основе объединения частных капиталов; 3) повышение технической оснащенности и достижение более высоких качественных показателей работы при отсутствии или незначительном найме работников со стороны и сохранении семейной формы хозяйства. Превалировали первые две тенденции.

Наибольший интерес с точки зрения обозначенной проблемы представляли результаты выборочного исследования крупных семейных хозяйств, использующих наемный труд. К категории последних отнесены в Вэньчжоу хозяйства, имеющие большие масштабы, довольно много средств производства, нанимающие не менее 30 человек, и где собственно семейная экономика отходит на второй план. По данным на 1984 г., на 31 обследованном предприятии такого типа работало 1560 наемных работников, в среднем на одно предприятие приходилось примерно 50 человек, самое большее — 110, самое малое — 30 человек. Средняя годовая заработная плата наемных работников составляла примерно 800 юаней, самая высокая — 5400, самая низкая — 540 юаней. При средней норме прибыли в 12 %, самая высокая превысила 40 %, самая низкая — 2 %. В среднем на каждое предприятие приходилось 74 тыс. юаней. основных установленных фондов и 120 тыс. юаней оборотных фондов, самые высокие показатели составляли соответственно 480 тыс. и 500 тыс. юаней, самые низкие — 10 тыс. и 20 тыс. юаней. Общая сумма банковских ссуд и кредитов, полученных этими предприятиями, составила 1,37 млн юаней, самая крупная сумма кредита у предприятия равнялась 446 тыс. юаней, некоторые предприятия вообще не брали кредитов в банке. Что касается доходов владельцев этих предприятий, то из них 2 нанимателя понесли убытки, 7 человек имели годовой доход до 10 тыс. юаней, 5 человек — от 10 до 20 тыс. юаней, 10 человек — от 60 до 100 тыс., 3 человека — от 110 до 150 тыс. юаней. Отсюда складывался наиболее распространенный стереотип частника, имеющего «марку трех пятерок» — 50 человек наемных работников, 500 тыс. юаней стоимости выпускаемой в год продукции, 50 тыс. юаней личного дохода [376, 1986, № 8, с. 1, 7, 19—20, 28—29].

То обстоятельство, что такое динамичное развитие с глубокими изменениями в характере самих хозяйств всего за несколько лет реформы произошло в районе с населением 6 млн человек, не могло не привлечь пристальное внимание китайских ученых. Поскольку, по мнению многих из них, при неизменности политики крупные семейные предприятия и предприятия, созданные путем объединения частных капиталов, могли окончательно вытеснить в данном районе общественную собственность, ученым страны надо было отвечать на вопросы, не противоречат ли эти тенденции принципу сохранения главенства за общественной собственностью и не опасны ли они для социализма вообще.

Свое понимание такой ситуации Дун Фужэн, например, излагал следующим образом: о сохранении ведущего места за общественной собственностью должно заботиться государство в целом, а не отдельный район, деревня или город; даже в тех случаях, когда удельный вес семейной экономики становится преобладающим, ее развитие может регулироваться общественной собственностью с помощью финансово-кредитной, налоговой политики государства; ведущее место общественной собственности — не просто количественное понятие, главное в нем — овладение командными высотами в экономике, способность регулировать развитие всего народного хозяйства и вести его по пути социалистической модернизации.

Состоявшийся в октябре 1987 г. XIII съезд КПК фактически легализовал развитие частного сектора, подчеркнув сделанный из практики вывод, что «известное развитие частного хозяйства стимулирует производство, оживление рынка, увеличение занятости», т. е. «является необходимым и полезным дополнением к экономике, основанной на общественной собственности». При этом частный сектор был определен как «тот экономический уклад, в котором существуют отношения наемного труда» [72, с. 41].

После получения официального статуса частные хозяйства, к которым стали относиться предприятия с количеством наемных работников от 8 человек и выше (верхние пределы никакими официальными документами не ограничивались), продолжали динамично развиваться. Данные о количестве таких предприятий были достаточно разноречивы из-за несовершенства системы классификации и учета их. Согласно одному из таких сообщений, в 1988 г. было официально зарегистрировано 40 тыс. частных предприятий с общим числом наемных работников 700 тыс. и капиталом более 3,2 млрд юаней, т. е. в среднем на каждое частное

предприятие приходилось 80 тыс. юаней капитала и 17,5 наемного работника. К 1995 г. количество занятых на частных предприятиях увеличилось до примерно 6,5 млн человек, к 1998 г. — до 13,5 млн [370, 21.10.1989; 89, 1998, с. 32].

Основные «особенности частных хозяйств в условиях социализма» видятся китайским ученым в том, что они связаны с экономикой, основанной на общественной форме собственности и занимающей ведущее место в народном хозяйстве, испытывают ее огромное воздействие, а также в том, что полученная от наемного труда прибыль тратится не на личное потребление, а вкладывается (в большей своей части) в расширение производства, т. е. способствует развитию производительных сил страны. Одновременно частный сектор помогает стимулировать производство, оживить рынок, увеличить занятость. Особое значение имеет накопление им средств на общегосударственные нужды: за период 1981—1995 гг. налоговые поступления в государственный бюджет от единоличного и частного секторов составили свыше 194,6 млрд юаней [88, 1996, с. 226].

Главными негативными моментами, проявившимися за годы реформы в деятельности индивидуальных и частных хозяйств в КНР, ученые называют: несправедливость в распределении доходов при весьма неравномерном их росте, увеличение экономических преступлений ввиду слабой базы правового регулирования, уклонение от налогов, структурные перекосы в выборе сфер деятельности, нерациональное, расточительное использование получаемой прибыли. В связи с этим ставились задачи по укреплению управления индивидуальными и частными предприятиями, дальнейшему развитию их позитивных сторон и устранению негативных. Для этого было предложено четко определить направление долгосрочного развития этих секторов в соответствии с реальными потребностями народного хозяйства, а также провести соответствующее урегулирование проводимой в отношении них политики: строго ограничить рамки их деятельности таким образом, чтобы они дополняли общественное хозяйство, а не вытесняли его; регулировать занятость так, чтобы имеющие работу не отнимали «плошку риса» у тех, кто не имеет работы; проводить дифференцированную налоговую политику по отношению к крупным предприятиям, использующим наемную рабочую силу, и небольшим единоличным предприятиям с числом наемных работников менее 8 человек; наладить снабжение сырьем и топливом; обеспечить управление ценами, установив единый уровень цен по отраслям и ассортименту и т. п.

Основные усилия рекомендовалось сосредоточить на том, чтобы совершенствовать систему управления, четко определять все платежи, их объем и получателя, укреплять повседневный контроль со стороны финансовых органов, исполнять штрафные санкции за нарушение закона и уклонение от налогов, усилить пропаганду законности и воспитательную работу, не допускать безлицензионного хозяйствования и т. п. При этом подчеркивается, что укрепление управления индивидуальными и частными предприятиями вовсе не означает ограничения их развития, которое в соответствии с политикой партии и государства поставлено на службу осуществления социалистической модернизации Китая.

Динамичное развитие госкапиталистического сектора, представленного предприятиями, основанными на совместном китайском и иностранном капитале, объясняется тем, что он добывает для нужд модернизации народного хозяйства КНР валюту, современную технику, передовую технологию и управленческий опыт, а значит, всячески поощряется государством. В 1997 г. в КНР насчитывалось уже более 300 тыс. предприятий совместного капитала (первые 5 предприятий были созданы в 1980 г.), сумма реально использованного зарубежного капитала достигла за эти годы около 350 млрд долл. (из 654 млрд долл., предполагаемых соглашениями) [89, 1998, с. 138]. Доля совместных предприятий в производстве валовой промышленной продукции страны росла не столь быстро, однако трудно было переоценить их значение в развитии инфраструктуры, туризма, гостиничного хозяйства, торговых услуг.

Особенностью государственно-капиталистического сектора КНР на этапе реформ в отличие от периода 1950-х годов было названо не только то, что он функционирует в условиях, когда социалистические формы хозяйства преобладают, но и то, что если раньше госкапитализм использовался в КНР для мирного преобразования капиталистической собственности, то теперь он направлен не на преобразование капитализма, а является следствием проведения открытой политики и поощряется в целях привлечения передовой зарубежной технологии и управленческого опыта, поставленных на службу модернизации народного хозяйства КНР.

Как правило, предприятия, целиком основанные на иностранном капитале, также рассматривались в рамках госкапиталистического сектора, однако все сильнее проявлялась тенденция к выделению их в самостоятельную категорию. Относитель-

но нетрудно определялся госкапиталистический характер тех предприятий, где партнером государства выступает иностранный или местный (выросший из единоличника) капиталист, но сложнее решается вопрос с определением характера предприятий, созданных бывшими национально-буржуазными элементами, которым в 1979 г. вернули конфискованные ранее вклады и привилегии (повышенные оклады, руководящие должности и т. д.). В одних случаях характер таких предприятий определяется как коллективный, и хотя при этом фиксируются отличия их и от собственно коллективных, и от капиталистических предприятий, большинство мнений склоняется к тому, чтобы считать их коллективными предприятиями особого рода. Другая точка зрения заключается в том, что, поскольку вложения бывших национально-буржуазных элементов — продукт прежних нетрудовых сбережений и в то же время государство в настоящее время непосредственно в разных формах участвует в создании условий для деятельности этих предприятий, характер их следует определять как госкапиталистический.

Сравнивая условия деятельности различных типов хозяйств, китайские ученые расходятся во мнениях относительно существующих здесь преимуществ (или привилегий). Некоторые, обращая внимание, скорее, на идейно-политические моменты, считают дискриминационным положение единоличного и частного секторов, так как в народе бытует традиционное, называемое «левым», недоброжелательное отношение к частнику. Другие считают, что частные и единоличные хозяйства находятся в самом выгодном положении, затем идут коллективные, а замыкают их государственные. В то же время государственные предприятия имеют такие преимущества, как гарантированное снабжение дешевыми средствами производства, обеспечение транспортом и инженерно-техническим персоналом, которые в известной степени нивелируют негативное влияние на их деятельность директивных заданий, изъятия прибыли государством и т. п. При этом подчеркивается, что если данной реформой этим предприятиям большая самостоятельность будет ими умело использована, они в будущем окажутся в привилегированном положении вообще и «смогут на деле показать преимущества социалистической экономики». Если же они и эту возможность не используют, в таком случае окажутся виноваты сами, так как правила конкурентной борьбы должны реализовываться на деле. Сам факт наличия элементов конкуренции в многоукладной экономике в целом рас-

смачивается как благоприятствующий повышению эффективности деятельности каждого из типов хозяйств.

Как показала жизнь, проблема повышения эффективности государственных предприятий оставалась центральной практически все годы реформы. Именно незначительность и зыбкость результатов рыночных преобразований в государственном секторе на фоне явного динамизма и более эффективной деятельности индивидуальных, частных и совместных предприятий заставили китайское руководство в 1992 г. сделать решительный шаг в сторону акционирования крупных и средних государственных предприятий, более трети которых по-прежнему оставались убыточными.

Явную панику у некоторых экспертов вызвало то обстоятельство, что после взятия курса на ускорение развития и углубление реформы доля убыточных предприятий в государственном секторе не только не сократилась, но заметно возросла и колебалась в 1993—1994 гг. в диапазоне 40—50 %. В качестве аргумента о явной неэффективности и кризисе государственного сектора стал приводиться и тот, что в эти же годы 84 % прироста промышленного производства обеспечивалось негосударственными укладами.

Однако, пытаясь понять возникшую ситуацию, следует учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, главной сферой деятельности крупных и средних государственных предприятий являются отрасли тяжелой, и в первую очередь добывающей промышленности, требующие самых крупных и самых долгосрочных вложений капитала.

Во-вторых, основные источники топлива, сырья, энергии, являющиеся исторически сложившимся объектом деятельности государственных предприятий, расположены в наименее развитых и наименее затронутых реформой внутренних районах Китая.

В-третьих, подавляющее большинство крупных и средних государственных предприятий созданы давно и требуют технического переоснащения.

В-четвертых, и индивидуальный, и частный, и иностранный капитал — и по объективным, и по субъективным причинам — меньше всего идет в отрасли, связанные с начальной стадией производства, концентрируясь в наиболее прибыльных перерабатывающих отраслях, производствах, в значительной степени ориентированных на экспорт, сферу услуг, коммерческую деятельность и т. п.

В-пятых, именно государственные предприятия несут основное бремя расходов на социальные нужды трудящихся.

В-шестых, не в пользу государственного сектора действует и существующая политика ценообразования и целый ряд сопутствующих ей моментов.

Наконец, характеризуя в целом место и роль государственных предприятий в социально-экономическом развитии КНР и постоянно подчеркиваемую безуспешность попыток преодолеть неэффективность их деятельности, не следует забывать главное обстоятельство: долгие годы реформы они обеспечивали от более половины до $\frac{2}{3}$ доходов государственного бюджета страны и инвестиций в основные фонды.

Характерно, что после того, как во второй половине 1990-х годов государство пошло на более решительные меры по сокращению персонала рабочих и служащих крупных и средних государственных предприятий и перемещению на общество и самих трудящихся функций по их социальному обеспечению, картина рентабельности предприятий стала меняться и, как сообщили китайские экономисты автору в конце 1998 г., среди крупных государственных предприятий страны не стало убыточных, большинство же их приходилось на мелкие предприятия, меньшая доля — на средние.

О том, что причиной убыточности предприятий является отнюдь не форма собственности, свидетельствовали и данные о положении на этот счет в различных секторах народного хозяйства: в 1995 г. убыточными были 25,1 % промышленных предприятий страны, в том числе предприятий с участием иностранного капитала — 41,1 %, государственных — 33,8, коллективных — 21,1, акционерных — 21,7 % [375, 1998, № 2, с. 53—54].

Подталкиваемые реалиями хозяйственной практики и необходимостью отвечать на многочисленные вопросы трудящихся по поводу новой экономической политики КНР, китайские ученые стали активно обсуждать такие наиболее болезненные вопросы, как имущественная дифференциация в китайском обществе, допустимость найма рабочей силы и эксплуатации, индивидуализация производственной деятельности, опасность реставрации капитализма. На разъяснение этих вопросов были направлены и усилия пропаганды: выпуск целых серий научно-популярной литературы, выступления в центральной печати крупных ученых, дающих ответы на письма трудящихся, выступления ведущих специалистов по телевидению, довольно умелое отражение вопросов новой экономической политики в художественных фильмах и т. п.

Что касается существа самих вопросов, то об имущественной дифференциации в китайском обществе вначале говорилось как о незначительной или же не имеющей существенного значения, поскольку доходы подавляющего большинства населения выросли, а «вынужденное поочередное обогащение» постепенно приведет к общей зажиточности. Однако по мере углубления реформы об этом заговорили как о серьезной проблеме, так как рост цен, неизбежно повышающий границы прожиточного минимума, ставил определенные слои населения в более трудное, чем раньше, положение. Именно последним обстоятельством объяснялся и поток писем трудящихся в редакции газет с просьбой лучше не повышать зарплату, а стабилизировать цены.

Надо сказать, что с самого начала этот вопрос выглядел гораздо серьезней, чем просто жалобы определенной категории населения: на первых этапах реформы инфляция все больше и больше пожирала ту прибавку в доходах, которую получала основная масса трудящихся. Более того, большие денежные массы в руках определенных категорий населения уже к середине 1980-х годов вызвали такой тревожный признак в развитии экономики страны с более чем миллиардным населением, как появление очередей и связанную с ними морально-психологическую взбудораженность.

По всей видимости, в первую очередь отвечая тем, кто вспоминал 1960-е годы, когда зарплата не росла, но и цены были стабильны, советник Центральной комиссии КПК и крупнейший ученый-экономист Сюэ Муцяо неоднократно в своих выступлениях в центральной печати разъяснял, что повышение цен — неизбежный атрибут действительно развивающейся экономики, ибо затраты на производство растут, а ресурсы исчерпываются, что без повышения цен невозможно стимулировать труд крестьян, являющихся основными поставщиками продуктов и сырья для легкой промышленности, что с ростом цен необходимо примириться в интересах развития производительных сил страны.

По мере углубления реформы и появления все новых источников доходов для различных категорий населения ученые-экономисты фиксировали и рост имущественной дифференциации в китайском обществе, но без такой дифференциации не виделось способа заставить всех и каждого активно включиться в работу. Соглашаясь с тем, что социалистическое государство должно обеспечить всем трудящимся социальные гарантии, а не просто «уничтожить железную плошку риса для каждого», китайские ученые обращали внимание на эффективность системы социального обеспечения в некоторых капиталистических странах, опыт

которых внимательно изучался, в результате чего делались выводы о преимуществах, имеющихся здесь по сравнению с социалистическими странами.

Подчеркивалось, что не допускающий дифференциации, но «бедный» социализм не только не в состоянии гарантировать социальное обеспечение трудящихся, но и подрывает веру людей в преимущества социализма. Рост же богатства даже у части общества, создавая дополнительные ресурсы, может дать возможность оказать помощь бедным слоям населения, постепенно улучшая настроения людей и укрепляя тем социализм. Только тогда, когда трудящиеся, пусть даже пройдя серьезные испытания дифференциацией, станут жить хорошо, социализм действительно обретет для них привлекательность. Те же самые доводы служили для обоснования допущения найма работников и существования в небольших размерах эксплуатации.

Общий вывод, к которому в полемике с традиционными представлениями о социализме приходили китайские ученые, обобщая результаты развития новых типов хозяйств (частных, единоличных, госкапиталистических, капиталистических), заключался в том, чтобы допущение в определенных (незначительных) размерах капитализации прибавочной стоимости, найма рабочей силы, эксплуатации, безработицы и тому подобных «несоциалистических элементов в социалистической экономике» считать приемлемым для социализма.

Путь к признанию целесообразности сосуществования в китайской экономике различных по формам собственности типов хозяйств изобиловал многочисленными дискуссиями, во время которых неоднократно выдвигались решительные возражения тем, кто с самого начала поиска, признавая в качестве необходимых условий социалистического строя общественную собственность на средства производства, отсутствие эксплуатации, распределение по труду, в то же время считал, что условия эти не обязательно должны соблюдаться абсолютно, что в интересах экономического прогресса допустимы в небольших размерах и несоциалистические формы хозяйства, и капитализация части прибавочного продукта, и наем работников со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Суть приводимых контрдоводов сводилась к тому, что разрешение найма рабочих и эксплуатация в корне противоречат сущности социализма; что Конституция КНР разрешает существование только не допускающих эксплуатации единоличных хозяйств, а разрешение «поочередно обогащаться» вовсе не означа-

ет осуществление этого за счет эксплуатации чужого труда; что после 30-летнего периода социалистического строительства нельзя идти вспять; что новая экономическая политика должна быть стабильной и не допускать возникновения уже дающих о себе знать хаоса и беспорядков, которыми и так богата китайская история; что привлечение иностранного капитала в целях получения передовой технологии и управленческого опыта вовсе не означает допущение «внутреннего капитализма», а способы использования средств частных лиц могут быть найдены иные (например, использование капиталовложений на паях, совместная ответственность, займы и т. п.). Из этого следовал вывод, что послабления в экономической политике вовсе не означают допустимость послаблений в области собственности, чреватых реставрацией капитализма.

Лишь в 1985 г., т. е. уже после принятия «Постановления ЦК КПК о реформе хозяйственной системы» и получения первых итогов активного движения в направлении к рынку, на специальном совещании по вопросам собственности, в котором приняли участие крупнейшие ученые-экономисты и практики, был сделан вывод о том, что без реформы отношений собственности не будет успеха в реформе экономической системы КНР [354, 03.01.1986], т. е. подтверждена выдвинутая, но не нашедшая поддержки в 1979 г. идея одного из крупнейших экономистов страны Дун Фужэна [375, 1979, № 1, с. 21—28].

Вывод этот основывался на анализе результатов и особенностей хозяйственной деятельности многообразных по формам собственности типов хозяйств, которые активно развивались в стране, пока ученые дискутировали допустимость вторжения реформы в отношения собственности. В то же время он фактически отражал уже сложившееся положение вещей, поскольку в процессе реформы произошло двоякое изменение в сфере собственности. Во-первых, изменилась структура собственности и вместо прежнего двухсекторного развития (государственные и коллективные хозяйства) появились многообразные (как социалистические, так и несоциалистические) типы хозяйств. Во-вторых, произошли определенные изменения внутри самой общественной собственности на средства производства.

В дальнейшей практике развитие многообразных форм собственности и преобразования внутри них шли по нарастающей, но и на состоявшемся в конце 1987 г. XIII съезде КПК подчеркивалось: «В настоящее время все хозяйственные уклады, кроме основанного на всенародной форме собственности, получили у нас

не то чтобы слишком большое, а, наоборот, весьма недостаточное развитие. Поэтому необходимо и впредь поощрять в городе и деревне развитие кооперативных, индивидуальных и частных хозяйств» [72, с. 40—41].

Отказ от признания того, что социализм должен базироваться единственно на общественной собственности на средства производства, и выработка мнения о создании при социализме плюральной структуры собственности названы в КНР крупнейшим «прорывом» в области экономической теории социализма. Как стало подчеркиваться на этапе реформы, традиционные взгляды на социализм не допускали того, чтобы при наличии различных экономических ситуаций и уровней производительных сил формировались неодинаковые по структуре собственности модели, предлагалась лишь двухсекторная модель с государственной и коллективной собственностью, причем последняя постепенно должна была «подняться» до государственной и тем самым конечная модель виделась односекторной. Такие представления о социализме основывались, по свидетельству XIII съезда КПК, на неверном понимании того, что может идти на пользу развитию производительных сил нового общества, а что может быть пригодным лишь в особых исторических условиях, на бездумном желании доводить все до «идеальной чистоты», питаемом представлениями, «будто, чем больше по масштабам и степени обобществления формы социалистической собственности, тем лучше» [72, с. 12].

На новом этапе в КНР была признана неправильность понимания коллективной собственности как более низкой по своей организации, чем государственная (всемирная собственность), как и неверность всей иерархии в формах собственности, эволюции по схеме «единоличная — коллективная — всемирная собственность». Такая ярусность была названа догматичной, также как и представления о будущем социализме в виде единой всемирной собственности. В результате прежней приверженности таким схемам КНР, как подчеркивается, встала на неверный путь формирования и развития общественной собственности при социализме: в погоне за «высшей» формой собственности недооценивались или же просто «вычищались» другие формы собственности, причем единоличная экономика и другие необобществленные формы хозяйства попросту рассматривались как «хвосты капитализма», которые подлежат ликвидации («обрубанию»). Такая практика, подкрепляемая теорией, имела место как в городе,

так и в деревне и, по сути, привела к разрушению производительных сил.

Новые теоретические заключения по этому поводу китайские ученые формулируют как отказ от прежней закостенелой модели, признающей для социализма единственно общественную собственность, как создание модели по типу «сосуществования различных по формам собственности типов хозяйств при ведущем положении общественной собственности». В качестве теоретической (и практической) находки выступает также отрицание прежнего четкого размежевания и разграничения предприятий по видам собственности, новая архитектура предлагает разрушение прежних «крепостных стен» и «непреодолимых границ», совмещение, переплетение и взаимопроникновение различных типов хозяйств, объединение в одном хозяйстве различных субъектов собственности, причем варианты совмещения могут быть самые различные: несколько субъектов одного вида собственности или же представителей различных форм.

Признавая наличие в реформируемом Китае тенденции к формированию плюральной структуры собственности, ведущие ученые КНР подчеркивали, что в отличие от прежних прогнозов марксистско-ленинской науки, предполагавших постепенное вытеснение несоциалистических форм хозяйствования и движение социализма в направлении создания единой всенародной собственности, объективная реальность требует и в будущем сосуществования различных по формам собственности типов хозяйств. Будет ли такая экономика считаться «смешанной», в которой преобладает общественная собственность, но существуют и многие другие формы хозяйства, или «социалистической экономикой с капиталистическим укладом» — вопрос, требующий специального изучения.

Количественные границы каждого из типов хозяйств, по мнению китайских ученых, должен определить эволюционный процесс рыночного естественного отбора: те из них, которые в условиях равной рыночной конкуренции проявят свою эффективность, пусть продолжают существовать и развиваться, для тех же, которые не смогут функционировать без постоянной государственной поддержки, неизбежно должно наступать банкротство. В целом же об экономике можно говорить как о социалистической до тех пор, пока преобладающий удельный вес (или господствующие позиции) занимают общественные формы собственности, особенно (и главным образом) в ключевых отраслях производства [370, 04.01.1986].

Вопросы, возникавшие в связи с необходимостью соотнести многие несоциалистические по своему характеру явления экономической жизни реформируемого Китая с социалистическим статусом страны, было предложено решать с помощью «двух ключей». Первый из них требует признания того, что главной целью социалистического строительства является развитие производительных сил, а потому все те формы хозяйства, которые способствуют экономическому прогрессу страны, должны развиваться. Второй заключается в необходимости, видя противоречия между социализмом и капитализмом, не понимать их абстрактно, а рассматривать капитализм в конкретных условиях с тем, чтобы использовать его в тех или иных формах в интересах социалистического строительства [320, с. 262—290, 291—297; 375, 1987, № 7, с. 3—9].

Надо сказать, что в ряде подобных случаев ведущие ученые КНР, на наш взгляд, подходят к тем трактовкам новых, непредвиденных вопросов теории и практики социалистического строительства в условиях экономической и культурной отсталости, которые делались В.И. Лениным в период осуществления НЭПа. В первую очередь это касается отношения к государственному капитализму. Обосновывая необходимость использовать его в переходный период к социализму, В.И. Ленин подчеркивал, что «никакой Маркс и никакие марксисты не могли... предвидеть», что «пролетариат достигнет власти в стране из наименее развитых и попытается сначала организовать крупное производство и распределение для крестьян, а потом, когда, по условиям культурным, не осилит этой задачи, привлечет к делу капитализм», а потому «сколько-нибудь путные книги о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм», и «ни одной книги нет, которая была бы написана про государственный капитализм, который бывает при коммунизме» [60, с. 84, 117, 118].

Вывод из этого следовал тот, чтобы в вопросах теории не бояться «выкарабкиваться самим», принимая во внимание новую ситуацию и новые факты. Эта мысль, высказанная В.И. Лениным в 1922 г. после неоднократных корректировок новой экономической политики, была вновь повторена им в одной из последних своих работ в 1923 г. как призыв к творческому развитию экономической теории социализма, ибо «дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут приносить... несомненно, больше своеобразия, чем рус-

ская революция» [65, с. 381], а «учебник, написанный по Каутскому», будучи для своего времени «вещью очень полезной», не может «предусмотреть все формы развития дальнейшей мировой истории» [65, с. 382].

Сам факт того, что В.И. Ленин неоднократно вносил корректировки в новую экономическую политику, прямо указывая на ошибочность недавних прогнозов, может свидетельствовать о том, что он был готов и к дальнейшим поправкам, связанным в том числе и с определением места и роли рожденных НЭПом новых форм отношений, анализу различных аспектов которых были посвящены его последние работы.

Характерно, что обращаясь к идеям В.И. Ленина относительно использования госкапитализма при переходе к социализму, один из выдающихся ученых-экономистов КНР Юй Гуаньюань подчеркивает, что вовсе не хочет мнение Ленина, высказанное в 1918 г. о положении России в то время, «сделать основанием для установления государственного капитализма в Китае сегодня», а лишь фокусирует внимание на диалектическом подходе Ленина, позволяющем конкретно понимать противостояние между капитализмом и социализмом. Творческий подход к ленинским идеям, в том числе и периода НЭПа, у Юй Гуаньюаня проявляется в том, что он продвигает эти идеи до признания возможности в социалистическом обществе после завершения переходного периода длительного существования государственного капитализма, вплоть до его «естественного отмирания» [375, 1987, № 7, с. 7–8].

Выступая по этому поводу, другой выдающийся ученый КНР — Дун Фужэн вообще не говорит о сроках исчезновения несоциалистических форм хозяйствования, а ведет речь о том, что наличие одной лишь общественной собственности не способствует экономическому развитию и удовлетворению нужд людей, а становление и развитие диверсифицированной системы собственности сможет преодолеть слабости и использовать преимущества каждой из форм собственности, обеспечив тем самым более эффективное функционирование экономики в целом [389, 1987, № 40, с. 19–21].

Несомненно, нынешние представления китайских ученых о допустимости сосуществования при социализме социалистических и несоциалистических форм хозяйства вовсе не совпадают с высказанными при жизни Ленина идеями новой экономической политики о пусть очень медленном, но все же вытеснении индивидуальных собственников из социалистического общества.

Существование в экономике наряду с социалистическими различных иных типов хозяйств, или многоукладность, В.И. Ленин рассматривал как характерный признак экономики переходного периода. Характеризуя «элементы различных общественно-экономических укладов» в послереволюционной России и подчеркивая «решимость Советской власти осуществить переход к социализму», В.И. Ленин разъяснял, что этот переход в применении к экономике означает, «что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма» [30, с. 295—296]. В вытеснении несоциалистических форм хозяйствования, преобразовании их на основе повышения производительности труда и его организации на коллективных началах виделась В.И. Лениным экономическая стратегия государства в переходный период к социализму. Менялась только тактика этого вытеснения, причем менялась принципиально. Основные вехи этой смены отмечены самим В.И. Лениным. Выступая с докладом на VII Московской губпартконференции, он констатировал, что попытки непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической, обнаружили свою несостоятельность уже к весне 1921 г., заставив отступить «к приемам, к способам, к методам деятельности государственного капитализма», а именно к новой экономической политике. «Если оказалась ошибка в тактике, — подчеркивал при этом В.И. Ленин, — то надо с этой ошибкой покончить, и все то, что с ней связано, надо признать помехой деятельности, которая требует изменения: надо окончить штурм и перейти к осаде» [58, с. 197].

Однако и первоначально предлагавшийся новой экономической политикой товарообмен продуктов промышленности на продукты земледелия сорвался, вылившись, по словам В.И. Ленина, в куплю-продажу. Это потребовало признать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление: «Теперь мы очутились в условиях, — писал в этой связи В.И. Ленин, — когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь» [58, с. 208].

Называя НЭП «отступлением», В.И. Ленин не только этим, но и прямо характеризовал его как «тактику», позволяющую выбирать «другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался

на данный период времени нецелесообразным, невозможным» [54, с. 151], но в силу вынужденной длительности этого отступления называет его «стратегическим» [52, с. 158], или, определяя место НЭПа в стратегии и тактике большевиков, рассматривает его как политическую, революционную стратегию [58, с. 193—194] (поскольку он в конечном счете призван обеспечить победу социализма), но одновременно как тактику в экономическом отношении, ибо победа социализма, по В.И. Ленину, не предполагала сосуществование различных хозяйственных укладов, а требовала их пусть долгого, но вытеснения, с тем чтобы «не завтра, а в несколько лет... из России нэповской стала Россия социалистическая» [66, с. 309].

Допущение различных форм хозяйственной деятельности в период новой экономической политики В.И. Ленин рассматривал как «переход к восстановлению капитализма в значительной мере» [52, с. 159—160], как «целый ряд опасностей» [58, с. 211], подчеркивая, что «то положение, которое создала наша новая экономическая политика — развитие мелких торговых предприятий, сдача в аренду государственных предприятий и прочее, все это есть развитие капиталистических отношений и не видеть этого — значило бы совершенно потерять голову» [58, с. 211]. Именно с той «громадной опасностью, которая заключается в НЭПе» [60, с. 78], связывал В.И. Ленин необходимость последующего перехода к наступлению на частнохозяйственные элементы, наступлению, которое будет «в сто раз медленнее, зато в миллион раз прочнее и крепче» [60, с. 92], так как в нем будет участвовать вся крестьянская масса, в смычке с которой и состояла «основная, решающая, все остальное себе подчиняющая» задача НЭПа [60, с. 76].

О начале этого наступления, заключающегося в «перегруппировке сил», ставшей возможной благодаря тому, что в результате первых уроков НЭПа «главные приемы деятельности, как с капиталистами работать,» были намечены, В.И. Ленин говорит уже весной 1922 г. на XI съезде РКП(б) [60, с. 92]. На повестку дня в то время выдвигается проверка соревнованием, конкуренцией государственных и капиталистических предприятий, которая рассматривается В.И. Лениным как «последний и решительный бой» частному капитализму [60, с. 83], как еще одна форма борьбы буржуазии с пролетариатом, «ибо сплошь и рядом буржуазные деятели знают дело лучше, чем наши лучшие коммунисты, имеющие всю власть» [60, с. 96].

Связывая вопросы стратегии и тактики большевиков с общим планом работы, В.И. Ленин в своих последних трудах подчеркивал и стратегическую цель — «пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей, с лошади экономии, рассчитанной на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» [63, с. 405], и озабоченность возможностью «двоякого исхода» применяемой для достижения этой цели тактики: «...в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ними, или она даст “нэпманам”, т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними» [61, с. 387—388].

Школа НЭПа состояла в том, чтобы научиться вытеснить не социалистические хозяйства не волевыми актами, а экономическими методами, а научившись, сделать хозрасчет постоянным принципом социалистического хозяйствования. Что касается длительности этого наступления, то В.И. Ленин подчеркивал, что «существование экономической борьбы» неизбежно «до тех пор, пока не закончена, хотя бы в основе электрификация промышленности и земледелия, пока не подрезаны этим все корни мелкого хозяйства и господства рынка» [57, с. 343].

Интересны в этой связи те замечания В.И. Ленина, которые были сделаны им в заключительном слове по докладу о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 г. по поводу намеченных (но часто неверно приписываемых исследователями ему) выводов о том, что НЭП — это «всерьез и надолго». Соглашаясь с тем, что в этом выводе т. Осинский «совершенно прав», В.И. Ленин в то же время замечает: «Но когда тов. Осинский пошел дальше и насчет срока стал говорить, то тут бы я воздержался. “Всерьез и надолго” — 25 лет. Я не такой пессимист, я не стану определять каков, на мой взгляд, должен быть срок, но это, по-моему, немного пессимистично. Дай бог, чтобы мы на 5—10 лет рассчитывали, а то мы на 5 недель обыкновенно не умеем рассчитывать» [48, с. 329—330].

В.И. Ленин мало говорил о возможных сроках НЭПа, но в тех случаях, когда это делалось хотя бы в какой-то форме, обращает на себя внимание (вероятно, свойственная всем мыслителям революционной эпохи) очевидная сжатость этих сроков. Даже понятие «целая историческая эпоха», которая, по мнению В.И. Ленина, высказанному им в работе «О кооперации» (январь 1923 г.),

понадобится, «чтобы достигнуть через НЭП участия в кооперации поголовно всего населения», измерялась им следующим образом: «Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия» [64, с. 372].

На вопросе о кооперации В.И. Ленин предполагал остановиться в своем докладе на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г., в котором он не участвовал из-за ухудшения состояния здоровья. В конспекте подготовленной к съезду речи В.И. Ленина существуют такие пункты: 5. ...как подойти к социализму?... 6. Не иначе как через НЭП... 7. Проверка за год?... 22. работа многих лет... 23. Быстрее (1917—1922) медленнее (1922—1927??)...» [62, с. 440—441]. Не пытаюсь додумывать, а лишь выстраивая логическую цепь мыслей В.И. Ленина и сопоставляя их с другими его высказываниями на этот счет, нельзя не заметить, что последняя дата роковым образом совпала с той, когда НЭП действительно стали активно сворачивать (1927 г.). Иначе говоря, свертывание НЭПа, которое нередко рассматривают как личную инициативу и принципиально иную позицию по данному вопросу И.В. Сталина, в реальной действительности СССР 1920-х годов, скорее, похоже на «верность заветам Ленина».

Относительно судьбы НЭПа В.И. Ленин, как показано выше, высказался достаточно ясно: НЭП нужен лишь до тех пор, пока социалистические уклады наберут силу, и «Россия нэповская» превратится в «Россию социалистическую». Позиции китайских ученых, называемые «прорывом» в теории вопроса о развитии при социализме многообразных по формам собственности типов хозяйств, заключаются в том, что плюрализм в формах собственности признается ими не только как неизбежная черта начального этапа социализма, продолжительность которого измеряется примерно столетием, но и как, по всей видимости, необходимая для удовлетворения многообразных потребностей человека данность социалистического общества вообще, т. е. не только общественные, но и традиционно рассматривавшиеся как несоциалистические типы хозяйств вписываются в модель «социализма со спецификой Китая».

Таким образом, здесь прослеживаются отличия от разработанных В.И. Лениным идей НЭПа по существу. Однако попытки ведущих китайских экономистов по-новому посмотреть на те формы хозяйств, которые способствуют экономическому прогрессу страны и в этом смысле «работают на социализм», а также попытки определить те условия, при которых традиционно «несоциалистические формы» можно рассматривать как если и не

присущие, то допустимые при социализме, идут, по нашему мнению, именно в русле ленинских высказываний о необходимости творчески подходить к оценке новых, «бесспорнейших фактов» жизни социализма [60, с. 117—118].

Одним из таких выводов китайских ученых является тот, что если в условиях переходного периода к социализму В.И. Ленин рассматривал госкапитализм как «преддверие» социализма, то сегодня «госкапитализм вновь стоит на пороге марксизма», и следует подумать о «госкапитализме в условиях социализма» [320, с. 294—295; 267, с. 194—211]. Что касается возможных форм использования госкапитализма, то здесь китайские ученые имеют возможность обращаться к рассмотренным В.И. Лениным и «самому простому случаю» направления капитализма в русле госкапитализма в виде концессий (нынешний вариант КНР — смешанные предприятия, основанные на китайском и иностранном капитале); и более запутанному и сложному «кооперативному капитализму», означающему «сожительство Советской власти с мелкими капиталистами» и одновременно облегчающему учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством и частным собственником; и заслуживавшим, по мнению В.И. Ленина, большего внимания таким видам госкапитализма, как привлечение капиталиста в качестве торговца, сдача государственных заведений, промыслов, земель и т. д. в аренду предпринимателю [51, с. 223—227].

В этом смысле весьма показательны следующие высказывания В.И. Ленина в условиях перехода к новой экономической политике, где он, призывая использовать все средства для оживления оборота промышленности и земледелия, подчеркивал, что тот, «кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частнохозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу все-российского социалистического строительства, чем тот, кто будет “думать” о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать» [51, с. 223].

Считая основным критерием целесообразности развития при социализме многообразных по формам собственности типов хозяйств содействие их экономическому и социальному прогрессу в обществе, ученые КНР не забывают и о том, что в качестве критериев социалистичности тех или иных форм собственности, как правило, рассматриваются не только возможность обеспече-

ния высокой эффективности производства, но и занятости, социальных гарантий, отсутствие эксплуатации.

В КНР ставшая существенным экономическим подспорьем практика развития не только единоличных, но и частных хозяйств с десятками, а иногда и сотнями наемных работников заставила несколько по-иному определять критерии допустимости их использования при социализме. При условии сохранения ведущих позиций общественных форм собственности в народном хозяйстве речь идет о том, что и небольшая безработица, и немного эксплуатации не повредят социализму, а лишь помогут скорее выбраться из экономической отсталости. Главное, чтобы не сформировался класс эксплуататоров, чтобы в целом увеличивалась занятость, чтобы обогащение отдельных слоев не сопровождалось обнищанием других, а происходило при условии улучшения благосостояния всего общества.

Больше всего вопросов возникло в связи с предоставлением гражданства в социалистической экономике частному сектору, неоднозначными предполагаются результаты развития других типов хозяйств, связанных с преобразованиями в сфере общественной собственности и стимулированием индивидуального предпринимательства. Однако в оценке использования таких способов достижения социально-экономического прогресса в КНР с началом рыночных преобразований отталкивались от реальности, заключающейся в том, что в альтернативе «экономический прогресс через дифференциацию и конкуренцию» или «застой при недопущении того и другого» пока не найден был (ни в КНР, ни где-либо в другой развивающейся на слабой экономической основе социалистической стране) иной выбор, по крайней мере, такой, который бы не был теоретической абстракцией. А потому важнейшей задачей оставалось отыскание оптимальной меры в использовании новых форм, типов и способов хозяйствования (а также методов контроля за ними), с тем чтобы в общей сложности поставить трудящегося человека в лучшие условия существования. Ибо сущность социализма как идеи именно в том и заключается. Однако найти эту меру чрезвычайно трудно.

В вопросе о сохранении ведущего места за общественной собственностью в многоукладной хозяйственной структуре КНР было дано разъяснение, что общественная собственность включает не только государственный и коллективный секторы, но и государственные и коллективные компоненты в хозяйствах смешанных форм собственности. А поскольку доли этих компонентов, например, в акционерных предприятиях довольно велики

(75—80 %), ведущие позиции общественной собственности в экономике КНР выглядят более внушительно, чем если судить о них лишь по заметно сократившимся удельным весам государственного и коллективного секторов в общих показателях производства.

Доминирующее положение общественной собственности в экономике обеспечивается, по мнению китайских ученых, в том случае, если, во-первых, фонды общественной собственности занимают преимущественное место в совокупных общественных фондах; во-вторых, государственный сектор сохраняет командные позиции и ведущую роль в народном хозяйстве; в-третьих, при соблюдении первых двух положений в масштабах всей страны, допускаются различия в отдельных отраслях и регионах [375, 1997, № 6, с. 4].

Как было подчеркнуто на XV съезде КПК, государственному сектору должно отводиться господствующее место в жизненно важных отраслях и ключевых сферах народного хозяйства, должны усиливаться его контрольные функции и конкурентоспособность, а «при наличии такой предпосылки некоторое уменьшение удельного веса государственного сектора не повлияет на социалистический характер Китая» [354, 22.09.1997].

Считая излишним беспокойство некоторых китайских ученых по поводу того, что быстрое развитие в последнее время необщественных форм хозяйства потеснит с ведущего места общественную собственность, другие ученые-экономисты страны доказывают, что 24 % в ВВП, которые приходились в конце 1990-х годов на необщественные сектора, отнюдь не много, а сравнительно мало для экономики КНР и есть перспективы для их дальнейшего роста [373, 1997, 10, с. 8].

В качестве аргумента против таких опасений говорилось о неоднозначности характера создаваемых в стране акционерных предприятий, среди которых лишь небольшое число образовано частными инвесторами, а в большинстве своем это смешанные компании, где государству и коллективным юридическим лицам принадлежит контрольный пакет акций, а значит, они носят общественный характер. Более того, все шире будет распространяться возникшая в ходе реформы акционерно-кооперативная форма хозяйственной деятельности, объединяющая усилия и капиталы трудящихся, т. е. явно обладающая атрибутами общественной собственности. Огромное значение для выявления доминирующей роли экономики общественной собственности, по мнению китайских ученых, будет играть сектор коллективной

экономики, способный воплотить принцип совместного достижения зажиточной жизни для всех членов коллектива, стать хорошей формой аккумуляции распыленных денежных средств, смягчить напряженность с трудоустройством, увеличить общественные накопления и налоговые поступления [373, 1997, № 10, с. 5—6; 354, 22.09.1997].

Поскольку в ходе реформы позиции различных по формам собственности секторов народного хозяйства КНР весьма динамично менялись, так же как менялась и система статистической градации их, судить о структуре многоукладности страны за годы рыночных преобразований целесообразнее всего по количеству занятых в каждом из них. Если в 1978 г. из 95,140 млн занятых в городах и поселках КНР в государственном секторе трудилось 78,4 %, коллективном — 21,6, единоличном — 0,16 %, то в 2009 г. из 311,200 млн занятых в городах и поселках на государственных предприятиях работало 20,64 %, коллективных — 1,99, единоличных — 11,61, частных — 16,46 %. В других секторах (на акционерно-кооперативных, смешанных, предприятиях зарубежного капитала, акционерных компаниях с ограниченной ответственностью и т. п.) было занято в последние годы примерно 17 % тружеников городов и поселков КНР [рассчитано по 89, 2010, с. 44, 46].

6.2. Акционирование как один из важнейших путей преобразования государственной собственности

Если в реформе экономической системы КНР преобразование отношений собственности стало, по сути, центральной проблемой, то внутри последней на главное место выдвинулась реформа государственной собственности, одним из наиболее дискутируемых направлений которой явилось акционирование.

Возможностью использования акционерных форм деятельности в КНР заинтересовались уже с первых шагов хозяйственной реформы. Первым и главным доводом в пользу этих форм послужила нужда в аккумуляции дополнительных средств для осуществления долгосрочной программы модернизации народного хозяйства страны. Далее процесс уже в немалой степени продвигал сам себя: успешное функционирование паевых (акционерных) предприятий, созданных в ходе реформы, послужило убедительным мотивом в пользу обращения к акционированию для преобразования государственной собственности, ибо предприятия,

охватываемые ею, функционировали весьма неэффективно и в их деятельности, несмотря на все реформационные усилия, мало что менялось.

В акционировании, как и в целом в реформе, пошедшей по пути соединения стихийного начала с последующим правовым оформлением, вначале те, кто принимает решения, «сознательно позволяли» или «молча допускали» частичные нарушения прежних (считавшихся незыблемыми для социализма с его плано-во-централизованной системой управления) норм и правил, а когда реформа уже приводила к определенным результатам в экономике, правительство с помощью законов и указов изменяло старые нормы и правила и вводило новые.

Такая «стратегия» реформы, как показала практика, довольно результативна, но в то же время отличается высокой степенью риска, поскольку стирает грани между законным и незаконным и опасна возможностью нарушения порядка. В то же время такой подход позволил «узаконить», внести относительную ясность в те новые для КНР области хозяйственной деятельности, которые касаются «чистых», «классических» или же отработанных в мировой практике форм (единоличные, частные, совместные национально-иностраннне предприятия), но оставил чрезвычайно запутанным и неопределенным статус многообразных смешанных типов хозяйств. Причем по ставшей наиболее актуальной для исследований паевой (акционерной) экономике длительное время не было выработано законодательных актов или четко регламентирующих ее деятельность правительственных решений. Последнее обстоятельство, в свою очередь, обусловило не только еще большую неразбериху на практике, довольно частые «приливы» и «отливы» в работе по созданию акционерных предприятий, но и накал теоретических дискуссий по целому ряду вопросов, касающихся возможности и допустимости использования при социализме акционерных форм деятельности.

Внимательно анализируя выводы К. Маркса по поводу акционерных обществ при капитализме, в частности те, где он подчеркивает, что капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочих сил, получает в акционерной форме непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям, китайские ученые обращают внимание

на общий вывод о том, что «это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства» [8, ч. 1, с. 479].

Обращаясь к истории создания акционерных предприятий в мировой практике, начиная с XVII в., китайские ученые уделяют особое внимание широкому развитию акционерной системы во второй половине XIX в., после Второй мировой войны, в современном мире, анализируя ее основные параметры и особенности, отмечая при этом, что крупные акционерные компании ряда капиталистических стран имеют огромное количество держателей акций, в том числе рабочих и служащих, и хотя, как подчеркивают китайские экономисты, это явление называется «демократизацией капитала» или «народным капитализмом» (уже с конца XIX в. Э. Бернштейн и его последователи утверждали, что путем распространения среди трудового народа определенного количества акций можно «капитализм превратить в социализм»), эта теория «народного капитализма» давно подвергнута критике, и в социалистическом обществе необходимо отыскивать собственные критерии целесообразности развития этих форм.

Признавая, что в имеющемся ранее опыте социалистических стран еще не найдено успешного образца создания акционерной системы на предприятиях общенародной собственности, китайские ученые видели задачу в том, чтобы в новых условиях решать вопросы, выдвигаемые практикой, не цепляясь упорно за старые методы или слепо отвергая их, но и не допуская небрежности в действиях или пытаясь сделать все разом. Поэтому все их усилия направляются на изучение позитивной роли, которую могут сыграть акционерные (паевые) формы хозяйства в социалистической экономике, анализ необходимых объективных и субъективных условий для их развития, поиск наиболее приемлемых форм их организации, а также выявление в ходе практической работы тех негативных моментов, с которыми надо бороться.

Обращаясь к истории развития паявой (акционерной) экономики в самом Китае, некоторые китайские ученые обращают внимание на то, что паявые формы организации производства в КНР — не изобретение сегодняшнего дня, что они довольно активно использовались в процессе социалистических преобразований в начале 1950-х годов. Действительно, начальные формы кооперирования китайского крестьянства, в частности группы взаимопомощи, использовали паявую форму объединения земельных наделов, трудовых ресурсов, орудий труда и т. п. На паявой основе создавались снабженческо-сбытовые кооперативы.

В качестве прежнего опыта по созданию паевой экономики иногда называются и образованные в процессе социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли в середине 1950-х годов смешанные государственно-частные предприятия, на которых их бывшим владельцам в течение установленного срока выплачивался государством процент на вложенный ими ранее капитал (5 % годовых). Конечно, не все те случаи, которые приводились из истории КНР, могли рассматриваться как действительно акционерные формы деятельности, однако многие элементы прежнего собственного опыта, безусловно, заслуживали внимания и тщательного изучения.

Исходя из того, что акционерные формы деятельности являются не специфическим продуктом капиталистической системы, а порождаются развитием товарного производства, многие китайские ученые считали, что, коль скоро целевой моделью реформы стала «социалистическая плановая товарная экономика», создание и поощрение акционерных и других форм совместных предприятий является в КНР закономерным. Однако были и такие, которые считали, что акционерная экономика — исключительно атрибут капитализма, а потому развивать ее в КНР — значит встать на путь «превращения общественного в частное». Хотя сторонников такой точки зрения было не так много, но вопросы о самой приемлемости развития акционерных предприятий в условиях социализма требовали ответа, а потому постоянно дискутировались в кругах ученых и хозяйственников. В первую очередь, обсуждались вопросы: 1) может ли акционерная система изменить социалистический характер предприятий на капиталистический; 2) является ли эксплуатацией получение дивиденда и танъемы?

Пытаясь ответить на первый из вопросов, некоторые ученые КНР отмечали: исходя из того, что акционерная система является формой организации имущественных отношений, очевидно, «не стоит причислять ее ни к капитализму, ни к социализму», а подходить к данной проблеме не основе уже полученных уроков и сделанных в этих вопросах «прорывов». Последние же заключаются, главным образом, в следующем. Во-первых, необходимо развивать многообразные формы при главенстве общественной собственности. Во-вторых, надо понимать, что сама общественная форма собственности может выступать в многообразном виде, а не только в двух формах — государственной и коллективной. Наконец, формы организации денежных средств предприятий общественной собственности и формы их хозяйствования также

могут быть многообразными. Такая логика рассуждений подвела к выводу, что как «государственная собственность не равнозначна общественной собственности (ввиду многообразия форм общественной собственности)», так и «акционерная система не равнозначна частной собственности (в условиях социализма)», а потому неверно делать заключение о том, что развитие в КНР акционерной системы может привести к «превращению общественного в частное» [370, 21.04.1988].

Некоторые ученые, ссылаясь на исторический опыт капитализма, подчеркивали, что все попытки «демократизации капитала» путем распространения акций среди рабочих и служащих не привели к изменению капиталистического характера предприятий, поскольку права, определяющие политику акционерных компаний, по-прежнему держал в своих руках класс монополистов. Что же касается акционерных компаний, создаваемых на предприятиях социалистической общественной собственности, то здесь права по руководству находятся в руках назначенного государством или же выбранного коллективом правления, высшим правовым органом является собрание рабочих и служащих или их представителей. Поэтому социалистические предприятия, использующие форму выпуска акций в целях сбора части свободных средств, также не могут изменить свой социалистический характер и в то же время могут увеличить заинтересованность рабочих и служащих в результатах деятельности предприятий [252, с. 125—196].

Ряд экономистов обращали внимание на то, что, поскольку акционерная система является только внешней формой отношений собственности, одинаковые акционерные хозяйства становятся кардинально неодинаковыми по сущности в зависимости от того, кто является основным держателем акций — государство, коллективы или отдельные лица. Если акционирование ориентировать на то, чтобы отдельные люди стали основными держателями акций, это может привести к утрате ведущего места общественной собственности. К тому же вряд ли возможно приобретение основной части оцененного по стоимости и выраженного в акциях имущества государственных предприятий на доходы отдельных людей. При наличии же такой возможности формируется класс рантье, а это, естественно, недопустимо при социализме.

В качестве наиболее приемлемого для социализма направления акционирования государственных предприятий экономисты предложили такое, где главным пайщиком и соответственно держателем акций будет государство, которому юридически гаранти-

руется право собственности на бóльшую часть средств производства. При этом государство, выступающее в качестве акционера, может через своих представителей в Совете директоров участвовать в принятии основных решений и гарантировать свои интересы как владельца имущества, не вмешиваясь в оперативно-хозяйственную деятельность предприятия. Оперативно-хозяйственные дела должны поручаться ответственным лицам управленческого аппарата, чтобы они пользовались фондами предприятий в платной форме. Главный вопрос, возникающий при этом, — какие органы должны представлять государство как акционера, осуществлять от его имени функции владельца средств: специальные административные ведомства, комплексные функциональные ведомства или хозяйственно-финансовые органы? [370, 04.01.1986].

Соглашаясь с тем, что критерием оценки характера акционерных предприятий должен быть характер экономической формы самого крупного держателя акций, ряд китайских ученых высказывали сомнения по поводу того, что сохранение государства в качестве главного пайщика сможет способствовать улучшению ситуации на государственных предприятиях. Мотивация здесь была такая: если государство будет держать в руках право принятия хозяйственных решений на предприятии и определять направление развития его производства, то получится, что оно по-прежнему владеет всеми большими правами, а правление или собрание акционеров могут вносить предложения на голосование, но отнюдь не в состоянии повлиять на решение держателя контрольного пакета акций, обладающего преимущественным правом голоса. Другими словами, фактически предприятие не сможет стать самостоятельным товаропроизводителем, а потому активизировать деятельность своих работников, отношение его к государством (ставшее отношением мелкого и крупного акционера) изменится лишь номинально. В таком случае возникает дилемма: или государство не является держателем контрольного пакета акций предприятия, и тогда последнее утрачивает общенародный характер, или является, но тогда предприятие не в состоянии повысить эффективность своей деятельности, т. е. акционерная система мало чем здесь полезна.

Рассуждая таким образом, китайские экономисты предлагали не связывать характер акционерного предприятия с контрольным пакетом акций, а признать акционерную систему «денационализацией», при которой достаточно с максимальной оперативностью пустить в ход такие экономические рычаги, как цены, налоги, кредиты, учетные ставки — и гармоничное развитие эконо-

мики на макроуровне будет обеспечено; идти по пути не «маскировки», а признания частнособственнического характера акционерной системы, допустимой в нынешних условиях Китая лишь по причине взятия курса на развитие в стране многоукладности. Если же характер акционерной системы все же связывать с главным держателем акций, очевидно в процессе акционирования государственных предприятий в экономических условиях КНР необходимо, чтобы превалировали коллективные начала в распределении акций и тогда введение акционерной системы в социалистическом Китае будет означать усиление позиций коллективной собственности [352, 22.11.1986].

По поводу того, является ли эксплуатацией получение дивиденда и тантьемы, мнения китайских ученых также расходятся. Наряду с безусловным признанием эксплуатационной сущности дивиденда и тантьемы теми, кто саму акционерную форму деятельности в условиях социализма рассматривает как атрибут капиталистического хозяйства, высказываются и отрицательные мнения на этот счет. Например, утверждается, что получение дивиденда и тантьемы не относится к распределению по капиталу, ибо последнее предполагает получение равной прибыли на одинаковые по величине капиталы, или среднюю прибыль. Однако паевые средства не могут участвовать в выравнивании различных норм прибыли в среднюю, а потому дивиденд и тантьему нельзя считать распределением по капиталу [352, 20.12.1986].

Оппоненты этой точки зрения считают, что в подобных утверждениях отождествляется обычный принцип распределения по капиталу с конкретной формой проявления распределения по капиталу, в то время как достаточно получать доход за свои средства (причем безразлично, в какой конкретно форме), а не за свой труд, чтобы такой доход относить к распределению по капиталу. Сторонники этой точки зрения считают, что не выдерживает критики и попытка представить дивиденд и тантьему в виде «материального стимулирования за вложение средств», ибо вознаграждение, выплачиваемое держателям пая, как правило, не гарантировано ни по размерам, ни по срокам выплаты, в нем реально присутствуют элементы риска, чего нельзя сказать об обычном материальном стимулировании, которое, как правило, содержит одновременно и элементы морального поощрения. Поэтому необходимо признать, что дивиденд и тантьема в условиях социализма являются распределением по капиталу, однако иметь в виду, что такого рода распределение осуществляется в условиях системы социалистической общественной собственности, имеет

незначительные размеры, не может превратиться в основную форму распределения и изменить характер социалистического строя в стране [352, 31.01.1987].

Некоторые китайские ученые считают, что для определения характера дивиденда и танъемы нужен конкретный анализ. И в условиях капитализма дивиденды, получаемые простыми рабочими и служащими, являющимися держателями небольшого числа акций, фактически не превышают части прибавочной стоимости, создаваемой их собственным трудом, а потому не являются эксплуататорским доходом. В условиях социализма обычно дивиденды (и танъема) также могут выступать как часть, не превышающая прибавочного продукта, создаваемого собственным трудом, как часть, которую государство или коллектив возвращает держателям акций для их материального стимулирования, и ничего больше. Что же касается дивидендов тех, кто имеет большое количество акций и чей доход в результате этого значительно превышает их собственный заработок (зарплату), то они по характеру своему могут быть приравнены к банковскому проценту. Одновременно государство может регулировать такие доходы путем индивидуальных подоходных налогов. Доходы же, получаемые без участия в труде, только за счет дивидендов или танъемы для обеспечения роскошной жизни, безусловно, являются эксплуататорскими и в условиях социализма допустимы только в отдельных случаях [252, с. 125—196].

Признавая сходство акционерных форм организации производства в условиях капитализма и социализма, состоящее и в общей направленности на аккумуляцию свободных средств общества, и в создании совместной заинтересованности пайщиков в результатах хозяйственной деятельности предприятий, и в совместном риске, китайские ученые тем не менее пытаются выделить отличительные черты акционерной системы в социалистической стране. В первую очередь подчеркивается направленность ее не на укрепление частной капиталистической собственности, а на обеспечение интересов трудящихся и укрепление общественной собственности. Сюда же причисляется не стихийность развития, а сознательное управление становлением акционерной системы с помощью государственной политики.

Принципиальным отличием представляется то, что за основу берется не частное паевое участие, а коллективное, что господствующим принципом распределения в обществе является распределение по труду, а дивиденд и танъема — лишь дополнительный способ, призванный стимулировать вклады в общест-

венное производство. Главное же видится в том, что развитие акционерных форм деятельности осуществляется в условиях экономической системы, где ведущую роль играет общественная собственность на средства производства.

Так или иначе решив вопрос с допустимостью использования при социализме акционерных форм хозяйственной деятельности, китайские ученые и практики пытаются определить основные доводы «за» акционирование, рассматривая акционерные предприятия в условиях социализма не только как форму концентрации финансовых средств, но и как форму преобразования государственной собственности.

Главным доводом в пользу преобразования государственных предприятий на акционерных началах явилось то, что акционерная форма, сохраняя в основном право собственности на средства производства в руках государства, допускает вместе с тем распределение его в определенной мере для стимулирования трудовой активности рабочих и служащих посредством продажи им акций. В результате у трудящихся как у реальных владельцев средств производства предприятия может появиться сознательная ответственность за их использование. Кроме трудовых доходов, у них появляется еще доход за счет дивидендов, причем и тот и другой зависят от производственной и хозяйственной деятельности предприятия в целом, а значит, еще больше стимулируют их трудовую активность. Наконец, акционерное участие дает трудящимся возможность накопления личного имущества, что также является лишним стимулом к работе.

Если внутренним источником жизненности предприятия является развитие активности трудящихся, то внешним условием этого является конкуренция. Акционерная же форма, рассредоточивая права собственности, создает реальные предпосылки для развития соревновательности («социалистической конкуренции» в прежнем понимании условия достижения успеха в хозяйственной деятельности). Традиционно государственное предприятие, не будучи собственником имущества, не несет ответственности за его потерю. Даже при осуществлении Закона о банкротстве предприятий убытки несет только государство как собственник имущества, а не конкретные хозяйствующие лица. Не помогает в данном случае и платное использование средств, так как оно меняет лишь канал выделения финансовых средств, но отнюдь не их принадлежность. После того, как предприятие возвращает взятые деньги и проценты по ним, тот прирост, который называется «собственными средствами предприятия», на самом деле

также переходит в собственность государства. Поэтому прирост денежных средств не оказывает сколько-нибудь стимулирующего воздействия на предприятие, как, впрочем, и невозвращение кредита не становится летальным для предприятия. Только тогда, когда субъект конкуренции является собственником имущества, он берет риск по утере имущества на себя. При акционерной форме риск равным образом ложится на отдельного акционера, коллективного акционера и государство-акционера, возможность утраты собственного имущества (или его части) при недостаточно эффективной работе побуждает всех пайщиков к активной деятельности, к состязательности с другими предприятиями за лучшие показатели. Именно при такой состязательности появляются реальные элементы товарной экономики, стимулы не только выживания, но и прогресса.

Определенная положительная роль акционерной формы усматривается и во внесении большей ясности в разделение функций государства и предприятия. В условиях монополизации права собственности на имущество предприятий большее или меньшее расширение хозяйственных прав предприятий кардинально положение дел не меняет. Без расширения хозяйственных прав рабочие и служащие относятся к работе как к найму и их инициативность близка к нулю. Но и при расширении хозяйственных прав работники все равно не могут относиться к государственному имуществу как к своему собственному. А потому расширение хозяйственной самостоятельности может обернуться не рационализацией деятельности предприятия, а, напротив, частичным ущемлением интересов государства в пользу интересов предприятия. В частности, производственный фонд и финансовые выплаты государству могут превращаться в фонд потребления, вести к его безмерному разбуханию и т. п. При такой ситуации руководству предприятий трудно не оказаться между двух жерновов, определить свою позицию так, чтобы защитить и интересы рабочих и служащих, и интересы государства. Ибо в каждом из этих случаев образуется порочный круг: при неизменности существующих отношений собственности защищать государственные интересы можно только усилением централизации управления, а такое усиление (имеющее в своем наборе пока преимущественно административные, а не экономические рычаги) почти автоматически ведет к утрате трудовой инициативы. Требовать увязки интересов государства и предприятия, исходя из абстрактного умозаключения о единстве коренных интересов иллюзорно. Необходимо вводить имущественные отношения, используя, в частности, акцио-

нерную форму, ставя в равные условия акционеров всех уровней при получении дивидендов, выплате налогов и т. д., что будет способствовать сведению к минимуму административного вмешательства государства в дела предприятий.

Несомненна положительная роль акционерной системы в борьбе с потребительскими голодом. То обстоятельство, что акционерная система привлекает часть населения страны в качестве инвестора, создает возможность замены у них острой потребительской жажды на жажду финансовых вложений. Пока человек не завязан в предпринимательской деятельности, он, как правило, трудно идет на ограничение текущего потребления ради будущего. Когда же он становится инвестором и имеет возможность самостоятельно осуществлять часть функций общественного накопления, не только сокращается его покупательная способность, но и приходит осознание того, что, лишь опираясь на свои сбережения и вложения, возможно увеличить свое потребление в будущем. Превращаясь в акционера, он получает возможность и желание накопления, что в соответствующей степени будет снижать его потребительский аппетит и влиять в целом на потребительский спрос в стране. И пусть инвесторами-акционерами станет далеко не большая часть населения (здесь, очевидно, могли бы сыграть стимулирующую роль поощрения и льготы на инвестиции), однако любая доля его, переключив свое внимание с потребления на вложение средств в производительную деятельность, будет способствовать смягчению потребительского голода в стране. Крайне важно при этом, что такое сдерживание личного потребления в данном случае будет осуществляться добровольно, а не путем насильственной директивы сверху о необходимости «затягивания поясов» ради абстрактного светлого будущего.

Очевидной и наиболее ощутимой может быть роль акционерной системы и в предотвращении инвестиционного голода в целом благодаря концентрации с ее помощью имеющихся в обществе свободных финансовых средств. Причем акционерная форма в данном случае может способствовать смягчению финансового дефицита не только вследствие мобилизации дополнительных средств, но и через косвенное сдерживание привлечения в капитальное строительство кредитов, что, в свою очередь, сдерживает эмиссию денег и инфляцию.

Как правило, рост капитальных вложений государственных предприятий ведет к дефициту бюджета, для восполнения которого правительство может использовать такие меры, как увеличение налогов, займы у банков, выпуск облигаций. Но каждая из

этих мер прямо или косвенно ведет к снижению финансовых средств у населения (и как простого потребителя, и как потенциального инвестора). Акционерная форма превращает государственное предприятие из исключительно потребителя бюджетных ассигнований в предприятие, средства которого складываются только частично из государственного пая, наряду с которым присутствуют паи других акционеров (как коллективных, так и частных). Это, безусловно, может заметно снизить нагрузку на государственный бюджет, тем более что немаловажной причиной безмерного роста инвестиций является то, что пока все имущество предприятия находится в собственности государства, оно не берет на себя риска капиталовложений; войдя же в пай и взяв на себя риск по инвестициям, предприятие станет подходить к их росту более осмотрительно.

Разбухание инвестиционного спроса, как правило, ведет к росту цен на средства производства. Но пока на это тратятся только государственные средства, даже рост цен не является сдерживающим фактором для увеличения капитального строительства. Иное дело, если источником таких средств выступает акционерный субъект, зависимый и ответственный перед другими своими партнерами, вернее, совладельцами. При акционерной форме будут гаситься и побуждения часто обращаться к кредитам, поскольку при увеличении спроса на них растет банковский процент. В то же время возможность сокращения бюджетных расходов благодаря мобилизации с помощью акционерной формы свободных средств населения, в свою очередь, может служить дополнительным побудительным мотивом для более широкого и активного использования этой формы в стране.

Как имущественная система акционерная форма может способствовать регулированию одного из наиболее важных и, как оказалось, наиболее сложных вопросов социалистического общества — соотношения интересов государства, предприятия, рабочих и служащих. Попытка повысить норму дивиденда при многосубъектном владении и хозяйствовании всегда будет задевать всех держателей акций, а потому просто нанести ущерб одной стороне, например государственным интересам, практически невозможно. Ставка дивиденда, определяемая после уплаты государствену подоходного налога, не может быть произвольно повышена предприятием для индивидуальных и коллективных акционеров и понижена для акционера-государства. Поскольку все акционеры предприятия (объединения, компании) обладают равными правами, а государство, как правило, остается крупнейшим акционе-

ром, то всякое движение ставки дивиденда в равной мере (конечно, соответственно величине пая) скажется на всех держателях акций. Такая тесная зависимость проявится и при попытках повысить зарплату и премии рабочим и служащим предприятия за счет понижения ставки дивиденда. То есть регулирование взаимных интересов субъектов при акционерной форме деятельности достигается довольно простым способом — выигрыш в одном случае может быть сведен на нет потерями в другом.

Из всего вышесказанного можно заключить, что главная суть преобразований государственных предприятий на акционерных началах в странах, длительное время осуществлявших социалистическое строительство, состоит именно в ликвидации положения, когда государство выступает в качестве единственного собственника предприятий общенародной собственности. Сама история процесса формирования предприятий «общенародной» собственности определяла их как единую государственную собственность, ибо первоначально источником формирования их имущества были экспроприация государством имущества прежних собственников и прямые капиталовложения с его стороны. И если на этом этапе государство естественно превращалось в единственного собственника «общенародных» предприятий, так как работники последних являлись лишь получателями, но не создателями имущества предприятий, то после определенного периода воспроизводства, хотя имущество предприятий «общенародной» собственности и оставалось по своей юридической форме по-прежнему в собственности государства, источником его добавленной стоимости становился труд рабочих и служащих. В итоге появлялось и развивалось противоречие между государством как юридическим собственником (а значит, властью) и коллективами работников предприятий как создателями имущества, что требовало естественного разрешения этого противоречия правовым оформлением субъектов собственности в соответствии с их участием или функциями в производственном процессе (на всех его стадиях). То есть характер акционерного предприятия становится зависимым не от того, является ли долевое участие государства преобладающим, а от того, насколько органически здесь смогут соединиться доли государства и других участников, с тем чтобы на деле реализовывался принцип учета интересов трех сторон — государства, коллектива и личности. Ибо только отталкиваясь от интересов личности, можно наполнить конкретным содержанием два предыдущих компонента, преодолев тем самым абстрактность государственной (общенародной) собственности,

закладывая имущественные, а значит, экономические, а не административно-бюрократические отношения в основу хозяйственной деятельности государственных предприятий.

Поскольку сама практика развития различных форм акционерной деятельности в КНР наталкивала на проблему обозначения главных слагаемых паевой экономики, стал широко обсуждаться вопрос о паях на трех уровнях — государства, коллектива, личности. При этом в вопросе о государстве-акционере самым трудным на протяжении всех лет реформы оставалось понимание того, кто и как должен представлять интересы государства в акционерном предприятии. Владельцами государственного пая выступали самые различные организации: производственные объединения, прежние отраслевые управления, инвестиционные компании и управления государственным имуществом различных уровней, образуемые на их основе государственные холдинги. В этом поиске, как подчеркивают китайские ученые, главные сложности возникают из-за неотлаженности системы управления и неясности подчиненности по вертикали в общегосударственных масштабах, а это требует дальнейшего экспериментирования.

Относительно индивидуальных паев, помимо безусловного отрицания допущения существования крупных индивидуальных держателей акций, чаще всего высказываются мнения об ограниченных возможностях приобретения акций рядовыми трудящимися страны из-за незначительности их доходов, боязни риска, а потому слабой активности вхождения в пай. В то же время, принимая во внимание быстрый рост индивидуальных вкладов в банках страны, китайские ученые достаточно высоко оценивают потенциальные возможности приобретения акций и облигаций населением. Правда, при этом возникает вопрос о целесообразности перекладывания личных средств граждан из одного (сконцентрированного в банках) кармана в другой (что нередко рассматривается как распыление этих средств путем вложения их частными лицами, рассчитывающими на личную прибыль, в случайные предприятия), а также о готовности к этому индивидуальных вкладчиков, для которых важен не только размер дохода на вложенные средства, но и правовые гарантии, в чем у банков существуют явные преимущества перед акционерными предприятиями.

Характерно, что ряд экономистов решительно возражают даже против потенциально возможного перекладывания личных средств трудящихся из банка в акции, считая это равнозначным тому, как если бы взяты «разбить восточную стену, чтобы залатать западную стену», и подчеркивая, что все, накопленное на-

селением, — это его отложенный спрос, и рассчитывать на превращение его в акционерные паи можно лишь в незначительной степени [354, 06.04.1987].

Не преувеличивая возможности формирования индивидуальных паев рабочих и служащих государственных предприятий, китайские ученые в то же время рекомендуют избегать недооценки их роли, особенно если рассматривать их не как главным образом способ концентрации (сбора) дополнительных финансов, а как средство превращения рабочих и служащих в заинтересованных тружеников своих предприятий.

Больше всего споров вызвал вопрос о создании коллективных паев предприятий (иначе — акций коллективов предприятий, общих акций рабочих и служащих). Это закономерно, поскольку именно здесь, на наш взгляд, сосредоточивается суть преобразований государственной собственности. Ибо если превращение государства из монопольного владельца имущества предприятий в одного из собственников-акционеров может поначалу в какой-то, пусть даже заметной, степени лишь ограничить его прежние функции и возможности, если индивидуальные паи рабочих и служащих предприятий могут поначалу также оставаться лишь способом дополнительного сбора средств для предприятия и дополнительного заработка для рабочих, не превращая их в принимающих на себя риск акционеров, то появление пая предприятия требует затронуть уже созданные фонды, всегда считавшиеся неделимыми, неприкосновенными, общенародными, хотя по сущности остававшиеся отчужденными от трудящихся и находящимися в полном распоряжении государства (как аппарата, как власти), а потому неэффективно, не по-хозяйски используемыми. То есть если естественным воспринимается классический путь акционерной системы — сложение отдельных капиталов в общий, — то противоестественным кажется разделение (пусть даже не физическое, а правовое) того, что давно уже стало монолитом, а потому считалось общенародным.

Именно поэтому ряд китайских ученых решительно заявляют, что создание паев предприятий, требующее выделения их из прежнего государственного, равносильно разрушению государственного имущества, превращению общественного в частное, приводит не к концентрации дополнительных средств, а к их распылению, ничего не дает с точки зрения персонификации имущественных прав, чего добивается акционерная система, является явной аномалией в международной практике, а потому будет отпугивать возможных зарубежных партнеров.

Сторонники создания пая предприятия в ряде случаев выдвигают контраргументы его противникам по 24 пунктам, что свидетельствует о существовании значительной оппозиции по данному вопросу [370, 03.02.1989]. Главным доводом в пользу учреждения коллективного пая предприятия выдвигается то, что всякая новая стоимость, создаваемая трудовым коллективом при использовании государственного имущества, за исключением того, что взимается государством в качестве налога и платы за фонды, является по праву собственностью коллектива предприятия. В ходе реформы в КНР были сделаны попытки путем некоторых уступок со стороны государства в распределении прибыли снять противоречие между государством и коллективом путем разрешения оставлять предприятию часть полученной прибыли в качестве собственных средств.

Но появление собственных финансовых средств у предприятия не дало последовательного разрешения противоречия, ибо за постановлением об оставлении предприятию собственных финансовых средств не последовало постановления о том, что основной капитал, формируемый на основе инвестиций собственных средств, также переходит в собственность предприятия. Поэтому при инвестировании собственных финансовых средств предприятие оставалось перед угрозой того, что при переходе этих средств из денежной формы в натуральную, коллективная собственность предприятий может быть безвозмездно присвоена государством. Отсюда у предприятий появлялось желание использовать собственные финансовые средства не на инвестиции, а превращать их в фонд потребления, а если и инвестировать, то в непроизводительные фонды, которые, хотя и становятся при этом государственной собственностью, но дают больше прямых выгод самим рабочим и служащим.

Возможность разрешения такого противоречия китайские ученые видели в том, чтобы основные фонды, сформированные за счет инвестиций собственных средств предприятий, переходили в их коллективную собственность. В этом виделась возможность формирования совместной собственности государства и коллектива, или двусторонних средств, которые могут стать переходной формой превращения единой государственной собственности в акционерную форму, предполагающую многосубъектное, совместное, а значит, действительно общественное владение и средствами производства, и результатами труда. Поэтому именно с созданием коллективного пая предприятия сторонники такого пути акционирования связывали действительное достижение са-

мокупаемости государственных предприятий, о которой долгие годы велась только речь [370, 03.02.1989; 375, 1986, № 9, с. 32—37; 1988, № 12, с. 29—35].

Некоторые сторонники коллективного пая предприятия высказывали мнение, что доля его должна составлять от 20 % и более общей суммы всех паев, и только в этом случае он будет иметь реальный экономический смысл и можно будет говорить о преобразовании государственной собственности на акционерных началах [370, 18.03.1988]. Другие подчеркивали, что в акционерной системе при социализме, предполагающей многосубъектность прав собственности, приоритет общественной собственности не тождествен приоритету государственной собственности, а сама общественная собственность может и должна выступать в самых различных формах: общая собственность коллективов рабочих и служащих (так называемая большая коллективная собственность по типу «цельного монолита»), кооперативная собственность рабочих и служащих (так называемая малая коллективная собственность по типу «сложения из кусков»), совместные акции общественных организаций и т. п. [370, 03.02.1989].

Признание необходимости разделения права собственности государства и создания пая предприятия закономерно выдвинуло вопрос о необходимости создания системы юридических лиц. В качестве самой типичной и перспективной формы юридического лица была предложена форма акционерной компании с ограниченной ответственностью. Основные преимущества таких компаний виделись в том, что они отвечают тенденциям обобществления производства, обладают способностью собирать и концентрировать раздробленные средства общества, гарантируют независимость, целостность и надежность паев, идут в русле демократизации в обществе, создают новые формы управления предприятиями и контроля, а также гарантируют единство прав и обязанностей вкладчиков [352, 10.10.1987].

При таких формах организации акционерных предприятий, когда и право собственности, и право хозяйствования принадлежат юридическому лицу, отдельный акционер (любого типа — государственный, коллективный, индивидуальный) не в состоянии распоряжаться имуществом предприятия, а потому при создании системы собственности юридических лиц, очевидно, теряется и смысл определения характера акционерных предприятий в зависимости от удельного веса тех или иных держателей акций. Отдельный акционер взамен вклада своей собственности имеет акции, которые дают ему, во-первых, право на общую прибыль

предприятия, во-вторых, на собственную прибыль (в виде дивиденда или в результате обращения акций на денежных рынках). Распоряжение же имуществом становится общественным, и в значительно большей степени, чем это было до недавнего времени, причем, чем большая многосубъектность достигнута в данной акционерной форме, тем о большей степени «общественности» характера предприятия можно говорить.

В этом смысле особый интерес представляет исследование молодых китайских ученых, которые, обращаясь к высказанной К. Марксом идее «отрицания отрицания» по поводу индивидуальной собственности, основанной на собственном труде [6, с. 773], делают вывод о том, что отрицание частного владения может происходить не только путем ликвидации индивидуальных имущественных прав, как этого требует традиционная модель социализма, но и на основе развития особых хозяйственных форм при сохранении индивидуального права собственности, как это происходит при развитии акционерных компаний, обеспечивающих единство индивидуальных прав собственности и общественное владение средствами производства [375, 1988, № 9, с. 13—37; № 11, с. 11—30; № 12, с. 10—29]. В этих формах, по их мнению, преодолевается главный порок традиционной экономической системы социализма, заключающийся в том, что здесь имущественные права заменены правами, предоставляемыми административной должностью, в результате чего в рамках подобной системы не могут быть гарантированы ни личная свобода трудящихся, ни экономическая рациональность коллективного или общественного труда.

С такой позицией авторов нельзя не согласиться, поскольку с помощью акционерной системы (как одного из классических случаев паевой экономики), требующей предварительной работы по воссозданию имущественных прав (индивидуальных, коллективных, на всех уровнях), возможно постепенное развитие не фиктивных, а действительно экономических отношений в обществе и задействие в этих отношениях если и не всех, то большинства трудящихся, что, безусловно, должно быть ближе общественной природе социализма. Более того, акционерная форма (в ее нормативном виде, гарантирующем единство индивидуальных прав собственности и общественное владение средствами производства) в состоянии противостоять активно набирающим силу в связи с поощрением в ходе реформы индивидуальной и других видов предпринимательской деятельности тенденциям на приватизацию в ее узком понимании (как частное присвоение).

Именно поэтому, на наш взгляд, акционерная форма заслуживает пристального внимания и изучения как, возможно, одна из наиболее рациональных и перспективных в преобразовании социализма таким образом, чтобы сделать его экономику эффективной и при этом сохранить его коллективистскую сущность.

Хотя те или иные формы организации паевых, в том числе акционерных, предприятий в условиях реформы экономической системы КНР стали возникать уже в 1979 г., первое официально зарегистрированное акционерное предприятие датируется 1984 г., а первый нормативный акт, касающийся непосредственно акционирования, опубликован в 1987 г. Бум в развитии акционерных хозяйств начался после принятия 3-м пленумом ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) решения о реформе экономической системы КНР, поставившего задачу создания в стране «социалистической плановой товарной экономики», что предполагало решительное продвижение к рынку. С 1984 по 1988 г. в КНР в среднем ежегодно создавалось примерно по 1500 акционерных компаний. Стала быстро расширяться география акционерной деятельности, все большее число отраслей входило в ее круг, образовывались корпорации, ориентирующиеся на общекитайский и даже внешний рынок, начало создаваться подобие фондовых бирж. По некоторым данным, уже к 1989 г. в КНР насчитывалось свыше 6 тыс. акционерных компаний с капиталом свыше 6 млрд юаней.

Однако абсолютное большинство таких предприятий, созданных во время этого бума, не отвечали требованиям нормативных акционерных предприятий по очень многим параметрам, что закономерно в условиях неразвитости рынка капиталов и ценных бумаг. Сказывалось и отсутствие разработанных правовых актов или нормативов по созданию акционерной системы в Китае. Правда, последнее обстоятельство сыграло и определенную положительную роль: в ходе динамичного развития практических дел без конкретных законодательных ограничений не только быстро проявились плюсы, но и обнажились минусы, которые возникают в специфических для акционирования условиях господства не частной, а общественной собственности на средства производства и которые были учтены при подготовке соответствующих законов и норм.

Основные плюсы акционирования, выявленные за первое десятилетие китайской реформы, можно свести к трем группам факторов. Во-первых, это те, которые непосредственно связаны с преобразованием монолитной государственной собственности в многосубъектную и созданием тем самым заинтересованности

рабочих и служащих в повышении рентабельности своих предприятий. Во-вторых, это те, которые помогают мобилизацией дополнительных средств смягчить финансовый дефицит в обществе и снизить нагрузку на государственный бюджет. В-третьих, те, которые способствуют улучшению баланса между спросом и предложением, переориентируя часть населения с потребления на инвестирование своих свободных средств.

Основные минусы были связаны с неподготовленностью внешних условий развития, излишней поспешностью, шаблонностью и хаотичностью в создании акционерных компаний, имевшими своим следствием отсутствие или сознательное занижение оценки государственного имущества на преобразуемых предприятиях, нечеткость паевых прав, чрезмерные выплаты по дивидендам и танъеме без учета прибыльности предприятий, не обеспеченный фондами выпуск акций, возвратность их, концентрация слишком большого числа акций в одних руках, использование должностных прав для участия в различных акционерных компаниях в целях личного обогащения и т. п.

Важным общим выводом из опыта КНР по акционированию в 1980-х годах стал следующий: если мобилизовать свободные средства можно любыми, даже фиктивными формами акционерных компаний, то для действительного достижения эффективности государственных предприятий требуется обеспеченное правовыми нормами преобразование государственной собственности путем превращения в пайщиков именно рабочих и служащих самих предприятий.

На анализ всех обозначившихся проблем и выработку с учетом этого нормативных правил по созданию акционерных компаний были направлены усилия в период «акционерного затишья» (1989—1991 гг.). Оно наступило, во-первых, по причине принятия осенью 1988 г. курса на урегулирование народного хозяйства, вынужденного непомерным разбуханием потребительского и производственного спроса, а также ростом инфляции. Увеличение ставок процента по банковским вкладам и кредитам, ужесточение контроля за расходованием финансовых и материальных средств, а также налоговой политики объективно снижали акционерную активность. Во-вторых, по причине разразившегося в стране в 1989 г. политического кризиса, после которого акционерная тема, как один из сюжетов подвергшейся резкой критике идеи приватизации общественной собственности, почти исчезла из пропаганды. Однако эксперимент с акционированием не был приостановлен. Просто он вступил в период качественно-

го накопления. Акцент был сделан не на расширении масштабов эксперимента, а на том, чтобы одновременно с упорядочением экономики в целом и развитием товарного хозяйства (т. е. созданием необходимой внешней среды) помочь уже имеющимся акционерным предприятиям развиваться в нормативном русле, а также проводить новый эксперимент по нормативной модели, но без тех явных отклонений, которые были зафиксированы в предшествующей практике.

Насколько удалось такое упорядочение, в самом общем плане можно судить по тому, что к концу 1990 г. лишь о 3800 предприятиях говорилось как об акционерных (более 90 % — закрытого типа). Однако 85 % из них занимались только дополнительным сбором капитала, даже не выпуская акции. Из остальных, выпустивших акции, действительно нормативными акционерными являлись только 15, из которых успешно функционировали лишь 12, созданных в наиболее развитых районах страны (в Шэньчжэне и Шанхае).

В 1992 г. в связи с выдвиганием курса на ускорение экономического развития, углубление хозяйственной реформы и расширение открытости внешнему миру, в КНР было принято решение об интенсификации эксперимента по акционированию государственных предприятий. Публикация вслед за этим целого пакета документов по акционерной деятельности свидетельствует, что за три года урегулирования экономики была проделана огромная работа по анализу уже имеющегося опыта и подготовке на этой основе правовых актов, распоряжков и правил, в которых оказались учтенными многие минусы практики 1980-х годов.

В акционировании на новом этапе было предписано быстрое, но обоснованное, по мере подготовки необходимых условий, продвижение вперед. Дифференцированный подход был определен следующим образом: не подлежат акционированию отрасли, имеющие прямое отношение к безопасности страны, новейшим технологиям оборонной промышленности, добыче редких металлов стратегического назначения, а также сферы, в которых осуществляется государственная монополия (внешняя торговля, банковская система). В энергетике, связи и на транспорте эксперимент допускается проводить при условии, что контрольный пакет акций останется в руках юридического лица, представляющего интересы общенародной собственности. В отношении остальных государственных предприятий проведение акционирования должно стимулироваться, но только при наличии трех условий: возможности каждого из таких претендентов

на акционирование непосредственно выходить на рынок, быть конкурентоспособным и полностью нести ответственность за свои прибыли и убытки.

Поскольку условием регистрации юридических лиц стало обязательное наличие у субъекта подготовленной производственной базы и сформировавшегося спроса в обществе на товар, появились гарантии недопущения обвального характера акционирования, когда за короткие сроки, без предварительной санации, чуть ли не все предприятия вступают на путь разгосударствления. Было рекомендовано, чтобы предприятия, руководствуясь собственной конкретной ситуацией, выбирали более подходящий для себя метод хозяйствования, чтобы наряду с акционированием, продолжалось совершенствование системы подрядно-хозяйственной ответственности, использование аренды и смешанных форм. При этом общим требованием для всех этих видов деятельности являлась работа по улучшению внешней рыночной среды, производству товаров и услуг для общества, улучшению сбалансированности между спросом и предложением.

В качестве субъектов акционерной деятельности были названы государство, юридические лица, физические лица, иностранные вкладчики. При этом важнейшим принципом, закладываемым в принимаемые нормативные акты по акционированию, стала защита государственных и коллективных интересов перед индивидуальными. Указывалось на недопустимость уже имевшей место практики фактического дележа (под предлогом реализации паев) государственного имущества, превращения его вначале в коллективное, а затем в личное. Величина государственного пая варьировалась чуть ли не в каждом конкретном случае, но предполагалось, что вкупе с коллективными паями она всегда будет обеспечивать ведущее место общественной собственности. По данным на 1992 г., в общем объеме выпущенных предприятиями акций доля государства составила 60 %, юридических лиц — 26 %, физических лиц — 14 %. Если учесть, что паи предприятий — юридических лиц тоже являются государственной или коллективной собственностью, роль общественных форм собственности в акционировании оставалась решающей.

На состоявшемся в сентябре 1997 г. XV съезде КПК специально подчеркивалось, что общественная собственность, на которой базируется китайская экономика, включает в себя не только государственный и коллективный сектор, но и государственные и коллективные компоненты в хозяйствах смешанных форм собственности и, в частности, в акционерных предприяти-

ях. Сообщалось, что на долю государственного пая в капитале 4000 нормативных акционерных предприятий с ограниченной ответственностью в 1997 г. приходится 57,9 %, коллективных паев юридических лиц — 17,8 %, физических лиц — 15,1 %, иностранных держателей — 6 %. То есть фактически за пять лет углубления рыночных реформ заметных изменений в структуре акционерного капитала не произошло.

В качестве основных организационных форм акционерной деятельности были предложены следующие две: компании с ограниченной ответственностью (КОО) и акционерные компании с ограниченной ответственностью (АКОО). Общим требованием для них являлось несение ответственности пайщиков за имущество компании лишь в рамках размеров своего вклада и точно такой же принцип участия в прибыли. Отличия определялись в целом ряде моментов, в частности, в количестве акционеров, размерах уставного капитала, правил обращения акций или сертификатов, а также предоставления отчетности. Различалось два типа КОО:

- компании с ограниченной ответственностью, имеющие единственного «акционера», в качестве которого выступает государство. Считается, что это сугубо китайская специфика и вырастает она из того, что имеющие благоприятные условия крупные и средние государственные предприятия, будучи единственным субъектом инвестирования, могут законным путем образовать самостоятельные компании с единственным владельцем;
- компании, где присутствует несколько субъектов инвестирования. Их много по всей стране и это, в первую очередь, предприятия совместного китайско-инострannого капитала.

АКОО также были предложены двух типов:

- закрытые, исключающие внешнее долевое участие, продажу акций на рынке и самостоятельную передачу пайщикам своих прав;
- открытые, в которых предполагается внешнее долевое участие, открытый выпуск акций в общество, ее акционерами могли стать как юридические, так и физические лица. Для открытого выпуска акций в общество необходимо, по закону, получить разрешение специальных государственных предприятий, а также соответствовать ряду условий: иметь сумму акционерного капитала не мене 50 млн юаней, в течение последних трех лет получать непрерывно прибыль, вести полную отчетность.

В свою очередь открытые акционерные компании различались по типу выпускаемых ими акций:

- выпускающие акции только для отечественных вкладчиков, или акции «А», покупаемые только за юани;
- выпускающие также акции типа «В», имеющие юаневый номинал и хождение лишь в КНР, но подлежащие продаже только иностранным вкладчикам за валюту;
- непосредственно выходящие на мировой рынок или выпускающие акции за рубежом.

Реально в практике хозяйственной реформы КНР в 1990-е годы складываются акционерные предприятия четырех типов.

1. Акционерно-кооперативные, которые в строгом смысле слова не являлись акционерными, так как в них акционерные (паевые) принципы формирования средств и распределения доходов переплетаются с кооперативными формами управления (здесь права не зависят от размера вклада). Эта форма широко используется на волостных и поселковых, коллективных предприятиях, а также все больше рекомендуется для мелких городских государственных предприятий. На XV съезде КПК она рассматривалась как одна из наиболее перспективных и подходящих в китайских условиях.

2. Предприятия, где держателями акций являются лишь рабочие и служащие самого предприятия. Вначале доля участия самих работников предполагалась в размере не более 20 % от уставного капитала, но практика быстрого разбазаривания средств заставила снизить ее примерно до 2,5 % и лишь после усиления управления на преобразуемых предприятиях она вновь поднялась до 6,8 % в 1997 г.

3. Акционерные предприятия, образуемые путем взаимного участия в держании паев предприятий — юридических лиц. Такая форма всячески поощряется и для создания АКОО, и для создания КОО. В то же время в нормативных актах оговаривался такой момент, что если одна компания овладеет 10 % пая другой компании, то последняя уже не может покупать акции первой.

4. Компании, открыто выпускающие акции в общество. Предполагается, что такая компания должна выпускать в общество не менее 25 % общей суммы паевого фонда, причем сами работники компании не могут приобрести более 10 % от доли, идущей в открытую продажу, а пай одного физического лица не должен превышать 5 % общей суммы паев (исключение может быть сделано для иностранных вкладчиков).

Уже к середине 1990-х годов в КНР насчитывалось более 50 тысяч акционерных предприятий всех этих типов (включая со-

вместного китайского и иностранного капитала и акционерно-кооперативные), но собственно акционерных предприятий было немного. На начало 1992 г., когда стал инициироваться эксперимент с акционированием государственных предприятий, в КНР насчитывалось 3220 предприятий, осуществляющих акционерный эксперимент, среди которых 80 % составляли предприятия закрытого типа, 12 % — юридические лица, 2 % — открыто выпускающие акции в общество, 1 % — обращающие акции на рынке. В 1993 г. речь шла уже о 3700 акционерных предприятиях с соответствующей разбивкой 86 % — 12 % — 2 % — 1 %. В 1994 г. сообщалось о наличии в стране 4000, а в 1996 г. — 9000 акционерных компаний с капиталом 579 млрд юаней. Быстро росло число акционерных компаний, выходящих на фондовые биржи: в 1991 г. их было всего 13, в 1994 г. — 270, в 1996 г. — 430, к середине 1997 г. — 673. Но в целом масштабы акционирования в КНР были невелики. По ряду оценок, на середину 1990-х годов только 10 % крупных и средних предприятий страны осуществляли эксперимент с акционерной системой, на них было занято менее 2 % рабочих и служащих страны и создавалось менее 4 % валовой продукции промышленности.

Больше всего сложностей вызывал сам процесс акционирования. Наиболее просто он проходил тогда, когда предприятия учреждались заново: с самого начала здесь были четко разграничены имущественные права и соответствующим образом определялись обязанности. Но преобразование в акционерные уже давно функционирующих предприятий было сопряжено с немалыми трудностями. В практике китайской реформы использовались для этого главным образом три способа: путем акционирования предприятиями уже накопленного имущества при осуществлении их технической реконструкции; путем поглощения сильными предприятиями слабых; путем создания объединений типа концернов или корпораций на основе совместного участия (теми или иными факторами производства) нескольких предприятий.

Как правило, нормативными акционерными предприятиями в первую очередь становились наиболее крупные и известные компании, нередко простирающие свою деятельность за пределы отрасли, региона, страны. Именно на такого рода крупные компании и корпорации, зарекомендовавшие себя как наиболее успешно хозяйствующие, было обращено внимание на XV съезде КПК как на образец для реформирования крупных государственных предприятий.

Котировка акций стала осуществляться уже в 1990-е годы на фондовых биржах КНР в Шанхае и Шэньчжэне, действующих, по признанию многих зарубежных экспертов, на уровне мировых стандартов. Для сдерживания спекуляций на биржах вначале, после их создания, осуществлялось ограничение цен, а именно: в течение дня рост цены акции ограничивался 5 %, потом этот показатель ужесточался до 1 %, применялись другие ограничения по сделкам. Но с 1992 г. цены на биржах были полностью освобождены, сняты другие ограничения, в результате чего рыночный механизм на фондовой бирже заработал в полную силу.

В том, что из двух основных целей акционирования — поиск дополнительных средств и преобразование хозяйственного механизма — многие компании гипертрофировали первую и забывали о главной, второй, виделась большая скрытая опасность свести акционерный эксперимент к нулю. Чтобы этого не произошло, были определены такие довольно жесткие требования:

- серьезно наладить действенную систему управления внутри самих компаний, в первую очередь, путем подбора квалифицированных управляющих и активной работы ревизионных комиссий, урегулирования отношений «трех старых комитетов» (партком, профком, собрание представителей рабочих и служащих) с «тремя новыми комитетами» (правление, ревизионная комиссия, собрание акционеров) и введения их «перекрестной ответственности» через делегирование представителей из прежних комитетов в новые;
- изменить функции правительственных министерств и формы управления их предприятиями. Чтобы правительство действительно могло создавать условия для преобразования хозяйственного механизма акционерных предприятий, необходимо осуществлять управление имуществом, посылая на правах пайщика своего представителя в правление для выражения там интересов государства и принятия к исполнению решений, принятых компанией. Главным способом управления компаниями со стороны правительственных органов должен быть макроконтроль путем использования в первую очередь экономических и правовых рычагов, дополняемых административным воздействием;
- усилить контролируемую роль посреднических организаций в отношении акционерных предприятий; создать соответствующие международным стандартам бухгалтерские конторы, несущие юридическую ответственность за проверку финансовой отчетности акционерных компаний: тре-

бовать, чтобы эта отчетность была открытой; готовить кадры, обладающие необходимой для этого квалификацией, т. е. создать «экономическую милицию» как необходимое условие нормативного акционирования.

Характеризуя своеобразие китайского опыта по акционированию предприятий, следует остановиться на следующих моментах:

1) изначальная стихийность процессов акционирования, начатых не в связи с установками правительства и разработкой правовых норм, а ввиду острой экономической потребности по сбору дополнительных средств и достижения эффективности хозяйствования. Этим объясняется и многообразие используемых форм и методов акционирования, и их нестандартность;

2) наличие периодов подъемов и спадов в развитии акционерной деятельности ввиду как экономических трудностей (усиление в ходе реформы дисбаланса между спросом и предложением), так и политической дестабилизации (кризис 1989 г.) и груза идеологических штампов;

3) безусловное преобладание в акционерном капитале государственной собственности. Объективной предпосылкой этого стало то, что акционирование началось в максимально обобществленной экономике путем разрыхления монолита прежнего единого собственника;

4) повсеместное вовлечение в процесс акционирования рабочих и служащих самих акционируемых предприятий. Как показано выше, в разные периоды от 80 до более 90 % акционерных предприятий КНР создавалось по типу закрытых, что признано было лучшим путем достижения цели — повышения заинтересованности тех, кто трудится, в результатах деятельности своих предприятий и одновременно гарантией лучшей сохранности созданного предшествующим трудом имущества. Как правило, акции рабочим и служащим продавались по самой низкой или льготной цене, нередко при этом учитывалось и качество работы. Практически на всех акционируемых предприятиях сохранялись собрания представителей рабочих и служащих, их деятельности придавалось особое значение в охране социальных интересов трудящихся. Как правило, сохранялись и парткомы, руководители которых нередко становились заместителями председателей правления компании. На практике это помогало лучшему урегулированию конфликтных ситуаций;

5) неналаженность системы оценки имущества акционерных предприятий. Здесь сталкивались две противоположные тенденции: покушение акционером на государственное имущество, с

одной стороны, и стремление организаций, представляющих государство в компании, добиться максимальной его оценки — с другой. Проблема ясности и четкого разграничения имущественных прав все годы реформы остается центральной в преобразовании государственных, особенно крупных и средних, предприятий;

6) нарушение нормативных требований в процессе создания и функционирования акционерных предприятий. Наиболее характерным стало нарушение принципа невозвратности акционерного пая и досрочные выплаты по дивидендам. Многие предприятия даже в своем уставе определяли свободный возврат пая вкладчикам (примерно, через три — пять лет) и размер выплат по дивидендам, не связывая последний с итогами хозяйственного года. В результате акции теряли свое назначение рискованных инвестиций, заставляющих заботиться о результатах хозяйственной деятельности предприятий. Из-за слишком высоких, экономически не оправданных выплат по дивидендам росла себестоимость собираемого акционерного капитала, что отнюдь не способствовало преодолению убыточности предприятий;

7) нерациональность размещения акционерных экспериментов с точки зрения первоочередных нужд страны. Определившись субъектами акционирования стали, во-первых, высокоэффективные, имеющие устойчивый сбыт продукции предприятия; во-вторых, в подавляющем большинстве предприятия обрабатывающей промышленности и сферы услуг, не относящиеся к числу тех отраслей, которые острее всего нуждались в средствах (транспорт, энергетика и т. д.); в-третьих, большинство акционерных предприятий сосредоточивалось в наиболее развитых приморских районах (80 % от общего числа акционерных предприятий закрытого типа находилось в трех районах — Шэньян, Шаньдун, Хэйлуцзян; 73 % акционерных предприятий открытого типа было создано в четырех районах — Шанхай, Шэньчжэнь, Чжэцзян, Шаньдун), а во внутренних районах эксперимент проводился довольно слабо, что в общем итоге увеличивало экономическую дифференциацию регионов страны.

Характеризуя возможности и целесообразность тех или иных форм акционирования в КНР, следует осознавать всю разность условий становления акционерных хозяйств в развитом товарном хозяйстве капиталистического общества и в формально обобщественном хозяйстве при социализме. Для капитализма акционерные общества — результат высшего развития капиталистического производства, когда происходит отделение «капитала

как функции» от «капитала как собственности». Для бывших социалистических стран, где до недавнего времени вообще отсутствовали самостоятельные товаропроизводители (ибо права собственности и права хозяйствования были монополизированы государством), путь к обретению общественной (особенно государственной) собственностью хозяина предполагает целую серию последовательных шагов. После первого шага, когда происходит отделение права собственности (оно остается у государства) от права хозяйствования (оно передается предприятию), дальнейшие шаги прогресса могут быть обеспечены развитием акционерных форм деятельности. Для начального этапа их становления (актуального для реформируемого Китая), когда создаваемые акционерные компании по своей сути скорее паевые, а далеко не нормативные акционерные предприятия (последние могут существовать только в условиях уже развившегося рыночного хозяйства), прогрессивность этих форм заключается в превращении хозяйствующего субъекта одновременно и в собственника (наряду с государством) имущества, заинтересованного в сохранности и умножении последнего.

Таким образом, для КНР, начавшей в ходе реформы экономической системы движение в направлении развития рыночного хозяйства, стал актуальным и прогрессивным тот шаг по созданию заинтересованного производителя с помощью акционирования, который в развитом рыночном хозяйстве при капитализме является предварительным условием образования акционерных обществ. Ввиду этого государственный пай объективно доминирует при создании акционерных компаний различного типа. Более того, то обстоятельство, что сохранение ведущего места за общественной (а для крупных и средних предприятий — государственной) собственностью был назван в КНР важнейшим условием углубления реформы экономической системы, свидетельствует о достаточно реальной оценке китайским руководством существующей ситуации, понимании необходимости естественного вызревания рыночной среды как условия успешного функционирования акционерных предприятий, о стремлении не допустить разрушения производительных сил страны.

Говоря о заметном сокращении позиций общественной собственности в статистических показателях и в то же время подчеркивая сохранение за ними ведущего места в народном хозяйстве, экономисты КНР обращают внимание на разъяснение XV съезда КПК о том, что общественная собственность включает не только государственный и коллективный секторы, но и государственные

и коллективные компоненты в хозяйствах смешанных форм собственности. А поскольку доли этих компонентов, например в акционерных предприятиях, довольно велики (75—80 %), ведущие позиции общественной собственности в экономике КНР выглядят более внушительно, чем если судить о них лишь по заметно сократившемуся удельному весу государственного сектора в общих показателях производства.

Доминирующее положение общественной собственности в экономике обеспечивается, по мнению китайских ученых, в том случае, если, во-первых, фонды общественной собственности занимают преимущественное место в совокупных общественных фондах; во-вторых, государственный сектор сохраняет командные позиции и ведущую роль в народном хозяйстве; в-третьих, при соблюдении первых двух положений в масштабах всей страны допускаются различия в отдельных отраслях и регионах [375, 1997, № 6, с. 4].

Как подчеркивалось на XV съезде КПК, где были учтены некоторые рекомендации китайских ученых, государственному сектору должно отводиться «господствующее место в жизненно важных отраслях и ключевых сферах народного хозяйства», должны усиливаться его контрольные функции и конкурентоспособность, а «при наличии такой предпосылки некоторое уменьшение удельного веса государственного сектора не повлияет на социалистический характер Китая» [354, 22.09.1997].

Считая излишним беспокойство некоторых китайских ученых по поводу того, что быстрое развитие в последнее время необщественных форм хозяйства потеснит с ведущего места общественную собственность, другие ученые-экономисты страны доказывают, что 24 % в ВВП, которые приходились в 1996 г. на необщественные сектора, отнюдь не много, а сравнительно мало для экономики КНР и есть перспективы для их дальнейшего роста [373, 1997, № 10, с. 8]. При этом аргументами за необоснованность возникающих опасений являются следующие:

- среди создаваемых в стране акционерных предприятий лишь небольшое число образовано частными инвесторами, а в большинстве своем это смешанные компании, где государству и коллективным юридическим лицам принадлежит контрольный пакет акций, а потому они носят общественный характер;
- все шире распространяется возникающая в ходе реформы акционерно-кооперативная форма хозяйственной деятельно-

- сти, объединяющая усилия и капиталы трудящихся, т. е. явно обладающая атрибутами общественной собственности;
- огромное значение для выявления доминирующей роли экономики общественной собственности приобретает сектор коллективной экономики, воплощающий принцип совместного достижения зажиточной жизни всеми членами коллектива, становящийся хорошей формой аккумуляции распыленных денежных средств, смягчающий напряженность с трудоустройством, увеличивающий общественные накопления и налоговые поступления [373, 1997, № 10, с. 5—6; 354, 22.09.1997].

На XV съезде КПК прозвучали новые трактовки при определении роли хозяйств, не относящихся к общественной собственности: речь о них пошла не просто как о «дополнении» к занимающему «ведущие» позиции общественному сектору, а как о «важной составной части социалистической рыночной экономики», а общий новый подход был сформулирован как «совместное развитие разных секторов многоукладной экономики при доминирующем положении общественной собственности» [354, 22.09.1997].

Подводя итоги поиска пути реформирования отношений собственности за прошедшие годы, XV съезд КПК в 1997 г. констатировал: «Со времени 3-го пленума ЦК 11-го созыва наша партия должным образом обобщила прошлый положительный и отрицательный опыт в вопросе о собственности и выработала курс совместного развития разных секторов многоукладной экономики с доминирующим общественным сектором, благодаря чему шаг за шагом устранились путы, сдерживавшие производительные силы из-за нерациональной структуры собственности, и возникла обстановка появления многообразия форм общественной собственности и совместного развития разных секторов многоукладной экономики. Дальнейшее урегулирование и совершенствование структуры собственности, раскрепощение и развитие производительных сил — важнейшая задача реформы экономической системы» [354, 22.09.1997].

На практике все последующие годы активнее стали разрабатываться меры по уравниванию в правах необщественных секторов экономики с предприятиями общественных форм собственности в получении кредитов, субсидий, налоговых льгот и т. д.

При характеристике места и роли различных хозяйственных укладов в экономике страны китайские ученые подчеркивают необходимость «качественного», а не «количественного» подхода к

оценке «доминирующего» положения общественной собственности. На 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва в октябре 2003 г., а затем на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2004 г., вместо традиционных представлений о том, что главной формой общественной собственности являются государственный и коллективный сектора экономики, была выдвинута новая концепция — «превратить акционерную систему в главную форму общественной собственности» и указано на необходимость всемерно развивать смешанный сектор экономики с участием государственного, коллективного и необщественного капиталов. А в докладе «О работе правительства» на сессии ВСНП было предложено «интенсивно продвигать преобразования в плане перевода госпредприятий на нормативную акционерную систему» и «обеспечивать всемерное развитие сектора смешанной формы собственности, постепенно превращая акционерную систему в главную форму реализации общественной собственности».

В связи с этим весьма интересно, на наш взгляд, вспомнить, что в самом начале поиска путей реформирования государственной собственности в КНР китайские ученые внимательно анализировали выводы К. Маркса по поводу акционерных обществ при капитализме, в частности те, где он подчеркивает, что капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочих сил, получает в акционерной форме непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Именно на это обращали внимание в своих исследованиях путей реформирования государственной собственности молодые китайские ученые еще в конце 1980-х годов, и то, что эти идеи, проверенные практикой реформ, нашли спустя 15-летие отражение в государственных документах на высшем уровне, свидетельствует, на наш взгляд, о серьезном отношении руководства страны к выводам экономической науки.

* * *

Оценивая в целом теоретический и практический поиск в КНР в годы реформы, можно сказать, что перестройка отношений собственности стала стержнем обновления представлений о социализме и ключевым вопросом реформы экономической сис-

темы КНР. В решение вопроса о собственности, по сути, упирается решение всех других проблем, в частности, остававшийся актуальным все годы вопрос о реформе цен. Так как, по большому счету, если говорить о ценах, речь должна была идти о реформе ценообразования, а значит, о снижении затрат на производство, а значит, о повышении эффективности хозяйственной деятельности, а значит, о реформе отношений собственности, т. е. соединении в одном субъекте собственника и хозяйственника, на основе чего и становится возможной экономическая реализация интересов трудящихся. Точно так же в перестройку отношений собственности упирается проблема развития товарно-денежных отношений и создания единого социалистического рынка в стране: пока все ресурсы предприятий находятся в собственности государства, они не могут организовать перемещение их в соответствии с потребностями рынка. То есть предприятие не может превратиться в самостоятельного товаропроизводителя (что подразумевается реформой), пока не станет субъектом собственности. Таким образом, проблема собственности стояла не в ряду с прочими проблемами реформы, а являлась (и остается по-прежнему), по нашему мнению, стержневой, на которой выросли и могут найти разрешение и другие экономические проблемы.

Можно сказать, что развитие многообразных по формам собственности типов хозяйств стало главным качественным сдвигом в реформе экономической системы и важнейшим слагаемым социализма с китайской спецификой. Оно же принесло и самый ощутимый экономический результат: динамичное развитие производства, рост доходов трудящихся. С ним связано и возникновение наиболее острых социальных проблем — дифференциация доходов вне зависимости от трудового вклада, рост экономических преступлений, коррупция, злоупотребления властью, — приведших к дестабилизации в обществе.

Уже само признание необходимости в интересах развития производительных сил страны допущения плюральной структуры собственности носило революционный характер, ибо прежде победа социализма мыслилась только как безусловное господство обществственных форм хозяйства.

На исходе первого десятилетия реформы китайские ученые делают заключение о том, что если вся предшествующая реформе практика и теоретическая мысль в КНР были направлены на требование «вымирания капитализма», то реформа и открытая политика показали неизбежность и рациональность существования

и развития в определенных масштабах капиталистических элементов и укладов в стране [352, 15.12.1988].

В условиях нарастающих трудностей по мере углубления реформы в КНР определились два крайних мнения: 1) все беды происходят из ориентированности на рынок и «открытость», и только путем повторной реорганизации управления с новой централизацией власти можно навести порядок и добиться успеха; 2) в рамках общественной собственности реформа уже не сможет дать ничего и выход может быть только в приватизации. Отвергая обе эти точки зрения как необоснованные, вице-президент АОН Китая Лю Гогуан подчеркивал, что направление китайской реформы — создание социалистической экономики, контролируемой на макроуровне, ориентированной на рынок и предполагающей смешанную собственность, главной частью которой должна быть общественная собственность, включающая различные формы групповой собственности [370, 28.02.1989].

Пути выхода из ситуации, когда естественное логическое развитие явлений, которым дала жизнь реформа, может полностью демонтировать общественную собственность на средства производства в каких бы то ни было ее разновидностях, ученые-экономисты КНР вполне обоснованно, на наш взгляд, связывают с возможностью с помощью акционерных форм сделать многосубъектной государственную собственность и достичь прямой заинтересованности в результатах деятельности тех, кто трудится на государственных предприятиях, укрепив тем самым позиции самой государственной собственности.

Не закрывая глаза на определенные отрицательные последствия семейного способа ведения хозяйства (урон мелиорации, ирригации и прочим требующим коллективных усилий работам по сохранению и улучшению земельного фонда), на ограниченные возможности его в сфере модернизации и дальнейшего роста сельскохозяйственного производства, не следует, на наш взгляд, и здесь драматизировать ситуацию тем, что семейный подряд исчерпал себя и без повторной коллективизации в сельском хозяйстве возникнет кризис. Ведь в целом сельское хозяйство КНР продолжает поступательное развитие, производство продовольственных культур после стремительного роста в первые годы реформы хотя и приостановило свой бег, но остается довольно стабильным и значительно более высоким, чем в дореформенные годы, динамично развивается животноводство, существенно изменилась структура сельскохозяйственной деятельности на селе за счет активного развития промышленных, торговых, транс-

портных отраслей и сферы услуг. Не случайно крестьяне со страхом воспринимают любые намеки на возможность повторной кооперации, а это настроение людей, очевидно, лучше, чем любые рассуждения о преимуществах коллективного хозяйствования перед индивидуальным, отражает реальность бытия и интересы тех, кто трудится на земле.

Наиболее трудными для разрешения оказываются связанные с реанимацией и новым развитием индивидуальных и частных хозяйств, а также с активизацией всякой предпринимательской деятельности проблемы роста экономических преступлений, теневого бизнеса, злоупотребления служебным положением. Дело в том, что возрождаемое после 30-летнего обобществления частное предпринимательство имеет явно иную сущность, чем на начальных этапах социалистических преобразований. Нынешний предприниматель в КНР (независимо от того, выступает он индивидуально, на паевых или коллективных началах) — по сути новое социальное явление: он в значительной мере «воспитан» на почве социалистической общественной собственности и хорошо знает ее преимущества и слабые места. Главный смысл использования частного собственника в начале социалистического пути заключался в получении от него вклада в развитие производительных сил общества, состоящего из его капитала, опыта и знаний, накопленных им в его предыдущей деятельности. Нынешний же предприниматель КНР жил и составлял свой капитал или знает, как его составить, за счет общественной собственности, а потому сегодня его вклад является, как правило, тем, что он предварительно взял у государства.

Отсутствие действенного учета и контроля за общественной собственностью при лучше развитом у людей с предпринимательской жилкой умении воспользоваться изъятиями социалистического хозяйствования позволяет сегодняшнему предпринимателю в реформируемой социалистической экономике формировать и свой новый капитал за счет государственного, причем для этого во многих случаях он может действовать вполне легально (что и показывает как китайская, так и российская практика). Более того, возможность распоряжаться организацией и результатами хозяйственной жизни страны не на основе имущественных, а на основе должностных прав (все еще сохраняющаяся, несмотря на реформы, как в КНР, так и в России) свидетельствует не только об удивительной живучести административно-бюрократической системы, но и о появлении у нее «второго дыхания» благодаря использованию в своих целях нарождающихся элемен-

тов товарной экономики (в частности, различных видов предпринимательской деятельности). Именно это обстоятельство, на наш взгляд, вызывает наиболее яростный протест в обществе, является серьезным дестабилизирующим фактором.

6.3. Социальная трансформация китайского общества

Закономерным следствием развития различных по формам собственности типов хозяйств стало существенное изменение социальной структуры КНР. Если в дореформенном Китае выделялись лишь класс рабочих, класс крестьян и слой интеллигенции, то сегодня китайское общество отличается намного более плюральной структурой, в которой разграничиваются крупные и более мелкие социальные общности (группы, сословия, слои), пока еще только формирующиеся, имеющие довольно расплывчатые контуры, но в целом уже обозначающие ту основу социально-трансформационной структуры китайского общества, которая будет, очевидно, меняться лишь по размерам отдельных ее составляющих. Ученые Китая в зависимости от принимаемых критериев различают в стране 5 крупных социально-экономических образований (групп, сословий, социальных уровней) и 10 социальных слоев [346, 13.12.2001; 177, с. 9].

В тех случаях, когда за основу социального деления общества берется род занятий с учетом организационных, материальных и культурных возможностей людей, выделяются 10 социальных слоев.

1. Управляющие государством и обществом, удельный вес которых в социальной структуре общества составляет 2,1 %. Они занимают самое высокое место в общественно-политической системе страны.

2. Хозяйственные руководители (1,5 %) — как правило, руководители крупных и средних предприятий, наиболее активные проводники рыночных преобразований.

3. Частные предприниматели (0,6 %), которые, добиваясь высоких прибылей, занимают весомое экономическое положение при пока неадекватном политическом весе.

4. Профессиональные научно-технические работники (5,1 %), являющиеся весьма важной силой и опорой общества, оказывающие существенное влияние на его стабильность.

5. Занимающиеся текущей административной работой чиновники (4,8 %), которые обладают существенным организационным потенциалом.

6. Единоличники (4,2 %), вложения которых в сферы производства, обращения, услуг и другие являются мощным подспорьем для рыночных реформ.

7. Работники торговли и сферы услуг (12 %); они наиболее тесно связаны с такими новыми явлениями в жизни реформенного периода, как образование новых городов и поселков.

8. Производственные рабочие (22,6 %), среди которых значительную долю (до 30 %) составляют выходцы из крестьян, и социально-экономическая, а особенно политическая, роль которых по сравнению с дореформенным периодом относительно уменьшилась.

9. Крестьяне (44 %) — самый многочисленный, но наименее организованный и наиболее слабый в материальном и культурном отношении слой, а потому играющий сравнительно незначительную роль в политической жизни страны.

10. Имеющие непостоянную работу и безработные (3,1 %), количество которых, вопреки данным официальной статистики, заметно растет в последние годы, представляя одну из главных проблем для дальнейших рыночных преобразований и социально-политической стабильности в стране.

В тех случаях, когда учитываются такие основополагающие политические, экономические и социокультурные критерии социальной стратификации общества, как объем властных и управленческих функций, размер имущества и доходов, профессиональный и образовательный уровень, но за основу берется имущественное положение граждан, в современном Китае различают 5 крупных социальных слоев (иногда их определяют как крупные социально-экономические сословия):

- верхний (высокопоставленные правительственные чиновники, руководители крупных государственных предприятий и акционерных компаний, ответственные работники банков, высокопрофессиональные специалисты, владельцы крупных частных предприятий и т. п.);
- выше среднего (кадровые работники среднего управленческого звена государства и крупных предприятий, хозяйственные руководители средних и малых предприятий, кадровые работники совместных предприятий, владельцы средних предприятий и т. п.);

- средний (технические специалисты, научные работники, преподаватели учебных заведений, работники культуры и искусства, владельцы единоличных промышленных, торговых предприятий, крупных специализированных крестьянских дворов и т. п.);
- ниже среднего (работники индивидуальных предприятий, сферы торговли, службы быта, рабочие, крестьяне и т. п.);
- нижний (малоимущие и недостаточно обеспеченные работой рабочие, крестьяне, потерявшие работу, безработные и т. п.).

Кроме того, выделяется «слой вредных для общества криминальных элементов», достаточно широко представленных во всех социальных слоях. Причем если говорить об экономических преступлениях, то они наиболее широко представлены в верхних ярусах китайского общества [177, с. 9; 383, осень 1999].

В АОН Китая ведется огромная работа по выявлению различных социальных образований китайского общества, определению их численности, особенностей, места и роли в жизни страны. Такая работа должна способствовать выработке руководством КНР мер по регулированию существенно обострившихся за последние годы проблем имущественной дифференциации, а главное — занятости населения. Характерно, что исследования китайских ученых в области социальной трансформации общества в результате рыночных реформ во многом сходны с исследованиями ведущих социологов нашей страны. Так, анализируя социальную структуру российского общества, академик Т. Заславская, руководствуясь критериями политического, экономического и социокультурного потенциала, выделяет возникшие в нашей стране в результате рыночных реформ 4 социальных слоя (верхний, средний, базовый, нижний), а также десоциализированное «социальное дно» и одновременно разбивает весь этот массив из четырех социальных слоев на 14 групп, ориентируясь главным образом на род их деятельности [см. 336, 1997, № 2, с. 5, 9, 12; 337, 1999, № 3—4, с. 21—22].

Подавляющую часть нынешней социальной структуры китайского общества занимает слой «ниже среднего», представленный главным образом людьми физического труда (около 70 % занятых, т. е. примерно 480 млн человек, в том числе 120 млн — рабочие, 330 млн — крестьяне). К нему примыкает «нижний» слой — в основном бедняки города и деревни (примерно 14 % занятых, т. е. порядка 100 млн человек, среди которых 60 млн — крестьяне, 30 млн — волостно-поселковые жители, 10 млн — горожане). Такая социальная структура — специфика страны, хотя и достигшей

за годы реформы существенного прогресса, но все еще остающейся бедной и отсталой по уровню экономического развития. В слое «выше среднего» (примерно 4 % занятых, т. е. около 30 млн человек) преобладают бизнесмены и управленцы и 1 % приходится на высшую интеллигенцию (выдающиеся ученые, артисты и т. п.). В «среднем» слое (около 12 % занятых, т. е. свыше 80 млн человек) — самый большой (относительно других слоев) удельный вес интеллигенции (более 35 %). «Верхний» же слой, представленный главным образом людьми, занимающими наиболее важные посты в системе государственного управления, формирует лишь верхушку пирамиды китайского общества, это примерно 1 % занятых, т. е. около 7 млн человек [383, осень, 1999].

Сложившаяся социальная структура является довольно подвижной, подверженной влиянию как внутренней, так и международной конъюнктуры. Углубление с середины 1990-х годов рыночных преобразований путем более решительного, чем ранее, вторжения в государственный сектор привело к заметным изменениям, особенно в средних слоях китайского общества. Произошло снижение статуса тех, кто оказался жертвой начавшего осуществляться намного масштабнее, чем ранее, банкротства убыточных предприятий и пополнил армию безработных или «ожидających повторного трудоустройства». В отличие от первой половины 1990-х годов, когда доходы среднего слоя росли и немало его представителей с оптимизмом смотрели на возможность повышения своего статуса в общественной иерархии, к концу 1990-х годов некоторой части средних слоев, напротив, пришлось спуститься на ступень-другую ниже существующей социальной пирамиды. В то же время в конце 1990-х годов существенно повысился статус высшей интеллигенции, многократно увеличились доходы и престиж тех, кто готовит поколение образованных людей.

Определенным образом на имущественное, а порою, и властное положение ряда слоев (потерями — для одних, прибылями — для других) повлиял и азиатский финансовый кризис.

Фактические данные о социальной структуре китайского общества на рубеже XXI в., полученные и систематизированные учеными в 2002 г., продолжали уточняться и корректироваться в последующие годы путем существенного расширения масштабов полевых обследований в стране, введения дополнительных критериев стратификации, согласования мнений различных исследователей и новых обобщений. По данным, опубликованным в КНР в июле 2004 г. в объемном труде АОН Китая «Социальные

сдвиги в современном Китае», удельные веса каждого из 10 социальных слоев в целом по стране составляли: управляющие государством и обществом — 2,1 %, хозяйственные руководители — 1,6 %, владельцы частных предприятий — 1,0 %, профессиональные технические работники и специалисты — 4,6 %, работники канцелярий — 7,2 %, единоличники в промышленности и торговле — 7,1 %, работники торговли и сферы услуг — 11,2 %, производственные рабочие — 17,5 %, работники сельского хозяйства — 42,9 %, незанятые, безработные, полубезработные — 4,8 % [178, с. 13].

Наиболее серьезные теоретические споры в начале XXI в. велись в КНР по определению критериев выделения «среднего класса» и признания или непризнания его существования в реформируемом Китае. Среди множества критериев, предлагаемых для определения «среднего класса» в КНР, на наш взгляд, ближе к реальности находились те ученые, кто настаивал на выборе, по крайней мере, трех критериев: профессиональной принадлежности, уровня образования и размера доходов, которые, по нашему мнению, должны быть тесно увязаны друг с другом. Что касается профессиональной принадлежности, то, по мнению многих китайских ученых в то время, это должны быть люди умственного, но не физического труда, с довольно высокими доходами (от 6 до 100 тыс. юаней в месяц), с современными формами жизни, потребления, манерой поведения и осознанием своей принадлежности к «среднему классу». В связи с этим нередко предлагалось считать возможным формирование «среднего класса» только из первых пяти социальных слоев, а потому вероятная доля «среднего класса» в социальной структуре китайского общества оценивалась в пределах 15–16 %. Те ученые, кто считал возможным попадание в «средний класс» людей не только умственного («белые воротнички»), но и физического труда («синие воротнички»), повышал эту долю до 20–27 %. В то же время некоторые ученые вообще не употребляли термин «средний класс», предлагая не спешить называть так ту или иную «прослойку» или «промежуточный слой» и считая более разумным при характеристике социальной структуры в КНР говорить лишь об «обществе среднего достатка».

Анализ выдвинутых в конце 2000 г. предложений по развитию народного хозяйства КНР в 10-й пятилетке (2001–2005 гг.) свидетельствует, на наш взгляд, о том, что уже в начале XXI в. Китай главную ставку сделал на подготовку (в стране и за рубежом) высококвалифицированных кадров, обладающих самыми

современными знаниями в области управления, высоких технологий, информатики, банковского дела, связей с внешним миром и т. п. Такая экономическая политика, в основу которой, по существу, заложен принцип «кадры решают все», может стать отправным моментом не только качественного улучшения социальной структуры китайского общества и сохранения социально-политической стабильности, но и дальнейшего социально-экономического прогресса в стране.

Интересно, что и в конце первого десятилетия XXI в. самые большие теоретические дискуссии в КНР разворачиваются опять-таки вокруг вопроса о формировании «среднего класса». Как и в России, дискуссии эти в Китае идут уже не первый год, причем, по нашему мнению, они не только не вносят ясность в данное понятие, но все более усложняют его. И это происходит по вполне объективным причинам, ибо рыночные реформы в жизнь стран с ранее существовавшим в них планово-централизованным управлением (и, соответственно, распределением) внесли столько противоречий, что и ученым, и управленцам верно сориентироваться трудно. В первую очередь, существует необходимость договориться об определении критериев выделения «среднего класса» в обществе. При всем множестве предлагаемых наукой критериев для причисления населения к «среднему классу» в прежние времена самыми необходимыми, на наш взгляд, остаются следующие: уровень дохода, уровень образования и характер деятельности. Надо сказать, что именно на этих критериях сегодня настаивают и ведущие китайские ученые. Однако именно в этом вопросе происходят и самые горячие споры. Понимая, что в нынешней жизни наиболее обеспеченными стали далеко не самые образованные люди, некоторые китайские ученые говорят, что для вхождения в «средний класс» достаточно только уровня дохода. По поводу того, каков должен быть этот уровень, мнения существуют различные, но, учитывая большую разность условий жизни в КНР по регионам, в городской и сельской местности и т. п., сегодня предлагается определять этот уровень в диапазоне от 4 тыс. до 500 тыс. юаней в месяц. Но, соглашаясь с такой «вилкой», многие ученые добавляют как необходимое условие причисления к «среднему классу» и высшее образование, а также наличие квартиры, машины, возможности зарубежного туризма.

По мнению многих китайских ученых, точка зрения, что для причисления к «среднему классу» достаточно только высокого дохода, обеспечивающего стабильность в обществе, распространяется главным образом средствами массовой информации и от-

рицательно влияет на общество в целом, так как поощряет погоно за «внешним блеском» и отводит на второй план моральные ценности. Говоря о характере деятельности человека и прежнем (еще недавнем) делении работающих на «белые воротнички» и «голубые воротнички», китайские ученые сегодня признают, что сейчас общество стало многоцветным и появились, кроме белых и голубых, серые, красные, бело-красные и даже «золотые воротнички» (к последним относятся работники финансовой сферы).

Общего мнения по поводу того, что такое «средний класс» в Китае, пока нет, так как, по мнению ведущих китайских ученых, он еще не сформировался. И потому в самых последних научных публикациях часто вместо еще недавно употреблявшегося термина «средний класс» (*«чжунчань цзецзи»*) пишется приравненный к нему термин «средний, или промежуточный, слой» — *«чжунцзень цзецэн»*. По мнению крупнейшего ученого социолога и экономиста, директора Института социологии АОН Китая профессора Ли Пэйлиня, высказанному в 2008 г., к этому «так называемому среднему классу» в современном Китае можно отнести примерно 12 % всего населения страны и примерно 25 % жителей городов КНР [388, 2008, № 2, с. 1; 394, 2008, т. 28, с. 220].

Дестабилизирующим общество фактором стала обозначившаяся уже в начале реформ имущественная дифференциация различных категорий населения. По официальной статистике, разница доходов сельского и городского населения колебалась в годы реформы в пределах от 1 : 1,6 до 1 : 2,4, дифференциация доходов сельского населения в середине 1990-х годов оценивалась как 1 : 6, городского — 1 : 3,8. Эта проблема стала достаточно серьезной после того, как страна подошла к решающему рубежу рыночных преобразований — принятию жестких мер для повышения рентабельности крупных и средних предприятий государственной собственности. Одним из наиболее болезненных результатов таких преобразований стало существенное сокращение персонала этих предприятий и резкий по сравнению с предшествующими годами рост безработицы. Одновременно все более заметной становилась нагрузка на трудящихся из-за замены прежде бесплатных социальных услуг долевым участием их в получении жилья, медицинского обслуживания, образования и т. п. Именно поэтому на исходе второго десятилетия реформы, как и в самом ее начале, в народе стала расти ностальгия по прежним временам, когда хотя и на минимальном уровне, но в обязательном порядке реализовывались гарантии на труд и социальное обеспечение.

В связи с этим стоит остановиться на таком принципиальном вопросе, как вопрос о «поляризации» китайского общества. Некоторые исследователи Китая утверждают, что «быстрый рост китайской экономики сопровождается не менее быстрым расслоением, а с середины 1990-х годов и поляризацией общества» [108, с. 289]. Но «поляризация» общества происходит тогда, когда не только богатые богатеют, но и беднеют бедные. Так ли обстоит дело в Китае? Фактические данные свидетельствуют, что это не так. Да, растет имущественная дифференциация, но одновременно растут, хотя и в разной степени, доходы практически всех слоев населения, а количество бедных за годы реформы сократилось, по разным оценкам, на 250—270 млн человек.

Несомненно, что имущественная дифференциация очень трудно поддается реальной оценке ввиду наличия и быстрого роста в доходах граждан доли часто не учитываемых источников получения средств. Поскольку доходы от факторов капитала растут заметно быстрее, чем от факторов труда, сохранение доминирующего положения общественной собственности, где расслоение на бедных и богатых легче поддается контролю и регулированию, рассматривается как главная преграда поляризации в китайском обществе. Вместе с тем принимаются меры по сдерживанию ускоренного роста заработной платы в отдельных сферах деятельности, уменьшению нерационального разрыва в оплате труда, подъему нижней границы доходов и оказанию помощи наиболее бедным категориям населения, повышению уровня гласности в распределении и т. п.

С начала XXI в. китайские ученые все чаще стали поднимать тему об имущественной дифференциации в обществе и даже задаваться вопросом: «В чьих руках находится богатство Китая?». Поскольку всеобъемлющие прямые данные на этот счет в официальной статистике отсутствуют, некоторые исследователи делают самостоятельные расчеты. По ряду таких оценок, в частных руках граждан (если суммировать денежные вклады, ценные бумаги и недвижимость) примерно в 3 раза больше средств, чем у государства. Но государство остается безусловным обладателем основного богатства страны благодаря тому, что сохраняет в своих руках землю и другие природные ресурсы страны [359, № 1].

В «Постановлении» 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (2003 г.) прямо говорится о необходимости обратить пристальное внимание на разрешение проблемы существенного увеличения разрыва между уровнем доходов различных членов общества и,

взяв в качестве стратегической цели достижение всеобщей зажиточности и увеличение доли населения со средними доходами, поднять уровень доходов лиц с низкими доходами, урегулировать сверхвысокие доходы и устранить незаконное получение доходов.

Летом 2005 г. среди ученых-обществоведов КНР развернулись острые дискуссии в связи с нарастанием социальных противоречий в стране, которые были инициированы тревожными высказываниями по этому поводу одного из ведущих экономистов Китая Лю Гогуана, который на протяжении более 11 лет рыночных реформ (1982—1993 гг.) являлся вице-президентом АОН Китая (в 2001 г. он был избран почетным доктором Российской академии наук). Именно в эти годы реформ шел самый трудный и мучительный процесс переосмысления прочно устоявшихся представлений в политической экономии о существенных чертах и особенностях развития социалистического общества, с построением которого КНР уже несколько десятилетий связывала надежду на преодоление бедности и отсталости страны.

Подчеркивая в 1984 г. в речи «О строительстве социализма с китайской спецификой», что «социализм должен покончить с бедностью», и ставя при этом вопрос «каким образом обеспечить развитие производительных сил и улучшение жизни народа при нынешней отсталости Китая», «архитектор» рыночных реформ в КНР Дэн Сяопин задается вопросом, какого пути для этого надо придерживаться — социалистического или капиталистического? На этот вопрос он отвечал следующим образом: «Капиталистический путь позволит разбогатеть горстке людей, составляющих несколько процентов населения Китая, но ни в коем случае не остальным 90 с лишним процентам людей. Поэтому мы должны твердо идти по пути социализма. Осуществление социалистического принципа распределения по труду не приведет к появлению, с одной стороны, слишком богатых, а с другой — слишком бедных людей. Таким образом, поляризация не произойдет у нас и через 20—30 лет при развитых производительных силах» [103, с. 61]. А вот и заключительное резюме Дэн Сяопина, позволяющее через два десятилетия оценивать результаты его выбора и эффективность его модели реформированного на рыночных началах «социализма с китайской спецификой»: «Цель социализма не в создании поляризации, а в том, чтобы сделать зажиточным весь народ. Если наша политика вызовет поляризацию, то это будет означать, что мы проиграли. Если у нас появится какая-нибудь новая буржуазия, то это будет означать, что мы действительно свернули на ошибочный путь» [103, с. 112].

Именно для того, чтобы не получить такого «проигрышного» итога шаг за шагом экспериментально апробированного и в многочисленных дискуссиях теоретически обоснованного пути «строительства социализма со спецификой Китая», и выступил Лю Гогун со статьями, в которых забил тревогу по поводу все быстрее растущей в последние годы имущественной дифференциации в китайском обществе.

Ведь и Дэн Сяопин, и китайские ученые, совершавшие «прорывы» в экономической теории социализма во время выработки модели «социализма с китайской спецификой», прекрасно понимали, что неизбежным итогом признания ими частных хозяйств и рыночных отношений в качестве слагаемых нового общества станет не только экономический прогресс, но и имущественная дифференциация в стране. Главный наказ Дэн Сяопина заключался в том, чтобы не допустить в стране поляризации — «обогащения одних и обеднения других», чтобы при «появлении отдельных буржуазных элементов» не сформировался «класс буржуазии», ибо это означало бы «крах реформ» [103, с. 134]. Гарантией верности намеченному пути Дэн Сяопин считал сохранение доминирующего положения общественной собственности и предотвращение поляризации в обществе, добавляя при этом, что «нельзя игнорировать и роль государственной машины», которая в КНР «отличается большой мощью» и «в случае отклонения от социалистической ориентации вмешается и выправит положение» [103, с. 135]. А потому можно сказать, что Лю Гогун верен этому наказу Дэна, когда говорит о «недопустимости» звучащих в последнее время в стране предложений «минимизировать роль правительства, ограничить вмешательство и контроль со стороны государства» [339, 2006, № 5, с. 174].

Не случайно по мере углубления реформы макрорегулирование и макроконтроль становятся главными орудиями экономической политики в КНР. Макроэкономическое управление стало и главной темой в исследованиях Лю Гогунана, причем он поднимает вопросы необходимости урегулирования, ликвидации перекосов и достижения гармоничного развития не только в экономической сфере, но и в наиболее болезненно отражающейся на настроении людей сфере социальной.

Еще в начале рыночных реформ Дэн Сяопин признавал, что в стране «есть люди, которые беспокоятся, как бы Китай не превратился в капиталистическую страну», и считал, что их опасения не лишены оснований. Рассеивать такие опасения он призывал не пустословием, а фактами и «утверждением высоких идеалов ком-

мунизма в сознании одного-двух последующих поколений», не позволяя подросткам и молодежи «идти в плен к гнилой буржуазной идеологии» [103, с. 113]. В 2005 г., т. е. по истечении четверти века рыночных преобразований в КНР, к этому же призывает Лю Гогуан, когда говорит о недопустимости, следуя западной теории неолиберализма, принимать предпосылку «экономического человека» и соглашаться с тем, что «природа человека неизменно своекорыстна» [339, 2006, № 5, с. 174]. На наш взгляд, высказывания Лю Гогуана свидетельствуют о высокой нравственности его позиций, а не об их «глубокой идеологической окраске», как считают некоторые исследователи [339, 2006, № 5]. Лю Гогуан сохранил верность практически всем главным «наказам» Дэн Сяопина и стремится не допустить того, чтобы уже значительно продвинувшая Китай по пути социально-экономического прогресса реформа, выражаясь словами самого Дэн Сяопина, «свернула на ошибочный путь» и «проиграла» [103, с. 112].

Центральным вопросом состоявшегося в октябре 2005 г. 5-го пленума ЦК КПК 16-го созыва стал вопрос о сокращении растущего имущественного расслоения среди населения страны и недопущения поляризации китайского общества. Как сообщалось, ВВП на душу населения в самых зажиточных восточных провинциях Китая примерно в 10 раз выше аналогичного показателя самых бедных западных регионов страны; 10 % получающих самый высокий доход семей владеют более чем 40 % всей личной и частной собственности в стране; реальный разрыв между доходами горожан и сельских жителей достигает 5—6 раз.

Понимая, что дальнейший рост имущественного расслоения может серьезно подорвать социальную стабильность в стране, китайское руководство на пленуме обсудило вопрос о корректировке политики распределения и перераспределения доходов, в частности, поставило вопрос о необходимости направления дополнительных средств на поддержку крестьянства — самой многочисленной, но наименее защищенной части китайского общества [354, 12, 19, 20.10.2005].

В последние годы удалось преодолеть существенное отставание темпов роста доходов сельского населения от темпов роста доходов городских жителей: если в период с 1997 по 2002 г. оно в среднем составляло примерно 2,3 раза, то уже в 2004 г. среднедушевые доходы городского населения выросли на 7,7 %, а среднедушевые чистые доходы сельского населения увеличились на 6,8 %; в 2005 г. фактический рост среднедушевых доходов, которые находятся в распоряжении жителей городов и поселков, со-

ставил 9,6 %, а среднедушевых чистых доходов сельского населения — 6,2 %; в 2006 г. эти показатели составили соответственно 10,4 % и 7,4 %, в 2007 — 12,2 % и 9,5 %, в 2008 — 8,4 % и 8,0 %, в 2009 г. — 9,8 % и 8,5 % [89, 2010, с. 107; 354, 20.03.2003, 19.03.2004, 16.05.2005, 07.03.2006].

Ученые Китая в публикациях 2005 г., оценивая наиболее актуальные социальные проблемы страны, выделяли среди них следующие:

- обострение противоречий, связанных с потерей крестьянами земель (бывшие сельхозугодья, принадлежавшие около 40 млн крестьян, использовались в иных целях, а размер компенсации оказался низким);
- продолжение увеличения разрыва в доходах населения (по итогам выборочного опроса, проведенного среди 50 тыс. городских семей, у 10 % «богатых» семей среднедушевой доход достиг 13,3 тыс. юаней, а у 10 % «бедных» семей он составил лишь 1397 юаней, т. е. пропорция составляет 9,5 : 1 против 9,1 : 1 в предшествующий год);
- сохранение на длительное время серьезности проблемы трудоустройства (число незанятого городского населения ежегодно увеличивается на 24 млн человек, а Китай в состоянии создавать максимум 9 млн рабочих мест в год);
- необходимость решения в новом столетии задачи ликвидации бедности (за 25 лет проведения политики реформ и открытости бедное население в стране сократилось с 250 млн до 29 млн человек, однако черта бедности для китайских крестьян составляет лишь 625 юаней в год, что ниже установленного ООН уровня в 900 юаней);
- необходимость постепенного продвижения реформы политической системы для большей результативности борьбы с коррупцией;
- дефицит ресурсов и серьезное загрязнение окружающей среды, ограничивающие перспективы развития страны;
- снижение в последние два года (несмотря на высокие темпы роста китайской экономики) удовлетворенности жизнью группы людей с низкими доходами [87, 2005, с. 5—10].

По мнению автора, проблемы имущественной дифференциации и занятости являются главными проблемами, влияющими на поддержание социально-политической стабильности в китайском обществе, причем проблема занятости стоит на 1-м месте. В конце 2005 г. во время научной командировки в КНР автор имела возможность обсуждать эти вопросы с ведущими учеными

в Пекине и Шанхае. Китайские ученые соглашаются, что по важности проблема занятости занимает 1-е место среди социальных проблем, так как при решении ее возможно и постепенное решение проблем бедности, существенной социальной дифференциации и даже ограничение коррупции в китайском обществе.

Что касается имущественного расслоения, то, как считают ученые-социологи КНР, хотя здесь разрыв и достигает значительных величин (в десятки и даже сотни раз), если вести сравнение по отдельным показателям (например, в Шанхае это 150 раз — по затратам на жилье, 30—40 раз — по затратам на транспорт, 50 раз — по затратам на культурные развлечения), но по такому важнейшему показателю, как затраты на питание, различие составляет в подавляющем большинстве немногим более двух раз. То есть сегодня доход у простого населения позволяет относительно прилично жить и питаться, а это сдерживает проявление недовольства своим положением при наличии большого социального расслоения в стране. Даже наименее обеспеченные слои населения, которыми, как правило, являются приезжие из деревень в города, выполняющие черную или просто случайную работу, в любом случае имеют доходы больше, чем они имели в деревне, а потому относительно удовлетворены своим положением (согласно социальным опросам, в Шанхае таких 80 %). Плюс к этому, как отмечают китайские ученые, у многих людей из низших слоев общества есть надежда тем или иным путем (например, посредством обучения) перебраться на более высокую ступень социальной лестницы (миграция между слоями идет довольно активно), и эта надежда дает народу терпение и удерживает от проявления им недовольства. Но, конечно, в разных регионах страны ситуация различная.

Одновременно, отвечая в последние годы на вопросы о дифференциации доходов населения страны, китайские ученые в первую очередь подчеркивают, что за годы реформы повысились доходы у всех категорий населения. Характеризуя разницу в доходах городского и сельского населения, они предлагают обращать внимание на то, что наиболее существенной дифференциация выглядит, если сравнивать доходы сельского населения с доходами коренных городских жителей, у которых, кроме более высокой зарплаты, существуют еще и различные льготы, в итоге чего разрыв из примерно трех раз может вырастать до шести раз.

В то же время обращается внимание на то, что за последнее время меняется уже установившаяся в предшествующие годы иерархия богатения: вначале восточные — затем центральные — на-

конец, западные регионы. Сейчас довольно часто западные регионы опережают центральные, но восточные регионы по-прежнему находятся впереди. Одновременно меняется величина разрыва, если сопоставлять ее как межрегиональную и внутрирегиональную: если еще не так давно разрыв межрегиональный заметно обгонял разрыв в доходах населения внутри регионов, то сейчас разрыв в доходах населения внутри одного региона может в 2—3 раза превышать разрыв межрегиональный. Конечно, из-за такого близко видимого разрыва в доходах населения, как отмечалось, невольно растет ненависть более бедных слоев населения к богатым.

О серьезности подхода китайских ученых к проблемам, рожденным рыночными реформами, свидетельствует их пристальное внимание к вопросам распределения, в частности, к тому, в какой мере меняются в доходах предприятий соотношения между оплатой по труду и прибылью предприятия. Предлагается под постоянным контролем держать долю первоначального распределения, т. е. распределения по труду, с тем чтобы, как они говорят, «не допускать роста эксплуатации трудящихся», снижая долю зарплаты в угоду рентабельности предприятия. Именно таким образом и может реализовываться на практике идея «социального контроля над производством».

Подчеркивается также бережное отношение нынешнего руководства страны к высококвалифицированному труду ученых — заработок профессора университета учитывает не только его ученую степень, но и дополнительные нагрузки и составляет примерно 3 тыс. долл. в месяц.

Самым серьезным дестабилизирующим фактором по мере углубления рыночных преобразований стал убыстряющийся рост безработицы в связи с более решительным, чем раньше, вторжением их в государственный сектор. Реальным способом ликвидации убыточности крупных и средних государственных предприятий явилось целенаправленное сокращение числа занятых на них, а также ужесточение борьбы с хроническими должниками путем более строгого соблюдения правил о банкротстве, принятых соответствующим законом еще в 1986 г. В итоге в 1996—1997 гг. резко увеличилось число зарегистрированных банкротств (до 2 тыс. ежегодно), количество уволенных с государственных предприятий выросло до примерно 13 млн человек. Главным способом противодействия росту безработицы в последние годы стала разработка и реализация на общегосударственном уровне программы повторного трудоустройства.

Постепенный рост безработицы создавал массу проблем по выплате пособий по безработице все годы реформы. С середины же 1990-х годов данная проблема стала одной из наиболее серьезных, влияющих не только на материальное благополучие, но и на настроение людей. Несмотря на то что попавшие под сокращение работники госсектора получают пособие сроком до двух лет (на практике этот срок часто продлевается) в размерах, приближенных к минимальной зарплате, в последнее время нарастает «тоска» по тем дореформенным временам, когда доходы не увеличивались, но зато безработицы не было. Отсюда, как полагаются, и расширение на местах пропаганды прежних, нереформированных идей социализма.

С 2003 г. правительства всех ступеней принимают целый ряд мер по расширению каналов трудоустройства, делая акцент на развитии трудоемких отраслей, средних и малых предприятий, необщественного сектора экономики, сферы услуг. В помощь первичному и новому трудоустройству центральные финансовые органы уже в 2003 г. дополнительно выделили 4,7 млрд юаней, что способствовало перевыполнению намеченных планов. Считая всемерное увеличение рабочих мест непреложным долгом правительства, руководство страны предусматривало в 2004 г. увеличить занятость в городах на 9 млн человек и вновь трудоустроить 5 млн сокращенного персонала, а фактически, как сообщалось на 3-ей сессии ВСНП в марте 2005 г., эти показатели составили 9,8 и 5,1 млн человек [354, 19.03.2004; 15, 16.03.2005, 07.03.2006].

Дотации из центрального бюджета на новое трудоустройство продолжали расти и, отчитываясь о работе правительства на 1-й сессии 11-го созыва в 2008 г., Вэнь Цзябао сообщил, что за последние пять лет в городах страны был трудоустроен 51 млн человек, коэффициент безработицы удержан в пределах 4,6 %, а реальные доходы городского и сельского населения выросли соответственно в 1,8 и в 1,7 раз.

Подводя итоги политики по трудоустройству населения на очередной сессии ВСНП в 2010 г., Вэнь Цзябао назвал ее «более активной» по сравнению с прошлым и характеризующейся «усилением ответственности самого правительства за стимулирование занятости». Из центрального бюджета на нужды трудоустройства в 2009 г. было выделено средств на 59 % больше, чем в 2008 г., была развернута серия мероприятий по обеспечению занятости, по многим каналам создавались рабочие места общественно полезного назначения, выпускников вузов побуждали идти на работу в низовые организации, поступать на военную службу или

проходить стажировку на предприятиях и в непроизводственных организациях. В результате за 2009 г. 21 млн тружеников города и села прошли профессиональную подготовку.

В то же время, оценивая наиболее острые противоречия и проблемы в социально-экономическом развитии страны на перспективу, премьер Госсовета назвал «продолжающийся в целом рост прессинга трудоустройства», сосуществующего одновременно со «структурным дефицитом рабочей силы» [354, 16.03.2010].

Говоря о проблеме занятости в конце первого десятилетия XXI в., ученые КНР обращают внимание на изменение структуры занятости, в частности, на сокращение доли занятых в сельском хозяйстве, т. е. в I подразделении, и увеличении доли занятости во II и III подразделениях. Одновременно они подчеркивают растущую тенденцию изменения структуры занятых внутри каждого из подразделений, а именно то, что за последние годы заметно уменьшается доля людей, занятых физическим трудом, и увеличивается доля тех, кто занимается нефизическим трудом или сочетает то и другое. Нестыковки по ряду таких статистических показателей ученые объясняют тем, что здесь много «скрытого», в том числе нежелания части тех, кто нашел работу, заявлять об этом.

Интересным фактом является то, что по данным обследования 100 городов (такие обследования проводятся в КНР достаточно регулярно), на рынках трудовых услуг примерно 20 % претендентов не могут найти работы, но это, как правило, низкоквалифицированные работники. А вот на квалифицированных и высококвалифицированных работников (в частности, инженеров, экономистов, статистиков) спрос не удовлетворяется и, как правило, он в 2 раза выше, чем предложение. Это, несомненно, является побудительным мотивом к обучению и повышению квалификации для населения страны, а значит, будет способствовать качественному улучшению его социальной структуры.

Глава 7

НА ПУТИ СОЗДАНИЯ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ»

Признание в начале реформы социалистического хозяйства товарным стало рассматриваться в КНР как «коренной прорыв» традиционных взглядов на социализм, «огромный шаг в развитии марксизма», «фундаментальное теоретическое основание» реформы экономической системы [370, 14.07.1987; 109, с. 14]. Подчеркивается, что экономисты-теоретики КНР, отталкиваясь именно от идей товарного производства при социализме, «совершили многие другие находки в экономической теории социализма». Хотя, как обычно бывает в дискуссиях, мнение о товарном хозяйстве при социализме расчищало себе путь в острых и горячих спорах, именно с выдвиганием положения о развитии на основе общественной собственности плановой товарной экономики на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва в 1984 г. связывается отказ от «заимствованных из книг догм о том, что социалистическая экономика не является товарным хозяйством» [386, 1987, № 1, с. 2—3; 370, 14.07.1987].

В качестве точки отсчета новизны собственных взглядов китайские экономисты берут ряд исходных методологических посылок, разработанных в трудах основоположников марксизма-ленинизма, но в первую очередь внимание концентрируется на идее К. Маркса и Ф. Энгельса о неизбежности отмирания товарно-денежных отношений не только при полном коммунизме, но уже на первой фазе его — при социализме. Не оставив без внимания высказывание К. Маркса о том, что «производство товаров и обращение товаров представляют собой явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы» [6, с. 124], что «товарное

производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости» [6, с. 180], китайские ученые показывают, что все же общий подход основоположников марксизма-ленинизма характеризовался тем, что товарная форма хозяйствования, возникнув на развалинах первобытно-общинного строя и достигнув своей вершины при капитализме, должна быть преодолена в условиях непосредственно обобществленного, планомерно организованного социалистического производства.

Действительно, в «Критике Готской программы» К. Маркса сказано: «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство...» [4, с. 18]. Об этом же идет речь у Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге»: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией» [14, с. 294]. Эти же идеи были восприняты В.И. Лениным: «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства» [26, с. 127].

Обращают внимание китайские ученые и на эволюцию взглядов В.И. Ленина по вопросу товарных отношений при социализме по мере получения практического опыта социалистического строительства. Если в дореволюционных работах В.И. Ленина безусловно отрицаются при социализме любые элементы товарного хозяйства («раз остается обмен, о социализме смешно и говорить» [26, с. 127]) и общество мыслится как «один синдикат», а все члены общества как работники и служащие этого синдиката [28, с. 1—119], то в период подготовки и проведения социалистической революции ставится вопрос о необходимости использования советской властью финансово-кредитной системы и денег, но «ее методами, на основании ее законов» для окончательной победы социализма [31, с. 174].

Вынужденный гражданской войной и военной интервенцией переход к политике военного коммунизма с его продрозверсткой свел товарные отношения (так же, как и право на существование

их в экономической теории социализма) к нулю, тем более что в относящемся к 1919 г. проекте программы РКП(б) была поставлена задача по возможности быстрого проведения «самых радикальных мер, подготовляющих уничтожение денег» и замены торговли «планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов» [36, с. 121—122].

То обстоятельство, что в 1921 г. В.И. Ленин называл попытку «непосредственного коммунистического подхода» к задачам строительства социализма «основной причиной глубокого экономического и политического кризиса» в молодой советской республике, что для выхода из этого кризиса на первое место выдвигался «товарообмен, как основной рычаг новой экономической политики» [48, с. 333], китайские экономисты рассматривают как «прорыв» В.И. Лениным в то время прежних представлений об экономическом строе социализма [154, с. 157]. В то же время подчеркивается, что «хотя новая экономическая политика на практике привела к оживлению и имела большой успех, в теории вопрос о том, является ли социалистическое хозяйство товарным, еще не был решен» [125, с. 19; 375, 1984, № 12, с. 3—15].

Отмечая, что после свертывания НЭПа в СССР вновь стала на практике усиливаться «натурализация хозяйственной жизни» и в «сталинской системе хозрасчета», в отличие от ленинской, стоимость, цена, себестоимость и т. д. утратили экономический смысл, оставшись лишь расчетными величинами, китайские ученые все же считают, что вопрос о роли и месте товарно-денежных отношений при социализме получил при Сталине дальнейшее развитие. Вклад И.В. Сталина здесь видится в том, что «и в теории, и на практике он признал существование в социалистическом обществе товарного производства», признал наличие отношений товарного производства и товарного обмена между двумя формами общественной собственности, указывал на необходимость использовать закон стоимости.

Узость взглядов Сталина, по мнению китайских экономистов, выражалась в том, что товарное производство он рассматривал лишь как элемент в социалистической экономике, не допускал его в государственных хозяйствах, считал, что средства производства, обмениваемые внутри общенародной собственности, не могут быть товарами, что товарное производство и товарный обмен надо ограничивать небольшими рамками, главным образом, потребительских товаров [154, с. 157—159; 125, с. 19]. «Поэтому, — заключает, например, Ма Хун, — можно сказать, что Сталин никогда не считал, что социалистическая экономика является такой

плановой экономикой, в которой должны получить широкое развитие социалистическое товарное производство и товарный обмен. Хотя в субъективном отношении он, возможно, хотел создать экономику “производства продуктов”, о которой писали Маркс и Энгельс (по словам Маркса, экономику “свободного обмена”), или по крайней мере “полупродуктовую экономику”, на практике он смог создать только натуральную и полунатуральную экономику» [125, с. 19; 375, 1984, № 12, с. 3—15].

В других случаях сформировавшаяся при И.В. Сталине экономика называется «плановой экономикой производства продуктов» или «плановой экономикой производства продуктов, включающей элементы товарного производства». При этом подчеркивается, что сам поворот после НЭПа с его активизацией рычагов товарного хозяйства к созданию «плановой экономики производства продуктов» был продиктован не только объективными обстоятельствами (высокие темпы индустриализации, необходимость накоплений, напряженность в рыночном обеспечении, вздувание цен и т. п.), но и тем, что в отличие от В.И. Ленина, пересмотревшего в последние годы жизни взгляды на товарное производство при социализме, И.В. Сталин в главном остался верен представлениям на этот счет классиков марксизма [154, с. 157—158].

Подчеркивается, что представления И.В. Сталина о товарном производстве при социализме оказали огромное влияние на китайских ученых и практиков, и в течение долгих лет на основе этих представлений в стране организовывался воспроизводственный процесс и осуществлялось распределение общественного труда и продукта. Первое осознание недостатков этой системы связывается с обобщением итогов 1-й пятилетки, работой Мао Цзэдуна «О десяти важнейших взаимоотношениях», проведением VIII съезда КПК в 1956 г., предложениями Чэнь Юня о развитии товарного производства в стране.

Действительно, в работе «О десяти важнейших взаимоотношениях» Мао Цзэун указывал, что «сосредоточивать все и вся в руках центра или провинций и городов и не предоставлять предприятиям никаких прав, никакой возможности для маневрирования и никаких выгод — вряд ли целесообразно», что через практикуемые в СССР обязательные поставки и другие мероприятия у крестьян забирается слишком много продукции, причем по исключительно низким ценам, а это подрывает производственную активность крестьян. Поэтому, как подчеркивается, политика КПК в отношении крестьянства, в отличие от советской, должна

учитывать интересы крестьян и прежде всего заботиться о сохранении относительно невысокого сельскохозяйственного налога, сокращении «ножниц цен», осуществлении эквивалентного или почти эквивалентного обмена [115, т. 5, с. 347—348].

Не шараясь от слова «товар» призывал Мао Цзэдун и в период «большого скачка». Причем характерно, что в эти годы он критиковал тезисы И.В. Сталина о том, что средства производства при социализме не являются товаром и сельскохозяйственная техника не может быть продана крестьянам, указывал на необходимость всемерного развития в Китае товарного производства и использования закона стоимости.

Однако принимаемые под его руководством директивы по развитию самообеспечивающихся хозяйств сводили рассуждения о необходимости использования закона стоимости на нет. По сути, под товарным производством подразумевалось производство продуктов для собственного обеспечения и для сдачи государству, но не на основе «эквивалентного или почти эквивалентного обмена», а в качестве обязательных поставок по минимальным ценам. Одновременно целенаправленно ликвидировались такие объективные основания для существования товарного производства, как наличие различных собственников (ускоренное обобществление имело целью создание по всей стране единой общенародной собственности) и общественное разделение труда (реализовывался лозунг «опоры на собственные силы» в рамках отдельных хозяйств).

На опасность для страны такого рода практики как раз и указывал Чэнь Юнь на VIII съезде КПК, когда его выступление прозвучало диссонансом на фоне общей эйфории от процесса ускоренных преобразований в сфере социалистической собственности в 1955—1956 гг. На современном этапе предложенную Чэнь Юнем на VIII съезде серию мероприятий по оживлению экономики и исправлению ошибок, допущенных в процессе ускоренного обобществления хозяйств, назвали «программой по развитию товарного производства», которая тем более интересна, что фактически подетально стала реализовываться в практике хозяйственной реформы КНР, т. е. через 25 лет после ее выдвижения. Суть этих мероприятий сводилась к следующему.

Во-первых, к изменению отношений закупок и сбыта между промышленными и торговыми предприятиями. Предлагалось: 1) в отношении продукции, влияющей на национальное благосостояние народа и имеющей простые стандарты (пряжа, хлопчатобумажные ткани, уголь, сахар и т. д.), осуществлять централизован-

ные закупки и сбыт, чтобы обеспечить снабжение и стабилизировать рынок; 2) в отношении товаров первой необходимости, имеющих большой ассортимент, постепенно прекращать централизованные закупки и сбыт и осуществлять переход на выборочную закупку, связывая ее с качеством товаров и наличием спроса.

Во-вторых, к рассредоточению производства и хозяйственной деятельности значительной части промышленности, ибо с точки зрения удовлетворения потребностей рынка крупные предприятия не смогут быть такими же гибкими, какими являются мелкие предприятия до их объединения. Предлагалось перейти от совместной ответственности всего кооператива за прибыли и убытки к раздельной ответственности каждой кооперативной группы или каждого члена кооператива, а также на длительное время сохранить метод индивидуального ведения хозяйства мелкими торговцами и лоточниками внутри кооперативных групп.

В-третьих, к ликвидации монополизации снабженческо-сбытовыми кооперативами всех закупок на местах. Предлагалось наряду с сохранением централизованных закупок зерна, технических культур и важнейших продуктов сельскохозяйственных подсобных промыслов разрешить свободные закупки и распродажу мелкой продукции местного производства.

В-четвертых, к рационализации цен и отказу от их «унификации» или «замораживания». Предлагалось проводить гибкую политику цен, поправить положение с заниженными закупочными ценами, повышать их в зависимости от качества товаров, необходимости освоения новой продукции или стимулирования местного производства и т. д.

В-пятых, к изменению методов планового управления со стороны государства в отношении некоторых видов продукции. Предлагалось, чтобы заводы, производящие универсальные товары широкого потребления, имея государственные планы по объему производства и отчислению прибылей лишь как ориентировочные, могли, исходя из обстановки на рынке и в соответствии с самостоятельно установленными показателями, вести производство, а в конце года отчислять прибыли по фактическому выполнению плана [75, с. 300—314].

Задаваясь вопросом о том, создают ли опасность возврата к свободному капиталистическому рынку выборочные закупки и сбыт части товаров самими производителями, предоставленные многим мелким заводам права самостоятельно вести производство, разукрупнение многих кустарных кооперативов и т. п., Чэнь

Юнь давал отрицательный ответ. Он считал, что в результате проведения вышеупомянутых мероприятий появится отнюдь не капиталистический, а социалистический рынок, который будет «отвечать обстановке в стране и потребностям народа». Фактически он предлагал в области производственной и хозяйственной деятельности на промышленных и торговых предприятиях основной формой иметь государственную и коллективную, но наряду с этим в определенных размерах сохранить единоличную форму хозяйственной деятельности. В области планирования — основную часть промышленной и сельскохозяйственной продукции производить по плану, однако в то же время часть продукции производить свободно, «исходя из обстановки на рынке» и в рамках, допускаемых государственным планом.

Общая схема была обрисована Чэнь Юнем следующим образом: «Плановое производство будет являться основной формой промышленного и сельскохозяйственного производства, а свободное производство, осуществляемое в соответствии с обстановкой на рынке и в рамках, допускаемых государственным планом, будет представлять собой дополнение к плановому производству» [75, с. 313—314].

Не будучи реализованной в 1950-е годы, программа Чэнь Юня по развитию товарных отношений в целях стимулирования экономической деятельности в стране легла в основу хозяйственной реформы на рубеже 1980-х годов. Одновременно произошел всплеск дискуссий по проблемам использования товарно-денежных отношений при социализме вообще, а также по проблемам соотношения плана и рынка в китайских условиях в частности.

Еще задолго до реформы, уже в 1950—1960-х годах, на недопустимость игнорирования в социалистической экономике действия закона стоимости указывал крупнейший экономист страны Сунь Ефан. Именно с идеями натурального хозяйства связывал он один из важнейших пороков экономической теории социализма, выражающийся в том, что экономика социализма мыслится подобно «обществу первобытного коммунизма», т. е. как натуральное хозяйство, в котором отсутствуют категории абстрактного труда, стоимости, цены и денег, из чего проистекает отрицание противоречий и единства между абстрактным и конкретным трудом, индивидуальным и общественным трудом, стоимостью и потребительной стоимостью, затратами и эффектом, а соответственно — отрицание существования и роли закона стоимости, игнорирование хозрасчета, пренебрежение экономической эффективностью, отсутствие подсчета прибылей и убытков.

Многие работы Сунь Ефана по этим вопросам, как написанные давно, так и новые, стали постоянно публиковаться в печати с конца 1970-х годов. В формировании новых подходов в КНР к проблемам товарных отношений при социализме они сыграли огромную роль, но, как подчеркивали позднее китайские ученые, Сунь Ефан «не соглашался с тем, что социалистическое хозяйство по своей природе является товарным». Официальное выдвижение этой теории произошло уже после смерти Сунь Ефана, в 1984 г., в Постановлении ЦК КПК о реформе экономической системы. То есть путь к ней был проложен не сразу.

На первых этапах реформы дискуссии разворачивались в достаточно традиционном русле. Острые критики, как правило, сосредоточивались на господствовавших длительное время взглядах, что товарные отношения в социалистическом обществе являются «зародышевой формой капиталистических производственных отношений», «почвой и условием для появления новой буржуазии», «причиной перерождения социалистических стран в ревизионистские государства», что использование экономических рычагов для стимулирования работы и показателя прибыли в качестве критерия оценки деятельности предприятий — это «перенесение в социалистическую экономику капиталистических методов хозяйствования», что закон стоимости — «специфический закон капиталистического производства» и т. п.

Опровержение этих взглядов строилось, как правило, следующим образом: социалистическое товарное производство и капиталистическое товарное производство имеют коренные различия, поскольку первое базируется на общественной, а второе — на частной собственности на средства производства; различаются они и по сфере действия (при социализме рабочая сила не является товаром), и по характеру отношений людей в производстве; товарное производство не при любых условиях становится капиталистическим, так как важнейшим условием превращения его в господствующую форму хозяйствования является именно появление такого специфического товара, как рабочая сила; капиталистическая прибыль — это прибавочная стоимость, полученная в результате эксплуатации рабочих при господстве частной собственности, а при социализме она является стоимостью, созданной трудящимися для общества в условиях отсутствия эксплуатации; причины «ревизионистского перерождения» социалистических стран кроются не в использовании товарно-денежных отношений, а в деформациях надстройки; закон стоимости является законом всякого товарного производства, а не специфиче-

ским законом капитализма, его действие в условиях капитализма и социализма неодинаково: в первом случае он выступает регулятором распределения средств производства и рабочей силы между отдельными отраслями, обостряет конкуренцию, ведет к поляризации товаропроизводителей, во втором — действует наряду с регулирующим производство законом планомерного, пропорционального развития, играя лишь вспомогательную роль [365, 1978, № 6, с. 65—70; 375, 1978, № 10, с. 25—29; 349, 1978, № 2, с. 9—18; 375, 1978, № 6, с. 44—49].

Характерно, что уже в этот период, т. е. в самом начале реформы, в КНР высказывались и более радикальные (относительно к преобладавшим) идеи. В частности, в программной статье «Действуя в соответствии с экономическими законами, ускорить осуществление “четырёх модернизаций”», опубликованной в октябре 1978 г., Ху Цяому не только писал о том, что «закон стоимости является всеобщим законом товарного хозяйства», ссылаясь на И.В. Сталина и Мао Цзэдуна в той части, где они называли закон стоимости «хорошей» («великой») практической школой, обучающей хозяйственников систематически улучшать методы производства, добиваться рентабельности предприятий, осуществлять хозрасчет, способствуя тем построению социализма, но и не соглашался с тезисом И.В. Сталина, что закон стоимости при социализме не играет роли регулятора производства, а самое большее — имеет некоторое влияние.

Ссылаясь на ряд положений из «Капитала» К. Маркса о роли стоимости при определении и регулировании затрат труда, Ху Цяому делал вывод, что «закон стоимости не может не играть роль регулятора производства при социализме» [354, 06.10.1978]. Ряд других ученых в этот период просто подчеркивали, что закон планомерного, пропорционального развития и закон стоимости, плановые и рыночные методы при социализме не противостоят, а взаимодополняют друг друга [375, 1979, № 5, с. 49].

Постановка по-новому вопросов о роли закона стоимости, самом содержании товарно-денежных отношений при социализме была продиктована практикой экономического строительства, требовавшей и позволявшей, как подчеркивал Ху Цяому, одновременно с государственным планированием использовать через политику цен закон стоимости. Дело в том, что к началу реформ система хозрасчета в стране была фактически разрушена: не производился подсчет затрат ни живого, ни овеществленного труда, ни основных, ни оборотных фондов, ни величины созданной стоимости, ни полученной прибыли или убытков. Игнорирова-

ние рыночных рычагов и абсолютизация роли плана привели к нарушению непосредственной связи между производителями и потребителями, итогом этого стало производство продукции, не соответствующей потребностям общества, в результате чего образовались затоваривание одних ее видов и дефицит других. В результате значительного отклонения цен от стоимости показатели хозяйственной деятельности предприятий ни в коей мере не отражали ни действительных затрат, ни реальных доходов или убытков предприятий.

С отрицанием, а потому неразвитостью рыночных отношений связаны были и постоянные нарушения баланса между снабжением, производством и сбытом, необязательность кооперационных поставок, вынуждавшие предприятия развиваться в направлении универсализации производства. Другими словами, разделение труда, как одна из важнейших предпосылок развития товарных отношений, не углублялось, а сохранялось на довольно примитивном уровне. Не случайно, анализируя ситуацию с развитием товарных отношений в КНР накануне реформы, китайские ученые вспоминали те страницы из «Капитала», где, как они отмечали, «К. Маркс предсказывал, что в условиях общественной собственности производство продуктов, подобное тому, которое ведет Робинзон на необитаемом острове для удовлетворения своих потребностей, осуществится в масштабах общества» [375, 1984, № 12, с. 3—15].

Первые мероприятия реформы были сориентированы на то, чтобы, используя закон стоимости, укрепить систему хозрасчета, в первую очередь наладив учет и контроль натуральных и стоимостных показателей. Это рассматривалось как предпосылка, без которой «нечего и говорить обо всех других мерах по дальнейшему улучшению управления», модернизации его, как этого требовала программа развития экономики до конца XX в. [354, 06.10.1978].

Для расширения самостоятельности предприятий предлагалось уменьшить число планируемых сверху показателей, ориентироваться больше на направляющее планирование и рыночный спрос. В сфере распределения и использования материальных ресурсов вопрос был поставлен о том, чтобы за исключением небольшого круга дефицитных материальных ресурсов, требующих государственного регулирования, все остальные продавались и покупались на рынке, чтобы обращение средств производства постепенно переводилось на торговую основу, развивалась контрактная система и т. п.

В качестве ближайшей меры предлагалось вместо безвозмездного бюджетного обеспечения осуществить принцип платного использования фондов. При этом подчеркивалось, что превращение безвозмездного использования средств в возмездное означает, прежде всего, взимание по определенным государством ставкам налога за использование той части фондов, которые были созданы на финансовые ассигнования государства, что в условиях сравнительной самостоятельности в финансовых делах предприятие должно подумать о постепенном отходе от метода бюджетного финансирования капитального строительства и части оборотных средств, что проблема инвестиций на капитальное строительство должна все в большей степени решаться путем банковского кредитования, а оборотные средства должны в полном объеме заимствоваться как кредит [375, 1979, № 5, с. 47—52; 109, с. 158—160; 365, 1979, № 8, с. 18—19]. В связи с этим по-новому предлагалось решать и вопрос с амортизационными отчислениями: повысить норму амортизации и не отчислять подавляющую часть этих средств государству, как это было ранее, а оставлять их на предприятии в целях реконструкции и обновления оборудования. Одновременно был поставлен вопрос о необходимости изменить прежний порядок отчисления практически всей прибыли государству: оставлять часть ее на предприятиях, с тем чтобы повысить заинтересованность последних в повышении эффективности своей деятельности.

Для расширения прав предприятий в сфере использования трудовых ресурсов предлагалось осуществлять систему набора кадров по контрактам вместо прежнего пожизненного найма, разрешить в определенной мере ранее не допускавшийся свободный выбор места работы, регулировать предложение и спрос на рабочую силу экономическими методами, а также сокращать лишних работников, добиваясь оптимизации количества занятых. В то же время, учитывая в целом очень остро стоящий вопрос трудоустройства, рекомендовалось отыскивать новые способы занятости, например, расширять сферу обслуживания, осуществлять переподготовку кадров, экспорт трудовых услуг и т. д.

Из признания необходимости активизации товарно-денежных отношений логически вытекала постановка вопроса о конкуренции в социалистическом обществе. Отвергая бытовавшее утверждение, что конкуренция — явление, свойственное только капитализму, китайские экономисты стали подчеркивать, что на самом деле — это категория товарного хозяйства как такового, что отрицание конкуренции равносильно отрицанию существо-

вания закона стоимости, что противостояние производителей на рынке стимулирует усилия к улучшению качества товаров и снижению их себестоимости, а значит, играет активную роль в совершенствовании техники, технологии, хозяйственного управления и повышает производительность труда.

Разница между рыночной конкуренцией при социализме и капитализме виделась в том, что в первом случае она базируется на единстве коренных интересов всех членов общества, тогда как во втором — эти интересы противостоят друг другу; доказывалось, что социалистическая конкуренция не отрицает, а предполагает сотрудничество, а также ограничивается законом. В то же время утверждалось, что, имея сходство с социалистическим соревнованием, конкуренция при социализме отличается от него тем, что обязательно тесно увязывается с материальными интересами конкурирующих, а потому предполагает отсеивание отстающих [375, 1979, № 5, с. 52—53; 109, с. 164—166].

В качестве такой же органической части рыночного механизма, как и конкуренция, стала рассматриваться и гибкость цен. Были подвергнуты критике представления о стоимостных категориях при социализме как о сугубо организационно-технических формах, полностью лишенных своего специфического товарного содержания и, в частности, о цене как исключительно орудии расчета, денежной форме товара, не отражающих его стоимости. Подчеркивалось, что длительное время, именно исходя лишь из удобства расчетов, искусственно «замораживались» цены, что привело к их существенному отрыву от стоимости, а также к тому, что они совершенно не отражали реального соотношения между спросом и предложением. Для изменения существующего положения предлагалось не только сокращать «ножницы цен» и осуществлять меры по урегулированию соотношения цен на продукцию ведущих отраслей народного хозяйства, но и предоставить предприятиям право на использование плавающих, договорных цен, установление их с учетом спроса и в соответствии с затратами, т. е. на основе цены производства.

Постановка всех этих вопросов о расширении сферы действия товарно-денежных отношений в КНР шла параллельно с осуществлением мер по децентрализации управления, расширению финансовой и хозяйственной самостоятельности предприятий, сужению сферы централизованного планового руководства и распределения. Идею «сычуаньского эксперимента», начатого еще в конце 1978 г. (охватывал 100 промышленных и транспортные предприятия пров. Сычуань), в 1980 г. подхватили уже 6600

промышленных предприятий страны, или 16 % их общего числа. Было сокращено число планируемых сверху показателей, расширены права на распоряжение сверхплановой продукцией, начался эксперимент по замене отчислений от прибыли налогом, в ряде министерств вводились плавающие цены, стали открываться рынки средств производства, было принято Временное положение Госсовета КНР о развертывании конкуренции во всех районах и отраслях страны и т. д.

Дав импульс оживлению хозяйственной деятельности, меры эти в то же время привели в условиях неразвитости управленческой структуры к целому ряду негативных явлений. Одним из главных следствий политики расширения местной инициативы и хозяйственной самостоятельности предприятий стало «рас-таскивание» материальных и финансовых ресурсов на самых различных уровнях. Это создавало дополнительные трудности для централизации средств и распределения их в задуманных пропорциях, хотя и играло потенциально позитивную роль в удовлетворении текущих потребностей на местах. Уже в 1979 г. дефицит прежде, как правило, сбалансированного государственного бюджета составил 17 млрд юаней, в 1980 г., несмотря на все принимаемые меры, этот дефицит удалось сократить лишь до 12 млрд юаней (вместо планировавшегося сокращения до 8 млрд), причем дефицитность бюджета в эти годы была вызвана не только увеличением статей и объемов расходов, но в значительной мере именно недопоступлением по статьям доходов из-за расширения хозяйственной самостоятельности предприятий.

Возникшие трудности уже в начале 1981 г. заставили переставить акценты в новой экономической политике с проведения реформы на урегулирование экономики, с дальнейшего расширения самостоятельности предприятий на усиление контроля на макроуровне. С 1981 г. стала активно вводиться «система производственной ответственности», устанавливающая для предприятий строгие обязательства по перечислению прибыли государству, в 1982 г. для обеспечения устойчивого роста финансовых поступлений в государственный бюджет было предложено повсеместно заменить систему отчислений от прибыли налогами, была определена ставка подоходного налога в размере 55 % от полученной прибыли для средних и крупных государственных предприятий, участилось использование административных мер.

Соответствующий характер приняли и вновь развернувшиеся дискуссии. Формулировка «сочетать плановое и рыночное регулирование» была признана неудачной как ставящая в один ряд

плановые и рыночные рычаги. Подчеркивалось, что «в дискуссиях последних лет некоторые товарищи, стремясь обратить внимание на забытые в течение долгого времени товарное хозяйство и рыночное регулирование, пренебрегали отношениями плана и рынка как главного и второстепенного, и даже меняли их местами [352, 10.06.1982]. Соглашаясь с тем, что свертывание товарно-денежных отношений в течение 20 лет, предшествовавших 3-му пленуму ЦК КПК 11-го созыва, нанесло огромный вред народному хозяйству страны, китайские ученые утверждали, что в начале реформы «наступил такой период времени, когда стала наблюдаться, наоборот, переоценка роли рынка, и если такая точка зрения закрепится, то может возникнуть противоречие между плановым и рыночным регулированием экономики, что породит явление рыночной анархии» [375, 1982, № 7, с. 5]. Соглашаясь с необходимостью расширения самостоятельности предприятий, ученые-экономисты в то же время предостерегали против ее бесконтрольности, против превращения прибыли в единственный побудительный мотив деятельности предприятий, указывая, что самостоятельность предприятий должна находиться «в рамках государственных планов и государственных законов», что обязательно должны соблюдаться правильные пропорции между той частью средств, которая поступает в распоряжение государства, и той, которая остается на предприятии. Признав, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий явилось одной из причин сокращения финансовых доходов государства и обострения дефицита средств для строительства важнейших народнохозяйственных объектов, китайские ученые в то же время соглашались, что одновременно произошло и уменьшение финансового бремени государства, поскольку предприятия стали сами решать многие вопросы, которые раньше за них должно было решать государство. А потому общий вывод был тот, что без реформы финансовых трудностей было бы еще больше.

Для ликвидации негативных явлений, связанных с распылением финансовых средств, рекомендовалось временно расширить сферу действия директивного планирования, сохраняя его до тех пор, пока в народном хозяйстве КНР существуют серьезные проблемы, решить которые с помощью рыночных рычагов невозможно. Но при этом предлагалось, чтобы в будущем, по мере урегулирования экономики, сфера действия директивного планирования все же постепенно сокращалась, а расширялась сфера направляющего планирования, в обязанности которого

следует включить и контроль за свободным производством и рынком [354, 06.09.1982].

В обсуждении проблемы товарных отношений при социализме центральное место занял вопрос о «правильном соотношении плана и рынка», недопущении крена ни в одну, ни в другую сторону. Сформулирован данный вопрос был так, как это сделал Чэнь Юнь еще в 1950-х годах: «план — основное, рынок — дополнение». В первые годы реформы Чэнь Юнь дал следующее образное разъяснение этой краткой формуле, где рынок уподоблял птице, а план — клетке для нее: «Птицу нельзя зажать в руке, она может погибнуть, надо позволить ей летать, однако летать ей можно позволить только в клетке, когда не будет клетки, птица улетит. Если птица — это оживление экономики, то клетка — это государственный план» [354, 03.12.1982].

Очень похожим образом ставили этот вопрос уже в начале реформы известные экономисты страны Лю Гогуан и Чжао Жэньвэй. В 1979 г. в статье, посвященной соотношению между планом и рынком в социалистической экономике, они писали, что толкование плана и рынка в социалистической плановой экономике как несовместимых и отрицание возможности их соединения основываются на двух различных крайностях: первая — утверждение, что социалистической экономикой является только то, что сверху донизу охватывается планом, вторая — утверждение, что только рынок отражает общественные потребности, а план является бюрократическим инструментом, препятствующим удовлетворению рыночных потребностей. Отвергая эти крайности, ученые указывали на неидентичность планового руководства в условиях использования рыночного механизма с бюрократическим управлением, поскольку такое плановое руководство не опирается на административные распоряжения и «волю начальства», а реализуется и корректируется через рынок. При этом они, говоря о соотношении плана и рынка, приводили такое образное сравнение: «Принятие решений в условиях планирования подобно рассмотрению проблем с макушки горы, принятие решений в рыночных условиях — рассмотрение проблемы, стоя в горном ущелье. Первые видят неотчетливо детали, однако могут комплексно охватить все в целом, последние не видят всю картину, однако видят очень детально все, близко расположенное» [375, 1979, № 5; 109, с. 169]. Считая, что подобно этому в государственном плане особое внимание уделяется учету интересов целого, а на рынке выбор каждого производителя и потребителя диктуется индивидуальной и локальной выгодой, ученые делали вы-

вод, что для согласования интересов общества в целом и каждого его члена в отдельности «требуется как механизм рыночного регулирования, так и единое плановое регулирование, нельзя основываться на интересах только одной стороны; в соединении плана и рынка абсолютно нельзя игнорировать руководящую роль плана» [109, с. 170].

На состоявшемся в 1982 г. XII съезде КПК подход, требующий «отводить главную роль плановому хозяйству и вспомогательную — рыночному регулированию» получил официальное подтверждение [69, с. 33—37]. Отметив, что за последние годы были получены ощутимые результаты благодаря расширению прав предприятий и использованию рыночных регуляторов, съезд в то же время указал на недопустимость ослабления единого государственного планирования, призвав в то же время варьировать методы планового руководства в зависимости от конкретных условий места и времени. В общих чертах на съезде были определены сферы директивного, направляющего планирования, а также рыночного регулирования. В принятой в конце 1982 г. Конституции КНР было записано: «Государство осуществляет плановое хозяйство на основе социалистической общественной собственности. Посредством комплексного сбалансирования хозяйственных планов и вспомогательной роли рыночного регулирования государство обеспечивает пропорциональное, гармоничное развитие народного хозяйства» [81, с. 15].

Идеи об отведении главенствующей роли плану и вспомогательной — рыночному регулированию в реформе экономической системы КНР преобладали до принятия на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1984 г. Постановления ЦК КПК о реформе хозяйственной системы. Указав на огромный успех реформы в деревне, где хозяйство стало «поворачивать в сторону специализации, товарности и модернизации», на настоятельную потребность «расчистить каналы обращения между городом и деревней», Постановление в качестве центральной задачи назвало оживление хозяйственной деятельности примерно 1 млн городских предприятий, на которых занято более 80 млн рабочих и служащих, налоги и прибыли которых обеспечивают свыше 80 % всех финансовых доходов государства. Для этого предлагалось действительно сделать предприятия «относительно самостоятельными хозяйственными организациями, социалистическими товаропроизводителями и товарохозяйственниками, работающими на началах самохозяйствования и самокупаемости, чтобы они приобрели способность к самопреобразованию и саморазвитию, ста-

ли юридическими лицами, наделенными определенными правами и обязанностями» [354, 24.10.1984].

Для достижения этого рекомендовалось «прежде всего отказаться от традиционного представления, противопоставляющего плановое хозяйство товарному, и ясно понять, что социалистическое плановое хозяйство обязано сознательно опираться на закон стоимости и применять его, что оно является плановым товарным хозяйством, основанным на общественной собственности» [354, 24.10.1984]. При этом подчеркивалось, что «полное развитие товарного хозяйства является неминуемым этапом развития общественного хозяйства» и необходимым условием осуществления модернизации экономики КНР. Признав, что и в условиях социалистического товарного хозяйства может появиться известная анархия в производстве, а потому необходимы плановое руководство, регулирование и административное управление, Постановление указывало: «В вопросе товарного хозяйства и закона стоимости различие между социалистическим и капиталистическим хозяйством заключается не в том, существует ли товарное хозяйство и действует ли закон стоимости, а в разном характере собственности, в том, существуют ли эксплуататорские классы, являются ли трудящиеся хозяевами страны, во имя каких целей ведется производство, можно ли в масштабе всего общества сознательно использовать закон стоимости и насколько велика сфера, охватываемая товарными отношениями. У нас, при социализме, рабочая сила не есть товар, товаром не являются также земля, рудники, банки, железные дороги и все другие государственные предприятия, а также природные ресурсы» [354, 24.10.1984].

Подводя итоги практическим результатам реформы в сфере развития товарных отношений со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.), Постановление отмечало, что в целом в КНР ведется плановое товарное, а не рыночное хозяйство, полностью регулируемое рынком; что рыночное регулирование охватывает в основном часть продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, мелкие предметы повседневного обихода, а также некоторые услуги населению. В то же время подчеркивалось, что ведение планового хозяйства не означает отведения главного места директивным планам, что конкретными формами планового хозяйства являются и направляющие планы, базирующиеся главным образом на использовании экономических рычагов.

Установки 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (1984 г.) на будущее состояли в том, чтобы постепенно сокращать сферу ди-

рекативного планирования и в соответствующей мере расширять сферу направляющего планирования. Директивному планированию подлежала лишь продукция, представляющая наибольшую важность для национальной экономики и жизни народа, и хозяйственная деятельность, затрагивающая общегосударственные интересы. В отношении же огромной массы остальной продукции и остальной хозяйственной деятельности намечалось в зависимости от конкретных обстоятельств осуществлять либо направляющее планирование, либо только рыночное регулирование. В Постановлении 1984 г. план уже не ставился на главное место, а говорилось лишь о необходимости использовать плановое регулирование, предприятие рассматривалось как действительно самохозяйствующий субъект, действие стоимостных принципов расширялось до признания необходимости основывать на них все методы планирования и управления производством, а само товарное производство рассматривалось как объективная основа, внутренне присущая социализму. Такой подход действительно означал «прорыв в экономической теории социализма».

Новизна постановки вопроса — о социалистической плановой товарной экономике — состояла в том, что она не совпадала ни с классическим наследием марксизма по этому вопросу (отрицание товарного производства в социалистической экономике), ни с относящимися к периоду НЭПа ленинскими идеями активного, но временного (до построения социализма) использования товарно-денежных отношений, ни с чаще отвергающими социализм, а не ищущими совмещения с ним реформационными идеями 1980-х годов во многих странах бывшего социалистического мира.

Дело в том, что в годы НЭПа в СССР всякое усиление роли товарно-денежных отношений и закона стоимости приравнивалось к усилению капитализма. Продиктованный жизнью поворот к новой экономической политике в 1921 г. с заменой продразверстки продналогом, с развитием товарообмена между промышленностью и сельским хозяйством, с последующим созданием «государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения» [58, с. 207—208], действительно, означал не что иное, как признание ошибочности прежних предположений о возможности «непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране» [54, с. 151] и одновременно «неизбежности и необ-

ходимости» использовать для построения социализма рынка и рыночных отношений. Однако этот шаг рассматривался как отступление к капитализму («оборот есть свобода торговли, есть капитализм» [51, с. 244]), и В.И. Ленин подчеркивал, что положение о необходимости использования торговли в практике строительства социализма явилось для коммунистов «весьма неприятным открытием» [53, с. 309—310].

В мировой практике социалистического строительства постановки вопроса о товарных отношениях при социализме, близкие к официальным китайским периода после 1984 г. (в социалистических странах пик дискуссий по этим вопросам пришелся еще на 1960-е годы), как правило, классифицировались как «забвение коренных черт социализма». Характерно, что и в КНР, несмотря на то, что подход к признанию социалистического хозяйства товарным был постепенным, первой реакцией в теоретических кругах на Постановление ЦК КПК о реформе экономической системы был вопрос: «Не меняет ли это социалистической направленности развития Китая, не означает ли осуществления капиталистической рыночной экономики?».

Давая разъяснения по этому вопросу, некоторые китайские экономисты призывали не путать понятия «товарное хозяйство» и «способ производства»: тот или иной способ производства, определяемый господствующим типом собственности на средства производства, соответствует определенной общественно-экономической формации, а товарная экономика — вовсе не одна из них, а одна из форм взаимных хозяйственных связей между различными собственниками. В качестве антипода товарной экономики можно рассматривать лишь натуральное хозяйство. Социалистическое же хозяйство отнюдь не является таковым, его товарный характер определяется и существующим разделением труда, и наличием различных собственников средств производства и производственного продукта, и различными экономическими интересами внутри одной собственности. Даже между государственными предприятиями существуют отношения товарно-денежного обмена, поскольку сохраняются различия в характере труда, последний все еще остается средством существования отдельного человека. В таких условиях отношения между различными предприятиями не могут не быть опосредованы принципами товарного обмена, а значит, естественно, обладают товарностью. При этом подчеркивается, что длительный спор по этим вопросам в социалистическом мире разрешила уже сама практика.

Аргументация такого рода подводила и к более радикальным выводам: если через капитализм «перескочить» можно, то через этап развития товарной экономики нельзя. Поэтому для Китая, не прошедшего периода развития капиталистического товарного производства, необходимо решить задачи, выполненные этой формой экономики, но минуя этап капитализма, а следовательно, путем развития социалистической плановой товарной экономики.

Социалистическая плановая товарная экономика стала рассматриваться в КНР как целевая модель хозяйственной реформы, предполагающая полную хозяйственную самостоятельность предприятий, замену директивного планирования направляющим, свободную (при сохранении за государством лишь регулирующих функций) куплю-продажу на рынке не только предметов потребления, но и средств производства, создание рынков фондов, науки и техники, рабочей силы, информации, установление цен на основе спроса и предложения, состязательность (конкуренцию) на внутреннем и внешнем рынках. По мнению китайских ученых, такая модель может обеспечить экономическую активность на микроуровне при макроконтроле государства.

Идея о товарном хозяйстве как сущности социализма вынашивалась практикой хозяйственной реформы КНР, последовательные шаги которой были направлены на создание заинтересованности непосредственных производителей в результатах хозяйственной деятельности. Практика показывала, что предоставление самостоятельности предприятиям при неразвитости рыночной системы так или иначе толкает их вновь на иждивение государства, что установление всякого рода регулирующих налогов сводит собственные финансовые возможности предприятий к минимуму, что договорные отношения между предприятиями в условиях дефицитной экономики оборачиваются фактическим отсутствием у них права самостоятельного выбора партнера (выбор за него делает государство), а потому на усиление контроля на макроуровне предприятие моментально отзывается снижением производственной активности.

Направлялись выводы о том, что в условиях существующего «вывиха» рыночного механизма (включая цены, налоги, курсы валют и т. д.) и крайне слабой ответственности предприятий за результаты хозяйственной деятельности трудно рассчитывать на то, что микроэкономика адекватно реагирует на шаги, принимаемые на макроуровне.

Практическая деятельность все эти годы шла в КНР именно в том направлении активизации товарно-денежных отношений, о котором горячо спорили китайские ученые. Номенклатура промышленной продукции, планируемой Госпланом КНР, сократилась с более чем 160 наименований перед началом реформы до 123 видов в 1980 г. и до 60 — в 1985 г.; доля бюджетного финансирования с 76,6 % в 1978 г. уменьшилась до 31,6 % в 1986 г.; число централизованно распределяемых видов материальных ресурсов с 256 наименований в 1979 г. сократилось до 65 в 1984 г. и до 20 в 1986 г.; количество видов продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, подлежащих плановым закупкам и распределению, сократилось с 29 до 10, директивно планируемой экспортной продукции — с 70 до 36 и т. д. К середине 1980-х годов от 30 до 40 % валовой продукции промышленности охватывало направляющее планирование, значительно расширилась сфера рыночного регулирования: по рыночным каналам реализовывалось около 50 % производимого в стране угля, 40 % стального проката, 60 % древесины, 75 % цемента, закупалось около 44 % всего сырья [124, т. 1, с. 109, 493; 354, 03.12.1984; 03.07.1987; 381, 1985, № 4, с. 7; 370, 12.10., 20.12.1985; 26.02.1986].

Сужение сферы централизованного материально-технического снабжения способствовало активному развитию рынка средств производства. Первый центр по продаже средств производства был создан в Шанхае в 1979 г., в 1984 г. их насчитывалось 96, в 1985 г. — 644, в 1987 г., когда они функционировали уже в 79 городах, — 844. Вначале на рынки средств производства шла небольшая часть внеплановой продукции государственных предприятий, но по мере сокращения сферы директивного планирования и активизации деятельности индивидуальных и частных предприятий объем деятельности таких рынков стал расти, но поскольку предложение средств производства на рынках значительно отставало от существующего на них спроса, рыночные цены нередко в 2—3 и более раз превышали государственные.

Сокращение доли бюджетного финансирования, переход предприятий на новые формы хозяйствования (различные виды подряда, аренду и т. п.), а также возможность приобретения средств производства на рынке влекли за собой увеличение потребности в денежных средствах. В то же время в результате децентрализации управления возросли собственные средства предприятий, расширились местные финансы, увеличилась маневренность финансовых ресурсов учреждений и организаций, стало больше денег у населения на руках, т. е. появилась объективная

основа для расширения масштабов денежного обращения, формирования рынка кредитно-денежных средств. Несмотря на существенное увеличение банковского кредитования (для промышленных предприятий суммы банковских кредитов с 1978 по 1988 г. выросли почти в 6 раз), потребность в кредитах росла быстрее, чем возможности банков. Поэтому все в большей мере получали развитие кредитные кооперативы в городе и деревне, расширялся выпуск облигаций и акций, стали создаваться фондовые биржи.

В связи с обретением возможности самостоятельного выбора места работы и введением в стране с 1986 г. «системы контрактации», предполагающей наем администрацией рабочих по контракту на несколько лет, в КНР стал формироваться рынок рабочей силы. Наиболее распространенной формой его, начавшей развиваться в первые же годы реформы, стали компании трудовых услуг, а также своеобразные биржи труда, где ищущие работу могли быть наняты частными предпринимателями или заключить контракт с предприятиями через их представителей. Наибольшее развитие получил рынок потребительских товаров: быстрый прогресс в сельском хозяйстве и производстве товаров народного потребления позволил сократить, а затем и ликвидировать (в зависимости от места, времени и ситуации) существовавшее нормированное распределение, создать по всей стране рынки сельскохозяйственной продукции (как розничные, так и оптовые); значительные позиции в розничной торговле стали занимать индивидуальные и коллективные предприятия, благодаря использованию различных форм подряда и аренды активизировала свою деятельность государственная торговля.

Задаваясь вопросом о том, почему «именно тогда, когда начали реально вводить планово-рыночный механизм регулирования», КНР не стала сразу ощущать «должной полной отдачи от этого», китайские ученые находят причины в противоречиях сформировавшегося в стране «частичного рынка», считая, что планово-рыночная система может быть эффективной только в случае ее «целостности» [383, 1986, № 2, с. 43—53; 109, с. 175]. В связи с этим подчеркивается необходимость открытости рынка, обязательного присутствия в нем рынков средств производства, денежных средств, рабочей силы, предметов потребления, техники и информации, тесной взаимосвязанности их всех, формирования единой системы рынка.

Признается, что происходящее в ходе реформы развитие многообразных по формам собственности типов хозяйств, существ-

венно расширяя сферу товарно-денежных отношений, является «отправным моментом» в формировании системы рынка. Задаче создания единого социалистического рынка в стране подчинена и конечная цель расширения самостоятельности предприятий — превращение их в товаропроизводителей, лично отвечающих за свои прибыли и убытки. В то же время основные трудности в реализации цели создания единого социалистического рынка связываются с медленным осуществлением реформы отношений собственности, главным образом государственной. Поскольку все ресурсы предприятий общенародной формы собственности находятся в собственности государства, предприятия не могут организовывать горизонтальное перемещение ресурсов в соответствии с потребностями рынка. Поэтому внутри общенародной формы собственности рынки средств производства, финансовых средств и рабочей силы развиваются с большим трудом, а подобная ситуация ограничивает развитие рынка и в обществе в целом. Так как в существовании традиционной общенародной собственности видится основная причина трудностей с созданием системы рынка в Китае, реформа государственной собственности все чаще рассматривается как решающее условие создания целостной, конкурентоспособной рыночной системы.

Большое значение в создании единой системы социалистического рынка в КНР стало придаваться развитию горизонтальных хозяйственных объединений, способных преодолеть монополизацию и раздел рынков, остающихся тормозом специализации и кооперирования производства и повышения конкурентоспособности товаропроизводителей. На Всекитайском совещании по экономической реформе в городе, состоявшемся в марте 1986 г., развитие горизонтальных связей было названо «одним из основных условий развития товарного производства», по существу, с ним связывалась возможность подготовки своеобразной инфраструктуры реформы, способной расчистить каналы обращения и ускорить создание «единого социалистического рынка».

Обозначившиеся проблемы нашли отражение на состоявшемся в октябре 1987 г. XIII съезде КПК, давшем очередную толчок реформе экономической системы КНР и внесшем новые моменты в понимание социалистического планового товарного хозяйства в КНР. Съезд указал на необходимость «ускорить создание и культивацию системы социалистического рынка», используя конкуренцию и расширение хозяйственных связей; «гармонизировать цены на товары и все важнейшие компоненты производства», переходя к системе государственного управления

ценами на небольшую часть важнейших видов товаров и услуг и рыночного регулирования цен на остальную, довольно значительную часть товаров и услуг; «содействовать дальнейшему развитию горизонтальных хозяйственных объединений» посредством совместного инвестирования, взаимного внесения паев и других форм, создания групп и блоков предприятий, взяв за косяк преимущественно крупные и средние предприятия, ставя на первое место производство высококачественных товаров известных марок и делая упор на ускорение слияния науки с производством.

Подчеркнув, что механизм социалистического планового товарного хозяйства должен воплощать в себе органическое единство планирования и рынка, XIII съезд КПК разъяснил смысл этого единства таким образом: сфера действия планов и рынков распространяется на все общество, и новый рабочий механизм должен действовать по принципу «государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий» [72, с. 33—39].

Сущность этой новой формулы соотношения плана и рынка в социалистической товарной экономике состояла в том, что здесь фактически речь шла уже не о соотношении, а о том, чтобы вся экономика регулировалась рынком и чтобы государство, в свою очередь, полностью контролировало рынок, т. е. взаимосвязь плановых и рыночных регуляторов предполагалась быть осуществленной таким образом, чтобы «вся экономическая деятельность была охвачена рыночными отношениями, но и все рыночные отношения подвергались регулированию и контролю с помощью плана». Предполагалось, что государство станет при помощи экономических, юридических и необходимых административных средств регулировать соотношения между рыночным спросом и предложением, создавать благоприятную экономическую и социальную среду и тем самым подсказывать предприятиям правильные хозяйственные решения. При этом осознавалось, что реализация этой цели требует времени и интенсивной подготовки условий [72, с. 34].

Характерно, что теоретическая проработка формулы «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия» проходила на конференции по проблемам макроэкономического управления, состоявшейся в Пекине еще в сентябре 1986 г. при участии ведущих экономистов страны и представителей Госплана КНР. Обсуждая различные модели реформы плановой системы, китайские ученые предлагали как наиболее целесообразные для реализации в КНР модели, последовательность действий в кото-

рых выстраивалась бы или по цепочке «рынок — предприятие — государство», или по цепочке «государство — рынок — предприятие». В первом случае функции по регулированию экономического движения полностью передаются рынку, а государство максимально сокращает вмешательство в функционирование рынка и принимает меры к разрешению лишь проблем, которые не могут быть решены в рамках рыночного регулирования, т. е. первичное регулирование экономического движения осуществляется рынком, а государство, помогая рыночному регулированию, осуществляет вторичное регулирование. Во втором случае предполагается, что государство регулирует и контролирует рынок, а рынок направляет предприятия, по сути, выступая посредником при осуществлении косвенного контроля и направляющего планирования. При этой модели, считают китайские ученые, рынок проявляет свою регулирующую роль, учитывая выдвинутые государством цели экономического развития, а это чрезвычайно важно по причине безусловной длительности процесса создания рыночной системы.

С помощью принятой на XIII съезде КПК формулы «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия» в КНР предполагали разрешить проблему соединения плана и рынка. В ней выделялись три взаимоувязанных элемента: предприятие, являющееся независимым товаропроизводителем, действующее на основе самокупаемости и самофинансирования; конкурентная рыночная система, охватывающая как средства производства, так и факторы производства, включая финансовый рынок, рынок рабочей силы и др.; система макроэкономического регулирования, основанная на применении косвенных экономических рычагов (налогов, процентных ставок и т. д.). Однако многие ученые страны и в этой модели «неразрывного триединства» видели лишь теоретическую абстракцию, считая, что достичь синхронизации действий на микро- и макроуровне не удастся еще очень долгое время.

В этот период ученые КНР стали высказывать мнение о том, что трудности в реальной жизни порождаются тем, что в процессе перехода от старого хозяйственного механизма к новому возникает некое неустойчивое равновесие. Вызвано оно тем, что старый механизм расшатан, но далеко не устранен, а новый лишь только начинает формироваться и воздействие его на экономику весьма фрагментарно; макроуправление не поспевает за активизацией на микроуровне, поскольку административное воздействие сокращается, а экономические рычаги не налажены, т. е., об-

разно выражаясь, шаги по активизации на микроуровне явно длиннее шагов по созданию системы макроконтроля. Осознавая сложность такой ситуации, китайские ученые в то же время подчеркивали, что специфические особенности Китая, выражающиеся в экономической отсталости, многонаселенности и масштабности страны, неравномерности развития ее регионов и нехватке опыта управленческих кадров, не позволяют действовать быстро, а требуют лишь постепенного продвижения вперед, хотя такое постепенное продвижение и означает длительное сохранение «двойственного» хозяйственного механизма, сулит и долгие трудности на этом пути [354, 04.12.1985].

Анализ реалий хозяйственной жизни наталкивал некоторых китайских ученых на выводы о том, что сосуществование директивного планирования и рыночного механизма в экономической жизни в виде двойственной системы — лишь умозрительная гипотеза, что тенденция к конфликту между ними преобладает, что в условиях двойственной системы любое давление рынка может быть переложено или на государственный бюджет, или на производителя, а потому рыночный компонент может играть лишь дополняющую роль, не превращаясь в альтернативную систему [375, 1987, № 1, с. 14]. В ряде случаев, прямо говоря о несовместимости рыночной экономики и планового хозяйства, заявлялось об отсутствии теоретической основы у китайской реформы, в одностороннем же упоре на рыночное хозяйство, к которому тяготеет реформа, усматривалась неизбежность скорого социально-экономического хаоса [348, 11.04.1986].

После политического кризиса в июне 1989 г. отказа от рыночной ориентации экономической реформы не произошло, однако в вопросе о сочетании плана и рынка акцент вновь сместился к главенствующей роли плана. Причиной тому послужили не только стремление ограничить идейно-политический разброд в обществе, но и объективная потребность усилить макроконтроль из-за нарастания несбалансированности экономики. В ходе продолжавшейся вплоть до 1992 г. политики урегулирования народного хозяйства (объявлена в конце 1988 г.) в КНР фактически шел процесс качественного улучшения того, что уже было достигнуто в реформе, и подготовка к новому решительному шагу на пути к созданию эффективного рыночного хозяйства.

Выдвижение на XIV съезде КПК в 1992 г. в качестве «целевой модели хозяйственной реформы» вместо прежней «плановой товарной» «социалистической рыночной экономики» и в КНР, и среди некоторых зарубежных исследователей было оценено как

«новый прорыв» или дальнейшее развитие идей приемлемости рыночного хозяйства в социалистической экономике.

Действительно ли под новыми терминами подразумевалось допущение «новой, более высокой ступени развития товарного хозяйства», чем это мыслилось в предшествующем теоретическом и практическом поиске? Было ли это «искоренением чувства страха» перед рыночными процессами как таковыми, уже набравшими силу в стране, или же только перед термином «рыночный» применительно к неотвергающемуся и поныне социалистическому выбору Китая?

«Мы создаем систему социалистической рыночной экономики, — подчеркивалось на XIV съезде, — именно для того, чтобы рынок играл базисную роль в размещении ресурсов при осуществлении социалистическим государством макрорегулирования и макроконтроля, чтобы можно было приводить хозяйственную деятельность в соответствие с требованиями закона стоимости, приравнивать ее к изменениям отношений спроса и предложения» [354, 21.10.1992]. Эта, наиболее конкретная по своей сути, характеристика нового термина («социалистическая рыночная экономика») позволяет сделать кое-какие выводы, определить не только длину, но и качество того идейного рывка в экономической теории социализма, который был совершен в КНР за почти 15 лет хозяйственной реформы.

Принятие в 1992 г. курса на ускорение темпов реформы и «создание системы социалистической рыночной экономики» мотивировалось на XIV съезде КПК следующим образом: «Практика показывает, что там, где полностью выявляется роль рынка, экономика обладает могучей жизненной силой и процесс развития идет довольно хорошо. Поэтому, чтобы наша экономика могла оптимизировать свою структуру, повысить эффективность, ускорить темпы развития и включиться в международную конкуренцию, нужно и впредь усиливать роль рыночного механизма» [354, 21.10.1992]. Базисная роль рынка в размещении ресурсов видится в том, чтобы за счет функционирования ценового рычага и механизма конкуренции направлять ресурсы туда, где они имеют наибольшую отдачу, давать импульсы предприятиям, сохранять лучшие из них и отсеивать плохие. С быстрой реакцией рынка на состояние баланса между спросом и предложением связывается возможность «своевременной гармонизации производства и потребностей».

Каркас новой системы социалистической рыночной экономики предложено возводить посредством ускорения процесса

трансформации хозяйственного механизма государственных предприятий (в особенности крупных и средних) через акционирование, подряд, аренду, создание корпораций, а также интенсивного развития рынков всех категорий, расширения сферы рыночного ценового регулирования, формирования более свободной и гибкой системы набора работников и оплаты их труда, усовершенствования системы распределения и социального обеспечения, расширения открытости и более эффективного взаимодействия с зарубежными партнерами и т. п.

Большое значение для создания системы социалистической рыночной экономики придется улучшить и усилению макроэкономического управления. Главными задачами государственного планирования как одного из важных средств макрорегулирования и макроконтроля определены: разработка и осуществление долгосрочных планов и прогнозирование развития экономики, осуществление комплексного баланса, обеспечение строительства важнейших объектов, стимулирование оптимизации структуры экономики. Важным средством для выполнения этого становится усиление инвестиционного макрорегулирования и контроля с помощью кредитов, процентных ставок и прочих экономических рычагов. При продолжении реформы финансово-налоговой системы предписано усилить обязательную силу госбюджета, создать систему отдельных налогов центра и мест, отделить налог от прибыли на госпредприятиях, пополнить кадрами налоговые службы, ужесточить контроль за взиманием налогов и предоставлением тех или иных льгот по ним.

Таким образом, концепция «социалистической рыночной экономики» завершила почти 15-летний теоретический поиск, осуществлявшийся в ходе реформы экономической системы КНР. В то же время, как свидетельствует сопоставительный анализ постановки вопросов по всем ее компонентам, становление рыночной системы в КНР мыслилось практически в тех же самых параметрах уже после принятия Постановления о реформе экономической системы в 1984 г. и особенно — формулы «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия» в 1987 г. Общей мыслью, высказанной ведущими китайскими учеными на международном научном симпозиуме в 1989 г. на основе результатов тогда 10-летнего опыта хозяйственной реформы КНР, была та, что, несмотря на разность принимавшихся в те или иные периоды теоретических формулировок — «плановая товарная экономика» или «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия», — общая цель реформы состояла в

том, чтобы «при условии поддержания макроконтроля осуществлять рыночную хозяйственную деятельность», чтобы «создавать и развивать комплексную открытую рыночную систему, полностью развернув роль рыночного механизма в размещении ресурсов» [180, с. 131, 134]. Эти же самые цели заложены в концепцию «социалистической рыночной экономики», или регулируемой рыночной экономики по своему содержанию.

По существу, в формулировке целевой модели хозяйственной реформы КНР как «социалистической рыночной экономики» речь идет не о новом подходе к степени допущения развития рыночных начал в китайской экономике, а о намерении действительно на практике осуществлять тот решающий шаг по «рыночной» хозяйственной деятельности, который связан с переводом на рыночные рельсы наиболее важного и самого сложного для преобразований блока производительных сил страны — крупных и средних промышленных предприятий государственной собственности, дававших на протяжении всех лет реформы примерно 60 % доходов государственного бюджета.

О необходимости свершения этого шага в КНР было заявлено еще в 1984 г., в 1988 г. вопрос уже стоял ребром, однако нарастающий дисбаланс в народном хозяйстве и политическая нестабильность в 1989 г. при недостаточной апробированности реформой конкретных форм возможной трансформации хозяйственного механизма крупных и средних государственных предприятий откладывали принятие соответствующих решений. Такие решения приняты были лишь после завершения трехлетней политики урегулирования народного хозяйства, во время инспекционной поездки Дэн Сяопина по югу страны в начале 1992 г. и заключения о наличии всех внутренних условий и благоприятной международной среды для ускорения процесса реформы, расширения внешних связей и модернизации.

Подобные заключения на высшем уровне способствовали «дальнейшему раскрепощению сознания». Результатом этого стало «искоренение чувства страха» перед термином «рыночный» применительно к характеристике социалистического хозяйства, сохранявшемуся все предшествующие годы, несмотря на реальное развитие рыночных начал в китайской экономике. Как указывалось на XIV съезде КПК, высказывания Дэн Сяопина в начале 1992 г. относительно того, что плановая экономика не равняется социализму, так как при капитализме тоже есть планирование, а рыночная экономика не равняется капитализму, так как при социализме тоже есть рынок, а потому «несколько большее исполь-

зование планирования либо рынка не служит существенным различием между социализмом и капитализмом” — “радикально сняли оковы” со взглядов на плановую и рыночную экономику как категории основных социальных систем [354, 21.10.1992]. В целях ускорения экономического строительства страны съезд призвал «не сковывать себя абстрактными спорами о том, под каким именем выступают реформы — социализма или капитализма», а смело заимствовать и изучать все передовые методы хозяйствования и управления, которые имеются за рубежом, в том числе и у развитых капиталистических стран, ибо они отражают общие законы обобществленного производства и товарного хозяйства. Подчеркивалось, что зарубежный капитал, ресурсы, технику и технологию, специалистов, а также в качестве полезного дополнения сам частный сектор нужно и можно использовать в интересах социализма, что поскольку власть в руках народа и налицо могучий сектор экономики, основанный на общественной форме собственности, все это не только не повредит социализму, а принесет его развитию одну пользу.

Мотивация такого рода, благословленная главным партийным форумом страны, можно сказать, помогла «окончательно снять» и вопрос о принципиальной несовместимости плана и рынка в основанной на общественной собственности экономике социализма. Если в начале реформы такого рода убеждения можно было объяснить главным образом трудностями расставания с глубоко укоренившимися догматами экономической теории социализма, то сохранение их по мере получения практического опыта реформы — реальными сложностями, связанными с усилением дисбаланса в экономике, непомерным разбуханием потребительского и производственного спроса, безуспешностью попыток превратить государственные предприятия в самохозяйствующие субъекты, действующие на основе самоокупаемости и несущие ответственность не только за прибыли, но и за убытки.

Выводы, сделанные на XIV съезде КПК, позволяли достичь определенного консенсуса в научных кругах и одновременно несли в себе положительный заряд для дальнейшего продвижения по пути реформ. Они также свидетельствовали о том, что, несмотря на объективные хозяйственные трудности, несмотря на теоретические споры, идеологические откаты и зигзаги, рыночные отношения в КНР продолжали развиваться и набирать силу. Правда, публикуемые количественные параметры не всегда отражали качество процессов, и то, что иногда выглядело полной ли-

берализацией, на деле являлось лишь очередным осторожным шагом в сторону рынка.

После официального одобрения концепции «социалистической рыночной экономики», подразумевающей базисную роль рынка в размещении ресурсов страны, многие ученые, именно ссылаясь на снижение долей государственного сектора, директивного планирования, бюджетного финансирования, централизованных материально-технического снабжения и ценового регулирования в общих показателях, а также рост количества рынков всех типов (потребительских товаров, средств производства, финансовых, трудовых ресурсов, техники и технологии, жилья и др.), стали утверждать, что в КНР уже произошел переход в распределении ресурсов от «плана как главного» к «рынку как главному» [375, 1993, № 3, с. 23; 370, 13.11.1992].

Несомненно, что быстрый рост числа субъектов рынка (ими стали сотни миллионов перешедших на семейный подряд крестьян, десятки миллионов единоличников в городах, сотни тысяч частных и совместных китайско-иностранных предприятий) говорил о действительном создании в КНР их «критической массы». Но по цифровым данным об уменьшении числа директивно определяемых показателей, централизованно распределяемых ресурсов и т. п. никак нельзя делать вывод об ослаблении государственного регулирования происходящими в стране процессами «рыночнизации». На деле сохраняется достаточно жесткий контроль государства за рыночными процессами в стране. В арсенале последнего остаются методы и прямого и косвенного регулирования, и чисто административного воздействия. Под его влиянием находятся практически все элементы создаваемой рыночной инфраструктуры: правительство поощряет частное предпринимательство к организации тех или иных видов производств и нередко диктует его параметры; как с помощью административных рычагов, так и кредитно-налоговой политики регулирует процесс инвестиций; принимает меры, направленные на стимулирование или сдерживание «открытости» различных регионов страны; законодательными и экономическими способами ограничивает разбухающий производственный и потребительский спрос; не выпускает из-под контроля либерализацию цен; активно участвует в защите социальных интересов трудящихся на преобразуемых государственных предприятиях.

Мнения о полном разрушении в Китае в годы реформы системы централизованного контроля за экономикой явно неадекватны существующему положению вещей. В приводимых в поль-

зу этого аргумента, например о том, что в системе директивно устанавливаемых заданий осталось не более 7 % показателей промышленного ассортимента, не учитывается их прежняя многочисленность, что позволяет даже оставшимся 5—7 % включать весь набор наиболее значимой для развития страны продукции. То же самое можно сказать и о заметно сократившихся долях контролируемых государством инвестиций, цен и т. п.

В суждениях о резком сокращении государственного участия в экономических процессах страны, делаемых на основе заметного уменьшения доли ВВП в государственном бюджете КНР (в 1996 г. она составила 11,6 %), не учитывается то обстоятельство, что внебюджетные фонды министерств, государственных организаций и местных органов власти значительно (примерно в 3 раза) увеличивают фактическую долю государства в финансировании экономики.

Даже на рубеже XXI в. говорить о том, что в КНР рынок стал играть главную роль в распределении ресурсов, было явно преждевременно. Очевидно еще не время было говорить и о кардинальном изменении способов государственного контроля за народно-хозяйственными процессами. Переход от прямого вмешательства государства в хозяйственную жизнь к созданию системы косвенного макрорегулирования, осуществляемого путем использования различных экономических рычагов, все еще оставался целью, которая была определена при выдвижении в качестве модели реформы экономической системы КНР «плановой товарной экономики», и сохранилась, когда в качестве целевой модели стала выступать «социалистическая рыночная экономика». Но, бесспорно, сделано на этом трудном пути было немало.

За последнее десятилетие в КНР заметно развились рынки потребительских товаров, материальных ресурсов, недвижимости, науки и техники, ценных бумаг, трудовых услуг. Можно сказать, что в стране уже сформировалась достаточно комплексная, но еще не целостная (предполагающая не только наличие многообразных субъектов, но и их продуктивное взаимодействие) система рынков, и самая трудная работа, связанная с разграничением управленческих и хозяйственных функций по вертикали и горизонтали, прояснением и регулированием имущественных отношений на всех уровнях, остается впереди.

Постепенность преобразований в КНР служит основанием некоторым исследователям для заключений о том, что Россия за короткий срок стала значительно более рыночной страной, чем Китай. Если судить о рыночнизации экономики на основании

превалирования стихийных, а не государственно регулируемых рыночных процессов, на основании степени разрушения государственной собственности, то это действительно так. Но если брать в расчет количество появившихся в стране самостоятельных товаропроизводителей, работающих и на обеспечение емкого внутреннего рынка товарами отечественного производства, и на экспорт, способствующий утверждению КНР на мировом рынке, то вывод окажется прямо противоположным.

При существующем в КНР органическом строении капитала (низкая доля овеществленного и высокая — живого труда) степень реальной товаризации прибавочного продукта невелика, а потому процесс создания «социалистической рыночной экономики», предполагающей рынок в качестве главного регулятора распределения ресурсов, может быть только очень долгим. Ускорение его может быть связано лишь с увеличением доли «добровольного изъятия», т. е. выноса на рынок, не столько прибавочного, сколько необходимого продукта. А это сопряжено с ухудшением жизни нации.

Объективно в дефицитной крупномасштабной экономике путь к получению массы прибавочного продукта, достаточной для относительно свободного перераспределения, лежит через довольно жесткое государственное регулирование, и в первую очередь налогов и инвестиций, определяющих саму возможность воспроизводственного процесса. Именно поэтому развертывание роли рыночного регулирования с помощью все более широкого использования экономических рычагов (ставки налогов, проценты по кредитам и вкладам, цены и т. п.) очень актуально в КНР на современном этапе.

Интересно, что в теории отведение главного места в регулировании экономики плану или рынку на протяжении всех лет китайской реформы нередко зависело от того, как рассматривалось занимающее «промежуточное место» между директивным планированием и рыночным регулированием направляющее планирование: как атрибут рыночного регулирования или же плановой экономики. Именно поэтому даже формула «план — главное, рынок — вспомогательное» могла наполняться разным содержанием и использоваться в зависимости от конкретной экономической и политической ситуации. Так было, в частности, после 1989 г., когда в условиях усилившегося идеологического нажима вновь стала использоваться формула «план — главное, рынок — дополнение». Многими это было расценено как «отступление от реформ», однако на деле китайская эконо-

мика по-прежнему продолжала продвигаться к рынку. А потому нет никакого парадокса в том, что за короткий промежуток времени, с 1989 по 1992 г., который мог позволить в какой-то мере упорядочить и умножить, но не принципиально изменить степень развития в стране рыночных структур, КНР как бы «совершила скачок» к концепции «социалистической рыночной экономики». В действительности такого скачка не было, просто по-новому была названа и тем самым еще раз подтверждена общая тенденция преобразований — «рыночный выбор», вновь расширилось понятие рыночного регулирования включением в него опирающегося главным образом на экономические рычаги направляющего планирования, а все плановые регуляторы оказались вмонтированными в само понятие «социалистической рыночной экономики».

В то же время новая концепция отличается от трактовки «социалистической рыночной экономики», дававшейся прежде ведущими учеными страны и предполагавшей «упразднение государственной собственности». Так, в докладе группы сравнительных исследований хозяйственных систем Института экономики АОН Китая «Проблема целевой модели реформы хозяйственной системы КНР», подготовленном под руководством вице-президента АОН Китая Лю Гогуана в середине 1980-х годов, был проведен сравнительный анализ хозяйственных систем при социализме. В результате было классифицировано 5 типов:

- система натурального обеспечения военного коммунизма;
- традиционное централизованное планирование;
- усовершенствованная централизованно планируемая экономика;
- плановое хозяйство, в котором органически сочетается плановое регулирование с рыночным механизмом;
- социалистическая рыночная экономика.

В качестве целевой модели китайской реформы выбирался 4-й тип экономики. Существо же 5-й модели, т. е. «социалистической рыночной экономики», виделось в следующем: «Здесь общественная собственность в основном представляет собой совокупность независимых самоуправляющихся субъектов, осуществляющих коллективное хозяйствование, допускается весьма широкое развитие единоличного хозяйства и ограниченное существование частного хозяйства. Особенности этого типа заключаются в том, что принятие и исполнение решений об экономической деятельности на трех уровнях: макро-, микро- и на уровне домашнего и индивидуального хозяйства — опосредованы рын-

ком. Так как здесь упразднена государственная собственность, права предприятий на самостоятельность очень большие. Рыночное регулирование играет в народном хозяйстве всеобщую и ведущую роль [109, с. 95].

После официального выдвижения новой концепции было сказано, что еще в самом начале реформы на совещании по поводу действия закона стоимости в социалистической экономике, проведенному в апреле 1979 г. в г. Уси, также выдвигалось понятие «социалистической рыночной экономики», вызвавшее одобрение одних и несогласие других. Сообщалось, что и в ходе дискуссий после выдвижения на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва в 1984 г. в качестве целевой модели хозяйственной реформы КНР идеи «плановой товарной экономики» также имели место высказывания, «приподнимавшие занавес» над существом самой модели: «социалистическую товарную экономику можно называть и социалистической рыночной экономикой» [375, 1992, № 10, с. 8—18].

Мнения об отсутствии отличий между понятиями «плановой товарной экономики» и «социалистической рыночной экономики» не были тогда единичными. Однако существовали и серьезные возражения против названия предполагавшихся реформой процессов созданием «рыночной» экономики, поскольку считалось, что в рыночной экономике, по классическим меркам капитализма, обязательным должно быть наличие одновременно трех признаков — неприкосновенность частной собственности, безусловная свобода, персональная ответственность, а это выглядело явно нереализуемым в социалистической экономике. Выяснилось также и то, что в конце 1988 г. одно за другим были проведены специальные совещания, на которых «понятия плановой товарной экономики были развиты до понятия рыночной экономики» и «был поставлен вопрос об актуальности создания теории социалистической рыночной экономики». Однако после событий 1989 г. в официальных материалах для внутреннего пользования появилась критика идей «социалистической рыночной экономики», хотя в открытых научных дискуссиях высказывались различные мнения, в том числе и такие, которые предлагали не связывать понятия плановой или рыночной экономики с понятием строя общества [375, 1992, № 10, с. 8—18]. Именно последнее направление мыслей нашло свое завершение в высказываниях Дэн Сяопина начала 1992 г. о неправильности идентификации рыночной экономики с капиталистическим, а плановой — с социалистическим строем.

В свою очередь, высказывание Дэн Сяопина подтолкнуло новую серию статей, разъясняющих, что план или рынок указывают лишь на механизм распределения ресурсов, а не на характер общественного строя; что если различия между капитализмом и социализмом заключаются в формах собственности на средства производства, то о различиях рыночных экономик как таковых (независимо от характера общественного строя) можно говорить, лишь оценивая меру использования государственных (плановых) и стихийных рыночных регуляторов; что любое общество заинтересовано в том, чтобы форма распределения ресурсов обеспечивала улучшение структуры народного хозяйства, достижение наибольшей эффективности при экономном расходовании средств, удовлетворение имеющихся потребностей, а потому стремится к оптимизации соотношения этих регуляторов [375, 1992, № 10, с. 3—7, 8—18, 19—22; 370, 02.11.1992].

Характеристика хозяйственной системы «социалистической рыночной экономики», данная на XIV съезде КПК, отличается от определявшей ранее, во-первых, тем, что не только не предполагает «упразднения государственной собственности», но имеет в виду «доминирующую роль государственных предприятий» на рынке, достигаемую на основе равной конкуренции; во-вторых, подчеркивает не «всеобщую и ведущую роль рыночного регулирования», а огромное значение макрорегулирования и макроконтроля, «позволяющих социалистическому государству увязывать сегодняшние локальные интересы народа с его перспективными общими интересами, лучше выявлять достоинства обоих рычагов — плана и рынка». Если в прежнем типе «социалистической рыночной экономики» общественная собственность представлялась в виде «совокупности независимых самоуправляющихся субъектов, осуществляющих коллективное хозяйствование», то в последней модели общественная собственность мыслится в более близкой к реальностям жизни структуре и предполагает включение в эту совокупность и государственной собственности [354, 21.10.1992]. В этом смысле модель 1992 г. явилась скорее «отступлением» от представлений середины и конца 1980-х годов о «рыночной» будущности Китая, но «отступлением к реальности».

На наш взгляд, подобные различия прежней и нынешней моделей «социалистической рыночной экономики» проистекают из того, что раньше она являлась лишь теоретической абстракцией, а теперь стала тем, что предполагается быть осуществленным на практике, и потому в ней отводится важное место государственной собственности и макроконтролю. К этому выводу подводит,

в частности, анализ принятых в 1992—1993 гг. нормативных актов по трансформации хозяйственного механизма крупных и средних государственных предприятий, предусматривающих избирательную политику в отношении различных сфер, отраслей, регионов. Об этом же свидетельствуют и выводы ведущих ученых КНР о том, что успех рыночных преобразований в КНР бывшей высокоцентрализованной плановой экономической системы объясняется сохранением главного места за общественной собственностью при ведущей роли государственной собственности [375, 1993, № 3, с. 23].

Обсуждение темы «социалистической рыночной экономики» в научной литературе по сути своей сводилось к объяснению причин замены концепции «плановой товарной экономики» как целевой модели хозяйственной реформы КНР на новую. Практически все ведущие экономисты страны, выступившие в центральной прессе по этой теме, сходились во мнениях о том, что новая концепция более четко обозначает содержание и характер реформы экономической системы КНР — замена административно-распределительной системы как основной формы размещения ресурсов на рыночную как основную форму.

Несмотря на попытки показать «новизну» этапа теоретических изысканий, было признано, что хотя в модели «плановой товарной экономики», предполагающей органическое единство плана и рынка, не указывалось, что именно является главным, а что — вспомогательным, в формуле «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия» фактически уже был поставлен акцент на рынке [375, 1992, № 10, с. 8—18]. В то же время подчеркивалось, что понятие «социалистическая рыночная экономика» тоже включает в себя идею плановости, поскольку это такая рыночная экономика, которая ведется и контролируется идеями, целями и планами государства [375, 1992, № 10, с. 19—22].

Со статьями на тему «социалистической рыночной экономики» выступили многие ведущие ученые-экономисты страны — Лю Гогун, Юй Гуаньюань, Сюэ Муцяо, Линь Цзыли, Хэ Цзяньчжан, Гао Шанцюань и др. Почти в каждой из них присутствовали ссылки на «архитектора китайской реформы» Дэн Сяопина. Общая картина поиска показывалась следующим образом: идея «социалистической рыночной экономики» была выдвинута Дэн Сяопином еще в 1979 г., неоднократно повторялась им в последующие годы, каждый раз вызывая новый всплеск научных дискуссий. При этом возникало впечатление об удивительной вер-

ности вывода, сделанного в свое время директором Института марксизма-ленинизма-маоцзэдуньидей АОН Китая Су Шаочжи, покинувшим страну после событий 1989 г.: попытки преодолеть такой недостаток экономической теории социализма, как «обслуживание политики» и «разъяснение речей руководителей», пока еще не увенчались в КНР успехом [317, с. 207—213]. Однако, по нашему мнению, верно и то, что сами высказывания Дэн Сяопина вырастали на почве тех научных разработок, над которыми трудились лучшие умы страны.

Рассматривая, как это делают китайские ученые, концепцию «социалистической рыночной экономики» как подтверждение «рыночного выбора» страны, можно увидеть в ней отражение стремления достичь наиболее полного развертывания роли рыночного регулирования для получения максимальных результатов в развитии производительных сил, в повышении эффективности экономики, а значит, в модернизации народного хозяйства. Конечно, эти стремления подразумевались и в концепции «плановой товарной экономики», но официально не отброшенный штамп, отождествлявший рыночную экономику с капитализмом, не позволял назвать прежнюю модель нынешним именем. Пожалуй, лишь в смысле разрушения этого очередного идеологического барьера концепцию «социалистической рыночной экономики» можно считать новым «прорывом» в экономической теории социализма.

Последовательный учет главной специфики китайского общества — колоссальной численности населения при ограниченности финансовых и материально-технических ресурсов — выразился в том, что в ходе постепенного внедрения рыночных начал в ранее планово-централизованные экономические структуры были определены длительные сроки достижения качественного улучшения жизни народа, скромные параметры и критерии понятия благосостояния, не говоря уже о том, что эта специфика сказалась и на характере и источниках модернизации. При формулировании и решении общих экономических задач постоянно на основе получаемого в ходе реформ опыта делались поправки, принимающие во внимание интересы многочисленного и пока еще бедного населения. Социальный фактор вносил известное своеобразие в темпы, структуру преобразований, и в определенной мере в характер экономического прогресса в целом, в значительной степени определял масштабы и глубину рыночных преобразований.

Нередко зарубежными, в том числе российскими, исследователями высказывается точка зрения, что китайский народ «заплатил колоссальную социальную плату за рыночные преобразования в стране». Именно такие исследователи предсказывали и мрачное будущее рыночным реформам в КНР. Можно, вероятно, спорить по поводу аргументации сторонников этих точек зрения, особенно когда они прогнозируют будущее развитие КНР. Труднее понять тех исследователей, которые по сути отрицают уже состоявшиеся, явные социально-экономические достижения Китая, сравнивая нынешнее положение дел в стране (уровень доходов, качество жизни населения и т. п.) не с дореформенным периодом КНР, как этого требует объективный анализ, а с уровнем жизни в экономически более развитой России.

Точно так же, по нашему мнению, абсолютно некорректно отрицание социально ориентированного характера китайской реформы некоторыми исследователями, которые в своей аргументации сопоставляют низкие среднестатистические показатели ВВП в КНР и статистические стандарты международных организаций без учета всей совокупности прежних и нынешних социально-экономических реалий страны. Факт остается фактом, что за годы реформы многократно выросли реальные доходы почти всех категорий населения, улучшилось качество их жизни, в несколько раз сократилось количество бедняков. Это реальность, позволяющая утверждать, что рыночная реформа в КНР содержит явные черты социально ориентированных преобразований.

Серьезного внимания в спорах ученых о том, являются ли рыночные реформы в КНР успешными или тупиковыми, заслуживают, на наш взгляд, высказывания по этому поводу одного из крупнейших ученых КНР нового поколения, получившего блестящее образование и отличающегося неортодоксальными взглядами, который работал директором Китайского центра экономических исследований при Пекинском университете и является ведущим автором получившей широкий резонанс в мире книги «Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа» (книга переведена на многие языки мира, включая русский) профессора Линь Ифу.

В подготовленном в сентябре 2002 г. и представленном на семинарах в Академии наук Китая, Центре экономических исследований государственной комиссии по экономике и торговле, а также на летних курсах в Институте «Юнирул» («Тяньцзе») и Центре экономических исследований при Пекинском универси-

тете научном докладе «Жизнеспособность, переходная экономика и размышления о неоклассической экономической теории» Линь Ифу следующим образом излагает свою позицию на этот счет.

В первую очередь Линь Ифу подчеркивает, что за 12 лет, прошедших с 1978 по 1990 г., политика реформ и открытости в Китае достигла значительных успехов, к примеру, ежегодный прирост ВВП составлял 9 %, а объем торговли увеличивался на 15,4 %. В течение этого периода доход на душу населения в городах увеличивался ежегодно на 5,9 %, а в сельской местности этот рост достиг значительного показателя в 9,9 %.

Стандарты жизни и доходы населения значительно возросли, и разрыв между уровнем жизни городского и сельского населения сократился. Достижения Китая в области реформирования можно назвать чудом в истории экономики. Однако в конце 1980-х — начале 1990-х годов международное экономическое научное сообщество в значительной мере не понимало китайских реформ, и многие экономисты были далеки от оптимизма. Большинство экономистов полагали, что рыночная экономика должна базироваться на частной собственности, которая отсутствовала в китайской экономике того времени (государственные предприятия Китая не были приватизированы, превалировала двойная система распределения ресурсов при сохранявшейся существенной роли государственного планирования). Они полагали, что хотя переходный период для китайской экономики характеризовался такими благоприятными условиями, как наличие большого количества дешевой рабочей силы в сельской местности, значительной общиной китайцев, проживающих за рубежом, относительно децентрализованной экономикой, которые способствовали достижению краткосрочного прогресса, двойная система распределения в скором времени приведет к потере эффективности, а некоторые экономисты даже заявляли, что переходный период в Китае потерпит в конечном счете крах из-за незавершенности реформ.

В то время большинство экономистов, как отмечает Линь Ифу, были весьма оптимистично настроены по поводу реформ в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе в связи с тем, что эти государства реформировали свои экономики согласно фундаментальным принципам неоклассической теории. Наиболее яркими примерами применения этих принципов стала так называемая шоковая терапия в Польше, Чешской Республике и России, которая состояла из трех основных компонентов: либерализация

цен, быстрая приватизация и макроэкономическая стабилизация путем снятия фискального дефицита. То есть компонентов, которые считаются в неоклассической экономической теории основой эффективной экономической системы.

Экономисты, рекомендовавшие «шоковую терапию», хотя и знали, что необходимо время для перехода от одной экономической системы к другой и что непросто отбросить в сторону имевшиеся ранее интересы, однако оптимистично полагали, что национальная экономика начнет расти после шести месяцев или года вслед за первоначальным спадом после первичного введения «шоковой терапии». Согласно их воззрениям, эти страны должны были обогнать Китай в процессе реформирования, несмотря на то, что они начали этот процесс значительно позже, в то время как проблемы в Китае будут только накапливаться из-за несогласованности экономической системы, вызванной незавершенностью реформ.

Десять лет, замечает Линь Ифу, прошло с тех пор, как эти прогнозы многих ведущих экономистов были сделаны в 1990 г. Вопреки предсказаниям, экономика Китая продолжала расти в течение 10 лет, в то время как государства, применившие «шоковую терапию», пережили серьезную инфляцию и спад. Вслед за резким спадом ВВП, значительным снижением уровня дохода на душу населения и чрезвычайным ростом диспропорции в доходах снизились все социальные показатели, вплоть до средней продолжительности жизни. В целом государства, прошедшие «шоковую терапию», испытывали значительные трудности в процессе реформ, что было в резком контрасте с оптимистическими ожиданиями большинства экономистов.

Линь Ифу обращает внимание и на то, что в 1990-х годах китайская экономика испытывала множество проблем. К примеру, не были закончены реформы государственных предприятий, разрыв благосостояния в различных регионах, а также имущественный разрыв между городом и деревней увеличился, к тому же оставалось много нерешенных проблем в финансовой системе. Тем не менее рост национальной экономики в 1990-х годах составил 10,1 % ежегодно, т. е. на 1,1 % выше, чем в предыдущие 12 лет. Прирост внешней торговли также составил 14,2 % ежегодно в течение последнего десятилетия. Более того, условия жизни населения, особенно городского, улучшались быстрыми темпами. Экономическое развитие в Китае не только способствовало росту благосостояния китайского народа, но и внесло значительный вклад в развитие мировой экономики. В период Азиатского фи-

нансового кризиса китайская валюта юань (*жэньминьби*) не обесценилась, что сыграло существенную роль в быстром восстановлении и последующем росте экономик государств ЮВА.

Задавая вопрос, почему же многие известные ученые мира, прекрасные знатоки экономики, работающие на передовой линии экономических исследований, не могли предвидеть и объяснить осложнений, вызванных «шоковой терапией», и в то же время были столь пессимистичны в отношении перспектив Китая, Линь Ифу отвечает, что дело не только в том, что эти экономисты не понимали до конца ни историю и механизм работы плановой экономики, ни саму суть трансформации экономической системы в бывших социалистических странах, ни основу рыночной экономики как базу для процесса институциональных реформ. Главная их ошибка состояла в том, что они исходили из предпосылки неоклассической теории, что фирма, имеющая нормальное управление, способна заработать социально приемлемую прибыль в условиях открытого конкурентного рынка. Но эта предпосылка, верная для развитых экономик, как показал опыт КНР, не работает в переходных экономиках и развивающихся странах [201, с. 1–3].

Большой интерес, на наш взгляд, представляет прогноз, сделанный одним из крупнейших ученых-экономистов России, автором более 50 фундаментальных монографических исследований, в том числе таких, как «Экономика России за 100 лет», В.М. Симчерой, который, исходя из существования теории циклических трендов, заключает: «Прогнозируемые возможности, как показывает опыт последних 25–30 лет, все больше дрейфуют в сторону Китая, Индии, России, новых экономических архипелагов притяжения, опирающихся в своем мировом прогрессе на собственные силы, национальные кадры и свою великую самобытную культуру — ценности, которые не экспортируются и не продаются, ценности, которые можно взрастить только у себя дома». При этом он добавляет, что «Китай в устремлениях к своей исторической симметрии уже разбужен, он на верном пути к ее достижению. Россия еще нет...» [128, с. 366; 338, 2007, № 6, с. 2–3].

В КНР по мере углубления рыночных реформ на пути получаемого социально-экономического прогресса возникает огромное число трудноразрешимых проблем. Обращает на себя внимание тот факт, что если на начальных этапах реформы многие, даже самые скромные, шаги экономической реформы окрашивались в «рыночные цвета», то ко времени XV съезда КПК (1997 г.)

акценты были смещены на социалистический, общественный характер преобразований. На наш взгляд, это объясняется, с одной стороны, наличием довольно острых дискуссий в стране по поводу последствий углубления преобразований в государственном секторе, с другой стороны, в известной степени лишь более реально показывает сам характер рыночных преобразований в КНР, где, несмотря на достаточно динамичные подвижки в статистических показателях (на первый взгляд, свидетельствующих о масштабной либерализации), государство продолжает сохранять ведущие позиции в экономике и контролировать процесс «рыночнизации».

Именно этот последний термин, как заметили китайские ученые, уже привычно использовавшие его, впервые был официально употреблен и в документах XV съезда КПК [375, 1997, № 10, с. 15].

Называя широкое развитие товарно-денежных отношений неизбежным этапом на пути к модернизации народного хозяйства, китайские ученые на рубеже XXI в. заявляли о необходимости еще 5—10 лет напряженных усилий для создания «единой, открытой, конкурентоспособной рыночной системы», где «степень рыночнизации» (т. е. охвата рыночными отношениями всех хозяйственных процессов) повысится с примерно 50 % до более 60 %, где будут обеспечены как социальные гарантии, так и макрорегулирование [375, 1997, № 6, с. 6].

По мере нарастания социальных противоречий между городом и деревней, различными регионами страны, слоями населения китайское руководство одним из главных элементов своей экономической политики, по существу, сделало макрорегулирование и макроконтроль.

Но, отмечая достижения последнего времени в работе по трудоустройству, сокращению бедности, улучшению жизни народа, китайское руководство в то же время призывает отчетливо видеть, что в деле усиления и совершенствования макрорегулирования и макроконтроля достигнуты лишь промежуточные успехи, что острые противоречия и проблемы в хозяйственной деятельности хотя и несколько смягчены, но коренным образом еще не разрешены.

В то же время, определяя задачи и меры в области социально-экономического развития и характеризуя получаемые в итоге их проведения результаты, китайское руководство на исходе первого десятилетия XXI в. справедливо, на наш взгляд, указывает, что главной причиной некоторых достижений в решении

наиболее трудных вопросов современной жизни явилась именно «необычайно гибкая политика макрорегулирования и макроконтроля», помогающая «твердо и решительно корректировать развитие» в условиях сложной и переменчивой обстановки в современном мире [354, 07.03.2006, 15.03.2009]. Эти корректировки и ужесточение государственного регулирования становились все более необходимыми по мере того, как в процессе очень динамичного развития экономики начинали обозначаться те или иные перекосы, мешающие дальнейшему продвижению страны по пути социально-экономического прогресса.

Из опыта предшествующих рыночных преобразований китайское руководство в условиях только начинающейся в 2007—2008 гг. социально-экономической нестабильности в стране выбрало и стало приводить в более активную позицию главный рычаг, неоднократно помогавший им в годы реформ избегать опасного нарастания несбалансированности экономики и социально-политической нестабильности в обществе. Этим рычагом для КНР все годы рыночных преобразований, а тем более в условиях мирового финансово-экономического кризиса, и стали макрорегулирование и макроконтроль.

Для китайского народа, который за 30 лет рыночных реформ не испытал, подобно российскому народу, ни гиперинфляции, ни резкого падения уровня жизни, рост цен на некоторые наиболее ходовые продовольственные товары (в частности, на лапшу, свинину) к середине 2008 г. стал очень встревожившим их признаком возможного грядущего ухудшения жизни под влиянием мирового финансового кризиса.

Как отмечалось на 2-й сессии ВСНП 11-го созыва в марте 2009 г., для поддержания страны в условиях мирового финансово-экономического кризиса в 2008 г. в Китае «своевременно, твердо и решительно корректировалась макроэкономическая политика» [354, 15.03.2009]. К середине года, когда главным тревожным моментом выступил рост цен на энергоресурсы и зерно, «первостепенной задачей макрорегулирования» стало именно «сдерживание чрезмерного роста цен». А уже осенью, когда мировая экономика резко пошла на спад, главные акценты в макрорегулировании были перенесены на «предотвращение чрезмерно быстрого замедления темпов экономического роста», для чего стала проводиться очень гибкая финансовая, денежная, кредитно-налоговая политика (в течение короткого времени многократно менялись процентные ставки по вкладам, кредитам, налогам, сделкам с жильем и т. п.). Одновременно все налоговые, тамо-

женные и финансовые органы КНР усилили контроль за взиманием налогов и пошлин на законодательной основе.

В результате такой активной и в то же время необычайно гибкой политики макрорегулирования и макроконтроля в КНР уже в 2008 г. были достигнуты и даже улучшены следующие важные показатели социального развития: ВВП вырос на 9 % (предполагалось 8 %), рост потребительских цен был удержан в пределах 4,8 %, занятость в городах и поселках увеличилась на 11,13 млн человек (предполагалось на 10 млн), среднедушевые доходы городского и сельского населения выросли соответственно на 8,4 и 8 %, зарегистрированная безработица удерживалась в размерах 4–5 % (незарегистрированная, конечно, увеличилась, так как открывались многие мелкие предприятия, но, правда, открывались новые рабочие места в самых разнообразных видах деятельности).

С учетом итогов 2008 г. предполагаемые показатели по социально-экономическому развитию в 2009 г. были определены следующим образом: рост ВВП — на 8 %, увеличение занятости в городах — на 9 млн человек, коэффициент зарегистрированной безработицы — в пределах 4,6 %, доходы городского и сельского населения — стабильный рост и удержание роста общего уровня потребительских цен в пределах 4 % [354, 16.03.2009].

В соответствии с принятым в КНР курсом на расширение внутреннего спроса как важнейшего противоядия кризису в качестве приоритетных статей расходов центрального бюджета на 2009 г. были названы: сельское хозяйство (прирост на 27,5 %), образование (прирост на 23,9 %), медицина и здравоохранение (прирост на 38,2 %), социальное обеспечение и трудоустройство (прирост на 22,1 %), обеспечение гарантированным жильем (прирост 171 %), наука и техника (прирост 25,1 %), охрана окружающей среды (прирост 18,9 %) и т. п. [354, 16.03.2009].

Самым беспрецедентным оказалось влияние мирового финансово-экономического кризиса на ситуацию с занятостью населения. Число рабочих мест сократилось на 8 % [87, 2010, с. 31] и темпы роста безработицы увеличились до размеров, которых не было в течение последних 6 лет. Наиболее уязвимыми в этом отношении стали группы рабочих-мигрантов и выпускников вузов. Но в результате весьма активной политики центрального правительства по сдерживанию цен и обеспечению занятости в 2009 г. ситуация в целом стала улучшаться, в городах и поселках было трудоустроено 11,02 млн человек (больше запланированного показателя в 9 млн человек), а коэффициент зарегистрированной здесь безработицы составил 4,3 %, т. е. был удержан в запланиро-

ванных пределах 4,6 %. Занятость выпускников, окончивших вузы в 2009 г., достигла 87,4 %, а число трудоустроенных в городах рабочих из деревни составило 145 млн человек [87, 2010, с. 31; 354, 16, 17.03.2010].

По предварительным, а затем по окончательным итогам 2009 г. можно было судить о том, как Китай продолжает противостоять мировому финансовому кризису и существующим (вне связи с мировым кризисом) внутренним трудноразрешимым социальным проблемам страны. Делал он это так же мудро, как проводил всю рыночную реформу — постепенно, через экспериментальное апробирование, ставя во главу угла экономической политики макрорегулирование и макроконтроль, помня о том, что главная задача — избавление от бедности всего, более чем миллиардного китайского народа.

Безусловно, что многие элементы китайского опыта, вообще говоря, могли бы быть полезными для России на начальных этапах хозяйственной реформы, хотя трудно представить их использование в условиях последовавшего за так называемым либеральным обвалом глубокого кризиса российской экономики. И тем не менее целый ряд уроков хозяйственной реформы КНР целесообразно учесть и сегодня. Среди них:

- активное макрорегулирование государством рыночных процессов в стране, в первую очередь, в сфере налогов и инвестиций;
- стимулирование труда крестьян за счет предоставления им длительного (часто пожизненного с передачей в наследство) права пользования землей (без получения права собственности на нее);
- эффективное стимулирование с помощью гибких экономических, а также некоторых административных мер в первую очередь отечественного производителя (в том числе мелкого), работающего на внутренний рынок, а также на экспорт;
- огромное внимание к поддержанию гибкого и просчитанного баланса экономических и социальных интересов, такого их соотношения, которое обеспечивает приемлемость и посылность бремени рыночных преобразований для населения.

Как показала китайская практика, последнее обстоятельство стало решающим фактором сохранения социально-политической стабильности в стране, а также поддержки правительства народом на протяжении долгих лет реформы.

Анализируя в условиях мирового финансово-экономического кризиса статистические данные по развитию народного хозяйства КНР, ведущие китайские ученые-экономисты и социологи приходят к выводу, что Китай в 2010 г. «вступил в новую стадию роста» [87, 2010, с. 1—2]. В 2009 г. ВВП КНР достиг почти 33,5 трлн юаней, что с учетом фактора цен означает прирост 8,7 %, при этом в первом квартале прирост ВВП составил 6,1 %, во втором — 7,9 %, в третьем — 8,9 %. Шестой год подряд за последние 40 лет собран рекордный урожай зерновых — 530,82 млн тонн. Среднедушевые доходы городского и сельского населения фактически выросли соответственно на 9,8 и 8,5 %, общий уровень потребительских цен увеличился примерно на 4 % [87, 2010, с. 2; 354, 16,17.03.2010].

Понимая, что улучшение таких ключевых показателей, как рост производства и потребления, ускорение социального строительства, активизация занятости и стабильность цен, позволяют говорить о выздоровлении экономики и вступлении ее в новую стадию роста, ведущие ученые-экономисты КНР в то же время подчеркивают, что проблем остается еще очень много. К наиболее серьезным из них они относят значительное неравенство в доходах, все-таки ограниченный рост внутреннего потребления, в целом достаточно серьезную ситуацию с обеспечением занятости и охраной окружающей среды. При этом на новой стадии роста, которая должна характеризоваться повышением качественных показателей социально-экономического развития страны, решать эти проблемы, возможно, будет сложнее, чем на первых этапах мирового финансово-экономического кризиса.

Глава 8

ПРОВЕДЕНИЕ ПОЛИТИКИ «ОТКРЫТОСТИ ВНЕШНЕМУ МИРУ»

Важнейшим слагаемым строительства социализма с китайской спецификой называется в КНР «открытие внешнему миру». Специфика этого «открытия» видится в том, что с началом реформ вопрос был поставлен не просто о расширении внешнеэкономических связей и даже не только о диверсификации форм привлечения внешнего фактора к модернизации народного хозяйства, а о том, чтобы, используя принципиально новые для себя способы сотрудничества, заставить КНР конкурировать на международном рынке, превратив экономику страны из довольно замкнутой, обеспечивающей удовлетворение нужд собственными ресурсами, в «экономику открытого типа». Именно поэтому утверждение в 1980-х годах идеи о необходимости «формирования открытой экономики, ввязывающейся в международное соперничество», считается в КНР «прорывом» в экономической теории социализма [370, 14.07.1987].

Такого рода «прорыв» выглядит особенно значительным на фоне не очень уж далеких по времени дискуссий в КНР о недопустимости автаркического толкования и осуществления курса «опоры на собственные силы». Но дело не только в окончательном отказе от одиозных форм этого курса и в решительной ориентации на сотрудничество с внешним миром, но и во многом — в качественно новых постановках вопросов и способах реализации такого сотрудничества.

Весь мир оказался свидетелем необычайно быстрой эволюции позиций китайского руководства с конца 1970-х годов, когда оно, уже заявив о намерении активно использовать иностранную технику и опыт для модернизации страны, в то же

время категорично отвергало возможность принятия Китаем банковских кредитов, правительственных займов, компенсационных сделок, а тем более создания совместно управляемых предприятий, но очень быстро пошло на все это, отыскивая все новые и новые формы и способы активизации внешнеэкономических контактов.

«Мы ни в коем случае не позволим иностранному капиталу разрабатывать наши внутренние природные ресурсы, ...Ни в коем случае не будем создавать совместно управляемые предприятия и никогда не примем иностранные займы», — так через официальную печать звучали установки внешнеэкономической политики КНР еще в 1977 г. [311, 02.01.1977]. Однако анализ реального положения дел в стране и сопоставление его с задачами по модернизации народного хозяйства к концу XX в. явно приводил к выводу о необходимости поступиться социально-политическими принципами, всегда закладывавшимися в основу экономической политики, ради достижения экономического прогресса. И уже в марте 1978 г. на Всекитайском совещании по вопросам развития науки Дэн Сяопин сосредоточил внимание на том, что КНР и в области сельского хозяйства, и в промышленности, и в сфере науки и техники отстает от передовых мировых рубежей на 10—20 (иногда больше) лет, и указал на необходимость ликвидации этого отставания.

Назвав научно-технические достижения «богатством, созданным общими усилиями всего человечества», Дэн Сяопин высказался за то, чтобы КНР обращалась к достижениям других наций и государств не только по причине своей отсталости на современном этапе, но и в будущем для достижения передового мирового уровня [181, с. 87—88].

В задачу принятого в начале 1978 г. 10-летнего плана развития народного хозяйства страны (1976—1985 гг.) входило создание «самостоятельной, сравнительной целостной системы промышленности и всего народного хозяйства» и «завершение в основном» технической перестройки отраслей. В связи с таким наполнением плана 1976—1985 гг. рассматривались в КНР как «ключевое десятилетие» на пути к реализации задачи модернизации народного хозяйства к 2000 г.

Расчеты показывали, что 10-летний план был сверстан на основе учета максимальных внутренних возможностей страны и в меру активного привлечения внешних источников. Задания по отраслям были относительно реальными, хотя и довольно напряженными. Уровень капитальных вложений в 1977 г. составлял

примерно 50—60 % запланированного среднегодового уровня, т. е. ставка была сделана, очевидно, на значительный прирост в последующие восемь лет. На протяжении всего 1978 г. шла интенсивная работа по учету, подсчету, выявлению всего того, что есть и может быть поставлено на службу выполнения плана. Естественно, что такая же работа проводилась и при выработке плана, но, очевидно, она не вполне удовлетворяла хозяйственников, так как проводилась в сжатые сроки, на окончательно не выясненной базе, а потому со слишком большой степенью приблизительности. Это и явилось одной из возможных причин того, что показатели плана не были обнародованы.

Сложность положения с финансовым и материально-техническим обеспечением плана отразилась в основных экономических установках для всех хозяйственных подразделений страны — достигать максимальных производственных результатов с минимумом затрат. Экономия должна была достигаться за счет опоры на уже имеющуюся производственную основу, предпочтения реконструкции предприятий новому строительству, рационализации технологических и производственных процессов, широкого развития мелкого производства, поиска и использования более дешевых заменителей сырья и топлива, утилизации производственных отходов, более выгодных внешнеторговых сделок и т. п. Наведение организационно-управленческого порядка на предприятиях в первую очередь предусматривало достижение или повышение их прибыльности, становившейся одним из главных критериев оценки их деятельности.

Судя по всему, произведенные в 1978 г. подсчеты показали, что даже с максимальным использованием всех внутренних резервов при умеренно активном привлечении внешнего фактора новые планы трудновыполнимы в среднесрочной (до 1985 г.) и совсем нереальны в долгосрочной (до 2000 г.) перспективе. Однако осенью 1978 г., т. е. когда эти подсчеты в известной степени были завершены, появляются сообщения о распространении директивы ускорить темпы решения поставленных экономических задач, а именно: осуществить еще недавно признаваемую трудной для выполнения за 23 года задачу модернизации народного хозяйства Китая теперь уже за 10 лет.

Внешне такая установка была похожа на авантюру. Но хозяйственные авантюры были не в духе новых, чрезвычайно реалистичных, руководителей КНР, в частности Дэн Сяопина, который стал принимать все самые ответственные решения по вопросам внутренней и внешней политики страны. Поэтому на-

прашивался вывод о том, что к осени 1978 г. китайское руководство приняло решение принципиально по-новому подойти к определению роли техники и хозяйственного опыта капиталистических стран в развитии производительных сил страны. Суть этого подхода — в привлечении внешних источников в гораздо больших масштабах, чем предполагалось при разработке первых перспективных планов на новом этапе, а также в активном изучении возможностей использования управленческого опыта капиталистических стран в народном хозяйстве КНР.

Дело и в том, что принципиально иные масштабы и формы привлечения зарубежной техники и опыта могли позволить сгладить и облегчить основные трудности соответствующей политики в предшествующие годы, каковыми являлись нехватка валюты и сложность интегрирования новой техники и технологии в существующую хозяйственную систему страны: например, массовое получение готовых промышленных комплексов могло избавить от необходимости соединения отечественного и зарубежного оборудования в едином технологическом цикле и т. п., а привлечение наряду с техникой из капиталистических стран адекватных ей принципов управления — упростить ее освоение и включение в существующую организационно-хозяйственную структуру.

Одним из главных ориентиров этого времени стал прозвучавший в программной статье президента АОН Китая Ху Цяому тезис о необходимости «соединять преимущества социалистического строя с передовой наукой и техникой и опытом управления развитых капиталистических стран» [354, 06.10.1978]. Призывы активнее идти на контакты с внешним миром в этот период не сходят со страниц центральной печати. При этом подчеркивается, что ввоз иностранной техники и технологии, другие формы привлечения внешнего фактора к модернизации экономики страны не противоречат курсу опоры на собственные силы [354, 17.09.1978]. Приводятся примеры положительного опыта широкомасштабного использования иностранной техники: например, как добилась «выдающихся успехов» производственная бригада госхоза «Дружба» в пров. Хэйлунцзян «после того как была полностью насыщена современной сельскохозяйственной техникой, поступившей из США», или птицеферма в Гуанчжоу «после комплектования американской техникой, купленной на личные средства соотечественников из Гонконга» и т. п. [354, 31.10.1978]. Убедительными доводами в пользу активного привлечения внешних источников к модернизации народного хозяйства КНР были

приводимые в печати примеры достижений на этой основе зарубежных стран. В особенности привлекал опыт Японии, осуществившей колоссальный экономический рывок в послевоенное время.

Во время визита в Японию в октябре 1978 г. Дэн Сяопин, характеризуя задачи по модернизации народного хозяйства КНР к концу XX в., заявил, что китайское правительство еще не решило, примет ли оно займы на уровне правительств для финансирования программы «четырёх модернизаций», но подчеркнул, что Китай готов заимствовать опыт других стран для осуществления такой программы, что визит в Японию открыл широкую перспективу для технического сотрудничества двух стран. Одновременно Дэн Сяопин обратился с призывом к развитым странам мира оказывать более широкую помощь Китаю для осуществления планов его экономического развития, конкурировать с Японией и между собой за предоставление КНР различного рода технического содействия.

Китайская печать в этот период подчеркивала, что хотя за зарубежную технику и оборудование придется заплатить «определенную цену», однако потери будут несоизмеримы с выгодой, которую удастся получить, что если только «умело соединять» преимущества социалистической системы с передовым научно-техническим и управленческим опытом развитых капиталистических стран, совмещать все полезное из зарубежного опыта с конкретными условиями Китая, то «обязательно откроется новый путь строительства по принципу “больше, быстрее, лучше, экономнее”, который поможет осуществить задачу модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники» [354, 03.11.1978].

В ноябре-декабре 1978 г. КНР делала многочисленные шаги по привлечению зарубежных предпринимателей к участию в модернизации экономики страны: выясняла возможности строительства совместных предприятий по производству широкого ассортимента промышленных товаров, начиная от текстиля и кончая тяжелым оборудованием, у ряда японских фирм; договаривалась с фирмами США о строительстве и совместной эксплуатации серии гостиниц в КНР, осуществлении некоторых проектов по разработке природных ресурсов (нефти, железной руды), намечала целую серию сделок на предоставление современного оборудования, предусматривающих расчет производимой с его помощью продукцией, и т. д. В этот же период КНР официально объявила о своей готовности принимать иностран-

ные займы, в том числе и на межправительственной основе [354, 19.12.1978].

Таким образом, оказавшись перед дилеммой «экономический прогресс или политические принципы», китайское руководство принципиально изменило свои первоначальные позиции, согласившись с целесообразностью получения банковских кредитов и крупных займов на межправительственной основе, компенсационных сделок и, что до недавнего времени для КНР показалось бы совсем уже невероятным, приняв к рассмотрению вопрос о строительстве предприятий совместного китайско-инострannого капитала.

Одновременно, судя по заявлениям и действиям китайских руководителей, очень внимательно изучалась советская теория и практика выхода на концессии в 1920—1921 гг., те экономические и, главным образом, политические приемы, которые использовались при этом. В более благоприятных международных и внутриполитических условиях 1980-х годов, чем это было у России в 1920-х годах, КНР сумела сразу же поставить вопрос о контактах с капиталистическим миром в плоскость «сотрудничества», задумываясь лишь над масштабами и формами его. В то время как в России создание концессии рассматривалось как «продолжение войны», как экономическая война за общественную собственность против собственности частной (госкапитализм КНР в 1950-е годы также предполагал использование, ограничение и преобразование капиталистического сектора), открытие КНР внешнему миру в 1980-х годах ставило целью не ограничение, а поощрение капиталистических партнеров для участия в модернизации страны как путем прямых инвестиций, так и другими доступными способами. Одновременно подчеркивалось, что такая политика рассчитана на длительное время.

Пожалуй, главными сдерживающими факторами в этот период выступала нерешительность иностранных партнеров, которых смущал целый ряд обстоятельств: отсутствие правовых гарантий вкладчикам из-за неразработанности нормативных актов, регулирующих деятельность совместных предприятий, неразвитость инфраструктуры, нехватка электроэнергии в стране, низкая квалификация китайских работников, трудности в отыскании рынков сбыта для той продукции, которая будет произведена в результате совместной деятельности. Главное сомнение потенциальных зарубежных инвесторов состояло в том, что новая политика КНР окажется лишь временной мерой, вызванной не-

хваткой средств, которая рано или поздно завершится национализацией вложенного капитала.

В то время как официальные лица принимали энергичные меры по привлечению в китайскую экономику зарубежных предпринимателей, хозяйственники пытались реально оценить внутренние потенции страны, способные заинтересовать иностранных партнеров, а ученые обсуждали все «за» и «против» новой политики.

Основным сюжетом при обсуждении данной проблемы в период принятия решений о допущении в китайскую экономику принципиально новых форм сотрудничества с капиталистическим миром был показ тех преимуществ, которых добились другие страны в результате проведения подобной политики, а также возможности достижения этого Китаем. В частности, раскрывались те сдвиги в промышленном развитии России, которые произошли в 1928—1932 гг. на основе заимствования ею иностранного капитала, а также те формы привлечения иностранной помощи, которые использовал ряд социалистических стран после Второй мировой войны для ускорения темпов строительства. Анализировался и послевоенный опыт Японии, которая за период 1950—1975 гг. ввезла 26 тыс. единиц техники и технической документации на сумму 5,8 млрд долл., обеспечив экономический бум в стране. При этом делался вывод, что если бы Япония сама стала производить эту технику, то для достижения уровня США и европейских стран ей бы потребовалось в 5 раз больше времени и в несколько десятков раз больше средств на проведение научно-исследовательских работ, а значит, заимствование и освоение иностранной техники и технологии способно не только ускорить экономическое развитие, но и значительно снижает затраты на научные исследования и проектно-конструкторские работы [352, 02.12.1978; 375, 1978, № 10].

В связи с этим предлагалось при заимствовании иностранного технического опыта «не допускать однобокости», а использовать разнообразные формы сотрудничества, и в частности: наряду с импортом комплектного оборудования закупать разрозненную технику, лицензии, расчеты для последующего самостоятельного составления проектов, результаты исследований по организации промышленного производства; осуществлять выборочную закупку оборудования и т. п. При использовании иностранного капитала, техники и оборудования предлагалось обращать внимание на такие приемлемые для КНР формы, как заказы на переработку сырья, сборку, совместное производство, компенсационные

делки. В области технического кооперирования показывалось преимущество совместных исследований, проектирования и т. д. Предлагалось осуществлять технический обмен с зарубежными странами по различным каналам: командировки специалистов, подготовка кадров, участие в технических совещаниях и технических обследованиях, организация лекций, обмен документацией и технической информацией и т. п. Одновременно подчеркивалась необходимость совершенствования управления в области сотрудничества: сокращение числа инстанций, упрощение процедуры принятия соглашений, большая гибкость в решении вопросов.

Но уже весной 1979 г. в ходе отрезвления по поводу реальных возможностей КНР к принятию иностранной помощи и возмещению за нее, а также провозглашения политики по урегулированию народного хозяйства основной темой обсуждения стал вопрос о соотношении собственных усилий и заимствования. Вопрос был поставлен таким образом, что КНР не может надежды на осуществление «четырех модернизаций» полностью переложить на заимствование, что социалистическая страна может осуществлять заимствование только для увеличения способности опираться на собственные силы, но не должна делать его основой своей государственной политики. Обосновывался такой подход специфическими особенностями Китая: «Для такой большой страны, как наша, имеющая огромное население и отсталую экономику, не годится метод опоры главным образом на заимствование передовой техники и оборудования из-за границы, или, как некоторые говорят, “покупки четырех модернизаций”» [353, 20.04.1979]. Правильным подходом был назван такой, который предлагал брать свое за основу, брать у других стран передовое для использования у себя и «путем заимствования передовой техники в опоре на собственные силы осуществлять модернизацию китайского типа».

Для укрепления способности опираться на собственные силы ставился вопрос о дифференцированном подходе к заимствуемой технике и оборудованию: следить за тем, чтобы каждый раз это были новые виды, чтобы не бралось то, что можно производить внутри страны, чтобы предпочтение отдавалось тому, что увеличивает способности производить самим аналогичную технику. Особую осмотрительность рекомендовалось иметь при использовании для импорта техники и оборудования иностранных капиталов: взвешивать собственные способности к возврату полученных средств, основное внимание уделять сооружению объектов с малым сроком строительства, высокой рентабельностью, быстро

дающих эффект и хорошо зарабатывающих валюту. Если учесть специфику страны, то таковыми объектами могли быть предприятия легкой и текстильной промышленности, экспортные базы продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, развитие которых не только увеличивало платежеспособность КНР, но и способствовало оживлению всего народного хозяйства, решению проблем трудоустройства и улучшению жизни народа.

Особого внимания заслуживала забота о создании внутри страны условий для сооружения и эксплуатации ввезенных объектов. Указывалось на необходимость проведения пообъектной проверки внутренних комплектационных и строительных возможностей, способностей обеспечить ввозимые крупные объекты энергией, топливом, сырьем. В целях экономии валюты, государственных средств, а также выигрыша времени рекомендовалось наряду с принятием иностранной помощи выявлять собственные резервы, осуществлять техническую реконструкцию имеющихся предприятий.

Широкое привлечение передовой зарубежной техники делало насущным и вопрос о перенятии передового опыта управления производством. В этом также виделся один из способов повышения возможности страны опираться на собственные силы. Поэтому предлагалось одновременно с обобщением собственного опыта управления изучать передовой иностранный опыт, ставя его на службу делу «четырех модернизаций». Лучший способ соединения учебы передовому научно-техническому и управленческому опыту виделся в создании совместных предприятий. Области возможного сотрудничества с иностранными предпринимателями очерчивались примерно следующим образом: электроэнергетика, включая строительство электростанций; разработка энергетических ресурсов — нефти и угля; связь и транспорт, включая строительство портов и причалов; производство сырьевых и других промышленных материалов, таких, как пластмассы, химические волокна, строительные материалы; точное машиностроение и электронная промышленность; металлургическая промышленность и разработка цветных металлов; современные методы сельскохозяйственного производства; сфера услуг и т. д.

Вопрос с платежеспособностью КНР предлагалось разрешать постоянным регулированием импорта и экспорта, расширением экспортных отраслей, использованием метода компенсационных сделок, отсроченных платежей, банковских кредитов и займов и т. д. В целом курс определялся в таком направлении, чтобы «главным образом полагаться на свои собственные силы, а ино-

странное содействие рассматривать в качестве вспомогательного», чтобы «ставить такие задачи, которые возможно самостоятельно решить», чтобы использовать новые формы и методы работы, заимствованные у развитых капиталистических стран «при сохранении неизменности основ социализма».

Определяя значение широкого открытия внешнему миру, в КНР подчеркивают возможность «использовать достижения других стран для устранения недостатков у себя», возможность пользоваться двумя источниками средств — внутренним и внешним, развивать два вида способностей — управлять внутренней экономикой и внешнеэкономической деятельностью, осваивать два рынка — внутренний и мировой. Соответственно задачи специальных районов рассматриваются в следующих аспектах: привлечение передовой зарубежной техники, знаний, управленческого опыта; обеспечение роста валютных поступлений и освоение мирового рынка; проведение экспериментов в области хозяйственной реформы, обобщение их результатов с тем, чтобы отбирать наиболее пригодное для использования внутри страны; подготовка квалифицированных кадров путем обучения передовым методам ведения хозяйства и освоения современной техники; наконец, «окна» во многих вопросах внешней политики.

Можно сказать, что в КНР сразу учитывались базисные экономические условия страны, которые требовали иного подхода к роли внешнего фактора, чем это определялось, например, весьма популярным в те годы опытом новых индустриальных стран, где экспортно ориентированный рост стал основным фактором, а иностранный капитал — основным условием стремительного экономического прогресса.

Огромные масштабы страны при общей экономической отсталости и бедности объективно предполагали, что решающим может быть только внутренний потребительский рынок и, соответственно, главными — только внутренние национальные капиталовложения, обеспечивающие развитие такого рынка. Внешний же фактор при этом может играть лишь дополняющую роль, а развитие экспортного производства — прежде всего служить валютному финансированию импорта.

Основным направлением демонополизации и децентрализации внешнеэкономической деятельности в КНР стал постепенный переход от прямого административно-директивного управления к регулированию внешних хозяйственных связей преимущественно экономическими методами. В ряду мер по либерализации внешнеэкономической деятельности в КНР использовались: уве-

личение доли оставляемой производителям-экспортерам валютной выручки, отказ от государственного субсидирования экспорта, сокращение экспортного лицензионного списка, предоставление льготного режима налогообложения, преимущественное кредитование и т. п.

Экспортная политика КНР строилась с учетом мировой конъюнктуры: усилия направляются на стимулирование опережающего роста вывоза готовой продукции, постепенное повышение в общем ее объеме доли фондо- и наукоемких товаров, достижение соответствующего мировым стандартам качества все большей части экспортируемых изделий. При создании баз экспортного производства государство прибегало и к директивной переориентации некоторых предприятий на выполнение экспортных заказов, выделяя при этом достаточно крупные инвестиции.

Соответствующие преференции проводились при привлечении иностранного капитала. Помимо таможенных и налоговых льгот при ввозе высоких технологий, важнейшим условием функционирования совместных предприятий стала их преимущественная направленность на внешний рынок, причем по мере нарастания мощи регионов с совместными инвестициями делались корректировки на достижение «двойной направленности», т. е. поощрялось «открытие» не только на внешний, но и на рынок внутренних (более отсталых) регионов страны.

Эволюция государственной политики по расширению внешнеэкономических связей выражалась в КНР и в постепенном повороте от превалявавшего в начальный период преимущественно количественного подхода к привлечению иностранных инвестиций в сторону поощрения качества иностранного пая, а также в ориентации его на предпочтительные для КНР отрасли при прямом административном ограничении иностранных инвестиций в тех отраслях, где дальнейшее использование их представлялось экономически нецелесообразным.

Такое сочетание поощрительных мер с мерами известного ограничения, дополнение административного контроля активным использованием экономических стимулов и рычагов, как свидетельствует китайская практика, способствовало достижению все большей степени реализации национальных интересов при привлечении в страну внешнего фактора.

Первыми право проводить «особую политику и осуществлять гибкие формы внешнеэкономических связей получили в 1979 г. находящиеся на юго-востоке страны провинции Фуцзянь и Гуан-

дун. Учитывая их расположенность рядом с такими крупнейшими торгово-финансовыми центрами, как Гонконг и Макао, где проживает большое количество этнических китайцев (*хуацяо*), Госсовет специальным постановлением расширил самостоятельность местных органов власти этих провинций во внешнеэкономической деятельности, в частности разрешив им осуществлять подрядную систему в области финансов, отчисляя в местные бюджеты часть прироста суммы инвалютной выручки от экспорта. Путем привлечения прямых иностранных инвестиций и кредитных средств обе провинции стали активно создавать на своей территории совместные и чисто иностранные предприятия с короткими сроками сооружения, быстрым оборотом финансовых средств, довольно высокой эффективностью капитальных вложений. Все это способствовало ускорению экономического развития упомянутых провинций и существенному росту жизненного уровня проживающего в них населения, а также служило экспериментальной основой для развертывания подобной внешнеэкономической деятельности в масштабах страны. В этом же регионе в соответствии с решениями Госсовета в 1980 г. начался и такой важный эксперимент в рамках открытой политики, как создание «специальных экономических зон» (СЭЗ).

Первые усилия по использованию новых форм сотрудничества с внешним миром дали свои результаты уже в 1980 г. К концу сентября этого года с зарубежными фирмами (в основном с предпринимателями из Гонконга и Макао) были подписаны соглашения о создании 330 совместных предприятий с общей суммой капитальных затрат на 1,8 млрд долл. (в том числе 1,4 млрд — иностранных инвестиций). Сфера деятельности первых предприятий смешанного капитала затрагивала в большинстве своем изготовление пищевых продуктов, напитков, некоторых традиционных кустарных изделий и т. д.

Определив общий курс на расширение внешних связей и сделав первые шаги по его реализации, КНР весьма последовательно пошла по этому пути: учреждение 4 СЭЗ на юго-востоке страны в 1980 г. (в 1988 г. пятой СЭЗ стал остров Хайнань), открытие для иностранного капитала 14 портовых городов по всей линии побережья в 1984 г., создание специальных районов технико-экономического развития в 1985 г., к числу которых последовательно присоединялись в последующие годы новые города и районы и т. д. По замыслу китайского руководства, особые экономические районы и приморские города, «соединяясь на морском побережье в одну линию», должны образовать «переднюю полосу, от-

крытую для внешнего мира», и таким образом будет ускорено не только экономическое развитие приморских районов, но и осуществлено «подтягивание» внутренних районов путем «заимствования передовых достижений техники, распространения опыта научного управления, передачи экономической информации, подготовки кадров» и т. п.

О масштабах и темпах открытия внешнему миру свидетельствует то, что уже за период 1979—1988 гг. в КНР было создано около 16 тыс. предприятий с участием иностранного капитала, в том числе 8532 смешанных, 6778 контрактных и 594 предприятия, целиком основанных на иностранном капитале. К 1986 г. 277 смешанных предприятий были созданы КНР в различных районах мира, 67 китайских компаний стали заниматься организацией строительства объектов за рубежом и экспортом рабочей силы и т. п. [88, 1985, с. 581; 1988, с. 733; 390, 24.01.1987; 389, 1989, № 10, с. 22—23]. После некоторого сокращения темпов роста внешнеэкономической активности в 1989—1990 гг. из-за политического кризиса в стране, начался процесс бурного развития совместных предприятий: только за период 1991—1997 гг. их было создано более 276 тыс. В общем итоге к началу 1998 г. число предприятий с участием иностранного капитала достигло в КНР 305 873, а сумма привлеченного иностранного капитала составила свыше 654 млрд долл. [89, 1998, с. 138]. К 2006 г., согласно официальным данным, общее число предприятий с участием иностранного капитала достигло 554 625, сумма привлеченного иностранного капитала за период 1979—2006 гг. превысила 1463 млрд долл. (в том числе прямые зарубежные капиталовложения — 1285,7 млрд долл.) [89, 2006, с. 177]. Фактически использованные иностранные капиталовложения составили: за период 1979—2007 гг. 969,75 млрд долл. (в том числе прямые инвестиции — 775,42 млрд), за период 1979—2008 гг. 1049,8 млрд (в том числе прямые инвестиции — 852,6 млрд), за период 1979—2009 гг. 1141,6 млрд долл. (в том числе прямые инвестиции — 942,65 млрд) [89, 2008, с. 174; 2009, с. 179; 2010, с. 73].

Безусловно, существует такая чисто китайская специфика, как то, что подавляющее большинство (примерно 70 %) иностранных инвестиций осуществлено в КНР *хуацяо* (выходцами из Китая). Однако «феномен» широкого притока зарубежного капитала в КНР, помимо этого фактора, объясняется еще и гибкой политикой государства и, главное, стабильностью власти. А потому, даже за вычетом вложений *хуацяо*, сумма зарубежных инвестиций в КНР уже к концу XX в. приблизилась к 200 млрд долл.

Из всех форм привлечения иностранного капитала отдав предпочтение прямым инвестициям, КНР создавала три типа предприятий: 1) смешанные, предполагающие совместное управление, обоюдную (пропорциональную вкладам) ответственность за прибыли и убытки; 2) контрактные, где обе стороны выступают в качестве самостоятельных юридических лиц, а права и обязанности их определяются условиями контракта, а не пропорциями вкладов; 3) целиком основанные на иностранном капитале с полной автономией в области управления хозяйственной деятельностью. В литературе и справочных материалах все они нередко объединяются понятием «предприятия трех капиталов».

Юридическое оформление политики «открытия внешнему миру» продвигалось эмпирическим путем: по мере накопления опыта создавались многие документы, разъясняющие, дополняющие, корректирующие друг друга, учитывающие уже конкретные плюсы и минусы достигнутого. Именно в эту работу активно вовлекались научные кадры страны. Особенностью смешанных предприятий, создаваемых в СЭЗ на основе китайского и иностранного капиталов, стало то, что для иностранного партнера определяется только минимум долевого участия (25 %) без ограничения верхнего предела. Условием деятельности предприятий с участием иностранного капитала ставится обеспечение передового научно-технического уровня и сбыт продукции на внешнем рынке. Ставка подоходного налога для смешанных предприятий на территории КНР была определена в 30 % (с добавлением местного дополнительного налога в 33 %). В отношении зарубежных инвесторов, действующих в СЭЗ, была выработана специальная преференциальная политика, которая предусматривала ставку в 15 %, и некоторые другие льготы в налогах на доходы, невысокую плату за аренду земли, некоторые преимущества в найме работников и определении их заработков, в области сбыта продукции, валютных операций, упрощения различных формальностей в ходе переговоров и заключения контрактов.

Важно то, что в подход к политике «открытия внешнему миру» довольно оперативно вносились корректировки в зависимости от полученных результатов, снимался целый ряд факторов, тормозивших активность капиталистических партнеров: был разрешен сбыт части продукции смешанных предприятий на внутреннем рынке, расширены территории СЭЗ и создана сеть объектов инфраструктуры, устранены некоторые бюрократические препоны.

Сами шаги открытия внешнему миру, в частности открытие вслед за особыми экономическими зонами портовых городов по всему побережью страны, в известной степени направлялись стремлением сделать открытую политику более эффективной, пойти для этого навстречу капиталистическим партнерам, предоставив им возможность создавать предприятия не только в ранее мало освоенных районах, но и там, куда они стремились, — в промышленно развитых центрах с уже существующей в них инфраструктурой.

Одновременно шел поиск новых форм привлечения иностранного капитала, результатом которого явилось создание в 1983 г. первой крупной акционерной компании, а в 1985 г. — первого совместного банка. В акционерной форме, где в отличие от смешанных предприятий строго регламентировался максимальный уровень долевого участия иностранного капитала (49 %), усматривались определенные преимущества по сравнению с другими формами сотрудничества: возможность аккумуляции свободных денежных средств частных лиц и предприятий внутри страны, большая привлекательность этой формы для иностранных партнеров из-за ее привычности, меньшая степень риска для них и большая четкость в распределении доходов, преимущественное обеспечение внутреннего рынка, ряд других.

Политика привлечения зарубежного капитала, передовой зарубежной техники, технологии и управленческого опыта была законодательно закреплена в Конституции КНР 1982 г., в ст. 18 которой сказано: «Китайская Народная Республика разрешает иностранным предприятиям и другим хозяйственным организациям, а также отдельным лицам в соответствии с законом Китайской Народной Республики вкладывать свой капитал в Китае и осуществлять в различных формах экономическое сотрудничество с китайскими предприятиями или другими хозяйственными организациями».

Все находящиеся в пределах Китая иностранные предприятия и другие иностранные хозяйственные организации, а также смешанные предприятия, основанные на китайском и иностранном капитале, должны соблюдать законы Китайской Народной Республики. Их законные права и интересы охраняются законодательством Китайской Народной Республики» [81, с. 16—17].

В решениях XII съезда КПК (1982 г.) по этому вопросу указывалось на то, что расширение технико-экономического обмена с зарубежными странами на основе равенства и взаимной выгоды представляет собой «незыблемый стратегический курс Китая»,

что для того, чтобы как можно больше привлечь в экономику страны иностранного капитала, необходимо проводить соответствующую подготовительную работу, выделяя необходимые внутренние средства и принимая различные координационные меры. Подчеркивалось, что в условиях единого планирования, единой политики и координации действий в сношениях с зарубежными странами надо развивать активность мест, ведомств и предприятий в области внешнеэкономической деятельности [69, с. 35—36].

На состоявшейся вскоре после съезда 5-й сессии ВСНП 5-го созыва в целях дальнейшего расширения технико-экономического обмена с зарубежными странами предлагалось помимо провинций Гуандун и Фуцзянь (уже проводящих особую политику во внешнеэкономических контактах) предоставить аналогичные права ряду приморских городов (например, Шанхаю, Тяньцзиню), чтобы они, используя преимущества своего транспортно-географического положения и исторически сложившееся стремление в эти регионы иностранного капитала, могли утвердиться на международных рынках в качестве привлекательных и разносторонних партнеров [81, с. 135—136]. Реализация этих установок в дальнейшей практике способствовала тому, что, например, Шанхай превратился в огромную и мощную зону «комплексной открытости» (включающей производство, науку, технику, торговлю, финансы) и стал соперничать с южным побережьем страны за право стать крупнейшим китайским торговым и финансовым центром в Восточной Азии.

Специфика СЭЗ КНР, в частности, расположенных на южном побережье страны, — Шэньчжэня, Чжухая, Шаньтоу, Сямэня, состоит в том, что основную роль в многоукладном хозяйственном комплексе на их территории играют смешанные, контрактные и чисто иностранные предприятия, что при направляющем руководстве со стороны государства здесь главным регулятором выступает рынок, что для иностранных инвесторов существует ряд особых привилегий и льгот, касающихся налогообложения, арендной платы за пользование землей, въездных и выездных формальностей, рассмотрения заявок на создание предприятий; что государство предоставило властям СЭЗ довольно широкую самостоятельность в решении экономических вопросов, например, право самостоятельно решать вопрос о строительстве объектов тяжелой промышленности стоимостью не более 50 млн юаней и объектов легкой промышленности стоимостью не более 30 млн юаней, определять объемы капитального

строительства в СЭЗ вне зависимости от государственных планов капитального строительства и т. д. То есть специфика простирается исключительно на сферу экономической деятельности. Именно поэтому подчеркивается, что они являются особыми экономическими, а не особыми политическими зонами.

Совершив поездку в СЭЗ в начале 1984 г., Дэн Сяопин отметил высокую эффективность экономической деятельности в данных районах, назвав их «окнами, через которые идет заимствование технических достижений, методов управления, знаний, реализуется политика внешних сношений». Одновременно он предложил подумать над тем, чтобы расширить эксперимент, прибавив к СЭЗ несколько новых городов (например, порты Далянь и Циндао, а также остров Хайнань), не присваивая им статуса СЭЗ, но предоставив им определенные возможности для «свободного входа и выхода капитала» [103, с. 47—50].

Вскоре (в мае 1984 г.) последовало решение Госсовета КНР об открытии для иностранного капитала 14 портовых городов вдоль всего побережья (Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Ляньюньган, Наньтун, Шанхай, Нинбо, Вэньчжоу, Фучжоу, Гуанчжоу, Чжаныцзян, Бэйхай). Давая сведения о месте в экономике страны этих 14 приморских городов, открываемых для внешнего мира, китайская печать сообщала, что проживает в них 7,7 % населения страны, работает 13 % рабочих и служащих и 12—17 % научно-технического персонала, производится 25 % валовой продукции промышленности, осуществляется 20 % объема наземных и водных перевозок, 97 % грузооборота морских портов, создается 25 % суммы реальной прибыли и налоговых отчислений, причем отношение прибыли и налоговых поступлений к общим фондам здесь в 2 раза выше, чем в среднем по стране [374, 24.09.1984].

Расширение рамок «открытой политики» с вовлечением в нее 14 портовых городов преследовало цель увеличения притока современной технологии из-за рубежа и получения доступа к новейшим достижениям в управлении производством. Для этих целей города получили большую самостоятельность во внешнеэкономической деятельности и определенные преференции в отношении иностранных вкладчиков: разрешалось в определенных рамках без санкции Госсовета утверждать строительство объектов, использующих иностранный капитал, осуществлять свободный ввоз для них оборудования, сырья, стройматериалов, а также экспорт продукции, делались скидки в подоходном налоге, осо-

бенно для техноемких объектов, разрешался частичный сбыт продукции на внутреннем рынке, упрощались визовые процедуры. На территории этих городов стали создаваться «зоны экономического и технического развития», где концентрировались объекты самой передовой технологии, и которые по льготам приближались к СЭЗ.

Главным назначением расширения потока иностранных инвестиций через открытые порты была техническая реконструкция действующих предприятий, модернизация имеющейся промышленной базы. Особые надежды возлагались и на распространение этого опыта во внутренние районы страны.

В задачи созданных в начале 1985 г. 3 открытых экономических районов в дельтах Янцзы (с центром в Шанхае), Чжуцзян (с центром в Гуанчжоу) и на юге провинции Фуцзянь («треугольник», образуемый городами Чжанчжоу, Цюаньчжоу, Сямэнь), являющихся традиционными центрами экспортного производства и имеющими хорошие транспортные связи, входило создание в них комплексной экономической структуры, ориентированной на внешний рынок, накопление валюты, подготовка условий для экономического развития на качественно новом уровне, за счет внедрения иностранных технологий достижение уже к 1990-м годам передового мирового уровня 1980-х годов. Одновременно это было продвижение открытости в глубь территории страны.

О необходимости дальнейшего развития связей с внешним миром, предполагающего еще большее расширение взаимосвязей между различными районами внутри страны, говорилось в Постановлении ЦК КПК о реформе экономической системы, принятом на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1984 г. Вопрос ставился таким образом, чтобы снять барьеры между относительно развитыми и относительно неразвитыми районами страны, между приморскими и внутренними районами, чтобы содействовать усилению экономических связей по горизонтали, содействовать рациональному обмену финансовыми средствами, оборудованием, техникой и научными силами, развивать различные виды технико-экономического сотрудничества и тем самым ускорить процесс модернизации народного хозяйства [354, 21.10.1984].

Уже имея довольно внушительные положительные итоги в районах, открытых внешнему миру с начала 1980-х годов, китайское руководство ставило вопрос о международном сотрудничестве не только применительно к нуждам текущего момента, но и в глобальных масштабах, анализируя свою прошлую историю и де-

лая выводы на будущее. В относящемся к июню 1984 г. выступлении «О строительстве социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопин ставил вопрос следующим образом: «Нынешний мир — мир широких сношений. Китай в прошлом был отсталым именно из-за своей замкнутости. После образования КНР нас блокировали, но в известной мере мы и сами держались замкнуто. Все это создало для нас некоторые трудности. Кроме того, принесли нам бедствия левацкие политические установки, в особенности “культурная революция”. Словом, опыт, накопленный за 30 с лишним лет, свидетельствует о том, что вести строительство при закрытых дверях нельзя — не добьешься развития» [103, с. 62].

Развивая эту мысль в выступлении на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва, Дэн Сяопин показал, что Китай страдал из-за своей замкнутости более трех столетий (с середины эпохи Мин до опиумных войн) и в результате «обеднел и отстал, стал темным и невежественным». И хотя в годы 1-й пятилетки после образования КНР внешние сношения расширились (но только с Советским Союзом и странами Восточной Европы), затем «двери опять закрылись, и страна не получила какого-либо развития». Для решения же поставленных в начале реформы задач учетверения производства к концу 20-го столетия невозможно обойтись без политики расширения связей с границей, еще труднее без такой политики продвинуться дальше. Именно поэтому, подчеркивал Дэн Сяопин, «политика привлечения иностранного капитала и расширения внешних сношений рассчитана на длительное время» [103, с. 86—87].

В этом же ракурсе видения КНР на общем фоне неизбежно расширяющихся международных контактов ставился вопрос в самом Постановлении ЦК КПК о реформе экономической системы: «Еще в Манифесте коммунистической партии К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что развитие капитализма создает всемирный рынок, на смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь между нациями, производство и потребление всех стран становятся космополитическими. Наша эпоха характеризуется еще более стремительным развитием производительных сил, науки и техники. Несмотря на сложность и противоречивость международных отношений, международные технико-экономические связи, говоря в целом, остаются все же очень тесными, в таких условиях невозможно осуществить модернизацию, пребывая в замкнутом и консервативном состоянии» [354, 21.10.1984].

В этот же период, анализируя итоги уже осуществленного поэтапного открытия КНР внешнему миру и отыскивая способы дальнейшего ускорения развития, китайское руководство ставит вопрос о необходимости «двойной открытости» — вовне и вовнутрь. Указывая на безуспешность строительства «при закрытых дверях», Дэн Сяопин подчеркивает: «Двери закрывают, во-первых, от заграницы и, во-вторых, от своих — один район закрывает двери перед другим районом, одно ведомство — перед другим. Мы хотим, чтобы развитие шло немного быстрее, слишком быстро — не соответствует нашим реальным возможностям, надо немного побыстрее. А для этого нужно оживлять экономику внутри страны и проводить политику расширения сношений с заграницей» [103, с. 63].

Разъясняя планы по расширению сношений двоякого рода — внешних и внутренних, — Дэн Сяопин отмечал, что без первых, т. е. «без усиления международных связей, без использования передового опыта, достижений передовой науки и техники развитых стран, а также их капитала» нельзя достигнуть ни цели обеспечения среднезажиточного уровня к концу столетия, ни цели приблизиться к уровню развитых стран в середине следующего столетия. Что касается расширения внутренних сношений, то они означают глобальную реформу внутри страны, распространение ее достижений по горизонтали: от одной отрасли — к другой, от одного региона — к другому, от одних категорий населения — к другим [103, с. 118—119].

Большое значение имел конкретный анализ хозяйственной деятельности в открытых районах, которые к середине 1980-х годов уже накопили немалый опыт. Наиболее показательным в этом отношении был опыт самой крупной особой экономической зоны страны Шэньчжэнь, непосредственно примыкающей к Гонконгу. Из общей суммы инвестиций в капитальное строительство за пять лет после открытия, составивших около 6 млрд юаней, здесь на привлеченный иностранный капитал приходилось около 20 %, остальная нагрузка распределялась следующим образом: средства, выделенные городом, — 27 %, средства центральных министерств и других провинций — 12, кредиты банка — 30, государственные капитальные вложения — 3, прочие источники — 8 %. За это время СЭЗ подписала контракты и соглашения на общую сумму 3,1 млрд долл., из которых 840 млн уже были использованы. 40 % привлеченного оборудования находилось на уровне самых современных требований, более 400 видов продукции вышло на уровень мировых стандартов, уро-

вень прибыли на совместных предприятиях превышал 85 %. Сотрудничество с внутренними районами страны помогало Шэньчжэню разрешать трудности, возникавшие с финансами, кадрами, сырьевыми ресурсами. В свою очередь, во внутренние районы передавалась и современная техника, и опыт управления, и рыночная информация. Существенно изменился и облик, и экономический потенциал района: за период 1979—1985 гг. примерно в 30 раз увеличилась валовая продукция промышленности; обозначилась тенденция к переходу от обработки давальческого сырья к собственному производству, увеличению специализации и товарности сельского хозяйства, к активному развитию торговли, транспорта, финансов, туризма, сферы услуг, просвещения, медицинского обслуживания; значительно выросли доходы населения (средний годовой доход крестьян составил в 1985 г. 1700 юаней, средняя месячная зарплата рабочих и служащих — 200 юаней, что было существенно выше, чем во внутренних районах страны); годовой национальный доход на душу населения составил более 1000 долл. (при среднем по стране — менее 300 долл.) [370, 11.12.1985].

Превратившись за короткий срок из отсталого сельского района в мощную, процветающую базу современного производства, Шэньчжэнь образовал внутри себя микрорайоны специального назначения: наиболее развитый промышленный район Шэкоу, где основные вложения осуществлялись в производственные объекты самого современного типа; город *хуацяо* Шахэ, привлекающий для развития промышленности и социальной инфраструктуры главным образом средства зарубежных китайцев. Особое значение имело создание научно-технического и промышленного парка Шэньчжэня, представлявшего комплексную базу научных исследований, производства и обучения с применением самых передовых достижений современной науки и техники, созданную в целях ускорения процесса освоения и разработки новых технологий в КНР, стимулирования научных открытий и сокращения сроков их материализации, т. е. прямого соединения науки с производством.

Крупное обследование всех срезов хозяйственной деятельности Шэньчжэня провели ученые страны. Многие выводы, сделанные ими на этой основе, в значительной мере распространялись и на другие СЭЗ и открытые районы. Характеризуя в целом роль СЭЗ в строительстве социализма со спецификой Китая, китайские экономисты отмечали, что СЭЗ стали не просто районами для строительства зарубежными фирмами предприятий, позво-

ляющими КНР решать вопросы занятости и накопления валюты, не просто свободными торговыми районами, развивающими транзитную торговлю, но и играют «узловую роль открытия “окон вовне” и “видов вовнутрь”», т. е. вбирают зарубежные передовые научно-технические достижения и управленческий опыт и распространяют их далее по всей стране.

Основное внимание сосредоточилось на анализе направленности деятельности открытых районов, которые с самого начала создавались с целью повернуть деятельность хозяйствующих субъектов с внутреннего рынка на внешний. Речь также пошла о том, чтобы эти, уже открывшиеся внешнему миру районы, осуществляли открытость «двойной направленности»: направляли свое развитие не только вовне, но и вовнутрь, использовали не только иностранные инвестиции, но и инвестиции внутренних районов, не только экспортировали продукцию, но и сбывали ее на внутреннем рынке. В качестве критерия осуществления внешней направленности были выдвинуты следующие три: 1) достижение более 50 % удельного веса иностранных инвестиций в промышленных капиталовложениях; 2) достижение более 70 % доли экспортируемой продукции; 3) получение положительного сальдо валютных расходов и доходов [212, с. 225—226].

В структуре производства СЭЗ в качестве основного звена рассматривалась промышленность, параллельно с которой должны были развиваться торговля, сельское хозяйство, строительство, финансовая деятельность, туризм и т. д. Пример Шэньчжэня показывал, что промышленное развитие явно отставало, а в основном успешно развивались торговля, сфера услуг, туризм, чему способствовала близость Гонконга. Соглашаясь с тем, что естественные благоприятные условия следует использовать с максимальной выгодой, китайские экономисты, тем не менее, подчеркивали, что это не снимает для Шэньчжэня вопрос о необходимости все же первоочередного развития промышленности, которое будет в состоянии поставить его развитие в целом «на собственные ноги» и поможет реализовывать «двойную направленность» таким образом, чтобы «растворяя, впитывая, преобразовывая и улучшая» иностранную технику и опыт, передавать их дальше, во внутренние районы. С другой стороны, считали они, первичная продукция внутренних районов должна поступать в СЭЗ, где согласно требованиям мирового рынка, с использованием передовой зарубежной технологии она будет подвергаться дальнейшей переработке, комплектации, доводиться до необхо-

димых международных стандартов, с тем чтобы затем идти на экспорт.

Постановка акцента на развитие промышленности в открытых районах не означала требования достижения подавляющего удельного веса ее в показателях хозяйственной деятельности районов, а рассматривалась как задача текущего момента, связанная с общей отсталостью производительных сил. С точки же зрения перспективы преобладание в этих районах торговой, финансовой, консультативной деятельности, туризма виделось естественным результатом эволюции развития до международных стандартов.

В развитии самой промышленности также предполагалось главный упор делать на внешнеориентированные отрасли, но при этом учитывать специфику каждого района и развивать те отрасли, для которых есть наиболее благоприятные условия. Учет специфики страны, в частности общей отсталости ее экономики, преобладания устаревшей техники и значительного удельного веса ручного труда, находил отражение в таких рекомендациях китайских ученых по техническому оснащению промышленности открытых районов, как отказ от попыток уже сегодня формировать фонды исключительно из самого современного импортного оборудования.

Имея в виду, что в перспективе открытые районы должны стать средоточием техноемкого и наукоемкого производства, текущая политика открытости, по мнению китайских ученых, должна исходить из реальности и потому, например, рекомендациями для Шэньчжэня в 7-й пятилетке (1986—1990 гг.) были следующие: примерно 20 % в валовой продукции промышленности должна занять новая продукция, произведенная на самом современном оборудовании, примерно 60 % — традиционная продукция, произведенная на технически передовом оборудовании, и примерно 20 % — традиционная продукция трудоемкого производства [212, с. 228].

Обсуждая последовательные этапы развития СЭЗ, экономисты КНР, отталкиваясь от практики Шэньчжэня, называли: 1) этап «закладки фундамента, или первых вариантов» (1980—1985 гг.); 2) этап «расширения, или формирования» (1986—1990 гг.); 3) этап «постепенного повышения» (до конца столетия). Некоторые ученые называли эти этапы, которые должны пройти все СЭЗ, как создания, урегулирования, развития вширь; другие — как подготовительный, развития, зрелости; третьи — как закладки фундамента, начала, завершения формирования

«внешней направленности» [187, с. 229]. По общему мнению ученых, к середине 1980-х годов СЭЗ переживали период перехода от первого этапа ко второму. При этом некоторые считали, что в СЭЗ продолжает сохраняться «внутренняя ориентированность», так как не выполнена задача «трех главных» (иностранных инвестиций в капитальных вложениях, промышленности в структуре производства, экспорта в сбыте продукции), а потому по-прежнему остается проблема достижения их «внешней направленности». Другие усматривали проблему в том, каким образом достичь этой «внешней направленности», если учитывать, что СЭЗ создавались в различное время и имеют отличные друг от друга условия развития.

Анализ деятельности СЭЗ позволил выявить и негативные моменты в их развитии: чрезмерно высокие темпы строительства, и как результат — отставание в обеспечении его людскими, финансовыми и материальными ресурсами; нерациональная структура капитальных вложений (например, в 1985 г. 24 % капитальных вложений шло в промышленность и 35 % — в непроизводственную сферу), низкий коэффициент их использования, сравнительно невысокая эффективность; недостаточно высокий удельный вес зарубежных инвестиций в капитальных вложениях, опора в основном на внутренние источники и банковские кредиты; значительная доля простой переработки на вновь созданных промышленных предприятиях, сбыт продукции преимущественно во внутренние районы, низкий удельный вес чистой продукции в валовой продукции промышленности (примерно 20 %, что ниже уровня в целом по стране), недостаток валюты у многих предприятий из-за слабого развития экспорта их продукции; наконец, плохая работа по «перевариванию и улучшению» того, что «приходит извне» и т. д. [212, с. 229—230].

Определяя в целом целесообразность и преимущества принципиально нового подхода к оценке роли внешнего фактора в развитии экономики страны, китайские ученые и практики анализируют со всех сторон результаты открытой политики, сверяют задуманное и достигнутое, взвешивают плюсы и минусы. К безусловным успехам «открытой политики» относятся: быстрое накопление валюты, внедрение новых для Китая техники и технологии, позволяющих в ряде случаев значительно (в несколько раз) поднять производительность труда, выполнение особыми экономическими зонами функций «школ» по подготовке кадров, «полигонов» и одновременно «фильтров» хозяйственной реформы в стране (экспериментирование и просеивание

привлекаемого извне опыта управления и организации производства), «узлов» и «окон», связывающих внутренние районы с внешним миром.

Там, где расчеты оправдываются в гораздо меньшей степени (в ряде случаев недостаточно передовой уровень поставляемой техники, слабая направленность инвестиций в промышленно-производственную сферу, ниже ожидаемой заинтересованность капиталистических партнеров, недостаточная конкурентоспособность выпускаемых товаров на мировом рынке, ограниченная адаптация современных методов в условиях экономически неразвитой страны) продолжается поиск решений, делаются определенные поправки.

С наибольшей остротой встают вопросы, связанные с возникновением в результате «открытой политики» таких негативных явлений, как разлагающее влияние буржуазного образа жизни, спекуляция валютой, контрабанда, незаконные обогащения, различного рода экономические преступления. Безусловно, что не единственно «открытая политика» породила эти явления, но для длительного времени «закрытого» Китая она дала мощный импульс. Не ставя знак равенства между «открытой политикой» и «проникновением прогнившей капиталистической идеологии», в КНР считают естественным, что «через открытое окно вместе со свежим воздухом могут влететь мухи и комары», и призывают не бояться этого, а направить больше усилия на «строительство социалистической духовной культуры».

Пытаясь определить социально-экономическую сущность СЭЗ, которые все же остаются анклавами современно организованного производства с исключительными условиями для работающих в них среди моря отсталости и бедности, китайские ученые высказывают различные мнения на этот счет. Одни, ссылаясь на наличие на территории СЭЗ предприятий государственной собственности и долевое участие государства в совместных предприятиях, определяют ее как полностью социалистическую; другие, напротив, указывая на существующие здесь предприятия чисто капиталистической собственности, обладающие полной самостоятельностью в вопросах хозяйственной деятельности, называют открытые зоны «капиталистической экономикой внутри социалистического государства»; некоторые определяют ее как экономику «новodemократического типа», обращаясь к прежним прогнозам Мао Цзэдуна о необходимости добиться после победы революции сосуществования в конкретных условиях Китая государственных, кооперативных, индивидуальных, госкапиталисти-

ческих и частнокапиталистических хозяйств; многие, абстрагируясь от неосновных для СЭЗ типов хозяйств и обращая внимание на их главный профиль, считают открытые районы госкапиталистической экономикой. В большинстве случаев, акцентируя внимание на госкапиталистической экономике как основе развития СЭЗ, китайские ученые признают неустоявшийся, переходный характер имеющих здесь место социально-экономических процессов [312, с. 178—179].

Несомненно, что вопрос об опасности реставрации капиталистических порядков там, где широко использовались элементы капиталистической экономики, и ставился, и достаточно серьезно волновал умы в КНР. Получивший довольно широкое хождение в Китае тезис о том, что в особых экономических зонах «все, кроме пятизвездного китайского флага, стало капиталистическим», требовал аргументированного ответа. Сам Дэн Сяопин, выступая на Всекитайском рабочем совещании по науке и технике в марте 1985 г., признал «наличие оснований» у тех, кто высказывает опасения по поводу возможности капиталистического перерождения Китая [103, с. 113]. Примерно годом ранее, в работе «О строительстве социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопин говорил о следующих гарантиях того, что расширение внешних связей не подорвет в КНР социализма: «Экономический базис социализма весьма широк и привлечение иностранного капитала в несколько десятков и даже в сотню миллиардов долларов не размочит у нас устои социализма. К тому же мы твердо придерживаемся социалистического принципа распределения и не допустим поляризации. Таким образом, привлечение иностранного капитала станет важным вспомогательным, а сегодня, можно сказать, необходимым средством осуществления социалистического строительства в нашей стране. Конечно, при этом могут возникнуть кое-какие проблемы, но негативные последствия в конечном счете будут совсем незначительны по сравнению с позитивными результатами ускорения темпов развития, которого мы при помощи этого добьемся. Опасность в какой-то мере существует, но она невелика» [103, с. 64].

Выступая по этому поводу на 3-м пленуме Центральной комиссии советников в октябре 1984 г., Дэн Сяопин выразил понимание того, что некоторые старые кадры в условиях, когда они «всю жизнь боролись за социализм и коммунизм, а тут вдруг появляется капитализм», «боятся, как бы... страна не превратилась в капиталистическую». Однако он считал, что даже при самом активном расширении внешних связей сектор экономики, осно-

ванной на общественной собственности, все равно будет неизменно доминировать, а так как совместные предприятия, в которые вложен иностранный капитал, являются наполовину социалистическими, то и больше половины реальной выгоды от этих предприятий получает страна, народ, а не капитализм [103, с. 88].

Поскольку, несмотря на все эти заверения высшего руководителя страны, сомнения в прочности устоев социализма в условиях все расширяющегося открытия внешнему миру продолжали нарастать, в относящемся к августу 1985 г. (т. е. тому времени, когда уже были открыты и СЭЗ, и портовые города, и прибрежные экономические районы) выступлении «Реформы — непреложный путь развития производительных сил Китая» Дэн Сяопин к прежней своей мотивации добавил еще один убедительный аргумент: «Мне хотелось бы еще сказать, что в ходе расширения внешних связей нельзя игнорировать роли государственной машины. Наша социалистическая государственная машина отличается большой мощью. В случае отклонения от социалистической ориентации государственная машина вмешается и выправит положение. Политика открытого доступа для внешнего мира сопряжена с некоторым риском, к нам может проникнуть кое-что тлетворное от капитализма. Однако наша социалистическая политика и государственная машина в силах одолеть все это» [103, с. 135].

Вопрос о гарантиях социалистического развития в существующих условиях, по мнению ученых КНР, упирается в эффективность контроля за всем происходящим со стороны государства. В данном случае, и это подчеркивается, главной гарантией является то, что открытые районы являются суверенной территорией КНР, находятся полностью под юрисдикцией КНР. Очень важен запрет на покупку земли (она может только арендоваться на определенный срок, по истечении которого аренда должна вновь возобновляться); существует строгий порядок регистрации предприятий, осуществляется финансовый, административный контроль, и, естественно, контроль спецслужб; наконец, имеется полная зависимость от китайской стороны в подаче воды, электроэнергии, предоставлении рабочей силы, что создает потенциальную возможность «перерезания артерий» в случае крайней необходимости. Все это позволяет делать вывод о довольно высоком уровне контроля над деятельностью иностранных предпринимателей, но в то же время говорит о необходимости «все время быть начеку», «не терять бдительности», искать новые эффективные формы контроля и прилагать усилия к

строительству социалистической духовной культуры, остающейся пока наиболее слабым звеном в открытых районах.

Ставя вопрос о дальнейшем расширении связей с внешним миром, и руководители КНР, и ученые, и практики акцентируют внимание своих зарубежных партнеров на том, что «оказание помощи Китаю в его развитии выгодно для стран мира»: пока внешнеторговый оборот КНР составляет совсем незначительную долю в мировом торговом обороте, но если валовой национальный продукт, как планируется, увеличится в 4 раза, то внешнеторговый оборот немного возрастет, разовьются экономические отношения с зарубежными странами, расширится и рынок, а это (с точки зрения мировой политики и мировой экономики) «выгодно как для дела мира во всем мире, так и для развития мировой экономики». Именно поэтому китайское руководство призывает деятелей международных промышленно-торговых кругов подходить к сотрудничеству с Китаем «с глобальной точки зрения».

Признавая, что, с одной стороны, для развития такого сотрудничества КНР должна создавать условия, Дэн Сяопин подчеркнул, что, с другой стороны, такие условия должны создавать и экономические круги развитых стран, не опасаясь, что политика КНР изменится, не боясь риска, а, напротив, «ускоряя шаги в целях сотрудничества», что «история в конце концов докажет, что те, кто нам помогает, окажутся в выигрыше» [103, с. 77].

Надо сказать, что за годы, прошедшие после «открытия» КНР внешнему миру, благодаря такой политике в отношениях с иностранными партнерами география внешних связей значительно расширилась: если на начальном этапе подавляющая часть прямых зарубежных инвестиций шла от соотечественников из Гонконга и Макао, то затем стала заметно расти доля развитых стран Европы и Америки, Японии, Австралии, стран — лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона.

Указав на необходимость «более смело вступать на арену мировой экономики», XIII съезд КПК (1987 г.) призвал осуществлять политику преференций, улучшать условия инвестирования, соблюдать общепринятые международные правила, с тем чтобы привлекать больше зарубежных средств. Подтверждена была и необходимость впредь укреплять и развивать сложившуюся в начальных формах композицию расширения связей, постепенно идущую по линии «особые экономические районы — открытые приморские города — открытые приморские экономические районы — внутренние районы страны» [72, с. 30], предусматривающую обеспечение преимущественного развития экономики, ори-

ентированной на экспорт, интенсивное расширение горизонтального хозяйственного объединения открытых районов и городов с внутренними районами страны в целях полного выявления их роли как баз и «окон» расширения внешних связей.

Новый импульс реализации идеи об активном включении КНР в международный обмен и международную конкуренцию был дан стратегией ускоренного экономического развития приморских районов, выдвинутой на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва весной 1988 г. и призванной в полной мере использовать преимущества, обусловленные обилием людских ресурсов и их дешевизной, а также осуществлять принцип «двойной зарубежности» — работать на зарубежном сырье и сбывать продукцию на внешних рынках. Стратегия эта была разработана на основе не только изучения собственного опыта «открытых» районов и городов, но и с учетом общей ситуации в мировой экономике, а также опыта некоторых азиатских стран и районов. Им стал, в частности, опыт «четырёх маленьких драконов Азии» (Гонконга, Сингапура, Тайваня, Южной Кореи), уступавших другим странам рынок трудоёмкой продукции, который они, благодаря дешевизне рабочей силы, занимали соответственно своему положению в иерархии «трудоёмкое — капиталоемкое — техникоемкое и наукоемкое производство». На основе изучения этого опыта и была подготовлена идея о том, что КНР должна использовать благоприятный шанс, предоставляемый ей мировой конъюнктурой, и быстро занять освобождающееся место по освоению рынка трудоёмкой продукции. Это позволит, во-первых, снять становящуюся явно тяжелой нагрузку на внутренние районы страны по обеспечению приморских районов сырьем и материалами, перенеся ее на зарубежных партнеров (так же как и сбыт производимой на этой основе продукции), во-вторых, активнее включиться в международный обмен и конкуренцию, резко повысив тем самым свои состязательные способности, а значит, и общий технико-экономический уровень страны. Реализация этой идеи связывалась не только с наличием в КНР дешевой рабочей силы и развитыми традициями трудоёмкого производства, но и с возможностью отыскания новых, наиболее льготных для иностранных предпринимателей форм вложения капитала.

Несмотря на всю привлекательность новой стратегии, отношение к ней в КНР было неоднозначным. Осознавались не только возможности возникновения целого ряда затруднений внутри страны (например, усиление экономического разрыва между внутренними и приморскими районами), но и неоднозначность

международной ситуации, в частности узость мирового рынка из-за того, что главной тенденцией мирового развития является не наращивание темпов, а повышение эффективности производства, из чего следует, что рассчитывать на заметный рост темпов спроса на трудоемкое производство не стоит. Однако сама идея ускоренного развития приморских районов, являющаяся логическим продолжением политики открытия страны внешнему миру, вписывалась в концепцию превращения социалистической экономики КНР в прошедшую школу конкуренции на мировом рынке «товарную экономику открытого типа», а потому прилагались все возможные усилия для ее реализации.

Решительности в расширении шагов по открытию внешнему миру придавал Китаю безусловный, несмотря на целый ряд трудностей, успех этой политики за прошедшие годы. Можно сказать, что в том поиске «китайской модели социализма», который ведется в КНР с конца 1970-х годов, данная находка (открытие внешнему миру) является, пожалуй, наиболее результативной: по крайней мере за годы реформы сальдо плюсов и минусов у нее одно из самых положительных. Говоря об ускорении шагов реформы в 1987 г., Дэн Сяопин отметил, что в политике расширения внешних сношений «получены ожидаемые результаты», что скептики внутри страны и представители общественности Гонконга, которые не верили в китайский эксперимент, теперь могут убедиться, что за 7—8 лет с начала открытой политики успехи огромны: обобщив свой опыт, активно пробивается на международный рынок Шэньчжэнь, еще быстрее развивается Сямэньский особый экономический район, создается более крупная специальная зона — Хайнаньдаоский особый экономический район [103, с. 199—200].

Остановившись специально на возможной перспективе дальнейшего «открытия» внешнему миру острова Хайнань, Дэн Сяопин отметил ряд преимуществ, которые позволят ему сыграть огромную роль в деле развития СЭЗ: большая площадь (примерно такая же, как Тайваня), много полезных ископаемых (железная руда и нефть), возможность выращивания каучуконосных и других тропических и субтропических культур и т. д. После официального объявления пятой по счету и самой крупной в стране особой экономической зоной о. Хайнань получил еще большие преференции во внешнеэкономической деятельности, чем остальные СЭЗ: были сняты ограничения на инвестиции в капитальное строительство и иностранные займы; финансовая система получила местное подчинение; на экспорт продукции не установлено

никаких квот; совместные предприятия уплачивают подоходный налог в размере 15 %, начиная с третьего года получения прибыли; иностранным предприятиям и отдельным лицам разрешено приобретение прав на пользование землей посредством купли (т. е. раздел права собственности и права хозяйствования), аренды, передачи и получения их в залог в целях разработки земельных участков или создания на них объектов недвижимости (предельный срок передачи этих прав — 70 лет, по истечении которых контракт может быть возобновлен).

Главные стратегические цели дальнейшего открытия Хайнаньдао определены таким образом, чтобы, придерживаясь курса на реформы и открытую политику, осуществлять «социалистически направленную рыночную экономику», сформировать внешненаправленный, комплексный «свободный экономический район», где при ведущей роли промышленности будут параллельно развиваться сельское хозяйство, торговля, туризм, сфера обслуживания и где примерно за 20 лет будет достигнут уровень Тайваня начала 1980-х годов по величине совокупного общественного продукта на душу населения (более 2000 долл.) [248, с. 5].

Основные шаги преодоления отсталости этого района были определены следующим образом: начиная с 1987 г., примерно за 3—5 лет догнать по среднему уровню развития всю страну, довести размер совокупного общественного продукта на душу населения до 400 долл.; на этой основе в последующие 5—7 лет достичь уровня наиболее развитых районов страны, к 1997 г. иметь на душу населения в районе примерно 800 долл. совокупного общественного продукта; потратив еще примерно 10 лет, т. е. к 2007 г., повысить этот уровень до 2260 долл.; в последние примерно 20 лет или несколько больший срок, т. е. в 30-е годы 21-го столетия, достичь уровня развитых стран мира [248, с. 5—6].

Политика в отношении Хайнаня явилась составной частью общей стратегии развития экспортно ориентированной экономики в прибрежных районах Китая, прорыва его на международный рынок. Такая политика активно велась во всех открытых районах и, посетив Шэньчжэнь в 1987 г., Дэн Сяопин сделал заключение: «развитие и опыт Шэнчжэня подтверждают правильность нашей политики создания особых экономических районов» [103, с. 199—200].

В конце 1989 г., когда автору пришлось побывать в Шэньчжэне, в местном правительстве следующим образом характеризовали достижения СЭЗ за 10 лет: в 1979 г., до образования СЭЗ, Шэньчжэнь был небольшим пограничным селом, а после созда-

ния в 1981 г. первых четырех совместных предприятий стал быстро развиваться и теперь превратился в современный город, имеющий более 2300 предприятий с участием иностранного капитала и полностью основанных на иностранном капитале. В 1988 г. в Шэньчжэне насчитывалось 387 совместных промышленных предприятий (18,4 % всех промышленных предприятий города) в самых разнообразных отраслях, но преимущественно по производству электронной, текстильной, механической, пластмассовой продукции. Доля экспорта промышленной продукции составляет 53,5 % общего объема промышленного производства. Освоено было 2 млрд долл. иностранного капитала. Выпускается более тысячи видов продукции. Сформировалась довольно современная комплексная структура экономики, включающая промышленность, торговлю, информатику, туризм. Совместные предприятия работают довольно эффективно: производительность труда на них значительно выше, чем на государственных (примерно в 4 раза). Быстрый успех Шэньчжэня руководители СЭЗ объяснили расширением самостоятельности, предоставлением преференций, в первую очередь в налоговой политике, благоприятным географическим расположением вблизи Гонконга. Главные трудности связываются с общим положением в народном хозяйстве страны: несбалансированность спроса и предложения, нехватка энергии, воды, сырья, напряженное положение с транспортом, недостаточно разработанное законодательство и т. д. В то же время внешне ориентированная экономика Шэньчжэня требует деятельности на уровне международных стандартов, чтобы быть конкурентоспособной на мировом рынке.

На совместном китайско-японском предприятии (доля японского капитала — 50 %) — электронной компании «Саньё», где побывала автор, можно было видеть поток ее главной продукции — цветных телевизоров и магнитофонов. Производство первых — 300 тыс. шт. в год, из которых половина шла на экспорт (в том числе 14 тыс. — в Великобританию); производство вторых — 800 тыс. шт. в год, из которых 75 % шло на экспорт (в том числе в США). Что касается самого облика Шэньчжэня, то это, действительно, современный район с красивейшими и комфортабельными многоэтажными отелями и деловыми центрами, прекрасными асфальтовыми дорогами, наполненными товарами магазинами, а также множеством строительных кранов, свидетельствующих о продолжающемся строительстве.

Когда «открытие внешнему миру» называется в КНР осуществленным в ходе реформы «прорывом» в экономической теории

социализма, во многом имеется в виду провозглашенный Дэн Сяопином (в ходе согласований с Великобританией вопроса о судьбах Гонконга) тезис «одно государство — два строя». Действительно, только политика решительного сотрудничества с капиталистическим миром дала возможность КНР благоприятно для себя решить вопрос с Гонконгом, длительное время являющимся для Китая крупнейшим источником инвалюты, основным рынком сбыта китайских товаров, крупнейшим внешнеторговым партнером и посредником, удобным пунктом для налаживания различного рода контактов без ущерба для себя в политическом плане.

Для сохранения всех этих функций Гонконга после возвращения его КНР в 1997 г. как раз и нужны были «гарантии» в виде создания соответствующего фона — строительства прямо примыкающей к нему специальной экономической зоны Шэньчжэнь, быстрое развитие которой способствовало созданию буферной зоны и снятию в Гонконге центробежных тенденций, появившихся в процессе подготовки совместной англо-китайской декларации. Обещания сохранения неизменности социально-экономического строя Гонконга в течение последующих 50—100 лет, данные правительством КНР, продолжили эти смелые и дальнеприцельные шаги «открытой политики», которые в общем и целом послужили обеспечению наиболее безболезненного и «естественного» вхождения капиталистического Гонконга (Сянган) в социально-экономическую и общественную систему КНР. Сходную миссию сыграла СЭЗ Чжухай при возвращении в 1999 г. под суверенитет Китая Макао (Аомыня).

Разъясняя сущность формулы «одно государство — два строя», Дэн Сяопин отмечал еще в 1984 г., что после 1997 г., когда правительство КНР возобновит осуществление суверенных прав на Гонконг, там сохранится и существующий ныне социально-экономический строй, и прежние законы, и прежний образ жизни; не изменится и статус Гонконга как порто-франко и одного из международных торговых и валютно-финансовых центров. Конкретно политика будет осуществляться таким образом, что в континентальной части КНР, где проживает миллиардное население, будет осуществляться социализм, а в остальной части, в Сянгане (Гонконге) и на Тайване, — капитализм. В этом виделся мирный способ объединения страны. «Долговременная неизменность нашей сянганской политики, — подчеркивал Дэн Сяопин, — не скажется отрицательно на социализме в континентальной части страны. Основу в Китае должен составлять социализм. Миллиардное

население на континенте осуществляет социализм, но одновременно с этим в некоторых районах страны разрешается осуществлять капитализм, например в Сянгане и на Тайване. Открытие ряда городов на континенте, разрешение кое-каким компонентам капитализма проникнуть туда в качестве дополнения к развитию социалистической экономики идет на пользу развитию социалистических производительных сил. Так, иностранные инвестиции в Шанхае не означают, что весь Шанхай осуществляет капитализм. И не весь Шэньчжэнь осуществляет капитализм, в нем все же социалистический строй. Основой в Китае остается социализм» [103, с. 55—56].

После возвращения Гонконга (Сянган) Китаю в 1997 г. последний получил высокую степень автономии и, как подчеркивается, «остается в состоянии процветания и стабильности», на практике осуществляя курс «одна страна — две системы» и принцип «сами сянганцы управляют Сянганом» [354, 22.09.1997; 370, 21.03.1998]. Возможность успешной реализации концепции «одна страна — две системы» в будущем ученые нередко объясняют таким образом, что в условиях открытого и легального допущения в рамках социалистического государства существования отдельных регионов с капиталистической системой вполне вероятно, что по истечении намеченного Дэн Сяопином срока в 50—100 лет уровень развития Китая будет настолько высок, что не будет необходимости в каких-либо изменениях, т. е. произойдет сближение «двух систем», вплоть до их естественного слияния.

«Прорыв в экономику открытого типа» связывается китайскими учеными со сделанным в ходе реформы «прорывом» к признанию товарным характера социалистического хозяйства, из чего логически вытекало и признание необходимости участия его в состязании не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Подчеркивается, что китайская экономика, которая ограничивалась внутренним рынком и не имела серьезного выхода на внешний рынок (внешняя торговля не в счет, так как шла в традиционном, гарантированном для сбыта наборе), оставалась долгое время в стороне от конкуренции на мировом рынке, и это послужило существенным тормозом развития страны. За годы реформы КНР серьезно повысила конкурентоспособность своих товаров и услуг, но и на исходе второго десятилетия рыночных преобразований ставился вопрос о необходимости «продолжать поднимать уровень открытости внешнему миру», отдавая приоритет качеству и эффективности, а также вложению зарубежных средств в объекты сельского хозяйства, инфраструктуры, базовых отраслей про-

мышленности, индустрии высоких и новых технологий, экспортно ориентированного производства [370, 21.03.1998].

Что касается «прорыва» экономической теории социализма в вопросе о роли и месте внешнего фактора в построении социализма, то можно сказать, что ленинская идея о пути к социализму тех стран, где капитализм не создал материальных предпосылок социалистической революции, с помощью пролетариата передовых стран народам отсталым и угнетенным «всеми имеющимися в его распоряжении средствами» [40, с. 246] преломлена в практике китайской реформы таким образом, что без принципиального расширения связей с внешним миром, без изучения опыта капиталистических стран и сотрудничества с ними любыми доступными способами невозможно для экономически отсталых стран в относительно непродолжительный срок осуществить модернизацию, тем более что даже развитые капиталистические страны не завершили ее полностью и по прошествии нескольких сот лет. А потому построение социализма требует открытости внешнему миру как через экономические связи, так и через прямое сотрудничество в сфере материальной, организационно-технической, духовной культуры, т. е. требует активного использования позитивных достижений капиталистического общества.

В этом состоит как «прорыв», так и «вызов» экономической теории социализма в современных международных условиях, диктующих необходимость активно искать пути от конфронтации социалистического и капиталистического миров к их сотрудничеству, ставя во главу угла не интересы классов, а интересы общественного развития в целом. То есть самой жизнью акценты перенесены с являющегося стержнем марксизма учения о диктатуре пролетариата на те редкие страницы классического наследия, где подчеркивается, что «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата» [22, с. 220].

Можно сказать, что реальности современной эпохи предлагают Китаю определить свое отношение к складывающемуся миропорядку и занять соответствующее место в глобализирующемся мире.

Если говорить о глобализации как о «стратегическом направлении развития всего человечества с начала его зарождения», как о неизбежной поступи научно-технического прогресса в мире, то это, безусловно, объективная тенденция или объективный процесс развития. Об этом можно говорить с той же (но не большей)

степенью уверенности, как и о смене формаций (от первобытно-общинного до коммунистического строя). Кстати, в КНР «коммунизм» как научное понятие не снимают с повестки дня.

Такая объективная тенденция может пробивать себе дорогу многие столетия, в течение которых если не все, то очень многие жизненные критерии могут поменяться. И как будет действовать человечество в этой иной мировоззренческой ситуации, предугадать трудно. Но ведь глобализация во многом по своей сути подразумевает не только технологический скачок, но и то, что связано с социальной стратегией и либерализацией национальной политики государств, организующая роль которых, как уже показал опыт, весьма отлична от страны к стране. И здесь хотелось бы обратить внимание на абсолютный верный, на наш взгляд, тезис одного из авторов многих публикаций на глобальные темы, заместителя директора Института экономических стратегий А.И. Неклесса: «Физический мир существует независимо от воли людей, но мир социальный — полностью сотворен нами» [123, с. 38]. Так что не стоит спешить говорить о движении человечества к «единому миру», «единой культуре», «стиранию национальных границ» и тому подобных вещах. В этом автор полностью солидарна с мнением профессора Университета Миссури Вэйна Митчела Бледсо, который, будучи президентом ассоциации по глобализации в своем штате, пришел к высказанному на ученом совете в ИДВ РАН в 2001 г. выводу о необходимости на современном этапе охраны государствами своих национальных интересов и даже назвал глобализацию не иначе как «новой фазой колониализма».

Анализируя развитие экономик других стран в контексте мировой экономики за 1000 лет, директор НИИ статистики Госкомстата России профессор В.М. Симчера приводит данные о том, что в 1000 г. разрыв между Китаем, тогдашним экономическим лидером, и Западной Европой составлял всего 1,2 : 1. «Неудивительно, — пишет в своих фундаментальных работах В.М. Симчера, — что сегодня, вопреки поразительному прогрессу, совершенному человеком в прошлом тысячелетии, разрывы в доходахкратно больше, чем в 1000 г. В 2000 г. разрыв между богатейшим регионом мира, каким является Северная Америка (Канада и США), и беднейшим (Африка) составлял 19 : 1, а в 2005 г. — 21 : 1» [128, с. 354].

Автор считает глубоко обоснованными выводы, сделанные по вопросам глобализации академиком Н.А. Симония о том, что глобализация по сравнению с предыдущими этапами интернационализации ничего не изменила в системе неравномерности

развития человеческого общества. А в связи с часто возникающим из-за потока публикаций по данной теме ощущением, что сегодня весь мир вращается вокруг глобализации, хотелось бы обратить внимание на следующее заключение академика: «Самое малое $\frac{3}{4}$ населения земного шара вообще не имеют представления о том, что существует некая глобализация и что она что-то меняет в мире. Как они жили прежде, так и живут. Возьмем сотни миллионов людей в Индии, в Китае, живущих ниже черты бедности» [123, с. 25].

Обращаясь непосредственно к Китаю и теме его трансформации в условиях глобализации, следует сказать, что за последнюю четверть века Китай доказал, что он сам выбирает свой путь, умеет действовать в национальных интересах и даже в конфликтных международных ситуациях умеет не только выставлять свои требования, но и выигрывать, добиваясь их выполнения.

Свою позицию по вопросам глобализации китайское руководство достаточно ясно высказало на саммите тысячелетия ООН в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке. Назвав глобализацию объективной тенденцией развития производительных сил в обществе, Цзян Цзэминь обратил внимание на то, что, хотя глобализация тесно связывает экономики различных стран, позиции государств по отношению к глобализации далеко не одинаковы и «тантъемы» от нее достаются развитым странам, в то время как развивающиеся страны (к которым Китай относит и себя) по-прежнему страдают от бедности и отсталости. Цзян Цзэминь подчеркнул, что нужна только такая глобализация, в которой равны все страны, а не такая, где «богатство нескольких государств создается на основе нищеты стран Юга». По его словам, нужен справедливый и рациональный новый международный экономический порядок, чтобы все страны могли равномерно участвовать в выработке ключевых экономических решений и правил и чтобы «международное сообщество смогло оказать развивающимся странам помощь в освоении людских ресурсов, в области науки и техники для того, чтобы последние могли поспевать за новыми тенденциями технического прогресса».

Особый акцент Цзян Цзэминь сделал на том, что «взаимное уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела друг друга должны оставаться основными принципами современных международных отношений», что «защита суверенитета и безопасности страны — это святое право правительства каждой страны и ее народа», что «не может быть и речи о правах человека, если отсутствуют гарантии суверенитета страны».

Признав, что экономическая глобализация стимулирует развитие международной обстановки в сторону разрядки, Цзян Цзэминь в то же время указал на связанные с ней противоречия и конфликты, рецидивы силовой политики, увеличение разрыва между бедным Югом и богатым Севером, подчеркнув, что дорога к становлению справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка «нелегка» и «некоротка». Строить современные международные отношения он, как и прежде, призвал на основе пяти принципов мирного сосуществования [354, 09.09.2000].

В докладе на XVII съезде КПК в октябре 2007 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао, говоря о том, что в современном мире «гегемонизм и силовая политика по-прежнему живы» и «глобальные экономические диспропорции усугубляются, разрыв в уровне развития Юга и Севера растет», подчеркнул, что «как бы ни менялась международная ситуация, китайское правительство и китайский народ будут всегда высоко нести знамя мира, развития и сотрудничества, проводить независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, охранять суверенитет, безопасность и интересы развития государства» [354, 25.10.2007].

Как видим, в официальной позиции китайского руководства отсутствует эйфория по поводу всех благ, которые, по ряду мнений, сулит глобализация. Здесь трезво говорится как о ее возможных плюсах, так и минусах.

Некоторые исследователи, рассматривая «ловушки для Китая» в процессе глобализации, справедливо, хотя и с сожалением, подчеркивают, что в КНР «доминирует исключительно национальный интерес». На наш взгляд, это является великим благом для китайского народа. И можно надеяться, что это сохранится и впредь. Когда, анализируя позиции КНР в вопросах глобализации, вполне обоснованно заходит речь о том, что «вопрос об обратной стороне глобализации — необходимости «делиться» суверенитетом — остается пока без адекватного решения» [118, с. 35], с большой долей уверенности можно сказать, что Китай никогда (по крайней мере, в обозримой перспективе) не пойдет на такой «делаж», а именно — на частичную уступку суверенитета. И об этом ясно сказали Цзян Цзэминь на саммите тысячелетия в ООН, а Ху Цзиньтао — на XVII съезде КПК. Об этом свидетельствует и богатый опыт Китая по «открытию» страны внешнему миру и уже фактически состоявшаяся интеграция китайской экономики в мировое рыночное хозяйство.

В то же время определение глобализации как нынешнего этапа развития человечества, который базируется не только на достижениях современной информационно-коммуникационной и технологической революции, но и «сопровождается распространением в мире модели безопасности, основанной на компромиссном мышлении» [118, с. 150], на наш взгляд, близко к позициям современного китайского руководства тем, что именно путем, основанным на таком компромиссном мышлении, пошел Китай в годы реформы, строя «социализм с китайской спецификой».

Именно конвергентность (в том ее варианте, который подразумевает движение не одной, а двух противоположных социально-экономических систем навстречу друг другу) сделала вначале реальностью шаги капитализма в направлении социальной защиты трудящихся, а затем — шаги социализма в направлении развития рыночной экономики как единственно эффективного способа создания материальной основы для реального обеспечения благосостояния трудового народа (как это делается в КНР).

И если говорить о глобализации как о дальнейшей интернационализации общественной жизни, то можно сказать, что Китай участвует в ней почти 30 лет. Об этом свидетельствует и богатый опыт Китая по «открытию» страны внешнему миру, и уже фактически состоявшаяся интеграция китайской экономики в мировое рыночное хозяйство. То есть современный Китай является и объектом, и субъектом новых мирохозяйственных отношений. Дальнейшие шаги будут углублять и расширять эти отношения, но Китай научился за годы реформы проводить гибкую политику на мировой арене без ущерба своим принципиальным национальным интересам.

О качественном наполнении политики «открытости внешнему миру» в XXI в. можно судить по тем задачам, которые были поставлены перед страной на ближайшее будущее на состоявшейся в марте 2010 г. сессии ВСНП. Сегодня китайское руководство говорит о необходимости, придерживаясь «стратегии завоевания успеха качеством», стабилизировать традиционные рынки и максимально открывать новые; оптимизировать структуру экспортной продукции, строго ограничивая экспорт ресурсной продукции, а также продукции с высокими энергозатратами и большими выбросами загрязняющих веществ; делать упор на увеличение ввоза передовых технологий и оборудования, ключевых деталей и узлов, дефицитных в стране материальных средств; побуждать развитые страны к уменьшению ограничений для экспорта высоко-

технологичной продукции; поощрять иностранный капитал идти в высокотехнологичный сектор обрабатывающей промышленности, новые и высокотехнологичные производства, современный сервис, новые энергоресурсовые, энергоэкономные и экоохраняющие производства; ориентировать зарубежный капитал на перемещение в центральные и западные регионы страны; наконец, стимулировать сочетание «привлечения иностранного капитала» с «привлечением умов» [354, 16.03.2010].

Глава 9

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ «НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ СОЦИАЛИЗМА»

Все те моменты новых представлений в КНР о строительстве социализма, о которых шла речь выше, находят свое обобщенное, концентрированное выражение в концепции «начальной стадии социализма». Официально провозглашенная на XIII съезде КПК в 1987 г., эта концепция позволяла, как подчеркивалось, трезво оценить условия страны и получить на этой основе «коренную предпосылку» для разработки и проведения правильной линии и правильных установок [72, с. 9].

Согласно этой концепции «весь период, начавшийся с завершения в основном социалистического преобразования частной собственности на средства производства в 1950-х годах и кончающийся осуществлением в основном социалистической модернизации, на что требуется минимум сто лет, и составляет... начальную стадию социализма» [72, с. 13]. По мнению ученых КНР, концепция начальной стадии социализма «есть важный теоретический вопрос, тесно связанный с базовой программой, выдвинутой Дэн Сяопином: сочетая общую истину марксизма с конкретной практикой страны, идти своим путем, строить социализм с китайской спецификой» [375, 1987, № 7, с. 3].

«Прорыв» в экономической теории по этому вопросу, как отмечается в КНР, заключается в отказе от рассмотрения социализма в виде кратковременного и быстро завершающегося периода преобразования многоукладности экономики, после чего начинается постепенный переход к коммунизму. Считается, что такого рода взгляд внес немало хаоса и сумятицы в экономическую теорию, а также практику социалистического строительства, что именно он явился источником существования в КНР «левого»

идейного течения, так как неизбежно рождал желание использовать различные политические движения, например «классовую борьбу», для скорейшего завершения этого периода, в результате чего коммунизм рассматривался в качестве ближайшей конкретной цели строительства.

Новый подход заключается в том, чтобы рассматривать социализм как довольно устойчивую и самостоятельную стадию развития, как могущий иметь многие самостоятельные этапы и потому занимающий собой довольно длительное время период.

Дискуссии по вопросу о том, на каком этапе общественного развития находится КНР, развернулись с 1979 г., когда в стране только начиналась реформа. Ряд авторов, руководствуясь тем положением, что завершённые в основном еще в 1956 г. в КНР социалистические преобразования собственности не подкреплены соответствующим развитием материально-производственной базы, справедливо, по нашему мнению, отмечали, что Китай «все еще остается обществом переходного периода», или, как они его называли, «обществом неразвитого социализма» [375, 1979, № 5, с. 17—19]. Их оппоненты, явно абстрагируясь от действительного положения вещей в КНР, характеризующегося сохранением значительного разрыва между формальным и реальным обобществлением, не соглашались с нерешенностью задач переходного периода и предлагали считать социализм в КНР уже построенным, характеризуя его как «неразвитый, но находящийся уже за рамками переходного периода» [375, 1979, № 8, с. 14—18].

После продолжительного дискутирования вопроса о том, является ли современный Китай все еще обществом переходного периода к социализму или же в нем социализм уже построен, «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятое на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в июне 1981 г., констатировало, что «хотя наш социалистический строй находится пока еще на первоначальном этапе своего развития, однако несомненным является то, что наша страна, где утвердился социалистический строй, уже вступила в социалистическое общество; всякого рода воззрения, отрицающие этот основной факт, являются ошибочными» [354, 01.07.1981].

Ссылаясь на критерии осуществленного социализма, определенные в СССР в 1936 г., — уничтожение классовых основ капитализма в результате преобразований в области собственности, когда общественная собственность вытеснила частную, ликвидация эксплуатации и распределение по труду, — китайские экономисты в основном приняли положения VIII съезда КПК в 1956 г.

и высказывания Мао Цзэдуна того же времени о построенном социализме в КНР, поскольку в данном случае (как и в СССР) обращалось внимание не на степень экономической развитости, а на господство социалистических общественных укладов. В то же время напоминалось, что уже в 1950-е годы Мао Цзэдун, исходя из практики, называл социализм, в который вступил Китай, неполным, неокрепшим, начальным, требующим усилий нескольких десятилетий для построения развитого социалистического общества.

Новая трактовка «начального социализма» и «полного социализма» отличалась подчеркиванием длительности того и другого этапов, недопустимости рассматривать создание социалистического строя как начала перехода к коммунизму. В этой связи давалась критическая оценка советской практики, когда уже на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. констатировалось вступление СССР в период «завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму», а в 1960-х годах говорилось о том, что «переход от социализма к коммунизму» сменился «периодом всестороннего развернутого коммунистического строительства».

Общее «коммунистическое поветрие», охватившее социалистический мир начиная с 1950-х годов, по мнению китайских ученых, находило питательную почву именно в представлениях о том, что социализм — кратковременный переходный этап на пути к коммунизму, а потому не может быть «прочным», «устойчивым» [354, 05.05.1986; 352, 21.05.1987]. Следствием такого подхода стала не только неверность теоретических обобщений (поспешность в констатации, например, достижения этапа развитого социализма в СССР в 1970-е годы), но и имевшие место как в СССР, так и в КНР практические авантюры (например, постоянное подстегивание социальных преобразований).

В связи с этим довольно остро дискутировался вопрос о необходимости получения «дополнительного урока у капитализма». Сторонниками «дополнительного урока», как правило, называли тех, кто обращался к идее «новой демократии», предполагавшей длительное существование после революции в Китае частных хозяйств, кто считали, что до сплошного поотраслевого преобразования капиталистической промышленности и торговли опыт КНР был весьма плодотворен, а на новом этапе в качестве главного способа развития производительных сил предлагали возродить госкапитализм, развивать товарные отношения, конкурен-

цию и т. п., по сути, отстаивали то, что в тех или иных формах уже обретало жизнь в ходе реформы [356, 1980, № 1, с. 43].

Тем не менее — и это свидетельствует об остроте дискуссий — сторонники таких взглядов на начальных этапах поиска подвергались достаточно резкой критике [375, 1981, № 7, с. 7—8; 352, 14.05.1981], хотя именно они, на наш взгляд, вносили верные поправки в экономическую теорию социализма, основываясь на уроках прошлого и выводах из новой практики.

Именно из этих споров рождалась идея о том, что необходимо концептуальное оформление довольно длительного исторического этапа, в течение которого развитие всех традиционно считавшихся несоциалистическими форм хозяйственной деятельности, соответствующих им форм распределения и т. п. могло бы быть и рассматриваться как естественный путь создания необходимой для социализма цивилизованности.

Исходя из того, что тому или иному уровню развития производительных сил соответствует та или иная система производственных отношений, китайские ученые стали обосновывать закономерность использования при социализме различных по формам собственности типов хозяйств, способов распределения и т. д., подчеркивая, что общая отсталость страны требует признания и неразвитости в ней социализма и что понятие «неразвитого», «незрелого», «начального» социализма является понятием научным, так как отражает реальное положение дел [352, 14.05.1981].

Основные особенности производственных отношений начального этапа социализма в решениях 6-го пленума ЦК КПК 12-го созыва охарактеризованы следующим образом: «Поскольку наша страна еще находится на начальном этапе социализма, следует не только осуществлять распределение по труду, развивать социалистическую товарную экономику и конкуренцию, но и в течение довольно длительного исторического периода необходимо развивать многообразные экономические уклады на основе предпосылки, что общественная собственность является главной, и в соответствии с целью достижения общего благосостояния поощрять то, чтобы часть людей становилась зажиточной раньше» [354, 30.09.1986].

Комментируя это положение в Решении ЦК КПК, китайские ученые разъясняли, что названные в нем общественная собственность, распределение по труду и социалистическая товарная экономика являются основными особенностями экономической системы всего социалистического этапа, а сосуществование мно-

гообразных экономических укладов при главенствующем положении общественной собственности и поочередное достижение зажиточности населения — явления, особо присущие начальному этапу социализма в Китае [375, 1987, № 7, с. 3—9].

Неизбежный приход к идее начального этапа социализма через анализ существующей действительности иногда объяснялся без всяких попыток обойти наиболее «острые углы». «Общественная собственность еще не стала всеобщей, распределение по труду — тоже. Мы не только разрешаем существование в определенных пределах частной собственности, но и разрешаем в определенной степени эксплуатацию. На многие коренные вопросы практики социалистического строительства можно ответить, лишь полагая его находящимся на исторической стадии начального этапа социализма» [374, 25.01.1987].

Наиболее развернутые теоретические положения по поводу производственных отношений на начальном этапе социализма КНР были даны одним из крупнейших экономистов страны Юй Гуаньюанем. «Показатель вступления в социалистическое общество, — пишет он, — есть единая социалистическая экономика. Это положение часто встречается в трудах марксистов. Я считаю, что, основываясь на историческом опыте, следует сделать “прорыв”» в этом вопросе и признать, что на начальном этапе социализма также можно разрешить сосуществование многообразных экономических укладов, а в качестве принципиального различия между переходным периодом и начальным этапом социализма рассматривать «нерешенность вопроса “кто — кого” между социалистической и капиталистической экономикой» [375, 1987, № 7, с. 7]. Последний признак, по мнению ученого, может быть отнесен только к переходному периоду.

Говоря о несоциалистических укладах (индивидуальная экономика; капитализм, представленный хозяйствующими в КНР иностранцами; капитализм, представленный гражданами Китая) в экономике страны, Юй Гуаньюань, основываясь на том, что они находятся под управлением и контролем социалистического государства и ограничиваются им, рассматривает их как «государственный капитализм периода строительства социализма» или «государственный капитализм начального этапа социалистического общества» и считает, что если курс государства будет правильным, то между социалистической и капиталистической экономикой не может вновь возникнуть вопрос «кто — кого». Существование различных форм госкапитализма в экономике КНР, по мнению Юй Гуаньюаня, по времени может совпасть с

продолжительностью начального этапа социализма и, вероятнее всего, пройдет через процесс «естественного отмирания» [375, 1987, № 7, с. 7—8].

Мотивируя целесообразность недопущения быстрого обобществления единоличного и мелкочастного производства в экономике с широким распространением ручного труда, как того требует объективный закон соответствия производственных отношений характеру и уровню производительных сил, китайские ученые соглашались с тем, что в социалистическом государстве при условии главенства общественной экономики и общественного владения землей возможно применение некоторых экономических рычагов для ограничения, торможения процесса развития капиталистических элементов, но не следует действовать методами запрета, главное — суметь поставить их развитие на службу достижения социально-экономического прогресса в стране.

В апреле 1987 г., т. е. за полгода до официального выдвижения на XIII съезде КПК концепции «начальной стадии социализма», Дэн Сяопин, сказав, что осуществляемый в КНР социализм «фактически еще не полноценный» и что социализм нельзя ассоциировать с бедностью, призвал для избавления от существующей бедности и отсталости «дать значительное развитие производительным силам» и «сделать модернизацию страны целью борьбы на несколько десятилетий», полагая, что лишь в середине следующего столетия, когда будет достигнут уровень среднеразвитых стран, можно будет заявить о том, что в КНР действительно построен социализм, а также «в полный голос говорить о преимуществах социализма перед капитализмом» [103, с. 186—188].

Анализируя современное китайское общество, ученые КНР сделали вывод о существовании огромной разницы между ним и теми прогнозами, которые делали классики марксизма, опираясь на опыт развитых европейских стран. Тот социализм, который строился в КНР на полукOLONиальной и полуфеодальной основе, считают китайские экономисты, отличается от абстрактного научного социализма не только по количественным параметрам — степени развития производительных сил, но и по качественным — его наполнителям, составным частям.

Подчеркивая, что характеристика этапа, на котором находится общество, должна даваться не только с позиций оценки уровня развития его производительных сил, но и с учетом существующих в нем форм собственности, распределения, других элементов производственных отношений, китайские ученые все больше

склоняются к выводу о том, что для того, чтобы достичь тех идеалов, которые начертаны классиками марксизма-ленинизма для коммунистической формации, в том числе и для первого ее этапа, Китаю необходимо проделать неимоверно долгий и трудный путь, на котором неизбежно должны использоваться все факторы экономического роста, оправдавшие себя в предшествующей формации [354, 05.05.1986].

По существу, в «начальной стадии социализма» находит концептуальное оформление идеи о необходимости довольно длительного исторического этапа, в течение которого развитие всех традиционно считавшихся несоциалистическими форм хозяйственной деятельности, соответствующих им форм распределения и т. п. могло бы быть и рассматриваться как естественный путь создания необходимой для социализма цивилизованности.

По мнению китайских ученых-экономистов, выдвижение концепции «начального этапа социализма» стало тем «прорывом», который позволяет и в теории, и в экономической политике придерживаться реальности, учитывая такую специфику современного Китая, как «неразвитость производительных сил, несовершенство производственных отношений, незрелость надстройки» [370, 21.10.1987]. В развернутом виде эти проявления «начального этапа социализма» в КНР видятся в следующем:

- сосуществуют крупное современное и мелкое традиционное производство, причем задачи индустриализации далеко не выполнены, абсолютное большинство населения заняты в сельском хозяйстве и используют ручной труд;
- сосуществуют товарная и натуральная экономики, особенно низки товарность и степень обобществления в сельском хозяйстве;
- наряду с относительно развитыми есть очень отсталые районы, причем разница между ними крайне велика;
- современная наука и техника соседствуют с неграмотностью и полуграмотностью (что касается четверти населения страны);
- при высоких общих показателях развития экономики крайне низки показатели среднедушевого производства, многочисленное население страны — не только источник рабочей силы, но и тяжелое бремя для экономики; предстоит длительный период превращения трудящихся из едва обеспечивающих себя самым необходимым в высокоэффективных производителей;

- реальны такие понятия, как «скромный достаток», «обеспеченность пищей и одеждой», «бедность», причем даже две первые категории на общемировом уровне попадают в разряд характеризующих население с низким уровнем доходов;
- занимающий ведущее место в многоукладной экономике сектор общественной собственности не исключает хозяйств, относящихся к другим формам собственности;
- кроме распределения по труду, функционируют различные иные формы распределения;
- наряду с ведущими, неантагонистическими противоречиями есть противоречия антагонистические;
- имеет место факт сосуществования господствующей социалистической идеологии с несоциалистической, широко распространены буржуазные и феодальные настроения, особую опасность представляет собой «камуфлирующаяся под социалистическую “левая” идеология».

На XIII съезде КПК особо подчеркивалось, что «начальный этап социализма» — это не та первоначальная стадия вообще, которую переживает любая страна при вступлении в социализм, а тот особый период, через который неизбежно должен пройти Китай, созидавая социализм в условиях неразвитости производительных сил и товарного хозяйства. Не отождествляя этот этап ни с переходным периодом, когда еще не заложен фундамент социалистической экономики, ни с этапом уже проведенной социалистической модернизации, съезд указал, что основным его противоречием является противоречие между растущими материальными и культурными потребностями народа и отсталым общественным производством. Что же касается классовой борьбы, то хотя она и «будет еще долго существовать в известных пределах», но «уже перестала составлять главное противоречие».

Для разрешения основного противоречия «начальной стадии социализма» необходимо, как указывалось на съезде, прилагать усилия для развития товарного производства, для повышения производительности труда, модернизации промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники; следует также перестраивать ту часть производственных отношений и надстройки, которая не соответствует развитию производительных сил [72, с. 13—14].

Берущая в качестве главной идеи миссию по ликвидации бедности и отсталости страны, которая три десятилетия до реформы строила социализм, концепция «начального этапа социализма», по сути, подводит исторический итог попыткам строительства со-

циализма в тех странах, которые «не достигли такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». Соглашаясь в свое время с «бесспорностью» этого доказываемого представителями II Интернационала тезиса, В.И. Ленин высказывал надежду, что народ стран, «впервые... втягиваемых в цивилизацию», под влиянием безвыходности своего положения бросится на такую борьбу, которая хоть какие-то шансы откроет ему «на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации» [65, с. 379, 380]. Причем завоевание этих условий В.И. Ленин связывал с невероятными трудностями «и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [65, с. 377].

Характерно, что В.И. Ленин предлагал создать эту «цивилизацию», используя такую предпосылку, как «революционное завоевание рабоче-крестьянской власти», а не «миновать» ее, как это, по сути, происходило в странах, начавших движение к социализму в условиях экономической и культурной отсталости. Причем происходило не только вследствие сознательных извращений основных положений научного социализма, но и по причине добросовестных заблуждений по поводу движущих сил социально-экономического прогресса, идеализации и соответствующей гипертрофии роли субъективного фактора с почти закономерно вытекающим отсюда волюнтаризмом в экономической политике. История жестоко отплатила за это.

Выдвинутая в КНР концепция «начального этапа социализма» по своему существу основывается на том, что нельзя безнаказанно «перешагнуть» через стадию создания цивилизованности человеческого общества. И потому «начальной стадии социализма» в том виде, как определяется ее срок и ее задачи в КНР, отводится миссия, которую в развитых странах мира выполнил капитализм.

Эту стадию нельзя назвать посткапиталистической, ее можно принять как заменяющую капиталистическую формацию, формацию и по содержанию, и по срокам. Ибо дело не только в незрелости, недостаточной развитости экономических отношений (собственности, распределения и т. д.) социалистического характера, но и в необходимости в интересах создания цивилизованности развития экономических отношений несоциалистического характера. Дело также в том, что для разрешения противоречий между теми и другими, для выполнения на такой основе постав-

ленных задач по всеобщему благосостоянию и духовному развитию всех трудящихся действительно необходимо очень длительное время.

Весьма образно по этому поводу высказался один из ведущих экономистов КНР Фань Ган: «Необходимо пройти урок индустриализации и урбанизации», нельзя «сидеть в соломенном шалаше и играть в компьютерные игры» [339, 2000, № 4, с. 66].

Находясь под впечатлением действительно огромных успехов Китая в социально-экономическом развитии за годы реформы, не следует забывать, что он все еще остается относительно отсталой страной. Можно, пожалуй, сказать, что судить о степени его цивилизованности и быстрых шагах в прекрасное будущее стоит не столько по количеству мобильных телефонов или компьютеров в стране с более чем миллиардным населением, сколько по степени развития здесь системы водоснабжения и канализации.

Новый всплеск обсуждения существа, продолжительности и главного противоречия «начальной стадии социализма» в КНР приходится на время, предшествующее XV съезду КПК (сентябрь 1997 г.), т. е. период подготовки программных материалов к съезду. В опубликованной в журнале «Цзинцзи яньцзю» статье директора Института экономики АОН Китая Чжан Чжоюаня заключение о том, что главным противоречием начальной стадии социализма в КНР является противоречие между растущими материальными и духовными потребностями народа и отсталыми производительными силами страны, было конкретно проиллюстрировано фактами китайской действительности (с использованием, в том числе, данных Мирового банка): среднедушевой валовой продукт в КНР в 1952 г. составил 50 долл., что ниже Индии и примерно $\frac{1}{5}$ уровня СССР 1928 г., причем за 40 лет строительства ситуация не претерпела коренных изменений, и в начале 1990-х годов среднедушевой ВВП КНР по-прежнему находился на одном из низких уровней в мире, составляя примерно 400 долл.; по-прежнему в КНР сосуществуют современное и традиционное производство, товарная и натуральная экономики, современная наука и неграмотность, развитые и отсталые регионы, широко используется ручной труд, 58 млн сельского и от 10 до 20 млн городского населения испытывают проблемы с питанием и одеждой [373, 1997, № 10, с. 8].

Принимая во внимание быстрое развитие экономики в последние 20 лет реформы, Чжан Чжоюань заключал, что КНР понадобятся огромные усилия до середины XXI в., чтобы пройти тот путь, который развитые страны прошли за два-три столетия.

При этом надо посредством «обобществления, товаризации и рыночнизации экономики» непрерывно освобождать и развивать производительные силы, постепенно продвигаясь к модернизации [375, 1997, № 7, с. 5].

Ссылаясь на международный опыт, свидетельствующий о том, что страны и регионы со среднедушевым ВВП в диапазоне от 600 до 3000 долл. находятся, как правило, на этапе радикальных структурных изменений в экономике, Чжан Чжоюань подчеркивает необходимость в конце 1990-х годов, когда среднедушевой ВВП КНР уже достиг уровня 680 долл., сосредоточить внимание на продвижении на более высокую ступень структуры производства КНР, осуществлять переход от дуальной к современной экономической структуре, активно используя для этого все новейшие достижения технического прогресса [375, 1997, № 6, с. 6].

Подводя итоги поиска пути, способного вывести Китай из отсталости и бедности, Цзян Цзэминь, принявший эстафету реформы после смерти Дэн Сяопина, отмечал на XV съезде КПК, что одна из коренных причин просчетов в строительстве социализма в КНР до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. состояла в том, что нередко выдвигаемые задачи и политические установки «выходили за пределы начального этапа социализма», так же, как одна из коренных причин успехов в проведении реформы кроется в «преодолении ошибочных взглядов и политики, обгонявших начальный этап», и одновременно в «пресечении ошибочных выступлений, отбрасывавших социалистический строй». «Поступая таким образом, — подчеркивал Цзян Цзэминь, — мы не отходили от социализма, а строили его на реальной почве» [354, 22.09.1997].

Характерно, что на XV съезде КПК, где теории «начальной стадии социализма» было уделено особое внимание, акцент был сделан именно на длительности срока, подчеркнуто, что на решение задачи социалистической модернизации потребуются «по меньшей мере сто лет», а для укрепления и развития социалистического строя — «неустанные усилия нескольких, даже десятков поколений» [354, 22.09.1997].

Неизбежность длительности начального этапа социализма в Китае Цзян Цзэминь объяснял следующим образом: хотя «в такой большой восточной стране, как Китай, переход от периода новой демократии на социалистический путь — великая победа», при вступлении на этот путь страна по уровню развития производительных сил была «очень далеко позади развитых стран», а потому нужен целый исторический этап для «осуществления индустриал-

лизации и создания социально ориентированной, рыночной, современной экономики». «Это, — заключал он, — исторический этап, через который нельзя перепрыгнуть» [354, 22.09.1997].

Можно сказать, что ко времени XV съезда в КНР были достаточно полно и ясно сформулированы идеи, ставшие наполнителями концепции начальной стадии социализма, самый большой вклад которой в научную теорию оценивается китайскими учеными таким образом, что, обозначив основные особенности страны, она помогла найти правильный и эффективный путь строительства социализма со спецификой Китая. Путь этот обусловлен постепенным избавлением от неразвитости и осуществлением в основном социалистической модернизации посредством целой серии переходов:

- от аграрной страны с большим удельным весом занятого в сельском хозяйстве населения, опирающегося в основном на ручной труд, к промышленно развитой стране с современными сельским хозяйством и индустрией сервиса;
- от в значительной мере натурального и полунатурального хозяйства к экономике с достаточно развитыми рыночными отношениями;
- от состояния с большим удельным весом неграмотного и полуграмотного населения и отсталой науки и техники к достаточно развитым науке и технике, образованию и культуре;
- от состояния с очень большим удельным весом бедного населения и низким уровнем жизни народа к достаточно обеспеченной жизни всего народа;
- к уменьшению разрыва в экономическом и культурном развитии регионов, образовавшегося из-за большой неравномерности их прежнего развития;
- к уменьшению разрыва уровня социально-экономического развития КНР с передовым мировым уровнем.

В соответствии с этим набором стратегических задач в более законченном виде была сформулирована сама теория «строительства социализма с китайской спецификой» как «развитие рыночной экономики в условиях социализма», предполагающее необходимость соблюдения следующих принципов:

- отстаивать и совершенствовать базисный экономический строй, при котором совместно развиваются все сектора многоукладной экономики с доминирующей социалистической общественной собственностью;
- отстаивать и совершенствовать систему социалистической рыночной экономики, с тем чтобы под государственным

макрорегулированием и макроконтролем рынок играл базисную роль в размещении ресурсов;

- отстаивать и совершенствовать многообразные формы распределения при доминирующем распределении по труду, позволять первыми стать зажиточными части районов и людей, которые будут помогать стать зажиточными остальным, чтобы шаг за шагом добиться общей зажиточности для всех;
- отстаивать и совершенствовать открытость внешнему миру, активно участвовать в международном экономическом сотрудничестве и конкуренции.

Неуклонное следование этим принципам в экономической политике сможет, по мнению китайских ученых и практиков, «гарантировать устойчивое и быстрое развитие экономики на здоровой основе, а народу — пользование плодами процветания экономики» [354, 22.09.1997].

«Необходимо видеть, — подчеркнул Цзян Цзэминь в докладе на XVI съезде КПК в ноябре 2002 г., — что мы сейчас находимся и будем еще долго находиться на начальной стадии социализма. Средняя зажиточность, которой мы сейчас достигли, все еще на низком уровне, все еще не всесторонняя и развивается крайне неравномерно. Противоречие между постоянно растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством по-прежнему остается главным противоречием нашего общества. Производительные силы, наука, техника и образование у нас все еще сравнительно отсталые, путь индустриализации и модернизации все еще долог. Бинарная, т. е. урбано-аграрная, структура нашей экономики еще не изменилась, тенденция к расширению межрегиональных различий все еще не остановлена, бедного населения все еще немало» [354, 18.11.2002].

В таких оценках Цзян Цзэминя, обращенных в значительной мере к новому поколению китайского руководства, принявшего эстафету от прежних лидеров на XVI съезде КПК в 2002 г., ощущается предостережение от попыток поспешности или «забегаания вперед», которые неоднократно подводили руководителей КНР в дореформенное время, но с которыми они научились справляться за годы строительства «социализма с китайской спецификой». Характерно, что в докладах новых руководителей КНР на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2004 г. при разъяснении задач по дальнейшему углублению рыночных преобразований в стране неизменно присутствует напоминание о том,

что делать это надо шаг за шагом, постепенно, через экспериментальное апробирование всех хозяйственных нововведений.

Можно сказать, что срок в 100 лет, который изначально был отведен для решения поставленных задач модернизации в КНР, отнюдь, не выглядит чрезмерным, а скорее — оптимистичным. Слишком оптимистичным, на наш взгляд, является этот срок, если иметь в виду все чаще упоминаемые в последнее время в КНР (на фоне действительно огромного научно-технического прогресса за прошедшие годы реформы) задачи не анклавного, а повсеместного перехода экономики страны от экстенсивных к интенсивным методам производства, а тем более, восхождение ее к 2050 г. «на рубеж постиндустриализации и информатизации» и возведение «социума экономики знаний».

Очевидно, для таких, на наш взгляд, несколько фантастических прогнозов (ведь речь идет о стране чуть ли не с полутора миллиардным населением, с большой долей бедноты, ручного труда и неграмотности), и сделаны были вначале на XV, а затем на XVI съезде КПК акценты именно на необходимости более длительного срока для построения «могучего и богатого Китая», подчеркнуто, что если на осуществление модернизации народного хозяйства потребуется «по меньшей мере сто лет», то для укрепления и развития социалистического строя — «неустанные усилия нескольких, даже десятков поколений».

Пониманием неимоверной сложности и тяжести принятых от своих предшественников наказов наполнено мнение премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, высказанное им на пресс-конференции 18 марта 2003 г. после принятия власти четвертым поколением китайского руководства на 1-й сессии ВСНП 10-го созыва: «Социализм может укрепляться и совершенствоваться только в том случае, если он ставит себе на службу все достижения человеческой цивилизации. Для укрепления и совершенствования социализма требуется длительный период времени — более ста лет и, возможно, даже несколько столетий».

По существу теория «начального этапа социализма» (так же, как и практика строительства социализма не только в КНР, но и в других странах) не соглашается с прогнозами на этот счет основоположников марксизма-ленинизма.

Экономический прогноз К. Маркса о грядущей смене формации строился на анализе развитого капиталистического общества и был «поправлен» ленинской теорией «слабого звена в цепи империализма». К сожалению, этот прогноз обернулся драмой со-

циализма, истоки и причины которой все еще остаются важной темой для исследований.

История развития человеческой цивилизации в XX в. свидетельствует о том, что попытки построить социализм на экономически отсталой базе путем революционного «прорыва слабого звена» доведенными до отчаяния своим положением трудящимися рано или поздно терпят провал, а там, где материальная и, соответственно, духовная культура получают высокое развитие, трудящиеся отдают предпочтение не революционному, а эволюционному пути развития.

Сегодня подтверждается лишь главный прогноз К. Маркса по поводу становления любого нового общественного устройства: «Новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [3, с. 7]. На создание этих материальных условий и отводится в КНР более чем столетие «начальной стадии социализма».

Выдвижение концепции «начальной стадии социализма» явилось, по мнению китайских ученых, тем «прорывом», который позволяет и в теории, и в экономической политике придерживаться реальности и не допускать или избежать ошибок преждевременного использования не свойственных для данного уровня развития тех или иных форм экономических отношений, например, продуктообмена вместо товарообмена или распределения по потребностям вместо распределения по труду.

Одновременно такой «прорыв» дает возможность длительное время воплощать на практике те новые открытия в экономической теории социализма, которые порождены самой практикой, но не укладываются в привычные представления о социализме. В частности, многие новые постановки вопросов, отражающие реальные процессы в китайской экономике и отстаивающие необходимость плюральной основы механизма функционирования социалистического хозяйства, объясняются именно тем, что Китай находится на исторической ступени, которая характеризуется как «начальная стадия социализма».

Заключение

Проведенное исследование позволяет ответить на один из наиболее часто задаваемых сегодня по поводу КНР вопросов: не является ли термин «социалистическая», поставленный рядом с «рыночной экономикой» в концепции «социализма с китайской спецификой», идеологическим «прикрытием» характера происходящих в китайской экономике процессов? По нашему мнению, ответ может быть отрицательным по целому ряду причин.

Дело не в том, что Китай в переломную эпоху 1980-х годов не отказался, как это сделали многие страны, от социалистического выбора, а общество, которое он строит, называется сегодня «социализмом с китайской спецификой». Практика все больше показывает, что неважно, как и что называется, важно, что при этом делается. Хочется сразу оговориться, что здесь имеется в виду не широко известная формула Дэн Сяопина «неважно какая кошка, черная или белая, лишь бы ловила мышей», которая, по нашему мнению, без дополнительных разъяснений несет оттенок оправдания используемых средств необходимостью достижения определенной цели.

Напротив, несмотря на сугубо прагматичные цели — наращивание экономической мощи государства и достижение модернизации промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники, — КНР осуществляет вхождение в рынок «мягкими средствами», без крупных социальных потерь, как это имело место в других странах: ни обвальная либерализация цен, ни гиперинфляция, ни ухудшения материального положения населения, ни разрушения факторов его социальной защищенности.

Назвав развитие производительных сил центральной задачей и одновременно критерием оценки экономической политики и фактически сняв какие бы то ни было «социальные оговорки» при формулировании целей развития, китайское руководство, тем не менее, на практике сумело решать эту задачу в интересах народа, в первую очередь, переориентацией усилий на производ-

ство потребительских товаров и услуг (быстрый рост сельского хозяйства, легкой промышленности, сферы обслуживания), а также сосредоточением их на проблемах трудоустройства (активное развитие поглощающих избыточную рабочую силу деревни поселково-волостных предприятий, создание единоличных и коллективных хозяйств, сдерживание реализации закона о банкротстве промышленных предприятий из-за боязни массовой безработицы в городах и т. п.) и повышении качества работников как главной производительной силы общества (улучшение системы образования и профессиональной подготовки, заимствование зарубежного опыта управления производством и подготовки кадров и т. п.).

Говоря о социальных последствиях рыночных преобразований в КНР, следует обратиться к исходным позициям и тенденциям развития. Исходные позиции — опыт социализма с жесткими административными ограничителями в хозяйственной деятельности, но в то же время с необычайно важными для человека (тем более для экономически отсталой страны с громадным населением) социальными гарантиями — обеспечение работой, прожиточным минимумом, здравоохранением, образованием и т. д. Все это приходит в столкновение с законами рыночной экономики, состоящими в том, что эффективность хозяйствования достигается лишь в условиях конкурентной борьбы, вытеснения слабого сильным и наиболее дееспособным. Поэтому в период первоначального накопления экономической мощи, которое происходит в странах, переходящих к рыночной экономике, некоторые потери прежних социальных гарантий и отодвижение на второй план проблем социальной справедливости неизбежны, а степень социальной защищенности трудящихся в том понимании, как это дал предшествующий опыт социалистического строительства (в первую очередь, через фонды общественного потребления), снижается.

Признавая неизбежность некоторых социальных потерь при переходе к рынку, нельзя, однако, не задаваться вопросом об их величине и оправданности. О последней, очевидно, можно говорить лишь постольку, поскольку вносимая в ходе реформирования социальная плата оказывается сопоставимой с достижениями в повышении эффективности производства, служащими в конечном счете росту народного благосостояния. Практика экономических реформ в бывшем социалистическом мире дает разные примеры. Если в нашей стране фактически разрушены все положительные социальные завоевания прошлого, то КНР, пойдя по

пути постепенного внедрения рыночных начал в экономику, достигла того, что социальная плата оказалась посильной для населения и сопоставимой с тем действительным экономическим прогрессом, ради которого и вносилась.

Главный смысл экономического прогресса состоит в достижении прогресса социального, т. е. в улучшении качества жизни людей. В КНР эта идея, можно сказать, не придавалась забвению все годы рыночных преобразований.

На XIII съезде КПК в 1987 г. при обосновании положения о том, что производительные силы в конечном счете определяют все общественное развитие, ставился безусловный знак равенства между развитием производительных сил и интересам народа: «Все, что благоприятствует развитию производительных сил, отвечает коренным интересам народа, а потому, можно сказать, диктуется социализмом и допускается им» [72, с. 79].

Такой подход вбирал в себя всю неоднозначность социальных последствий экономического прогресса любыми способами, в то время как сущностная характеристика социализма всегда подразумевала социальную защищенность трудящихся, которая на практике может быть достигнута, конечно, лишь на базе высокого уровня развития производства, но автоматически не следует за ним. А потому сохранение этой сущностной характеристики в условиях экономического прогресса, достигаемого любыми возможными средствами, требует системы мероприятий, направленных на использование плодов достигаемого прогресса таким образом, чтобы это действительно отвечало коренным интересам трудового народа. В этом смысле, делая на XIII съезде КПК акцент исключительно на развитии производительных сил страны, китайское руководство не давало социальных авансов, и улучшение жизни народа подразумевалось как возможное следствие, а не как задача текущего времени.

Накопление экономических сил за годы реформы, создававшее базу для тех или иных социальных маневров, позволило руководству КНР уже в начале 1990-х годов внести социальный момент в формулировку стратегических задач строительства социализма с китайской спецификой. На XIV съезде КПК в 1992 г. в вопросе о коренных задачах социализма, наряду с развитием производительных сил, фигурирует «создание в конечном итоге зажиточной жизни для всех», и формулировка оценки результатов деятельности правительства зазвучала по-новому: «Критерием для оценки правильности и успешности работы в той или иной области служит, по сути дела, то, идет ли она на пользу раз-

витию производительных сил социалистического общества, росту совокупной мощи социалистического государства, повышению жизненного уровня народа» [354, 21.10.1992].

Предложенная на XIV съезде КПК новая программа по ускорению процесса реформы, расширению внешних связей и модернизации «сохраняла лицо» социализма уже тем, что предполагала: доминирование в многоукладной структуре экономики общественной собственности (государственной и коллективной), дополняемой индивидуальным, частным и госкапиталистическим секторами; поддержание и умножение усилий для развития сфер, обеспечивающих жизненные потребности населения и его социальную защиту; доминирование в распределительной системе распределения по труду, дополняемого другими формами оплаты с учетом соблюдения принципа справедливости; использование различных регулирующих рычагов, чтобы, заботясь об эффективности, «разумно увеличивать разницу в доходах, но в то же время предотвращать поляризацию и обеспечивать постепенное осуществление всеобщей зажиточности» [354, 21.10.1992].

Признавая все эти моменты существенными характеристиками социализма как строя, ставящего в качестве обязательного условия защиту интересов трудящихся, следует признать и право китайских ученых и политиков называть создаваемую ими экономическую систему «социализмом с китайской спецификой». Важно понять, что независимо от того, будет ли называться новая система «социализмом с китайской спецификой» или как-то иначе, имеет не столь принципиальное значение, если она сможет дать колоссальному по численности населению этой страны более обеспеченную и достойную человека жизнь.

История развития человеческой цивилизации в XX в. свидетельствует, что реальный прогресс в обществе достигался только тогда, когда эффективное экономическое развитие сочеталось с политикой социальной защиты населения.

Так, уже в первой половине XX в. развитый капиталистический мир в целях недопущения разрушительных социальных революций пошел на немыслимое ранее перераспределение богатства между трудом и капиталом в пользу труда, успешно дополнив собственную идею эффективной рыночной экономики рожденной социализмом идеей необходимости социальной защиты трудящихся.

В последнюю четверть XX в. социалистический мир, явно осознав, что проиграл соревнование с капитализмом в развитии производительных сил, направил свои усилия на создание ранее

не вписываемых в социализм рыночных отношений, видя в этом единственно возможный и наиболее результативный способ создания реальной материальной основы для обеспечения социальной поддержки трудового народа. К сожалению, не везде этот опыт оказался успешным. Наиболее плодотворными экономические реформы стали в тех странах, где в ходе преобразований преобладали созидательные, а не разрушительные процессы, где использовались положительные наработки как рыночной, так и плановой экономик.

В КНР уже к началу 1990-х годов по существу сформировался нашедший отражение в экономической политике государства подход, в котором идея эффективности рыночной экономики, взятая у капитализма, соединялась с идеей социальной защищенности трудящихся, сохраненной от социализма. Практически все новые моменты в представлениях о строительстве социализма в КНР связывались с задачей ликвидации экономической отсталости страны и бедности нации. Поэтому предлагалось, исходя из реалий китайской действительности, наполненной и 30-летним опытом строительства, отвечающего традиционным «чисто социалистическим» нормам, и многолетним опытом ранее не вписываемых в социализм рыночных преобразований, вносить в долгосрочную программу социально-экономического развития китайского общества все то, что будет работать на преодоление бедности и отсталости и создание в конечном счете мощного и богатого государства. Для этого в КНР в процессе реформы экономической системы отказались от мышления категориями классового антагонизма и очень постепенно, но открыто и легально допустили в рамках социалистического государства формирование регулируемой на макроуровне рыночной экономики, плюральной структуры собственности и распределения, отведя на их существование, по сути, не ограниченный во времени срок.

Характеризуя результаты «трехшаговой» стратегии модернизации страны на XVII съезде КПК в октябре 2007 г., Ху Цзиньтао отметил: «Наша экономика, одно время пребывавшая на грани разрухи, теперь по общим количественным показателям на 4-м месте в мире, а по объему импорта и экспорта — на 3-м. Народ, живший в условиях нехватки одежды и продовольствия, достиг в целом средней зажиточности, число нуждающихся в деревне сократилось с 250 с лишним млн до 20 с лишним млн. Успехи политического, культурного и социального строительства привлекли внимание всего мира. Развитие Китая не только дало китайскому народу возможность уверенно встать на широкий путь,

ведущий к зажиточности и благополучию, но и явилось огромным вкладом в дело развития мировой экономики и прогресса человеческой цивилизации» [354, 25.10.2007].

Принятая в качестве руководящей идеологии КПК, наряду с марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна, теория строительства социализма со спецификой Китая названа в КНР не только по имени «архитектора и проводника рыночных реформ» в стране «теорией Дэн Сяопина», но и «соединением марксизма с практикой сегодняшнего Китая и спецификой эпохи».

Аргументами за обоснованность такого вывода, на наш взгляд, могут быть следующие: во-первых, то, что, наследуя рациональные идеи предшественников, а не отвергая их в целом, данная теория в то же время сломала существовавшие стереотипы и в качестве основного критерия оценки любой деятельности взяла «три полезности» — идет ли она на пользу развитию производительных сил, совокупной мощи государства, повышению жизненного уровня народа; во-вторых, то, что вместо лозунга «браться за классовую борьбу как решающее звено работы» на главное место было поставлено экономическое строительство; в-третьих, и это, на наш взгляд, самое главное, то, что выводы о путях дальнейшего развития делались не на основе уже существующих формул и идей (неважно, марксистско-ленинских, классических буржуазных, кейнсианских, неоклассических, институционалистских или каких-либо еще), а на основе анализа изменившейся и продолжающейся меняться практики как в самом Китае, так и во всем мире.

В этом смысле китайская экономическая наука шла в русле классических, но практически ни разу, кроме периода НЭПа в России, не реализованных рекомендаций марксизма-ленинизма — не бояться делать самостоятельные выводы из новых, непредвиденных, но «бесспорнейших» фактов действительности. И потому то, что экономическая мысль в КНР претендует сегодня на творческое развитие марксизма-ленинизма, отнюдь не является просто претензией или данью прежней идеологии, а факт реальной действительности, с которым надо считаться.

Безусловно, что те «прорывы» в экономической теории социализма, которые были сделаны китайскими учеными в ходе теоретического и практического поиска за годы реформы, существенно изменили прежние представления о социализме, и «социализм с китайской спецификой» по многим параметрам совсем не совпадает с моделью социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма.

Пытаясь охарактеризовать модель «социализма с китайской спецификой» на фоне всего исторического опыта развития экономической мысли, можно сделать заключение не только о значительной эволюции идей социализма в китайской концепции, но и о существенном приближении ее к выросшим на эволюционной почве теориям «конвергенции», «смешанной экономики», идей «институционализма», при всех различиях которых объединяющей их является идея сближения двух общественных систем и необходимости «социального контроля над производством».

Как показывает анализ, тот общественно-экономической строй, который сегодня называется в КНР «социализмом с китайской спецификой» является конвергентной по своей сути «смешанной экономикой», где очень разнообразны по уровню развития производительные силы, где сосуществуют различные по формам собственности типы хозяйств и соответствующие им отношения по производству и распределению материальных благ, где принятием идеи «трех представительств», расширяющей «социальную опору» руководства страны, в определенное соответствие с «многоцветным» базисом приведена и политическая надстройка, где — и это самое главное — осуществляется «социальный контроль над производством» как необходимое условие создания рыночного хозяйства в многонаселенной и экономически отсталой стране.

Присоединение к термину «социализм с китайской спецификой» в качестве его сущностной характеристики «социальной гармонии» на XVII съезде КПК в 2007 г. для китайского народа, уже добившегося за годы рыночных преобразований заметного улучшения качества своей жизни, сегодня является фактором, мобиливающим его на деятельность по смягчению и по возможности устранению того, что вызывает напряженность и может подорвать социальную стабильность в китайском обществе. А это в первую очередь решение вопросов занятости и безработицы, предотвращения углубления имущественной дифференциации и, тем более, недопущения «поляризации» в обществе, сокращения, а затем и ликвидации бедности.

На строительство такого общества руководителями страны отводится срок, по своей длительности по существу равный формационному («несколько десятков поколений людей»), а на сегодня «гармоничное социалистическое общество с китайской спецификой» может быть лишь вдохновляющей светлой мечтой, к которой будут (или, по крайней мере, могут) стремиться одно за другим десятки поколений трудового народа Китая.

Источники и литература

Основоположники марксизма-ленинизма

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Собрание сочинений: В 39 т. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955—1966. Т. 4.
2. *Маркс К.* Наемный труд и капитал // Собр. соч. Т. 6.
3. *Маркс К.* К критике политической экономии // Собр. соч. Т. 13.
4. *Маркс К.* Критика Готской программы // Собр. соч. Т. 19.
5. *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Собр. соч. Т. 19.
6. *Маркс К.* Капитал. Т. I // Собр. соч. Т. 23.
7. *Маркс К.* Капитал. Т. II // Собр. соч. Т. 24.
8. *Маркс К.* Капитал. Т. III // Собр. соч. Т. 25.
9. *Маркс К.* Капитал. Т. IV // Собр. соч. Т. 26.
10. *Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу (10.X.1868) // Собр. соч. Т. 32.
11. *Энгельс Ф.* Принципы коммунизма // Собр. соч. Т. 4.
12. *Энгельс Ф.* Коммунисты и Карл Гейнцен // Собр. соч. Т. 4.
13. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Собр. соч. Т. 19.
14. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Собр. соч. Т. 20.
15. *Энгельс Ф.* Письмо Карлу Каутскому (12.IX.1882) // Собр. соч. Т. 35.
16. *Энгельс Ф.* Письмо Фридриху Адольфу Зорге (29.XI.1886) // Собр. соч. Т. 36.
17. *Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге господина Струве (отражение марксизма в буржуазной лите-

ратуре) // Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967—1981. Т. 1.

18. Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма // ПСС. Т. 2.

19. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // ПСС. Т. 3.

20. Ленин В.И. Наша программа // ПСС. Т. 4.

21. Ленин В.И. Попытное направление в русской социал-демократии // ПСС. Т. 4.

22. Ленин В.И. Проект программы нашей партии // ПСС. Т. 4.

23. Ленин В.И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» // ПСС. Т. 5.

24. Ленин В.И. Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемое социал-революционерами // ПСС. Т. 5.

25. Ленин В.И. Революционный авантюризм // ПСС. Т. 6.

26. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // ПСС. Т. 17.

27. Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм // ПСС. Т. 17.

28. Ленин В.И. Государство и революция // ПСС. Т. 33.

29. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // ПСС. Т. 34.

30. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // ПСС. Т. 36.

31. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // ПСС. Т. 36.

32. Ленин В.И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // ПСС. Т. 36.

33. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. // ПСС. Т. 36.

34. Ленин В.И. VII экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г. Доклад о войне и мире // ПСС. Т. 36.

35. Ленин В.И. VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Доклад о работе в деревне // ПСС. Т. 38.

36. Ленин В.И. Проект программы РКП(б) // ПСС. Т. 38.

37. Ленин В.И. Великий почин // ПСС. Т. 39.

38. Ленин В.И. Экономика и политика и эпоху диктатуры пролетариата // ПСС. Т. 39.

39. Ленин В.И. IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г. Доклады и речи на съезде // ПСС. Т. 40.

40. Ленин В.И. II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад по национальному и колониальному вопросам // ПСС. Т. 41.

41. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // ПСС. Т. 41.
42. Ленин В.И. VIII Всероссийский съезд Советов 20—29 декабря 1920 г. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) // ПСС. Т. 42.
43. Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках товарищей Троцкого и Бухарина // ПСС. Т. 42.
44. Ленин В.И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках товарища Троцкого // ПСС. Т. 42.
45. Ленин В.И. Об едином хозяйственном плане // ПСС. Т. 42.
46. Ленин В.И. Речь на Московской губернской конференции РКП(б) 20—22 ноября 1920 г // ПСС. Т. 42.
47. Ленин В.И. Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. // ПСС. Т. 42.
48. Ленин В.И. X Всероссийская конференция РКП(б) // ПСС. Т. 43.
49. Ленин В.И. X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г. Доклады и речи на съезде // ПСС. Т. 43.
50. Ленин В.И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. // ПСС. Т. 43.
51. Ленин В.И. О продовольственном налоге // ПСС. Т. 43.
52. Ленин В.И. II Всероссийский съезд политпросветов 17—22 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике и задачах политпросветов // ПСС. Т. 44.
53. Ленин В.И. IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК // ПСС. Т. 44.
54. Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // ПСС. Т. 44.
55. Ленин В.И. Новые времена, старые ошибки в новом виде // ПСС. Т. 44.
56. Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // ПСС. Т. 44.
57. Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики // ПСС. Т. 44.
58. Ленин В.И. VII Московская губпартконференция 29—31 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике // ПСС. Т. 44.
59. Ленин В.И. III Конгресс Коммунистического интернационала. 22 июня — 12 июля 1921 г. Доклад о тактике РКП // ПСС. Т. 44.

60. Ленин В.И. XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г. Политический отчет ЦК РКП(б) и заключительное слово по политическому отчету // ПСС. Т. 45.
61. Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин // ПСС. Т. 45.
62. Ленин В.И. Конспект речи на X Всероссийском съезде Советов // ПСС. Т. 45.
63. Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // ПСС. Т. 45.
64. Ленин В.И. О кооперации // ПСС. Т. 45.
65. Ленин В.И. О нашей революции // ПСС. Т. 45.
66. Ленин В.И. Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. // ПСС. Т. 45.

Документы и материалы

67. Вторая сессия VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1958.
68. 2-я сессия Всекитайского собрания народных представителей КНР 2-го созыва. Пекин, 1960.
69. XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982.
70. 10 лет КНР. Пекин, 1959.
71. Документы 8-го пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 8-го созыва. Пекин, 1959.
72. Документы XIII Всекитайского съезда КПК. Пекин, 1988.
73. Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954—1958 гг.). М., 1959.
74. Материалы 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей. М., 1956.
75. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956.
76. Материалы 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей. М., 1954.
77. Материалы 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей. М., 1956.
78. Материалы 6-го пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 8-го созыва. Пекин, 1959.
79. Общая программа Народного политического и консультативного Совета Китая. М., 1950.

80. 1-я сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики 5-го созыва (документы). Пекин, 1978.
81. 5-я сессия ВСНП 5-го созыва. Пекин, 1983.
82. 5-я сессия ВСНП 6-го созыва. Пекин, 1983.
83. Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981.
84. Вэйдадэ шинянь : [Великое десятилетие]. Пекин, 1959.
85. Фэнцзинды сышинянь : [40 лет упорного движения вперед]. Пекин, 1989.
86. Чжунго: цзинци синши фэньси юй юйцэ : [Китай: анализ и прогноз экономической обстановки]. Пекин, 1993—2009.
87. Чжунго: шэхуй синши фэньси юй юйцэ : [Китай: анализ и прогноз социальной обстановки]. Пекин, 1995—2010.
88. Чжунго тунци няньцзянь : [Статистический ежегодник Китая]. Пекин, 1981—2008.
89. Чжунго тунци чжайяо : [Краткий статистический справочник Китая]. Пекин, 1985—2010.
90. Чжунго цзинци няньцзянь : [Экономический ежегодник Китая]. Пекин, 1981—2002.
91. Чжунго цзинци синши юй чжаньван : [Ситуация и перспективы экономики Китая]. Пекин, 1994—1998.
92. Чжунгун чжунъян гуаньюй цинци тичжи гайгэды цзюэдин : [Решения ЦК КПК о реформе экономической системы]. Пекин, 1984.
93. Чжунхуа жэньминь гунхэго фачжань гоминь цинци диигэ унянь цзихуа 1953—1957 : [1-й пятилетний план развития народного хозяйства КНР. 1953—1957 гг.] Пекин, 1955.
94. Чжунхуа жэньминь гунхэго диуцзюй цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй диэрцы вэньцзянь : [Документы 2-й сессии ВСНП КНР 5-го созыва]. Пекин, 1979.
95. Чжунхуа жэньминь гунхэго диуцзюй цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй дисаньцы хуэйи вэньцзянь : [Документы 3-й сессии ВСНП КНР 5-го созыва]. Пекин, 1980.
96. Чжунхуа жэньминь гунхэго диуцзюй цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй дисыцы хуэйи вэньцзянь : [Документы 4-й сессии ВСНП КНР 5-го созыва]. Пекин, 1982.
97. Чжунхуа жэньминь гунхэго дилуцзюй цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй дисань вэньцзянь хуэйбянь : [Материалы 3-й сессии ВСНП КНР 6-го созыва]. Пекин, 1985.

Монографии, сборники статей

98. *Анчишкин А.И.* Наука, техника, экономика. М.: Экономика, 1989.
99. *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988.
100. *Бухарин Н.* Политическая экономия рантье. М.: Орбита, 1988.
101. Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики / общ. ред. Н.П. Федоренко. М.: Наука, 1983.
102. *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991.
103. *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987.
104. *Кейнс Дж.М.* Избранные произведения. М., Экономика, 1993.
105. Китай на пути модернизации и реформ. М.: Восточная литература, 1999.
106. Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии. М.: Наука, 2005.
107. Китай и Россия: развитие экономических реформ. М.: Наука, 2003.
108. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.
109. КНР на путях реформ. М., 1989.
110. *Корбаи Э.* Теория и практика экономического строительства в КНР. М.: Наука, 1981.
111. *Корнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990.
112. *Кронрод Я.А.* Процесс социалистического производства. М.: Наука, 1989.
113. *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу.* Китайское чудо : Стратегия развития и экономическая реформа. М., 2001.
114. *Лю Шаоци.* Победа марксизма-ленинизма в Китае. Пекин, 1959.
115. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 1—5. Пекин, 1977.
116. *Мао Цзэдун.* Революция и строительство в Китае. М.: Палея, 2000.
117. Марксизм. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Макс пресс, 2003.
118. *Михеев В.В.* Глобализация и азиатский регионализм. М., 2001.
119. Научные труды Международного Союза экономистов и Вольного экономического общества России. М.СПб., 2005—2010.
120. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х. М., 2007.

121. Очерки политической экономии социализма. М.: Наука, 1988.
122. *Попов Г.Х.* О мире, в котором Россия должна выжить. Ч. 3. М., 2004.
123. Постиндустриальный мир и Россия / Эдиториал УРСС. М., 2001.
124. Проблемы планового управления в Китае. Т. 1—2. М., 1988.
125. Реформа хозяйственной системы в КНР. М., 1989.
126. Реформа глазами американских и российских ученых. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1996.
127. *Симчера В.М.* Как возродить экономику России. Кн. 3. Нравственная экономика. М.: ТЕИС, 2006.
128. *Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет: 1900—2000. М.: Экономика, 2007.
129. Сообщества и приватизация. М.: МВШСЭН, 2003.
130. Социальные последствия рыночных преобразований в КНР. М., 2004.
131. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 1—12. М., 1952.
132. *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1953.
133. Структура экономики Китая. М., 1984.
134. *Титаренко М.Л.* Россия: безопасность через сотрудничество. М., 2003.
135. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008.
136. *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008.
137. Труды Вольного экономического общества России. Т. 100. М., 2008.
138. *Цзян Цзэминь.* О социализме с китайской спецификой. М., 2002.
139. *Цзян Цзэминь.* Реформа, развитие, стабильность. М.: Палей, 1996.
140. *Чжоу Эньлай.* Великое десятилетие. Пекин, 1959.
141. Экономические успехи Китайской Народной Республики (1949—1953 гг.). М., 1954.
142. *Justin Yifu Lin.* Lessons of China's Transition from a Planned Economy to a Market Economy. Peking University and Hong Kong of Science and Technology, 2004.

143. *John Wong*. China's economy in 1998. East Asian Institute National University of Singapore, 1998.
144. *Myrdal G.K.* Asian drama; an inquiry into the poverty of nations. V. I—III. N-Y.; L, 1968.
145. China's Political Economy / Editors: Wang Gungwu, John Wong. Singapore — New Jersey. London — Hong Kong, 1998.
146. Chinese Economy post-Mao. Wash., 1978.
147. SASS papers (3)Shanghai Academy of Social Sciences. Shanghai, China, 1990.
148. SASS papers (4)Shanghai Academy of Social Sciences. Shanghai, China, 1992.
149. SASS papers (5)Shanghai Academy of Social Sciences. Shanghai, China, 1994.
150. Social Change: Limits and Possibilities. Institute of Sociology CASS, 2009.
151. Аньчжао кэгуань цзинци гуйлой баньши цзясу шэхуэйчжуи сяньдайхуа цзяньшэ : [Действия в соответствии с объективными экономическими законами, ускорим социалистическую модернизацию]. Шанхай, 1979.
152. Башиньяндай Чжунго цзинци вэньти : [Проблемы экономики Китая в 80-е годы]. Пекин, 1980.
153. *Ван Линлин* и др. Гуфэнь гунсы чжинань : [Руководство по акционерным компаниям]. Пекин, 1987.
154. *Ван Чжо*. Чжунго ши цзинци тичжи яньцзю : [Исследование экономической системы китайского типа]. Гуандун, 1983.
155. *Ван Юэшэн*. Тенься мэю ванфэй уцань. Гайгэ чэнбэнь вэньти яньцзю юй гоцзи бицзю : [В Поднебесной нет бесплатного обеда. Исследование основных проблем реформы и международные сравнения]. Пекин, 1999.
156. Вого цзинци сюэцзе гуаньюй шэхуэйчжуи цзинци фачжань суду хэ били вэньти луньвэнь сюаньцзи : [Избранные статьи экономистов нашей страны по проблемам темпов и пропорций развития социалистической экономики]. Пекин, 1960.
157. Вого цзинци сюэцзе гуаньюй шэхуэйчжуи чжидуся шанпинь цзячжи хэ цзягэ вэньти луньвэнь сюаньцзи : [Избранные теоретические статьи экономистов нашей страны по вопросу о товаре, стоимости и цене при социализме]. Пекин, 1958.
158. Вого цзинци тичжи гайгэ ды цзибэнь вэньти : [Основные вопросы реформы экономической системы нашей страны]. Наньчан, 1985.

159. Вого цзинци гайгэ хэ чжэнчжи тичжи гайгэ цзибэнь вэньти : [Основные вопросы реформы экономической и политической систем нашей страны]. Пекин, 1990.

160. Вого шэхуэйчжуи цзяньшэчжун ды жогань цзинци вэньти : [Некоторые экономические проблемы социалистического строительства в нашей стране]. Пекин, 1959.

161. Гайгэ шинянь шэхуэй кэсюэ чжунъяо лилунь гуаньянь цзуншу. 1978—1988 : [Обзор важнейших теоретических концепций в области общественных наук за десять лет реформы]. Пекин, 1990.

162. *Гао Цюн*. Шэхуэйчжуи шэхуэй ды шэньчань цзыляо соючжи : [Собственность на средства производства в социалистическом обществе]. Харбин, 1984.

163. *Гао Шанцюань*. Сиван Чжилу: Чжунго цзинци тичжи гайгэ ды чэньцзю хэ чжаньван : [Дорогой надежд: успехи и перспективы реформы экономической системы Китая]. Пекин, 1987

164. *Гао Шанцюань*. Цзюнянь чжунго цзинци тичжи гайгэ : [Девять лет реформы экономической системы Китая]. Пекин, 1987.

165. *Го Жуйцин*. Хоугоушици ды чжунго цзинци : [Экономика Китая в восстановительный период]. Пекин, 1953.

166. Гоминь цзинци гуаньли тичжи гайгэ ды жогань лилунь вэньти : [Некоторые теоретические вопросы реформы системы управления народным хозяйством]. Пекин, 1980.

167. *Го Шуцин*. Моши ды бяньгэ юй бяньгэ ды моши : [Изменение модели и модель изменений]. Шанхай, 1989.

168. Гоуцзень хэби фачжаньдэ шицзе чэнши: Шанхай шиуу фачжань гуйхуа сылу яньцзю : [Создать мировой город гармоничного развития: исследование перспектив развития Шанхая в 11-й пятилетке]. Шанхай, 2005.

169. Гунсы фа цзяньхуа : [Беседы по поводу закона о компаниях]. Пекин, 1994.

170. Гунсы чжиду юй цие гайгэ : [Система компаний и реформа предприятий]. Пекин, 1993.

171. Гуфэньчжи цие цзучзянь хэ шидянь чжэнцэ хуйбянь : [Сборник по экспериментальной политике и созданию системы акционерных предприятий]. Пекин, 1992.

172. Гуфэньчжи цзай Чжунго дэ шицзянь : [Практика акционирования в Китае]. Пекин, 1993.

173. Гуфэньчжи — шанье цие гайгэ дэ сюаньцзэ : [Акционерная система — избранные материалы по реформе торговых предприятий]. Пекин, 1992.

174. Гуанъюй данцянь цзинци тичжи гайгэ ды лилунь сыкао : [Теоретические раздумья о реформе современной экономической системы]. Шанхай, 1987.

175. Гуфэнь цзинци гайяо : [Основные принципы акционерной экономики]. Чэнду, 1988.

176. Дандай Чжунго ды цзинци гуаньли : [Управление экономикой современного Китая]. Пекин, 1985.

177. Дандай Чжунго шэхуэй цзецэн яньцзю баогао : [Доклад об исследовании социальных слоев современного Китая]. Пекин, 2002.

178. Дандай Чжунго шэхуэй людун : [Социальные сдвиги в современном Китае]. Пекин, 2004.

179. Данцянь шицзе цзинци юй Чжунго цзинци вэньти : [Современная мировая экономика и экономические проблемы Китая]. Пекин, 1981.

180. Дисань шицзе гоцзя фачжань чжаньлюэ : [Стратегия развития стран третьего мира]. Пекин, 1990.

181. Дэн Сяопин вэньсюань : [Избранные произведения Дэн Сяопина, 1975—1982]. Пекин, 1983.

182. *Дэн Сяопин*. Цзеньшэ ю Чжунго тэсэдэ шэхуэйчжуи. Цзэндинбэнь : [Строить социализм со спецификой Китая. Доп. и перераб. изд.]. Пекин, 1987.

183. Дэн Сяопин лилунь чжуаньти цзянцзо : [Цикл лекций по теории Дэн Сяопина]. Пекин, 1998.

184. *Ду Жуньшэн*. Чжунго нунцунь цзинци гайгэ : [Хозяйственная реформа в китайской деревне]. Пекин, 1985.

185. *Дун Фужэн*. Гайгэ юй фачжань — лунь да чжуаньбянь чжун дэ Чжунго цзинци : [Реформа и развитие — о больших переменах в китайской экономике]. Сянган, 1995.

186. *Дун Фужэн*. Да чжуаньбянь чжун дэ Чжунго цзинци лилунь вэньти : [Вопросы теории преобразуемой экономики Китая]. Шаньдун, 1981.

187. *Дун Фужэн*. Цзинци фачжань чжаньлюэ яньцзю : [Исследование стратегии экономического развития]. Пекин, 1988.

188. *Дун Фужэн*. Шэхуэйчжуи цзайшэньчань хэ гоминь шоужу вэньти : [Вопросы социалистического воспроизводства и национального дохода]. Пекин, 1983.

189. Кэсюэ шэхуэйчжуи дэ лилунь хэ шицзянь : [Теория и практика научного социализма]. Пекин, 2003.

190. *Ли Вэйань, Чжу Гуанхуа*. Шэхуэйчжуи гуфэнь цзинци таньсо : [Поиск социалистической акционерной экономики]. Хэбэй, 1988.

191. *Ли Инин*. Гоминь цзинцзи гуаньлисюэ : [Управление народным хозяйством]. Хэбэй, 1988.
192. Ли Инин. Фэйцзюньхэн ды Чжунго цзинцзи : [Несбалансированная экономика Китая]. Пекин, 1990.
193. Ли Инин цзинцзи луньвэньсюань : [Избранные теоретические статьи Ли Инина по экономике]. Хэбэй, 1986.
194. *Ли Инин*. Цзинцзи тичжи гайгэ таньсо : [Поиск реформы экономической системы]. Пекин, 1987.
195. *Ли Инин*. Шэхуэйчжуи чжэнчжи цзинцзисюэ : [Политэкономия социализма]. Пекин, 1987.
196. *Ли Минъи*. Гуфэньчжи юй шэхуйчжуи шичан цзинцзи : [Акционерная система и социалистическая рыночная экономика]. Пекин, 1993.
197. *Ли Пэйлинъ, Ли Цян, Сунь Липин*. Чжунго шэхуэй фэньцэн : [Стратификация китайского общества]. Пекин, 2004.
198. *Ли Чуньлин*. Дуаньле юй суйпень. Дандай Чжунго шэхуэй цзе-цэн фэньхуа шичжэн фэньси : [Разлом и фрагменты. Эмпирический анализ социальной стратификации современного Китая]. Пекин, 2005.
199. Ли Чуньлин (отв. ред.). Бицзяо шиесядэ чжунчан цзецзи син-чэн : [Формирование среднего класса в сравнительной перспективе]. Пекин, 2009.
200. *Ли Юйхэн*. Гоминь цзинцзи цзихуа ды цзибэнь вэньти : [Основные вопросы планирования народного хозяйства]. Пекин, 1955.
201. *Линь Ифу*. Цзышэн нэнли, цзинцзи чжуаньсянь юй синь гудянь цзинцзисюэде фаньсы : [Жизнеспособность, переходная экономика и размышления о неоклассической экономической теории]. Пекин—Сянган, 2002.
202. *Линь Цзыли*. Сяндай шанпинь цзинцзи хэ шэхуэйчжуи синь лилунь : [Современная товарная экономика и новая теория социализма]. Нанкин, 1988.
203. *Ло Гэнмо*. Вого нунцунь жэньминь гуншэ соючжи синчжи ды фэньси : [Анализ характера системы собственности в сельских народных коммунах]. Пекин, 1958.
204. *Ло Гэнмо*. Гуаньюй шэхуэйчжуи цзихуа цзинцзи ды цзигэ ли-лунь вэньти : [О некоторых теоретических вопросах социалистической плановой экономики]. Шанхай, 1982.
205. *Ло Гэнмо*. Шэхуэйчжуи чжидуся ды шанпинь хэ цзячжи вэньти : [Вопрос товара и стоимости при социализме]. Пекин, 1957.
206. Лунь Чжунго жунгуань цзинцзи гуаньли : [О макроэкономическом управлении в Китае]. Пекин, 1987.

207. Лунь шэхуэйчжуи шанпинь цзинци синь чжиской : [О новом порядке в социалистической товарной экономике]. Пекин, 1989.

208. *Лю Вэй, Чжу Шаньли, Хэ Сяофэй*. Вого цзихуа шанпинь цзинци ды лилунь моши : [Теоретическая модель плановой товарной экономики нашей страны]. Пекин, 1985.

209. *Лю Гогуан*. Лунь цзинци гайгэ юй цзинци тяочжэн : [Экономическая реформа и урегулирование хозяйства]. Нанкин, 1983.

210. *Лю Гогуан*. Цзысюаньци : [Избранные произведения]. Пекин, 2003.

211. *Лю Гогуан*. Чжунго гоючжи цзинци гайгэ дэ таньсо : [Поиск пути реформы экономики государственной собственности в Китае]. Пекин, 1989.

212. *Лю Гогуан*. Чжунго цзинци дабяньдун юй макэсычжуи цзинци лилунь ды фачжань : [Крупные изменения в китайской экономике и развитие экономической теории марксизма]. Цзянсу, 1988.

213. *Лю Гогуан*. Чжунго шэхуэйчжуи цзинци ды гайгэ, кайфан хэ фачжань : [Развитие, открытость и реформа социалистической экономики Китая]. Пекин, 1987.

214. *Лю Шибай*. Шэхуэйчжуи соючжи яньцзю : [Исследование социалистической собственности]. Шанхай, 1985.

215. *Лян Чжунган*. Макэсы ды цзинци лилунь хэ шэхуэйчжуи шицзянь : [Марксистская экономическая теория и социалистическая практика]. Тайюань, 1985.

216. *Ма Далинь, Чэнь Вэйхай*. Чжунго гуннунье пинхэн фачжань взньти : [Вопросы сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства Китая]. Сиань, 1958.

217. Макэсычжуи яньцзю : [Изучение марксизма. Т. 1—3]. Пекин, 1989.

218. *Ма Хун*. Таньсо цзинци цзяньшэ чжилу : [Поиск пути экономического строительства]. Пекин, 1984.

219. *Ма Хун*. Чжунго шэхуэйчжуи саньдайхуа ды даолу хэ цянцзин : [Путь социалистической модернизации и перспективы]. Шанхай, 1988.

220. Ма Хун цзи : [Собрание сочинений Ма Хуна]. Пекин, 2000.

221. Нунье хэцзохуа взньти луньвэнь сюаньци : [Сборник статей о кооперировании в сельском хозяйстве]. Пекин, 1957.

222. *Ню Чжунхуан*. Вого гоминь шоужу ды цзилэй хэ сяофэй : [Накопление и потребление в национальном доходе нашей страны]. Пекин, 1957.

223. *Ню Чжунхуан*. Вого диигэ цзихуа шици ды шэнчань хэ сяофэй гуаньси : [Отношения производства и потребления в период первого пятилетнего плана в нашей стране]. Пекин, 1959.

224. Синь Чжунго саньнянь цзинци ды чэнцзю : [Экономические успехи нового Китая за три года]. Пекин, 1952.
225. *Су Син*. Цзихуа шичан : [План, рынок]. Шанхай, 1984.
226. Сунь Ефан цзинянь вэньци : [Собрание статей в память Сунь Ефана]. Шанхай, 1983.
227. *Сунь Ефан*. Шэхуэйчжуи цзинци ды жогань лилунь вэньти : [Некоторые теоретические вопросы социалистической экономики]. Пекин, 1979.
228. *Сунь Ефан*. Шэхуэйчжуи цзинци лилунь : [Теории социалистической экономики]. Пекин, 1985.
229. Сунь Шанцин (ред.) Цзоу сян гуфэнь цзинци : [Идти к акционерной экономике]. Пекин, 1993.
230. Сюй Дисинь. Лунь шэхуэйчжуи ды шэнчань лютун юй фэньпэй. Ду «Цзыбэньлунь» бици : [О социалистическом производстве, обращении и потреблении. Заметки при чтении «Капитала»]. Пекин, 1979.
231. *Сюй Дисинь*. Чжунго году шици гоминь цзинци ды фэньси : [Анализ народного хозяйства Китая в переходный период]. Пекин, 1959.
232. *Сюэ Муцяо*. Гайгэ юй лилуньшан тупо : [Реформа и прорывы в теории]. Пекин, 1988.
233. *Сюэ Муцяо*. Лунь Чжунго цзинци тичжи гайгэ : [О реформе экономической системы Китая]. Тяньцзинь, 1990.
234. *Сюэ Муцяо*. Чжунго шэхуэйчжуи цзинци вэньти яньцзю : [Исследование вопросов социалистической экономики Китая]. Пекин, 1979.
235. *Сюэ Муцяо, Су Син, Линь Цзыли*. Чжунго гоминь цзинци ды шэхуэй гайцзао : [Социалистические преобразования народного хозяйства Китая]. Пекин, 1959.
236. Сяньдай вайго цзинци сычао пинлунь цзянцзо : [Обзорный курс лекций по современным зарубежным экономическим идейным течениям]. Пекин, 1985.
237. Сянь чжуан — нань дьянь юй чулу : [Современная обстановка — трудности и выходы]. Пекин, 1993.
238. Таньсо цзинци цзяньшэ ды синьлуцзы : [Поиск нового пути экономического строительства]. Пекин, 1983.
239. Тао Даюн. Чжунго гоминь цзинци ды гуаньлунь : [Очерки народного хозяйства Китая]. Пекин, 1951.
240. *Тун Далинь*. Вого нунье хэцзохуа дафачжань ды гэньцзюй : [Причины быстрого развития кооперирования сельского хозяйства нашей страны]. Пекин, 1956.

241. *Тун Мин*. Гду шици ды гоцзя цзыбэньчжуи : [Государственный капитализм в переходный период]. Пекин, 1954.
242. *У Цзинлянь*. Цзинци тичжи гайгэ: вэньти юй таньсо : [Реформа экономической системы: проблемы и поиск]. Пекин, 1987.
243. *У Цзинлянь*. Цзихуа цзинци хайши шичан цзинци : [Плановая экономика или рыночная экономика]. Пекин, 1992.
244. *У Цзинлянь*. Чжунго цзэчжэн моши сюаньцзэ : [Выбор Китаем модели роста]. Шанхай, 2005.
245. *У Цзян*. Чжунго цзыбэньчжуи цзинци гайцзао вэньти : [Вопросы преобразования капиталистической экономики Китая]. Пекин, 1958.
246. *У Чжэнькуй, Ван Шуюнь*. Чжунго шэхуэйчжуи сяньдайхуа цзяньшэ вэньти : [Вопросы социалистической модернизации Китая]. Пекин, 1984.
247. *Фань Ган*. Гунъючжи хунгуан цзинци лилунь даган : [Теоретическая программа макроэкономики общественной собственности]. Шанхай, 1990.
248. Хайнань цзхинци фачжань чжаньюэ : [Стратегия экономического развития Хайнаня]. Пекин, 1988.
249. *Ху Аньган*. Чжунго миньшэн юй фачжань : [Жизнь народа Китая и развитие]. Пекин, 2008.
250. *Ху Сикуй*. Вого цзыбэньчжуи гуншангэ ды хэпин гайцзао хэ цзецзи доучжэн : [О мирном преобразовании капиталистической промышленности и торговли и классовый борьбе в нашей стране]. Пекин, 1956.
251. Хуэйхуай ды шинянь : [Славное десятилетие. Т. 1—2]. Пекин, 1959.
252. *Хэ Цзяньчжан*. Цзяньшэ ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжуи цзинци тичжи : [Строить экономическую систему социализма со спецификой Китая]. Пекин, 1985.
253. Цао Фэнци (ред.). Чжунго цие гуфэньчжи ды лилунь юй шицзянь : [Теория и практика акционерной системы на предприятиях Китая]. Пекин, 1993.
254. Цзинци гайгэ синь сыкао : [Новые раздумья по поводу экономической реформы]. Пекин, 1988.
255. Цзинци гайгэ юй лилунь сыкао. 1978—1988 : [Экономическая реформа и теоретические раздумья]. Чэнду, 1989.
256. Цзинци тичжи гайгэ вэньти цзяньхуа : [Выступления по вопросам реформы экономической системы]. Пекин, 1984.
257. Цзинци тичжи гайгэ шоуцэ : [Реформа экономической системы, Справочник]. Пекин, 1987.

258. Цзинцизи цзэжэньчжи таньтао : [Исследование и обсуждение системы экономической ответственности]. Гуйян, 1983.
259. Цзинцизи шэхуэй фачжань чжаньлюэ : [Стратегия социально-экономического развития]. Т. 1—2. Пекин, 1985.
260. Цзинцизи фачжань юй цзинцизи гайгэ : [Экономическое развитие и экономическая реформа]. Пекин, 1989.
261. Цзихуа юй шичан : [План и рынок]. Шанхай, 1984.
262. *Цзэн Вэньцинь*. Чжунго ды шэхуэйчжуи гунъехуа : [Социалистическая индустриализация Китая]. Пекин, 1958.
263. *Цзян Ивэй*. Лунь шэхуэйчжуи ды цие моши : [О модели социалистического предпринятия]. Пекин, 1989.
264. *Цзян Ивэй, Чэнь Цзягуй*. Гуфэньчжи ды лилунь юй шицзянь : [Теория и практика акционерной системы]. Пекин, 1988.
265. *Цзян Сюэмо*. Гоминь цзинцизи юцзихуа аньбили фачжань гуйлюй : [Закон планомерного пропорционального развития народного хозяйства]. Шанхай, 1959.
266. *Цзян Сюэмо*. Чжэнчжи цзинцзисюэ. Цзяоцай : [Политическая экономия. Учебное пособие]. Шанхай, 1985.
267. *Цзян Сюэмо*. Шэхуэйчжуи соючжи яньцзю : [Исследования социалистической собственности]. Ханчжоу, 1985.
268. *Цзян Сюэмо*. Шэхуэйчжуи цзинцизи шилунь : [Десять суждений о социалистической экономике]. Чанша, 1982.
269. Цзяньго илай чжэнчжи цзинцзисюэ чжунъяо вэньти чжэнлунь. 1949—1980 : [Дискуссии по основным вопросам политической экономии со времени образования КНР. 1949—1980]. Пекин, 1981.
270. Цзяньли сяньдай цие чжиду : [Создавать систему современных предприятий]. Пекин, 1994.
271. Цзяньли шэхуэйчжуи цзинцизи тичжи : [Создавать систему социалистической рыночной экономики]. Пекин, 1992.
272. Цзяньчи хэ фачжань Мао Цзэдун сысян : [Упорно отстаивать и развивать идеи Мао Цзедуна]. Нанкин, 1984.
273. Цзяньшэ ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжуи : [Строительство социализма со спецификой Китая]. Нанкин, 1984.
274. Цзяньшэ ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжуи ды ганлинсин вэньсюань : [Избранные программные статьи о строительстве социализма со спецификой Китая]. Пекин, 1984.
275. Цзяньшэ ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжуи ды чжинань : [Руководство по строительству социализма со спецификой Китая]. Пекин, 1983.

276. Ци Сяньян (ред.). Кэсюэ паньдэн дэ личэн : [Путь научного восхождения. — По поводу научного поиска Юй Гуаньюаня в полит-экономии социализма. Т. 1—5]. Пекин, 1995.

277. Цие гуфэньчжи гайцзао юй гупяо шан ши шиу чжинань : [Компас акционерного преобразования предприятий и выпуска акций на рынок]. Пекин, 1993.

278. Цие дэ гуфэньчжи гайцзао : [Акционерное преобразование предприятий]. Харбин, 1993.

279. *Цянь Хуа*. Циняньлай вого сыин гуншанье ды бянь хуа : [Изменения в частной промышленности торговле за семь лет]. Пекин, 1957.

280. Чжан Дэсю (ред.). Дун Оу цзинци гайгэ баочао : [Волна экономических реформ в Восточной Европе]. Пекин, 1985.

281. *Чжан Дэсю*. Цзинци чжуаньци чжилу : [На пути перелома в экономике]. Пекин, 2005.

282. *Чжан И*. Гайгэ юй цзяньшэ ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжуи : [Реформа и строительство социализма со спецификой Китая]. Пекин, 1985.

283. *Чжан Найци*. Чжунго цзинци ды гайбянь : [Перестройка китайской экономики]. Пекин, 1951.

284. *Чжан Чжоюань*. Лунь вэньцзяндэ хунгуань цзинци чжэнцэ юй шичанхуа гайгэ : [О стабильной макроэкономической политике и рыночной реформе]. Пекин, 1995.

285. *Чжан Чжоюань*. Лунь Чжунго цзягэ гайгэ юй уця вэньти : [О проблеме и реформе цен в Китае]. Пекин, 1995.

286. Чжан Чжоюань (ред.). 20 нянь цзинци гайгэ хуйгу юй чжаньван : [20 лет экономической реформы: ретроспектива и перспектива]. Пекин, 1998.

287. *Чэнь Дэхуа*. Чжэнчжи цзинцзисюэ. Шэхуэйчжуи буфэнь : [Политическая экономия. Социализм]. Пекин, 1984.

288. *Чжоу Шулянь*. Чжунго ды цзинци гайгэ хэ цие гайгэ : [Экономическая реформа и реформа предприятия в Китае]. Пекин, 1989.

289. *Чжоу Шулянь*. Чжунго цзинци дэ лянгэ гэнбэнь чжуаньбянь : [Две коренные перемены в экономике Китая]. Пекин, 1997.

290. *Чжоу Шулянь*. Чжунго шэхуэйчжуи цзинци таньсо : [Поиск социалистической экономики китайского типа]. Шэньян, 1985.

291. *Чжу Чуань*. Цзинци гуйлюй юй фачжань чжаньлюэ : [Экономические законы и стратегия развития]. Шэньян, 1985.

292. Чжунго гайгэ ды дасылу : [Концепции китайской реформы]. Шэньян, 1988.

293. Чжунго гуфэнь цие юй гушан юньцзо шиу : [Акционерные предприятия Китая и деятельность фондовых рынков]. Пекин, 1992.

294. Чжунго лиюн вайцзы цзичу чжиши : [Первоначальные знания об использовании зарубежного капитала в Китае]. Пекин, 1995.
295. Чжунго нунцунь ды шэхуэйчжуи гаочао : [Социалистический подъем в китайской деревне]. Пекин, 1956.
296. Чжунго: фачжань юй гайгэ : [Китай: развитие и реформа]. Пекин, 1987.
297. Чжунго цие цзицин цзичжи дэ чжуаньхуань : [Преобразование хозяйственного механизма предприятий Китая]. Пекин, 1992.
298. Чжунго цзинци тичжи ды синь моши : [Новая модель экономической системы Китая]. Пекин, 1984.
299. Чжунго цзинци тичжи гайгэ ды моши яньцзю : [Исследование модели реформы экономической системы Китая]. Пекин, 1988.
300. Чжунго цзинци тичжи гайгэ шинянь : [10 лет реформы экономической системы Китая]. Пекин, 1988.
301. Чжунго цзинци тэцюй ды лилунь юй шицзянь : [Теория и практика особых экономических районов Китая]. Пекин, 1988.
302. Чжунго цзинци фачжань синь цюйши : [Новые тенденции развития экономики Китая]. Пекин, 1981.
303. Чжунго цзинци цзегоу вэньти яньцзю : [Исследование проблем структуры экономики Китая]. Пекин, 1982.
304. Чжунго цзихуа гуаньли вэньти : [Вопросы планового управления в Китае]. Пекин, 1984.
305. Чжунго ши ды шэхуэйчжуи цзинци тичжи : [Экономическая система китайского типа]. Пекин, 1984.
306. Чжунго шэхуэйчжуи гунъе цие гуаньли яньцзю : [Исследование управления социалистическими промышленными предприятиями в Китае]. Пекин, 1988.
307. Чжунго шэхуэйчжуи цзинци цзяньши : [Краткая история социалистической экономики Китая. 1949—1983]. Харбин, 1985.
308. Чжунго шэхуэйчжуи цзяньшэ : [Строительство социализма в Китае]. Шэньян, 1986.
309. Чжэнчжи цзинцзисюэ вэньти таньсо : [Поиск по вопросам полтэкономии]. Пекин, 1983.
310. Чэнь Юнь вэньсюань : [Избранные произведения Чэнь Юня. 1949—1956 гг.]. Пекин, 1984.
311. Чэнь Юнь тунчжи вэньгао сюаньбянь : [Избранные рукописи товарища Чэнь Юня. 1956—1962 гг.]. Пекин, 1981.
312. Шэньчжэнь цзинци тэцюй дяоча хэ цзинци кайфацюй яньцзю : [Исследование особой экономической зоны Шэньчжэнь и открытых экономических районов]. Тяньцзинь, 1984.

313. Шэхуэй хунгуань цзинци сяои гайлунь : [Обсуждение эффективности социалистической макроэкономики]. Шэньян, 1984.

314. Шэхуэйчжуи гуфэньчжи цзинци лилунь юй шицзянь : [Теория и практика акционерной экономики социализма]. Чэнду, 1988.

315. Шэхуэйчжуи цзай дандай шицзешан : [Социализм в современном мире]. Пекин, 1985.

316. Шэхуэйчжуи цзинци цзуйю юнсин лилунь : [Теория оптимального функционирования экономики]. Пекин, 1991.

317. Шэхуэйчжуи чжэнчжи цзинцисюэ лилунь тиси цзицинъ : [Собрание теоретических систем политической экономии социализма]. Ханчжоу, 1986.

318. Шэхуэйчжуи чуци цзедуань шанпин цзинцилунь : [Товарная экономика начального этапа социализма]. Пекин, 1989.

319. Ю Линь. Лунь шэнчан цзыляо шэхуэйчжуи гуночжи : [О социалистической общественной собственности на средства производства]. Пекин, 1986.

320. Юй Гуанъюань. Лунь вогоды цзинци тичжи гайгэ : [О реформе экономической системы нашей страны]. Чанша, 1985.

321. Юй Гуанъюань. Таньтань шэхуэйчжуи гуночжи хэ аньлао фэньпэй вэньти : [О проблемах социалистической общественной собственности и распределении по труду]. Пекин, 1979.

322. Юй Гуанъюань. Цзинци шэхуэй фачжань чжаньлюэ : [Стратегия экономического и социального развития]. Пекин, 1984.

323. Юй Гуанъюань (ред.) Чжунго лилунь цзинци сюэши. 1949—1989 : [История экономических учений Китая. 1949—1989]. Хэнань, 1996.

324. Юй Гуанъюань. Чжунго шэхуэйчжуи чуци цзедуань ды цзинци : [Экономика начальной стадии социализма в Китае]. Пекин, 1988.

325. Юй Гуанъюань. Цзай жэньши шидай кэти : [Вновь познать проблемы эпохи]. Хэнань, 1988.

326. Юй Гуанъюань. Гоминь цзинци цзунхэ пинхэн ды лилунь хэ фанфалунь вэньти : [Вопросы теории и методологии комплексного балансирования народного хозяйства]. Пекин, 1984.

327. Ян Цзяньбай, Ли Сюэцзэн. Дандай Чжунго цзинци : [Современная экономика Китая]. Пекин, 1988.

Периодические издания

328. Альтернативы.

329. Белорусский экономический журнал.

330. Вопросы новой экономики.
331. Вопросы экономики.
332. Вопросы экономики переходного периода.
333. Время новостей.
334. Мир перемен.
335. Мировая экономика и международные отношения.
336. Общественные науки и современный мир.
337. Общество и экономика.
338. Портфельный инвестор.
339. Проблемы Дальнего Востока.
340. Российский экономический журнал.
341. Свободная мысль.
342. Экономическое возрождение России.
343. Экономическая наука современной России.
344. Экономические науки.
345. Информационный бюллетень Агентства Синьхуа.
346. Бэйцзин ваньбао.
347. Бэйцзин дасюэ сюэбао.
348. Бэйцзин жибао.
349. Бэйцзин шифань дасюэ сюэбао.
350. Гайгэ.
351. Гуандун шэхуэй кэсюэ.
352. Гуанмин жибао.
353. Гунжэнь жибао.
354. Жэньминь жибао.
355. Лилунь синьсибао.
356. Наньцзин дасюэ сюэбао.
357. Наньфан цзинци.
358. Нунминь жибао.
359. Синь цзинци.
360. Синь цзяньшэ.
361. Синьхуа жибао.
362. Сюэси.
363. Сюэси юй пипань.
364. Тоуцэы яньцзю.
365. Хунци.
366. Цайцзин.

367. Цайчжун жибао.
368. Цзефан цзюнь бао.
369. Цзинцзи даобао.
370. Цзинцзи жибао.
371. Цзинцзи кэсюэ.
372. Цзинцзи лилунь дунтай.
373. Цзинцзи сюэ дунтай.
374. Цзинцзи сюэ чжоубао.
375. Цзинцзи яньцзю.
376. Цзинцзи яньцзю цзыляо.
377. Цзихуа цзинцзи.
378. Цюши.
379. Цюши сюэкань.
380. Чжунго гунъе цзинцзи яньцзю.
381. Чжунго цзинцзи вэньти.
382. Чжунго цинняньбао.
383. Чжунго шэхуэй кэсюэ.
384. Чжуншань дасюэ сюэбао.
385. Шаньси дасюэ сюэбао.
386. Шицзе цзинцзи вэньхуэй.
387. Шицзе цзинцзи даобао.
388. Шэхуэй.
389. Beijing Review.
390. China Daily.
391. China Reform.
392. China Economic Review.
393. Far Eastern Economic Review.
394. Society.
395. The China Quarterly.

Summary

In the last quarter of the XX century world after realizing that the competition with capitalism for development of the productive forces has been lost the socialist, channeled its efforts towards establishing market relations which were never before regarded as part of socialism. This was viewed as a single possible way to create the real material basis for providing social support to the working people.

The market reform experience of countries with a long history of centralized administrative-distributive system of economic management demonstrated the advantages of the step-by-step over the revolutionary shock approach to the process of «entering the market». In this regard the most characteristic is the experience of market reforms in China for the last 30 years.

The first result of the socio-economic development of China during the reform years was the realization in 1995 of strategic goal of quadrupling of GNP comparing to 1980 as well as achievement in general of the level of «modest prosperity» of people by increasing considerably its real income.

In 2002 at the XVI congress of the CPC was declared that with the transition of humankind into the XXI century China «entered the new period of its development — the period of comprehensive construction of middle-prosperous society and accelerated advancement of socialist modernization». The basis for such a statement was given as follows: «the life of people has undergone an impetuous historical transition from the supplying of food and clothes to the general middle-prosperous level». The reform period was characterized as «the period of enormous rise of the aggregate might of the country, which gave the people the most benefits», as «the period of prolonged social stability and solidarity», as well as the period of unprecedented rise of national cohesion».

What specific features of the Chinese reform (as opposed to the Russian reform) can explain its success?

First. The PRC did not spend too much energy on criticism and destruction of the achievements of the past, but instead concentrated on the creation of the new achievements.

Second. The Chinese reform from the beginning addressed the needs of the people. The main goal of the new economic entities was providing the people with food and consumer goods. This ensured wide popular support for the reform from the early stages.

Third. The leaders of the country did not use any foreign recipes to implement the reform, but after a careful study of domestic and foreign experience came to the conclusion that they must proceed from the understanding of the country's specifics and firmly adopted the path of constructing the «Socialism with Chinese specifics». The latter demanded taking into consideration such basic starting factor as enormous population with extremely limited resources of the country.

Fourth. The PRC did not know the epidemic liberalization, but instead had adopted as main method the step-by-step approved by experiment movement towards market by way of transition from less to greater, from particular to general, gradual but steady expansion of the scope and the depth of the reform. This method was named here «to cross the river feeling the stones».

Fifth. The creation of market subjects was done in the PRC not by way of disintegration of the existing government structures but mainly by filling the available gaps thus the reform from the beginning was working on reduction of the deficiencies in the economy. To this end not only the inner reserves were mobilized, but also the foreign capitals were actively engaged.

Sixth. While stimulating the economic initiative on micro level the Chinese leadership did not lose its grip on macro control, and in the periods of dangerous imbalances of the economy took additional measures to strengthen it.

Seventh. The practice of the first reforms years made obvious that the most natural way towards market economy lies through the development of different in form and type of property enterprises (i.e. collective, individual, private, joint, Chinese-foreign etc.). It played its role not only in ensuring rapid growth of market subjects, but changed the

economic structure of the forms of property, corrected the investment and production structure to get closer to the real demands of the people.

For over 30 years China realized by soft means the entrance into market of the XXI century without considerable social losses, similar to other countries: there was neither overall «head over heels» liberalization of the economy and shock prices increases, nor hyperinflation nor catastrophic erosion of the financial position, nor total disintegration of the social safety factors. As the result the PRC became one of the few countries in which the social cost for the market economy reforms namely — property differentiation, not fully guaranteed employment, substitution of formerly free social services by a system of partial engagement of the state, enterprises and citizens in bearing education, healthcare, housing and other costs — turned out to be adequate for the populace whose qualitative parameters of life gradually but steadily improved throughout all the reform years.

The leading Chinese scholars basing on the experience of reforms repeatedly stress out that in the theoretical recommendations and in practice as well it is necessary to follow the real conditions and specific of the country. Constant taking into consideration these recommendations in reform practice led to the creation in China by the beginning of the XXI century a more or less complete concept of «Socialism with Chinese specific».

The specific of the Chinese Socialism is formed by the demands of real life and was taken as basis for the reforms by the leaders of the country who are interested not only in preservation of the most populous nation of the world which lacks natural resources but in gradual improvement of its life. To this end the PRC through the reform years has undergone rather drastic deviation from traditional norms of Socialism towards allowing for the sake of development of productive forces and improvement on this basis the life of people not only individual but also private enterprises, the distribution on only according to labor but also according to capital, formation of the market economy on the macro-level.

In process of economic reforms in China the thinking in categories of class antagonism was put aside in favor of extremely gradual but very open and legal process of formation within the socialist state a kind of macro-regulated market economy and pluralistic property and distri-

bution structure providing it with practically unlimited timeframe for realization.

In reality the socio-economic formation which is now called «socialism with Chinese specifics» is «mixed economy» convergent by nature, in which the levels of development of productive forces are extremely diverse, while enterprises, different in shape and type of property, as well as corresponding relations in production and distribution of material goods fairly successfully co-exist together. In this formation the realization of the concept of «threefold representation» allowed to broaden the «social base» of the leadership of the country and bring the political superstructure into relative conformity with its «multicolor» basis. Most importantly this formation is characterized by «social control over production».

Оглавление

Предисловие	3
Введение	6
Глава 1. СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО	13
1.1. Экономическая политика	13
1.2. Экономическая наука	24
Глава 2. НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАРТ	31
Глава 3. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА «ПРАКТИКА — КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ»	43
Глава 4. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПУТИ, УЧИТЫВАЮЩЕГО НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЯ	63
Глава 5. РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ КАК ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ПРОГРЕССА НА НОВОМ ПУТИ	77
5.1. Новый подход к соотношению «производительные силы — производственные отношения»	77
5.2. Поддержание баланса экономических и социальных интересов	104
Глава 6. РЕФОРМА ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ	123
6.1. Развитие многоукладной структуры собственности	123
6.2. Акционирование как один из важнейших путей преобразования государственной собственности	166
6.3. Социальная трансформация китайского общества	201

Глава 7. НА ПУТИ СОЗДАНИЯ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ»	217
Глава 8. ПРОВЕДЕНИЕ ПОЛИТИКИ «ОТКРЫТОСТИ ВНЕШНЕМУ МИРУ»	264
Глава 9. РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ «НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ СОЦИАЛИЗМА»	304
Заключение	319
Источники и литература	326
Summary	346

Пивоварова Элеонора Петровна
Социализм с китайской спецификой

Научное издание

Редактор *И.В. Ушаков*
Корректор *О.В. Мехоношина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Техническое редактирование *Е.В. Белилиной*
Художник *Т.В. Иваншина*

Подписано в печать 12.06.2011.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 22,7. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ №

ЛР № 071629 от 20.04.98
Издательский Дом «ФОРУМ»
101990, Москва — Центр, Колпачный пер., д. 9а
Тел./факс: (495) 625-39-27
E-mail: forum-books@mail.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в
Тел.: (495) 363-42-60
Факс: (495) 363-92-12
E-mail: books@infra-m.ru